

ОРДЕ АГЕБУАДЗЕ

**ЧЕТЫРЕ
ЖИЗНИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
«З А Р Я В О С Т О К А»**

Орде Дзесуадзе

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

*Из записок
следователя*

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО
МАЛИКО МРЕВЛИШВИЛИ

Издательство Союза писателей Грузии
< ЗАРЯ ВОСТОКА >
Тбилиси 1962

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ
ЖЕНЩИНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было около шести часов утра, когда я начал осмотр квартиры. На пыльном подоконнике был заметен отпечаток всех пальцев правой руки. На свеженатертом паркете—след четырех пар мужской обуви на резиновой подошве, причем одна пара была по размеру намного меньше трех остальных.

Снаружи у водосточной трубы на стене осталась вмятина от колена.

От тротуара до вмятины было небольшое расстояние.

Воры, как видно, взобрались по водосточной трубе и перелезли в комнату через открытое окно.

— Предутренний сон очень сладок, — сказал мне пострадавший Лолуа, — но я все же почувствовал, как на лицо мне накинута легкую ткань. Я открыл было глаза и достал из-под одеяла руку, но кто-то крикнул мне: «Не двигаться, а то прикончу на месте!» Под мочкой уха я почувствовал прикосновение чего-то холодного и понял, что это дуло револьвера. Пока воры не ушли, я не двигался.

— Вы не слышали разговора?

— Как же! Кроме того мужчины, который сторожил меня с револьвером, переговаривались еще двое, по-русски. Мне показалось, что один из голосов был женский, но обладатель его старался говорить басом. А может, это был подросток, кто его знает!

Небольшое расстояние между тротуаром и вмятиной на стене свидетельствовало о сравнительно короткой ноге; очевидно, и след меньшей по размеру обуви соответствовал этой ноге.

Сопоставив эти данные с показанием Лолуа, я заключил, что среди злоумышленников был подросток.

«Ткань», которой прикрыли лицо Лолуа во время грабежа, валялась тут же на полу. Забыли ее впопыхах или же оставили на лице с тем, чтобы Лолуа их не увидел? Это был коричневый шелковый платок с вышитыми в углу грузинскими инициалами «Г» и «К».

Я осторожно вырезал из подоконника кусок с отпечатком руки и взял с собой в отделение.

В регистрационном бюро я выяснил, что это отпечаток руки чекоего Александра Валова.

Этот Валов еще в 1926 году был арестован за ограбление квартиры и выслан на три года.

Оперативному работнику я поручил выяснить, с кем был связан Валов в 1926 году.

На следующий день ограбили квартиру на улице Чавчавадзе. Все произошло так же, как и накануне, с той только разницей, что на этот раз злоумышленники не оставили никаких вещественных улик.

Первый случай убедил меня в том, что это не банда мелких воришек, а вооруженные грабители.

Вечером мне доставили сведения о Валове. Мои подозрения оправдались.

Беспризорного десятилетнего Валова привез в Тбилиси в 1915 году бывший полицейский, некий Шостк. У Шостка в те времена в Надзаладеви¹ был свой трактирчик, который служил убежищем для уголовного сброда.

После установления Советской власти Шостк был лишен возможности открыто держать свой трактир, но привычка к легкой наживе была так сильна, что он не мог отказаться от своего ремесла и широко открыл двери собственного дома вора́м и мошенникам всех мастей. Выросший в руках такого отца, Александр Валов сам стал вору́м и в двадцать лет уже имел регистрацию.

В личной регистрационной карточке Валова были обозначены две приметы, которые облегчали его опознавание: на тыльной стороне левой руки были вытатуированы инициалы «С.» и «В.», что означало Саша Валов, а на правой щеке от виска до нижней челюсти шел глубокий рубец — след от удара ножом.

Я ознакомился с материалом, поручил своему помощнику следить за квартирой Шостка и при появлении человека с приметам Валова немедленно сообщить мне.

Третья ночь прошла без происшествий — бандиты, видимо, отдыхали, утомленные «работой» в продолжение двух ночей подряд. На четвертую ночь можно было ожидать очередного налета.

В 10 часов утра помощник сообщил мне по телефону, что Валов пришел на квартиру Шостка.

— Он один?

— Нет, с ним мальчик лет пятнадцати-шестнадцати.

— Где они сейчас?

¹ Надзаладеви — один из окраинных районов города Тбилиси, в старое время именовавшийся Нахаловкой.

— В закусочной напротив клуба Плеханова. Если разрешите, я могу их «взять» без особого труда.

— Нет, не стоит. Слугнем остальных. Следите за Валовым. Если не днем, то ночью он непременно встретится со своими людьми.

Вечером помощник позвонил снова и сообщил, что Валов с юношей вышли от Шостка и пошли на рынок. Оттуда, нагруженные продуктами, они вернулись опять на квартиру Шостка, а около восьми часов вечера вновь ушли от Шостка и направились на улицу Челюскинцев. У Управления Закавказской дороги их встретил молодой блондин.

— Одеты они в черные брюки и рубашки, на ногах спортивной обуви на резине, — говорил мне помощник, — теперь они идут по Плехановскому проспекту в сторону улицы Жореса.

— Идут на «дело». Следуйте за ними, должны появиться еще двое, — ответил я.

Двое. Ну, конечно же, двое еще должны подойти. Если четверо «работают» в квартире, то пятый должен сторожить на улице.

Оперативному уполномоченному я приказал держать наготове людей для ожидаемой операции.

Через некоторое время помощник позвонил опять: трое вернулись назад и идут теперь к вокзалу.

— Если они разойдутся, узнайте непременно адрес «блондина». За Валовым следите в оба! — приказал я.

В полночь помощник сообщил, что «блондина» арестовала на вокзале железнодорожная милиция — он полез в чей-то карман.

Я тотчас же связался с железнодорожниками и попросил их в закрытой машине препроводить ко мне «блондина».

Минут через двадцать он уже сидел у меня.

— Я житель города Киева, по фамилии Варламов, — сообщил он, — мои родители работали на почте, в 1941 году они погибли во время бомбежки города. Остался я сиротой. После изгнания фашистов из города я подался на юг. В Тбилиси приехал сегодня. Денег — ни гроша! Ну и решился — полез в чей-то карман и вытащил часы. Никого у меня нет, и вы меня очень обяжете, если устроите на работу и обеспечите жильем.

— Сколько вам лет?

— Четырнадцать.

— Почему же вы до сих пор не обратились за помощью в надлежащие органы? Разве вам неизвестно, что таких бездомных, как вы, да еще детей, оставшихся сиротами во время войны, мы разыскиваем? — спросил я Варламова.

— Зачем? — спросил он с таким видом, будто впервые слышит об этом.

— Затем, чтобы оказать им помощь, воспитать и сделать их полезными для общества людьми.

— Ах да, я слышал что-то в этом роде, но старался сам стать на ноги.

По виду можно было подумать, что Варламов очень сожалеет о случившемся и о своем положении вообще.

Я притворился, что поверил объяснениям Варламова, обещал через два-три дня выпустить его на свободу и отправил в камеру.

К концу следующего дня дежурный комендант принес мне письмо, написанное на папиросной бумаге, которое Варламов пытался переслать через одного из освобожденных.

Оставшись один, я достал увеличительное стекло и стал читать письмо:

«Алло! Расставшись с вами, я вышел на воспитателя. Приплыла река. Наткнулся на неуклюжую рыбу. С виска снял рыжую мельницу и ушел. На пятаке воспитателя меня заметил Мелитон и прицелился. Теперь я в мелодии. Среди нас кто-то влево чешется. Мне кажется, что в мелодию дует Каин. Зафугасьте. Потушите Фомича, свирель, маслину и молодцов. На чердаке у меня нашли лишь ручку. Меня считают букашкой». В переводе на наш язык это означало:

«Александр! Расставшись с вами, я пошел на вокзал. Прибыл поезд. Наткнулся на мужчину с драгоценностью. Из маленького карманчика брюк вытащил у него золотые часы и ушел. На привокзальной площади меня заметил милиционер и схватил. Сажу сейчас в милицию. Среди нас есть предатель. Думаю, что сведения милиции дает наш хозяин. Убейте. Отмычку, револьвер, пули и набор ключей спрячьте. В верхнем кармане сорочки у меня нашли лезвие. Меня принимают за мелкого карманщика».

Это письмо, написанное на воровском жаргоне, свидетельствовало о том, что Варламов — активный член группы Валола. Кроме того, ясно было и то, что группа эта занимается не только воровством, она способна и на убийство. Доказательством тому — упомянутые в письме слова «свирель» — револьвер, «маслины» — пули и т. д. Грабеж со взломом, видимо, привычное дело для группы. Под Каином, очевидно, подразумевался Шостк. Варламов не доверял ему, считал предателем. Судя по письму, Варламова арестовали не в тот момент, когда он тащил часы из кармана, а уже на площади, т. е. тогда, когда он благополучно ушел с вокзала, поэтому он считал, что его арестовали по доносу, и почему-то подозревал Шостку.

Убийство тоже, видимо, привычное дело для группы, — в письме очень просто предлагалось убить Каина.

Я долго размышлял, — группа по всем данным опасная.

Утомленный трудным днем, я прилег тут же на диван и хотел было вздремнуть, когда зазвонил телефон. Помощник сообщал:

— Валов с юношей покинули квартиру Шостка. Затем на Боржомской улице они вошли в один двор и вышли оттуда в сопровождении мужчины средних лет с коротко подстриженной бородой. Эта тройка прошла по улице Челюскинцев, вышла на улицу Ленина и там возле памятника Руставели остановилась и долго стояла. Затем все трое направились по проспекту Руставели. Тут с ними встретился какой-то военный с левой рукой на перевязи, с орденами — смуглый, симпатичный молодой человек. «Юноша» бросился на шею военному и долго его целовал. При прощании военный сказал «юноше», чтобы тот повидал его вечером в гостинице «Тбилиси».

— Продолжайте наблюдение. Личность военного я выясню сам.

Скоро я получил нужные сведения насчет «военного»: восемнадцатилетний Дмитрий Вардосанидзе три дня тому назад выписался из госпиталя, где он пролежал четыре месяца после тяжелого ранения.

Далеко за полночь мне сообщили: тройка — Валов, «юноша» и «бородач» — направились в три часа ночи к горе Мтацминда.

Я догадался, что это прелюдия к «делу». Ночь они проведут на горе, а в предрассветный час спустятся в город искать открытые окна. А где же пятый? В квартиру Лолуа влезли четыре человека, не могло быть сомнений, что пятый оставался сторожить на улице. Теперь же один из них задержан, трое направились к горе, а где же пятый? «Возможно, что он присоединится к ним позже в условленном месте», — подумал я. В три часа ночи в сопровождении четырех работников я отправился к подножию Мтацминда и засел там в скверике. С помощником я установил живую связь.

Валов и его товарищи спустились с горы, вышли на Судебную улицу, нашли открытое окно квартиры и стали «примериваться». Валов и «юноша» залезли в окно, «бородач» остался сторожить на улице.

Когда мне доставили эти сведения, я понял, что ошибся — пятого в группе не было и во время ограбления квартиры Лолуа на улице никто не сторожил. Это было очень рискованно для них, но факт налицо — ждать появления пятого соучастника не приходилось, и я вместе с сопровождающими меня незамедлительно отправился в указанное место, чтобы «взять» злоумышленников. Я и мой помощник были в костюмах, без формы. Мы прикинулись пьяными и, горланя и спотыкаясь, пошли прямо на «бородача». Мой помощник держал

во рту папиросу. Он попросил у «бородача» прикурить. Тот полез в карман, достал спички, зажег. Я воспользовался тем, что обе руки его были заняты, приставил к груди револьвер и шепотом приказал молчать. «Бородач» испугался, от неожиданности растерялся. Мы завели его за угол, уложили на землю и вытащили у него из кармана револьвер. Помощника я оставил с ним, а сам побежал к открытому окну. По моему знаку подбежали остальные. Мы засели под окном за воротами.

Из окна выбросили один узел, второй, третий. Мы тащили узлы в укрытие, в темный угол.

Первым выпрыгнул «юноша».

— Артем! — позвал он.

Очевидно, это было имя «бородача».

— Сюда! — шепотом откликнулся я.

Когда он подошел близко, я схватил его за горло, чтоб он не успел крикнуть. Ему завязали руки. Вот и Валов прыгнул, но не успел он приземлиться, как я налетел на него и свалил. Он упал плашмя...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Теперь уже все четыре грабителя были в моих руках. «Ну, а Вардосанидзе? — думал я, возвращаясь с места происшествия в отделение. — Кто он такой, что общего у него с этими бандитами? — Этот вопрос не давал мне покоя. — Возможно, что он просто знакомый или школьный товарищ. Ведь он попросил «юношу» прийти к нему в гостиницу? А тот не пошел. Нет, у Вардосанидзе не может быть ничего общего с этой группой. Но... он, как видно, близко знаком с «юношей» и может знать многое о его прошлом, вообще может многое рассказать...»

Я решил вызвать Вардосанидзе.

На другой день я вышел на работу поздно. У дверей моего кабинета стоял незнакомый мне молодой человек.

Широкую грудь украшал орден Красной Звезды. Левая рука была на перевязи.

«Кажется, Вардосанидзе, — промелькнуло у меня в голове, — но кто же мог его вызвать без моего ведома?»

— Вы кого-нибудь ждете? — обратился я к нему.

— Я жду начальника отделения, — ответил он.

— Вас вызвали?

— Нет. Я пришел по делу. Он очень опоздает?

— Это я. Прошу! — Я открыл дверь и прошел в кабинет.

Он вошел в комнату, смущенно протянул мне руку и представился:

— Вардосанидзе, Дмитрий Иосифович... фронтовик...

— Очень рад познакомиться со столь достойным человеком, — сказал я, кивнув на орден на его груди. — Чем могу служить?

— Я собирался сегодня ехать в деревню, чтобы провести там остаток своего отпуска, но неожиданно встретил одного человека, судьба которого меня все эти годы очень беспокоила, и теперь мысль о нем камнем лежит у меня на сердце. — Молодой человек замолчал, нервно забарабанил по столу пальцами.

Я почувствовал, что дело касается арестованного «юноши», — по-видимому, он был предметом заботы Вардосанидзе, — но для меня было непостижимо: каким образом арест группы так молниеносно стал известен?

— Кого вы встретили? И чем я могу помочь?

— Очень многим. Я пришел к вам потому, что надеюсь именно на вас. Я прошу помочь моему другу детства, который пошел по неверному пути. Надо его спасти.

— Ну, что ж! Как вам известно, это входит в мои обязанности.

— Тот, о ком я прошу, — друг моего детства. Он... — Вардосанидзе, заметно волнуясь, расстегнул воротник и продолжал после минутного молчания: — Мое обращение к вам некоторые товарищи могут расценить как донос, но..

— Донос?! — прервал я смущенного молодого человека, встал и пересел в кресло напротив, чтобы удобнее было смотреть ему в глаза. — Мой дорогой, это учреждение вовсе не служит каким-либо частным интересам узкого круга людей. Оно стоит на страже народного добра и жизни человека. Мы ничего не добьемся одни, если вы все не поможете нам...

— Я понимаю... Правильно... Но это так... между прочим... — Вардосанидзе улыбнулся, смущенно провел рукой по волосам, потом вдруг решительно поднял голову и твердо посмотрел мне в глаза: — Я пришел поговорить с вами о некоем Гиге Хотивари.

— Я вас слушаю, — сказал я и подумал про себя: «Как это удачно, что он пришел сам и не пришлось его вызывать. Он может рассказать много такого, что поможет нам в деле».

— Бандиты затащили Гигу в свою среду... Я и Гига хлебнули столько горя в руках фашистов, что не приходится удивляться, что его прибрали к рукам первые попавшиеся мошенники.

— А вы пот избрали совсем другой путь! — заметил я.

— Представьте себе, что то же самое могло случиться и со мной, если бы я остался у фашистов. Но я спасся чудом. Каким-то чудом мне удалось сбежать, и я попал к партизанам. А Гига после долгих мытарств, голый, босой и голодный

тоже сбежал из лагеря и в поисках куска хлеба пристал к шайке, а потом уже втянулся в это дело. — Вардосанидзе замолчал, задумался и вновь заговорил: — Я и Гига вместе росли на Украине. Мать моя — украинка. Отец, агроном по специальности, учился в Киеве, там женился и поселился на родине матери в деревне Возвышенское. Мать учительствовала, отец работал агрономом. Мать Гиги, врач, Мери Хотивари, жила по соседству с нами. Мери любили и уважали не только в нашем селе, но и во всем районе. Она была хорошим врачом и добрым, отзывчивым человеком, готовым в любую минуту помочь в беде. Уходя на работу, Мери всегда оставляла своего сынишку у нас. Наши любили мальчика, как родного. И Гига, понятно, чувствовал себя у нас, как у себя дома.

— Где же теперь Гига? — спросил я с нетерпением.

— Здесь он, в Тбилиси, — ответил Вардосанидзе, — потому-то я вас и побеспокоил — хочу, чтобы вы вовремя взяли за него.

— Когда вы видели его?

— Вчера. Встретил на улице. Вечером он обещал зайти ко мне, но подвел. Видно, старые товарищи перестали его интересоваться...

— Как же вы его найдете, если он сторонится вас? — спросил я, убедившись, что Вардосанидзе и не подозревает об аресте Гиги и пришел ко мне, искренне желая спасти друга.

Я был горд сознанием своей силы, как хирург, к которому обращаются с просьбой спасти тяжелобольного, беспредельно доверяя мастерству и силе его опытной руки. Ведь душа человека куда нежнее, а этот юноша с умными, доверчивыми глазами просил меня вылечить душу друга.

— Я разыщу его, непременно разыщу! Я приблизительно знаю, где его искать, — ответил Вардосанидзе, — возможно, что он сам придет ко мне сегодня.

— Почему вы так думаете?

— У меня дневник его матери, который я должен ему передать.

— Дневник? А где теперь мать Гиги?

— Где она теперь, я не знаю. Одно время, до моего ранения, я и Мери вместе партизанили. Я вам говорил, что после бегства из лагеря я попал к партизанам. После меня туда же пришла Мери, которая тоже сбежала от фашистов. Я был тяжело ранен, и меня самолетом переправили за линию фронта, на лечение. Вот тогда-то Мери и дала мне свой дневник. «Кто знает, что со мной случится в бою, — сказала она, — может, погибну и не увижу больше сына. Передай ему этот дневник, если встретишь его когда-нибудь».

В дверях показался оперуполномоченный, я подал ему знак войти.

Войдя в комнату, он покосился на Вардосанидзе и попросил разрешения зайти для доклада попозже.

— Ничего, ничего, говорите. Этот молодой человек тоже заинтересован этим делом, — я встал, подошел к письменному столу, с улыбкой поглядывая на Вардосанидзе, который сразу насторожился.

— Согласно вашему заданию, — начал уполномоченный, — я допросил всех трех: обвиняемый Валов признает себя виновным только в ограблении квартиры Месхи на Судебной улице.

— Еще бы! Мы его схватили на самом месте преступления! — воскликнул я.

— Что же касается Хотивари... — Вардосанидзе вздрогнул, услышав эту фамилию, и изумленно посмотрел сначала на меня, а потом на говорящего. Я незаметно улыбнулся и подсел к столу.

— Этот все отрицает, — продолжал уполномоченный, — я его допрашивал и утром, и сейчас. Говорит, что шел по улице и задержан по ошибке, случайно. «В квартире Месхи не был и выпрыгнуть из окна не мог...»

— Насчет Валова и Айдинова что он говорит?

— Говорит, что никогда в жизни их не видел.

Уполномоченный засмеялся, Вардосанидзе, не вытерпев, воскликнул:

— Хотивари... Это случайно не Гига?

— Да, Гига, дорогой мой! Он у нас. Хотивари я допрошу вечером... часам к пяти. Имейте при себе шелковый платочек, найденный на квартире Лолуа, и держите наготове ишейку Молнию, — распорядился я.

Уполномоченный вышел из комнаты.

— Вы рассказывали мне о Гиге, — обратился я к Вардосанидзе, — может быть, продолжим?

— Как я вам уже говорил, я и Гига вместе росли, вместе ходили в школу. Гига учился отлично. Он поражал своими способностями и умом, участвовал во всех кружках и везде был первым. Таким он был, пока мы жили мирно и спокойно.

В ту страшную, памятную ночь, когда фашисты напали на нашу страну, я ночевал у Гиги.

На рассвете нас разбудил страшный грохот. Мы выскочили на улицу. Село пылало, его окутывал едкий дым. Обезумевшие люди беспорядочно метались. Крики женщин и детей, мычание коров, ржание лошадей, протяжный вой собак смешивались с гудением самолетов и грохотом разрывающихся снарядов. Хаты были объаты пламенем, и головешки, как кометы, оставляли за собой огненные хвосты.

Гига, Мери и я лежали во рву. Два часа продолжался этот ужас. Наконец вражеские самолеты ушли, и мы вылезли из рва. Кое-где огонь пожарищ продолжал пылать, местами он потух, черный дым закрывал чуть ли не все небо.

Я бросился бежать домой: ни дома, ни родных.

Никогда мне не забыть слов Мери, когда она подняла меня, плачущего, с земли, у пепелища моего родного дома, и прижала к груди: «Теперь я твоя мать, уйдем отсюда, надо спастись».

Все село устремилось в лес. Мери взяла из дому только одежду, медицинские инструменты, медикаменты, и мы тоже ушли в лес.

В глубине лесной чащи, километрах в двадцати от Возвышенского, стояла хижина моего деда, отца матери. Дедушка Иван растил колхозных породистых свиней, а в личном его владении было около сорока пчелиных ульев.

Мы решили спрятаться у деда Ивана.

Было около восьми часов утра. Мы подходили к лесу. Вдруг в небе появился вражеский самолет. Летчик увидел нас и открыл пулеметный огонь, преграждая нам дорогу.

Мы прижались к земле. Самолет стал кружить вокруг нас. Как только прекращалась стрельба, мы вскакивали и бежали к лесу. Так мы продвинулись шагов на двадцать, когда послышался вой бомбы. Мы опять кинулись наземь. Мери успела прикрыть меня и Гигу. Бомба разорвалась где-то неподалеку. Самолет взял курс на юг. Мери с трудом приподнялась. Лицо ее было искажено от боли. Осколок попал ей в правую ногу, и из раны обильно текла кровь.

Издали, с окраины села, доносился грохот взрывов. Мы кое-как добрались до леса. Мери села под деревом и забинтовала рану. Я и Гига подставили ей плечи, и мы медленным шагом двинулись в путь.

К вечеру мы подошли к дому деда. Мери предупредила нас, чтобы мы не говорили ему о гибели моих родителей. Старик, совершенно растерявшийся от неожиданной беды, неслыханно обрадовался нам. На его вопрос о дочери и зяте Мери ответила, что они накануне уехали в Киев...

Мери пролежала целый месяц.

Дед, несмотря на свои шестьдесят лет, чувствовал себя довольно бодро, иногда он выходил из лесу, обходил окрестные деревни и приносил новости.

Рана зажила, но Мери стала заметно прихрамывать на правую ногу.

...Однажды к нам в хижину явилось несколько вооруженных людей. Переговорив о чем-то с дедом и Мери, они ушли. С тех пор и дед и Мери по очереди уходили из дому и пропадали на целые сутки. Хотя нас с Гигой в тайну не посвятили,

мы сразу догадались, что дед и Мери связались с партизанами.

В один из сентябрьских дней, когда дедушка Иван ушел из дому, в лесу поднялась стрельба. Мери спрятала нас в яме, объяснив, что это, должно быть, немецкие части наткнулись в лесу на партизан. Стрельба постепенно приближалась, мы уже начали различать слова, произносимые на русском и немецком языках. Перед домиком пробежала группа партизан и следом за ней еще несколько человек. Иногда они оставались, отстреливались и бежали дальше.

Через некоторое время появились и немцы. Они бежали, не переставая стрелять из автоматов. Стрельба все удалялась от нас и наконец затихла. Мы вылезли из ямы и первым делом побежали осматривать свинарник и улья.

Все было в порядке.

Когда мы возвращались обратно, нам послышались около хижины чьи-то стоны. Мери с топором в руках пошла вокруг дома. Под дубом она увидела раненого молодого фашистского офицера. Иссиня-бледное лицо его было покрыто испариной, глаза закрыты. Рядом с его безжизненно откинутой правой рукой валялся револьвер.

Мери сначала с отвращением посмотрела на раненого, потом, оглядевшись по сторонам, позвала меня и Гигу.

Мы подошли затаив дыхание и уставились на раненого немца. После минутного молчания Мери вдруг положила топор на землю и сказала:

— Помогите мне отнести раненого в дом, ну, побыстрее!

— Тетя Мери! Это же наш враг, немец! — возразил я.

— Он больной, — ответила она, устроявая раненого на своей койке...

На моем письменном столе зазвонил телефон. Меня вызвал начальник.

Я быстро встал и обратился к Вардосанидзе:

— Извините, мне надо идти. Отложим на завтра продолжение вашего рассказа.

— Пожалуйста!

— Надеюсь, вы не забудете захватить с собой дневник матери Гиги.

— Не забуду! Завтра обязательно принесу вам дневник!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К пяти часам вечера из разных камер в зал ввели до десяти заключенных, среди которых были Валов, Варламов, Шостк, Хотивари и «бородач» — Айдинов. Когда я вошел, сидящие на скамье вдоль стены заключенные встали.

Хотивари, сделав вид, что не замечает меня, с усмешкой повернулся к стене и принялся свистеть.

Не обращая на это внимания, я предложил арестованным сесть и направился к ожидающей в углу комнаты собаке.

Предупрежденные заранее заключенные молча сидели на местах и смотрели на собаку, одни с любопытством, другие со страхом или просто с ожиданием.

Оперуполномоченный принес мне шелковый платочек, найденный нами на квартире Лолау.

— Прежде чем это умное животное покажет нам хозяина, может быть, кто-нибудь из вас сам признается, кому принадлежит этот платочек?

Я развернул платок. Все молчали. Хотивари перестал свистеть и стал смотреть на происходящее, как бы в ожидании забавного развлечения.

Я подал знак приступить к работе.

Оперуполномоченный сел за стол и приготовился писать протокол. Собака быстро оббежала всех заключенных и остановилась, открыв пасть и высунув язык, точно задумалась над чем-то. Потом вновь принялась к лежавшему на полу платку, снова пробежала по кругу и внезапно остановилась перед Хотивари. Обнюхала его до пояса, взяла в зубы платок и положила его на колени заключенного. Тот вздрогнул.

Оперуполномоченный записал в протокол фамилию заключенного, в котором ищейка опознала хозяина платка.

Вечером в присутствии оперуполномоченного я начал допрос заключенных.

Первым был вызван Михаил Шостк.

Вначале он было старался притвориться невинным, но, убедившись в том, что мы отлично знаем его прошлое, рассказал о «группе» и о других злоумышленниках все, что знал, все, что слышал, и попросил записать показания в протокол допроса.

— Я глубоко убежден в том, что советское правосудие примет во внимание мое откровенное признание и, как старому уже человеку, разрешит провести на свободе последние дни, — сказал он в заключение.

Морщинистое, желтое лицо скопца, словно опаленные брови и ресницы, рот с ржавыми зубами, узкий лоб, торчащие, как щетина, грубые волосы — весь его облик вызывал отвращение.

И, несмотря на то, что в науке об уголовных преступлениях я совершенно не признаю антропологической школы, глядя на Шостку, я невольно задумался о психофизиологической природе человека.

— У меня одна просьба к вам, может быть, поможете, — шепотом обратился ко мне Шостк, когда за ним пришли.

— О чем?

— Мой организм привык к наркозу, я просто с ума схожу без морфия... — рыбы глаза его заморгали, он облизнул губы и замер.

— По этому поводу надо обратиться к тюремному врачу, ответил я и отослал его в камеру...

Варламов признался, что участвовал в ограблении квартиры Лолуа, как только прочел расшифровку своей записки, написанной на воровском жаргоне, и показание Шостка.

— Как вы попали в эту среду? — спросил я.

— На это я вам не могу ответить, пока не даст своего показания Хотивари. Я связан с ним с самого начала и не знаю, захочет ли он рассказать вам свою историю. Если я скажу что-нибудь неугодное Хотивари, то отвечу жизнью! — Варламов произнес эти слова с пафосом.

Его ответ вызвал у меня невольный смех, я решил не терять времени на дальнейший допрос и отправил его в камеру.

С Валовым тоже не пришлось долго возиться. Познакомившись с показаниями Шостка и Варламова, он безнадежно махнул рукой и сказал:

— Безмозглый старик и подкидыш предали меня. Что же мне еще остается делать, как не признаться во всем? Да, я главарь группы и отвечаю за все.

Валов оказался рецидивистом. Он гастролировал во многих городах, но попал в руки следственных органов только в Тбилиси.

Последние годы он орудовал на Украине. Там его и застала немецкая оккупация. Как раз к тому времени он сколотил свою «группу». Несколько дней тому назад он приехал в Тбилиси проведать своего приемного отца и «погреть руки».

— Как попали к вам несовершеннолетние Варламов и Хотивари?

— Я их подобрал на железнодорожной станции; они умирали от голода.

— И научили их своей «почетной профессии»?

— Если бы я им не помог тогда, они околели бы с голоду. Я только из жалости взвалил на плечи такую обузу, потому что чем могли быть мне полезны эти неопытные молокососы?

— Предположим. Но почему же в таком случае после ухода фашистов вы не обратились в надлежащие органы, которые должны были взять на себя заботу о детях?

— В этом я, конечно, виноват. Но мальчики так привыкли ко мне, что, пожалуй, не захотели бы со мной расстаться..

После Валова я вызвал на допрос Айдинова. Он полностью отрицал виновность, сказал, что с этой группой ничего общего не имеет и никого из них не знает.

— Я эвакуирован с Донбасса, — объяснил он, — по профессии слесарь. Три дня тому назад у меня на вокзале выгасили документы. Там я спал за неимением ночлега. Вчера ночью я случайно проходил по Судебной улице и понятия не имею, что является причиной моего ареста.

— Каким образом очутился у вас в кармане револьвер?

— Револьвер?.. Вчера вечером я нашел сумку в ожидальной комнате бани. В ней вместе с бельем лежал револьвер. Белье я продал, а с револьвером не знал как быть. Хотел было сдать его в милицию, но подумал: чего доброго, еще придерутся и арестуют.

Ни уговоры, ни доказательства не смогли сломить Айдинова, он продолжал все отрицать.

Я решил устроить очную ставку Валова и Айдинова.

— Знаете вы гражданина, который сидит напротив вас, и если знаете, то назовите его имя и фамилию, — обратился я к Валову, когда их усадили друг против друга.

— Я знаю сидящего напротив меня гражданина... Фамилия его Айдинов, имя Артем Мадатович, кличка — «Козел».

Уполномоченный записал мой вопрос и ответ Валова в протокол очной ставки.

— Разменяли тебя на гроши? — яростно крикнул Айдинов Валову.

— А тебя оставили караулить на улице, растяпа! Теперь зря стараешься, поздно уж, все равно им все известно! — ответил Валов и повернулся к нему спиной.

— Вынесите отсюда этот мешок мусора, и я вам все скажу, — в отчаянии вскричал Айдинов, повернувшись к уполномоченному.

Валова я отправил в камеру. Уполномоченному дал распоряжение допросить Айдинова и на этом закончить работу, а допрос Хотивари отложить на завтра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Личность Хотивари теперь уже представляла для меня двойной интерес. Во-первых, он был членом шайки. Шелковый платочек принадлежал ему. Длина ступни его равнялась двадцати сантиметрам, т. е. как раз тому следу маленькой ноги, который мы обнаружили в квартире Лолуа. Длина ноги до колена — совпадала с расстоянием между тротуаром и облупившейся штукатуркой на наружной стене квартиры Лолуа. А голос? Ведь Лолуа слышал голос подростка! Все го-

ворило за то, что Хотивари был на квартире Лолуа, участвовал в ограблении.

Но, кроме этого, интерес к Хотивари возник у меня благодаря Вардосанидзе. Я хотел проверить, сумею ли я узнать от самого Хотивари то, чего не договорил его друг. Словом, я хотел проверить свое умение.

И вот юноша, представлявший для меня такой интерес, сидел в моем кабинете, напротив меня, сидел, насупившись и упрямо опустив голову.

Мне принесли завтрак. Я приказал подать завтрак и для Хотивари, но он даже не взглянул на тарелку и отвернулся к стене.

— Спасибо, я не голоден. Но даже если бы я был голоден, то есть все равно бы не стал, — ответил Гига на мое предложение позавтракать со мной.

— Почему?

— Добряк нашелся, завтраком вздумал меня угощать! — Юноша криво усмехнулся и покачал головой. — Но я не так глуп, чтоб не понимать, что значат эти ваши уловки.

— Что же они значат?

— Это прием, чтоб войти ко мне в доверие и выудить у меня что-нибудь...

Я невольно засмеялся.

Мне нравились его упрямство и смелость.

«Из этого парня выйдет толк, если его волю направить на нужное дело», — подумал я, но на него взглянул строго. Он ответил вызывающим взглядом.

Светлая кожа лица, черные, как агат, глаза под густыми бровями, чуть прикрытый кудрями высокий лоб, нос с горбинкой, чуть выдвинутый вперед подбородок с еле заметной ямочкой посередине — вся его внешность подтверждала мое впечатление о его характере, отличительными чертами которого мне представлялись смелость и непреклонность. Я с удовольствием всматривался в это лицо — оно нравилось мне. И вдруг что-то знакомое, словно уже виденное мною и забытое, уловил я в этом лице: как будто я где-то когда-то видел его, когда-то, может быть, в детстве. Но нет, в детстве я не мог видеть Гигу, тогда его не было на свете. Но где же я видел его, где? Я напряженно думал, но потом решительно отбросил эти мысли. «Очевидно, мне показалось», — подумал я. Впрочем, и думать было некогда, надо было вести допрос.

Гига заметил мое мимолетное замешательство. Не знаю, что он подумал про себя, но, опустив голову, мрачно уставился в пол.

— Ты блестяще освоил «науку» и даже перешеголял своего учителя. Молодец, Гига! — сказал я с иронией и отпил молока.

— Какого учителя?

— Да, его труды не пропали даром, ты все воспринял от-лично, — продолжал я с улыбкой.

— Чьи труды? Ничего не понимаю! — воскликнул Гига, пожимая в недоумении плечами и не отрывая от меня взгля-да.

— Валова! Твоего учителя, который научил тебя этому «доблестному» ремеслу.

— Какого Валова? Первый раз слышу эту фамилию. Я не знаю никакого Валова! — парировал он, отводя свой взгляд.

— Не знаешь Валова?!

— Нет!

Огорченный упрямством юноши, я отодвинул завтрак и встал.

— Неужели ты не чувствуешь, что стоишь на краю безд-ны, что ты обречен на гибель? Неужели тебе не ясно, что мы хотим тебя спасти? Именно спасти! И больше ничего от тебя мы не требуем! Мы зовем тебя к честной, светлой жизни, а ты тянешься к пороку! Кто тебе дал право тратить свои силы, свою молодость на преступления? Думаешь, что твоя жизнь принадлежит одному тебе? Ошибаешься! Твоя жизнь принад-лежит народу, стране, и народ имеет право уничтожить, стер-еть с лица земли того, кто обманывает его!

При этих словах Гига вздрогнул, метнул на меня взор и вновь опустил голову.

«Где же я видел это лицо?» — снова мелькнула у меня в голове мысль.

— Или ты думаешь, — продолжал я, — что у нас нет дру-гих дел и мы должны убивать драгоценное время на уговоры таких опустившихся людей, как ты?

Гига сидел не поднимая головы, казалось, что он перестал даже дышать.

Я позвонил по телефону и попросил коменданта привести ко мне заключенных Валова и Айдинова.

Воцарилась тишина ожидания. Я ходил по комнате, заложив руки за спину. Гига молчал. Может, у него просы-палась совесть?

— Я тебе покажу сейчас, как умеют держать слово те-чьим уверениям ты так веришь.

В комнату ввели Валова и Айдинова. Они остановились у входа, не глядя на Гигу.

— Обвиняемый Валов! Ответьте мне, кто этот молодой человек? — спросил я стоящего в углу Валова, указав на Хотивари.

— Не знаю, — последовал еле слышный ответ.

— Какое отношение имеет он к вам?

— Я его вижу второй раз. Впервые видел, когда его опознала собака, — пробормотал невнятно Валов.

— Как?! Вы отрекаетесь от вчерашнего вашего показания? — воскликнул я и посмотрел на Айдинова.

Он, как и Валов, стоял понутив голову, не смея встретиться глазами с Гигой. Было очевидно, что он тоже не собирается повторять свое вчерашнее показание в присутствии Хотивари.

— Обвиняемый Айдинов! Вы что скажете насчет Хотивари?

— Я тоже... незнаком с ним.

Гига глубоко перевел дыхание и удовлетворенно опустил-ся в кресло.

— Вот как?! Этот птенец так вас напугал, что вы лишились стыда и самолюбия? — воскликнул я огорченно и подсел к столу. — Не помните, что вы показывали вчера? — спросил я после минутного молчания.

— Я вам говорил о Варламове, а вы записали фамилию этого молодого человека! — ответил Валов, на мгновение взглянул мне в глаза и опять опустил голову.

— Я тоже думал, что вы говорите со мной о Варламове, — пробормотал про себя Айдинов.

— Довольно! — вскричал я, возмущенный их бесстыдством, и приказал сотрудникам увести обоих в камеру.

Я долго молчал.

Гига сидел спокойно, равнодушно обозревая потолок и стены.

— Долго будешь упорствовать? Или думаешь такими уловками убедить меня в своей порядочности?

— Я не стараюсь убедить вас. Вы собаке верите больше, чем человеку. Вам ведь достаточно показания собаки?

— Собака сделала свое дело. Она подтвердила, что платок принадлежит тебе.

— Если платок принадлежит мне, то почему тогда на нем вышиты инициалы «Г» и «К»? Я — Хотивари, а не Котивари! — при этих словах Гига, очевидно очень довольный логикой своего ответа, посмотрел на меня и улыбнулся.

Я вскочил.

Улыбка! Эта улыбка! Я ее видел, видел, но где, когда?

— Скажем, что мы не смогли доказать твою виновность и отпустили тебя на волю. Интересно, что ты думаешь делать дальше?

— То, что делал до сих пор!

— До сих пор! Так, значит, ты хочешь продолжать эту позорную жизнь, будешь заниматься этим гнусным делом, пока закон не покончит с тобой?

Гига молчал.

— Я тебя спрашиваю: веришь ты или нет, что наша страна, все творческие силы которой устремлены на создание счастливой жизни для людей, никогда не пригreet вора и мошенника?

— А зачем вы меня об этом спрашиваете? Я ведь не вор и не мошенник, — пробормотал он и отвернулся.

— Такой малый, как ты, на крыльях должен парить в этой свободной стране. Вместо этого ты подчинил свою волю моральным уродам и даже не думаешь о другой жизни. — Гига не отрываясь смотрел в одну точку. — Или ты предпочитаешь сидеть за решеткой?

— Что поделаешь! Если это для вас необходимо, то мне придется примириться со своей судьбой. Тюрьма построена для людей, а не для животных. На стене камеры написано: «Входящий — не скорби, уходящий — не радуйся!» — юноша, повернув голову, посмотрел на меня.

Этот взгляд исподлобья тоже показался мне знакомым, и я вздрогнул.

— Эти слова придуманы для таких выродков, как ты. В самом деле, зачем радоваться сегодняшнему освобождению, если за вновь совершенное преступление тебя обратно приведут завтра?

— За какое преступление? Ничего не понимаю!

— Отлично ты все понимаешь, парень, да не хочешь быть понятливым. Боишься своих друзей, боишься их мести и молчишь! Струсил!

Гига вздрогнул, как от пощечины, заерзал на месте и с какой-то печалью в голосе сказал:

— Нет, я не трус, но... — он не договорил.

Я был уже по горло сыт этой ложью, притворством, не в состоянии был дольше выдерживать наглый тон Гиги, бесстыльное поведение Валова и Айдинова и, что самое главное, натиск каких-то неопределенных, мучительных ассоциаций. Непреклонность этого юнца поражала и раздражала одновременно. В моей практике было не мало случаев, когда обвиняемый упирался, не сдавался, лгал и изворачивался, но никогда, ни один случай не задевал меня за живое так, как этот. И виной тому было вставшее в памяти знакомое лицо, знакомый взгляд, знакомая улыбка.

Зазвонил телефон. Начальник управления вызывал меня на совещание.

Тут же кто-то постучал снаружи, и в дверях появился Вардосанидзе. Гига поднял голову, увидел товарища и кинулся к нему.

— Митя!

Друзья обнялись.

Гига, уткнувшись в плечо товарища, разрыдался.

— Успокойся, дорогой... Теперь ты будешь спасен! — Вардосанидзе усадил его в кресло, поздоровался со мной:

— Извините за опоздание...

Заметив, что я приготовился уходить, он не сел и только спросил:

— Ну, как Гига?

— Гига ничего! Хорошо себя чувствует, а будет чувствовать себя еще лучше, если послушается меня, — ответил я, взглянув на юношу.

В комнату вошел сотрудник, чтобы увести заключенного. Вардосанидзе и Гига не отрываясь смотрели друг на друга, пока сотрудник не закрыл за собой двери.

Вардосанидзе протянул мне завернутую в газету тетрадь.

— Вот дневник матери Гиги. Я вам обещал.

Я взял у него тетрадь и запер в ящике стола. Торопясь на совещание, я не мог говорить с молодым человеком. Я извинился, и мы вместе вышли из комнаты.

Вернулся я поздно. Тотчас же достал тетрадь, раскрыл ее и... все пережитое утром повторилось вновь. Волнение, которое я испытал от улыбки, от взгляда, от лица Гиги, усугубилось теперь тетрадью. Почерк! Я узнал почерк, руку. В тетради ни на первой странице, ни на последней не было подписи. Казалось бы, человека моей профессии ничего не может удивить, ведь в нашей работе неожиданность, сюрприз, странность — обычные явления, и все-таки тетрадь, исписанная знакомым мне почерком и попавшая мне в руки, откровенно говоря, поразила меня.

Я просмотрел первые страницы. Какая-то женщина писала об убийстве своего мужа. Я задумался, и... в моей памяти вдруг возникло воспоминание об одной истории, аналогичной той, о которой рассказывали первые страницы дневника. Но дневник писала некая Мери Хотивари, а героиней моих воспоминаний была Лиана Картвелишвили. Перед глазами встал забытый образ, образ одной из красивейших женщин, когда-либо виденных мной. Невозможно было забыть ее улыбку, и когда я вспомнил эту улыбку, вдруг... в моем воображении улыбнулся Гига Хотивари. Я невольно поднял голову и посмотрел на кресло, в котором он сидел утром. Теперь там я увидел Лиану Картвелишвили. Пятнадцать-шестнадцать лет тому назад, вот тут, в этом самом кресле, она сидела и улыбалась мне. Лиана Картвелишвили — Гига Хотивари... Вдруг, как молния, пронеслась мысль: «Инициалы «Г» и «К» — Гига Картвелишвили!.. Так вот он чей сын!.. Он сын Лианы, а не Мери. Но при чем тогда Хотивари? Как Лиана превратилась в Мери? — задал я себе вопрос.

Ответ на этот вопрос дал дневник.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вечером, лежа на тахте, я открыл первую страницу тетради. В памяти вновь встали узкие, мелкие буквы Лианиного письма, ее бисерный почерк.

— Что ты читаешь? — спросила меня жена, сидевшая за рукоделием.

— Дневник одной женщины.

— Какой женщины?

— В двух словах не скажешь о ней, — ответил я, увлеченный воспоминаниями, — это очень интересная, но длинная история.

— Ну и пусть длинная! Тем лучше! Расскажи, — попросила Нино и присела ко мне на тахту.

Я закрыл тетрадь и начал рассказ:

— Не помню, какой это был год. Меня командировали в Кутаиси на два или на три месяца, но не прошло и полутора, как я получил телеграмму начальника, срочно вызывавшего меня обратно в Тбилиси. В ту же ночь я выехал первым поездом и утром явился в отделение.

Расспросив о кутаисских делах, начальник рассказал о причине моего вызова.

— Месяц тому назад в три часа ночи был убит на заднем дворе своего дома, в воротах, видный специалист машиностроительного дела Автандил Картвелишвили. Мы взялись за расследование этого дела. Несмотря на то, что мы не прекращали поиски убийцы ни на минуту, жена погибшего все время посылает жалобы на угрозыск, утверждая, что мы ни во что не ставим убийство такого специалиста, каким был ее муж, и халатно относимся к розыску. И вот я был вынужден вызвать вас и попросить, чтоб вы взяли это дело на себя...

Внимательно выслушав начальника, я решил, что вряд ли и мне удастся чего-нибудь добиться в этом таинственном деле. Выйдя из кабинета, я пошел осматривать место происшествия. Меня сопровождал оперуполномоченный, который вел дело с самого начала.

Довольно просторная, асфальтированная ныне площадь, где теперь возвышается красивый серый трехэтажный дом, в те времена не была даже мощеной. За выстроившимися на улице Ленина домами, там, где теперь раскинулся парк имени Кирова, круто спускающийся к Куре, было тогда Верийское кладбище. На месте, где теперь можно пройти через калитку в парк, раньше был глубокий овраг, по краю которого шла узкая тропинка.

Оперуполномоченный, пройдя по тропинке некоторое расстояние, остановился перед маленькими воротами одного дворика.

— Вот на этом месте был убит Картвелишвили, — открыв ворота во двор, сказал он. — Пуля попала в затылок, и, видимо, смерть наступила внезапно.

Я вошел во двор и осмотрелся. Огромная кавказская овчарка, выскочив из дому, кинулась на нас. Мы поспешно выскочили на тропинку, закрыв за собой ворота. Овчарка, встав на задние лапы, стала рычать на нас через забор. Из дома вышла пожилая женщина, увидев нас, тотчас же спустилась по лестнице, схватила собаку за ошейник и обратилась к нам:

— Вовремя вы вышли, не дай бог попасть ей в зубы.

— Почему такая злая собака не на привязи днем? — спросил я сердито, открывая вновь ворота.

— Правильно, днем она должна быть на привязи, но хозяевам жалко привязывать ее.

— А чья это собака?

— Соседская, Картвелишвили.

— Картвелишвили? — переспросил я и многозначительно переглянулся с уполномоченным. — Ночью собака во дворе или спит в комнатах?

— Сторожевая собака ночью нужна во дворе, что ей делать в комнатах?

— Картвелишвили дома? — не унимался я, забрасывая вопросами собравшуюся уходить женщину.

— Сейчас ее дома нет.

Я внимательно осмотрел маленький домик и тропинку, обошел и осмотрел дом с улицы Ленина.

Пострадавший жил на первом этаже двухэтажного дома, три окна квартиры выходили на улицу.

— Что вам может дать этот осмотр? Вот если бы вы находились здесь в то утро... — как бы про себя проговорил уполномоченный.

— Этот осмотр многое мне дал, — ответил я, — и заставил призадуматься.

— О чем именно? — поспешно спросил уполномоченный, который производил впечатление способного и наблюдательного работника.

— Невозможно, чтобы убийца не имел помощника в доме...

— Об этом я сам не раз думал, но никто из жителей этого дома подозрений не вызывает. Пока причина убийства остается невыясненной, трудно напасть на след убийцы, — ответил он, сдвинув брови и задумавшись.

Вечером я пришел на работу рано, заперся и стал знакомиться с материалом по делу об убийстве Картвелишвили.

Три года тому назад Автандил Картвелишвили, сорока лет, не женатый, переехал из Ленинграда в Тбилиси и воз-

главил строительство авторемонтного завода. Года два тому назад он женился на студентке медицинского института двадцатилетней Лиане Шанидзе.

Судя по имеющимся материалам, супруги жили мирно — любили и уважали друг друга. Жена только выражала недовольство по поводу того, что перегруженный работой муж поздно возвращался домой и ей приходилось коротать дни в полном одиночестве.

Шофер убитого показывал, что 23 мая, в три часа ночи, он привез Картвелишвили домой, и тот сошел с машины перед своим домом. В ту же ночь постовой, стоящий на углу улицы Меликишвили, в три часа пятнадцать минут слышал звук выстрела из револьвера, но с места не двинулся, так как не разобрал, откуда послышался выстрел.

У пострадавшего на руке были золотые часы и в бумажнике довольно крупная сумма денег.

Дознание не обнаружило никаких инцидентов на работе Картвелишвили, ничего, вызывающего сомнение; в этом отношении все было в порядке.

Недовольных им сотрудников тоже не оказалось. Все считали его внимательным, скромным, отзывчивым начальником.

И в личной жизни не за что было ухватиться.

Может быть, в Ленинграде у него был враг, который последовал за ним в Тбилиси?

Этот вариант тоже не был оставлен без внимания, но и в Ленинграде такого человека, которого можно было бы заподозрить, не оказалось.

При вскрытии трупа выяснилось, что пулевое отверстие колом окружал слой свинцовой копоты и кожа была опалена.

Это означало, что убийца вплотную приставил дуло револьвера к затылку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На другой день, когда я дочитывал последние страницы дела, ко мне вошел оперуполномоченный.

— Вдова Картвелишвили находится сейчас у начальника отделения.

— Ну?

— Может быть, вы захотите с ней поговорить?

— Когда нужно будет, я ее вызову.

— Она вновь явилась с обычной претензией. И знаете, что сказал ей начальник?

— Что? — спросил я, перелистывая последнюю страницу.

— Успокойтесь, — сказал он ей, — скоро убийца, будь он

даже невидимкой, будет обнаружен. Для ведения дела мы вызвали из командировки опытного следователя. Женщина спросила вашу фамилию и номер комнаты. Она может явиться сама

Не успел уполномоченный договорить эти слова, как в дверь постучали.

Я остановил удивленный взгляд на появившейся в дверях женщине.

«Неужели это она?» — промелькнуло у меня в мыслях. Я встал.

Это была высокая молодая женщина с молочно-белым цветом кожи, черноглазая, с высоким полным бюстом.

Я вспомнил ее. Я знал ее с детства.

В продолжение трех лет старался я познакомиться с этой девушкой. Будучи еще учеником, я почти каждый день встречал ее на улице, когда она шла в школу или возвращалась домой. Не раз я порывался подойти к ней и заговорить, но от ее строгого, неприступного взгляда терял дар речи и, опустив голову, молча проходил мимо.

Я окончил школу и начал работать.

Еще два года после этого я встречал эту девушку на улице. Ежедневно она два раза проходила мимо моего дома.

Часто по утрам, стоя у калитки, я поджидал ее. Она замечала, конечно, мое настойчивое внимание. Завидев меня, она тотчас же переходила на другую сторону улицы, отворачиваясь от меня.

Однажды утром, увидев меня, она по обыкновению перешла на другую сторону улицы, но при этом метнула взгляд украдкой и улыбнулась. Эта улыбка окрылила меня. Я обрел надежду и решил заговорить с ней.

...Я встретил возвращающуюся из школы Лиану на углу и преградил ей дорогу. Девушка испуганно остановилась. «Извините»... — кое-как сумел вымолвить я, собираясь заговорить, но она не дала мне произнести ни слова, как ужаленная соскочила с тротуара на мостовую улицы, крикнув мне: «Поищите равную себе!» — и перешла на другую сторону.

Я молча прислонился к стене. У меня было такое состояние, точно меня ошпарили кипятком.

Ее слова и тон, каким они были сказаны, исцелили меня от недуга. Дня через два-три ее образ совершенно исчез из моего сердца, не оставив в нем ни следа, ни осадка.

После этого я часто встречал ее, но не хотел даже смотреть на нее... Это было в годы моей юности. За последнее время я встречал ее с пожилым мужчиной довольно приятной наружности... И вот эта женщина так неожиданно очутилась в моей рабочей комнате как пострадавшая, в трауре, как

вдова убитого, которая настойчиво добивалась выявления убийцы своего любимого мужа.

Она была все так же красива... Вернее, еще красивее и обольстительней, чем тогда, когда я вздыхал по ней.

Когда обычная вступительная часть допроса окончилась, Лиана рассказала обстоятельства, при которых был убит ее муж. Она рассказывала это, как заученный урок.

— ...На рассвете соседи нашли его в воротах, — закончила она и густыми, мокрыми от слез ресницами прикрыла глаза. — Найти убийцу — вот теперь моя забота! Мне кажется, что Автандил вновь воскреснет для меня в тот день, когда найдут убийцу!

— Найдут, не беспокойтесь! Найти убийцу не так уж трудно, как это вам казалось до сих пор. Я только сегодня взялся за это дело и, кажется, уже попал на тропинку, которая ведет прямо к убийце, — ответил я скорбно сидящей передо мной женщине.

Лиана вздрогнула, будто ее укололи иглой, подняла голову и вопросительно посмотрела на меня.

Не сводя с нее глаз, я спросил:

— Можете вы мне ответить на несколько вопросов?

— Извольте, с удовольствием, — ответила она, вновь опустив глаза.

— В котором часу по ночам возвращался ваш муж домой?

— В два, в три часа.

— С какой стороны входил он в дом — со двора или с подъезда?

— Конечно, с подъезда.

— Хорошо. Должно быть, и в ту ночь ему незачем было идти со двора по темной, небезопасной тропинке, если бы не какое-то невыясненное до сих пор обстоятельство.

— Не знаю! — Она почувствовала себя неловко и отвернула лицо.

— Кто ему обычно открывал дверь ночью?

— Кто же мог открывать, кроме меня? — Краснота медленно поползла по ее щекам, она откинула шарф и потеряла лоб.

— Три окна вашей квартиры выходят на улицу Ленина, так?

— Да, три окна.

Я хотел спросить еще, куда выходят окна спальни — во двор или на улицу Ленина, — звонил или стучал в окно обычно муж, но воздержался от вопросов. Я решил лично осмотреть квартиру.

— У вас, насколько мне известно, злая собака, кавказская

овчарка. Мне сказали, что чужого она не пустит во двор ни за что!

— Правильно, — ответила женщина, глубоко переводя дух.

— Где была собака в ночь убийства?

— Понятия не имею! Об этом я даже не подумала до сих пор, — пробормотала она и вдруг, точно очнувшись от тяжелого сновидения, выпрямилась в кресле, устремила на меня взор, полный надежды, и, улыбнувшись, проговорила: — Это в самом деле удивительно! Почему Автандил очутился ночью во дворе? И где была собака в это время? Или, может быть, убийца вовсе не входил во двор?

— Труп нашли в таком положении, которое не оставляет сомнений в том, что убийца сторожил вашего мужа во дворе. Совершенно очевидно, что муж ваш повернул обратно, намереваясь выйти со двора, и в этот момент кто-то выстрелил ему в затылок. Собака же или была приручена преступником, или ее кто-то запер в комнате.

— Боже мой, все это как будто похоже на правду, — прошептала побледневшая Лиана, затем она перегнулась через стол, положив свою бархатистую ручку на мою руку. — Выходит, что убийца или сообщник убийцы — свой человек в доме?

— Выходит. Я считаю, например, что это обстоятельство не подлежит сомнению, — ответил я резко, освобождая свою руку из-под ее руки, и встал. — Подумайте, кого из домашних можно взять под сомнение. Завтра встретимся еще и, должно быть, тогда вы тоже сообщите мне что-нибудь новое.

Встала и Лиана. Дойдя до дверей, она остановилась.

— Мне кажется, что мы давнишние знакомые, даже друзья. Наша беседа убедила меня в том, что ваш начальник сказал про вас правду.

— Что же сказал вам мой начальник?

— Он очень верит в вас! — ответила она, чуть склонив набок головку и метнув на меня украдкой такой взгляд, который когда-то в юности так взволновал меня.

Этот взгляд снова поразил меня, но теперь волнение мое было совсем иного порядка, так как я был полон совершенно другими чувствами.

— Завтра с утра я ваш гость. Меня кое-что интересует в вашем доме.

Лиана молча отвернулась и, взявшись за ручку двери, полуобернувшись ко мне голову, произнесла:

— Для вас двери моего дома всегда открыты! — И, полная достоинства, легкой походкой вышла из комнаты.

— Что все это значит? — думал я про себя, оставшись один.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На другой день я навестил Лиану.

Войдя в роскошно обставленный кабинет Автандила, я тотчас же подсел к письменному столу и попросил у хозяйки ключи от ящиков стола.

Я просмотрел его личную переписку. Заглянул и в его дневник, в котором довольный судьбой Картвелишвили писал: «Семья — это высшее счастье в жизни человека. Правда, с опозданием, на сороковом году жизни, но все-таки я познал это счастье». Этими словами начинался дневник.

Лиана в расшитом дорогом домашнем халате не спускала с меня глаз, следила за малейшим моим движением.

Недовольный бесплодным копанием в ящиках стола, я все-таки продолжал искать...

«Может, набреду на какую-нибудь значительную запись или переписку», — думал я, но напрасно. Ничего интересного не было. И лишь под конец, в самом нижнем ящике, мне попала маленькая четырехугольная книжечка. Это было удостоверение: Автандилу Картвелишвили разрешалось носить и хранить пистолет системы Коровина.

«А ведь Автандил убит именно таким пистолетом», — промелькнула у меня мысль.

— Где револьвер? — с нетерпением спросил я у Лианы.

— Он потерял его за месяц до происшествия.

— Где потерял? При каких обстоятельствах? — Я поднялся, держа удостоверение в руках. Поднялась и Лиана.

— Не могу сказать. Должно быть, не дома, потому что к нам чужой никто не заходит.

«К нам чужой никто не заходит», — невольно отметил я мысленно эту фразу. Пистолет выкрали у него же и этим же пистолетом убили! Если Лиана не является прямой соучастницей убийцы, то не может быть, чтобы она о нем ничего не знала! Но молчит из страха?..

Попрошавшись с Лианой, которая была близка к обмороку, я поспешил в отдел, чтобы навести справку: подавал ли Автандил Картвелишвили заявление о пропаже пистолета.

Была полночь, когда я закончил допрос Лианы. После допроса Лиана постаралась окольными вопросами выудить у меня, на чем именно я фиксирую внимание в поисках виновного.

— Вы помните, как при первой нашей встрече сказали мне: «Я, кажется, нашел уже тропинку, ведущую прямо к убийце!» С тех пор эти слова мне не дают покоя, а вы ничего не говорите. Или боитесь разгласить тайну? — усмехнулась она.

— Я предпочитаю, чтобы убийца неожиданно предстал перед вами.

— Ну что же! Если для дела так лучше... — был недовольный ответ.

— Безусловно!

Лиане пора было уходить. Посмотрев на часы, я обратился к ней:

— Вы свободны, можете идти. Мне тоже нужен отдых.

— На какой улице вы живете? — спросила она неожиданно.

Когда женщина обращается к мужчине с таким вопросом, да еще в ночное время, — это означает, что она просит проводить ее.

— На Казбекской! — солгал я. Улицу ее района я назвал затем, чтобы узнать, почему она хотела идти со мной.

— Нам по пути! Вы долго еще задержитесь?

— Нет. Я не спал прошлой ночью и сегодня хочу уйти пораньше.

— Я подожду вас, если разрешите. Не люблю в ночное время ходить один.

Я собрался. Мы вышли на улицу и долго шли молча.

Молчание нарушила Лиана.

— Мне все продолжает казаться, что мы давно знакомы! — сказала она, беря меня под руку.

— Может быть, так и есть!

— Память мне пока не изменяла.

— Скольким парням вы сказали в жизни: «Поищите себе равную»?

Лиана остановилась и, отстав от меня на один шаг, прошептала:

— Боже мой! Вы помните, вы все еще помните тот случай, мой позорный поступок?!

Я не ответил. Некоторое время она молча шла за мной, потом вдруг прошептала, опустив голову:

— Если б я тогда оказалась немного разумнее, то теперь была бы счастлива.

— Как? Что вы сказали? — переспросил я.

— Доверься я вашей искренней любви, иначе бы сложилась моя судьба...

Вновь наступило молчание. Мы приближались к ее дому.

— Может быть, так лучше! — сказал я тихо.

— Может быть... Одно только ясно — теперь я не была бы так несчастна!

«Это начало покаяния», — подумал я.

— Кто знает, ведь я мог оказаться плохим супругом.

— Вы хоть ровесником мне были бы...

«Мои предположения оправдываются! Лиана все знает. Выходит, что если бы она не вышла за Автандила замуж, она была бы счастлива. И правда, он был пожилой уже человек, трудно ей было с ним! Но что все-таки могло произойти между ними такое, что стоило жизни мужу?» Занятый этими мыслями, я не заметил, как мы очутились у подъезда ее дома. Чудесная летняя ночь, звездное небо, прохладный ветерок и близость женщины, которой когда-то я увлекался, создавали какое-то особенное настроение.

Лиана открыла дверь и, переступив порог, смело пригласила меня войти.

Я невольно подался вперед, но вовремя удержал себя. Что, если б я вошел? О чем я должен был беседовать с Лианой? О чем я мог при таких обстоятельствах говорить с женщиной, одно появление которой вызывало во мне радостное волнение? Положение осложнялось тем, что развязку всей этой таинственной истории я видел в одной только Лиане. И если я пробовал сопротивляться этой догадке, то только потому, что не хотел допустить, чтобы она могла быть соучастницей отвратительного преступления.

— Благодарю, но я так утомлен... — ответил я вежливо, — завтра вечером, если позволите, зайду.

— Как хотите, — резко бросила она и, попрощавшись кивком головы, закрыла за собой дверь.

Оставшись один, я вдруг вспомнил слова Лианы: «Доверься я тогда вашей искренней любви, иначе бы сложилась моя судьба... Я не была бы так несчастна...» Искренне были сказаны эти слова или нет, я не знаю, но, может быть, доля правды в них все-таки была. Они означали: если бы она не вышла замуж за Автандила, то была бы счастлива. Значит, с мужем она не была счастлива? Но почему? Ведь Автандил считал себя счастливым? Да, в дознании отмечается, что Лиана жаловалась на одиночество, скуку. Муж, всегда очень занятый, приходил домой поздно, она сидела дома одна целыми днями, да и ночами тоже. Ей, молодой, здоровой, красивой хотелось веселиться. Конечно, затворническая жизнь была для нее нестерпимой и... кто знает, может, нашелся кто-то (такой красавице за поклонниками далеко не ходить!)... И вот избавилась от Автандила... Если Лиана не является вдохновительницей преступления, то его причиной она безусловно является.

Да, причиной, только причиной... Дай бог, чтобы только причиной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На другой день вечером я отправился к Лиане. Зачем я шел туда? Я и сам не мог как следует разобраться в своих мыслях.

Лиана встретила меня спокойно.

Я занялся осмотром квартиры. Из гостиной я прошел в столовую. Из окна ее был виден двор. «Из этого окна Лиана могла видеть все, что произошло в ту ночь». Я вышел на балкон, остановился на лестнице. Во дворе зарычала собака, Лиана прикрикнула на нее. Я прошел в кабинет. Осталось осмотреть спальню, но Лиана не пустила меня туда сразу, сказав, что нужно немного ее прибрать.

Ожидая, я еще раз мысленно прошелся по квартире.

«Нет! Осмотр квартиры ничего нового не даст, — думал я, — что можно было, я уже нашел: разрешение на ношение оружия и то, что одно окно спальни выходит на улицу Ленина. Даже если Лиана не услышала бы звонка, муж мог постучать в окошко и так разбудить ее... Вот все, что мог дать мне осмотр квартиры. Больше тут ничего интересного не может быть... Так чего же я сижу? Надо идти!»

В этот момент я услышал голос Лианы из спальни:

— Войдите!

Я открыл дверь спальни. Лианы в комнате не было, но стоял стол, покрытый белой скатертью, уставленный фруктами, цветами и шампанским.

В углу стояла бронзовая фигура обнаженной женщины, всю ее и протянутую вперед руку обвивала огромная змея; головку змеи женщина держала в руке и вызывающе смотрела ей в глаза.

Я был поражен открывшейся мне обстановкой. Все это ничего хорошего не предвещало. «Неужели Лиана ищет со мной близости?» — промелькнула у меня мысль, и я попятился к двери. Но в это время зашевелились драпри, которые скрывали в нише две кровати. Появилась Лиана. Я невольно опустился на мягкое сидение. Лиана села, утонув в глубоком кресле у стола, и посмотрела на меня широко открытыми глазами. Я подумал про себя: пусть выяснится сегодня, кто она.

«Может быть, все гораздо проще, чем я думаю, — размышлял я, — может быть, она хочет видеть во мне просто друга, который может облегчить ей трудные минуты, с которыми она может поделиться горем. Но если это так, то при чем же накрытый стол и вся эта атмосфера соблазна? Нет, я должен уйти!» — решил я и встал.

— Я не располагаю временем, — выдавил я кое-как из себя и вышел.

Вернувшись на работу, я предупредил секретаря, чтобы никого ко мне не впускали, и заперся. Долго я обдумывал известные мне факты поведения Лианы и, объединив все, написал докладную записку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вечером меня вызвал к себе начальник республиканского управления милиции.

Это был волевой, энергичный человек средних лет, суровый, но в то же время очень сердечный. Имея за собой огромный опыт работы с преступниками всех мастей, первоклассный мастер расследования самых запутанных дел, он всегда был для меня мудрым советником.

При моем появлении он встал с места и с ласковой улыбкой пошел навстречу.

— Прочел вашу докладную, — сказал он, когда мы уселись. — По правде говоря, я тоже думаю, что Лиана Шанидзе является соучастницей преступления и ваша дружба с ней может послужить на пользу дела.

Просидели мы с начальником немало времени. Довольный моей докладной запиской, он наметил план дальнейших действий и выразил надежду на успех дела.

Два дня мы с Лианой не виделись. За это время я хорошо обдумал свою роль.

— Новостей нет? — позвонила по телефону Лиана на третий день.

— Дело идет так, как я того желал! — ответил я.

— Можно вас видеть?

— Станный вопрос. К чему такая официальность?

— Я думала, что вы сердитесь на меня.

— А зачем я должен на вас сердиться?

— В ту ночь вы так ушли от меня, что иначе я не могла думать.

А может быть, Лиана на самом деле думала прибрать меня к рукам. Я был нужен ей, — ведь начальник говорил, что передает дело в очень опытные руки, а сам я при первой же нашей встрече дал понять, что подозреваю ее.

Хорошо, что в ту ночь я вовремя ушел от Лианы!

Видит бог, что я очень хотел, чтобы она была чиста и невиновна, а даже если она и стала жертвой недоразумения, то всегда протянул бы ей руку помощи. Я хотел, чтоб чувство, вспыхнувшее во мне когда-то в юности, переросло теперь в хорошую дружбу, чтобы я мог защитить ее в трудную минуту, как друг и брат.

Может быть, и Лиана была настроена так же и сожалела о своем поведении в ту ночь, кто знает?!

— Нет, дорогая Лиана, я на вас никогда не рассержусь.

— Неужели? — послышался недоверчивый вопрос.

— Не хотите верить? Но ведь я еще не подавал вам повода не верить мне?

— Нет, но...

— Никаких «но». Считайте меня своим другом, и я всей душой постараюсь помочь вам, чем смогу, конечно!

— Почему до сих пор вы мне этого не сказали?

— Почему?.. Во-первых, меня удерживал долг службы, а во-вторых... боялся опять услышать: «Поищите себе ровню».

Лиана долго молчала. И я не отзывался. Наконец она повесила трубку.

Мне стало жаль ее. И еще какое-то неведомое мне до сих пор чувство родилось во мне. Не знаю, из жалости возникло это чувство или, напротив, жалость из него, — знаю лишь, что чувство невольного уважения к этой женщине сегодня так же сильно во мне, как и тогда — пятнадцать-шестнадцать лет тому назад.

Не успел я закурить папиросу, как опять зазвонил телефон.

— Когда я могу вас видеть?

— Когда хотите.

— Сегодня вечером?

— Через час мне надо выехать за город, — солгал я, чтоб оттянуть встречу и подготовиться к ней.

— Когда же?

— Завтра вечером. Но ни у меня и ни у вас.

— А где?

— В клубе медработников. В девять часов вечера.

В назначенное время я был на месте.

Войдя в сад, я тотчас же увидел Лиану, сидевшую в одиночестве. Увидев меня, она встала и направилась в укромный уголок сада.

Я подошел и подсел к ней на скамью, укрытую развесистыми ветвями деревьев. Свет электрических ламп со смешивался с нежным ровным сиянием луны. Серебристые брызги фонтана доносили прохладу. С танцевальной площадки лились звуки вальса.

— Зачем вы выбрали это место для встречи со мной? Что скажут люди? «Муж не успел остыть в могиле, а она уже с другим...»

— Разве нельзя провести вечер с другом, с родственником? — ответил я удивленно.

— Вы графы, Сандро, конечно можно! — воскликнула она довольная, и ее жемчужные зубы блеснули в улыбке. Спо-

койное и решительное выражение моего лица придало ей смелость. Она огляделась вокруг и осторожно взяла меня за руку.

— Первый раз встречаю такого мужчину, как вы, Сандро. Мне становится стыдно, когда я вспоминаю первую встречу с вами, в вашей рабочей комнате. Увидев вас, я смутилась, сердце как-то тревожно забилося. Мне почему-то казалось, что вы увидите во мне опять женщину, как в былые времена, а не друга.

— Я очень рад, что ты так расположена ко мне, — сказал я. — Постараюсь доказать тебе свою дружбу.

— Разреши мне также обращаться на «ты»...

— Я потому и решил первый...

Долго сидели мы молча. Лиана первая нарушила молчание.

— Во всем городе только ты один мне друг. После Автандила никого не осталось у меня, кто мог бы мне дать совет. После Автандила я все время чувствую себя точно в раскаленной печке... Как можно скорее я должна покинуть этот город... мой любимый город...

— Но сначала дело должно закончиться, Лиана.

— О боже! Когда же, наконец, оно закончится?!

— Скоро, очень скоро. Я не успокоюсь, пока не найду убийцу!

Лиана едва заметно вздрогнула, потом подняла голову и выпрямилась.

— Разве это только от тебя зависит? — Лиана в упор посмотрела на меня: казалось, ей хотелось прочесть мои мысли.

— Было бы желание да опыт, и преступник не сможет скрыться. Он непременно будет обнаружен, если даже ни он, ни его пособник не произнесут ни слова!

— Дай бог! — прошептала Лиана, выпустила мою руку и, почти отвернувшись, стала смотреть на луну.

Вновь воцарилось молчание.

Я смотрел на ее тонкий профиль. Тень тревоги вновь легла на красивое лицо.

Сад незаметно опустел. Лишь на балконе несколько человек еще сидели за последними бокалами вина.

Мы стали спускаться по широким ступеням лестницы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я и Лиана часто встречались. Она досадовала на то, что дело так затянулось. Звонила мне каждый день, спрашивала, беспокоилась, но я чувствовал каким-то шестым чувством — ее не столько беспокоило то, что убийцу до сих пор не удавалось найти, как что-то другое, непонятное для меня.

Однажды Лиана неожиданно явилась в отделение.

— Не удивляйся моему внезапному появлению, — сказала она мрачно, подсаживаясь к столу, — но я хочу сказать тебе, что больше не в силах терпеть. Если это дело не закончится на днях, то я сбегу отсюда. Не выдержу!

— Что с тобой, Лиана? — воскликнул я, подходя к ней.

— Конца не видно этому делу, а ты пристал к нему и из самолюбия не хочешь поставить точку. Как же ты не можешь понять, что убийцу, не оставившего никакого следа, невозможно поймать! А я... — Она облокотилась на стол, подперев лоб рукой... — Я не могу уже показываться на улице. Мне кажется, что все смотрят на меня с подозрением, смеются надо мной, обвиняют меня в гибели мужа. Правда, никто мне этого не сказал в лицо, но мне почему-то так кажется, и эта назойливая мысль не дает мне покоя.

«Лиана что-то знает, это не подлежит сомнению; раскаяние мучает ее... И чем дальше, тем больше ею овладевает страх перед разоблачением... Вот почему она хочет, чтобы я поставил точку. Да, страх... совесть... Вот что ее мучает, вот почему она хочет бежать из родного, любимого города. Она хочет обрести покой», — думал я.

— Несчастный Автандил был так счастлив, когда узнал, что у нас будет ребенок. Да, я жду ребенка, уже пять месяцев... Я хотела избавиться от него, но... боже мой... что же мне еще осталось в жизни, кроме него... — Она подняла голову, и в глазах ее блеснули слезы.

— Лиана, приди в себя! Что ты говоришь? Ребенок должен жить! Как ты можешь отказаться от него?! Что же касается дела, то убийца уже известен, скоро доберемся и до причины убийства, тогда делу конец! — Все это я говорил ей так просто, будто сообщал очень радостную для нее весть, и не сводя с нее глаз. Она побледнела и в полной растерянности встала.

— Причины? Какая же может быть причина? — невнятно проговорила она и закрыла шарфом лоб.

— Сегодня не спрашивай ни о чем. Я думаю, что завтра все буду знать. Столько терпела, потерпи еще денек.

— До завтра? Так до завтра!.. Хорошо... пусть будет завтра... Теперь я пойду и до завтра тебя не потревожу. — Лиана, шатаясь, дошла до двери и взялась за ручку.

Я нагнал ее в коридоре.

— Лиана! — позвал я ее. — Что с тобой? Подожди! Я провожу тебя. — Но она, как будто не слыша, ускорила шаги и скрылась за дверью.

Я вернулся в комнату, вызвал оперуполномоченного и послал его последить за Лианой. Я подумал: «После такого со-

общения невозможно, чтобы она не встретилась с «ним» и не предупредила «его».

Через час я позвонил Лиане.

— В чем дело, Лиана? Я-то думал, что обрадую тебя своим сообщением, а ты, кажется, совсем не обрадовалась, на тебя как будто даже плохо подействовала эта весть

— Ну что ты, Сандро! Наоборот... но... знаешь... Я с утра себя неважно чувствовала. И, кроме того, ты же знаешь, как действует на человека неожиданная радость.

— Ну, если тебя ничего больше не беспокоит, то радость мы переживем!

— А что меня может еще беспокоить?! — Лиана насторожилась, я смолчал. — Что же еще? — спокойнее переспросила она.

— Ну, может быть, ты больна или произошло что-нибудь?

— Нет, ничего не произошло.

— Я убежден, что завтра вечером я явлюсь к тебе с радостной вестью.

— Жду с нетерпением!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Я лег в пять утра, поставив будильник на семь часов.

Целый день я волновался, — предстояла решающая встреча с Лианой, и мне надо было выглядеть утомленным, измученным, с покрасневшими от бессонницы глазами. Весь этот душевный грим мне нужен был для того, чтобы убедительнее разыграть состояние подавленности и душевной муки от внезапно навалившегося на меня тяжелого горя.

Весь этот день Лиана не выходила из дому и к ней никто не заходил. Я думал: «Неужели я ошибаюсь и Лиана ничего не знает? Если она причастна к преступлению, то как могла она не сообщить убийце, что след его найден? Найти убийцу — это значит разоблачить Лиану? Предупредить убийцу, скрыть его — это единственная мера самозащиты со стороны Лианы. Неужели она так опытна, что намеренно избегает встречи с ним? Но она не производит впечатления такой искусной преступницы. Но, может быть, опытен он и запретил ей встречаться с ним? Возможно, что Лиане приказано пока ни при каких обстоятельствах не произносить его имени и не встречаться с ним?»

В десять часов вечера я направился к Лиане.

Колени у меня дрожали, весь я был как в лихорадке. Это нервное напряжение было вызвано тем, что я вплотную подходил к цели, — настал момент, к которому я все это время готовился, но весь план мой был построен на шаткой почве,

и я не мог быть уверенным заранее ни в чем. Ведь Лиана могла разбить мою игру, она могла не заговорить так, как нужно было мне. Все висело на волоске!

Дверь открылась. На пороге стояла Лиана. Я взглянул на нее, как на неожиданно появившегося противника. Секунда... и я без слов прошел в комнату.

Лиана, как тень, последовала за мной и, как виноватая, покорно остановилась.

Первый раз увидел я на ее лице румяна, но они не могли скрыть следы мучительных терзаний. Глаза ее потухли и покраснели. «Значит, она тоже провела бессонную ночь в ожидании этой встречи», — подумал я. Я стоял неподвижно с напряженным от волнения лицом.

— В чем дело, Сандро? — после долгого молчания спросила она.

— Ни в чем! — коротко отрезал я и в изнеможении опустился на тахту, закрыв лицо руками.

Она обхватила мою голову и приподняла, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Что случилось? Скажи хоть слово! — произнесла она решительным тоном.

Я быстро встал.

— Ну, в чем же дело, скажи!

— Ты-то хорошо знаешь, в чем дело! — вскричал я.

— Ничего не понимаю, Сандро! — пролепетала она, отступая, и, прислонившись к стене, закрыла глаза.

— Ты ничего не понимаешь, да? — сказал я почти угрожающе, повернулся, схватил с тахты шапку и пошел к дверям.

Лиана преградила мне дорогу.

Прислонившись к дверям, Лиана положила руку мне на грудь и сказала упавшим голосом:

— Выслушивают даже приговоренных к казни перед смертью... Подари мне несколько минут... А потом как хочешь...

— Я не для того пришел, чтобы беседовать с тобой! Я считал тебя святой, руку тебе дружескую протянул, как сестре родной доверял, а ты...

Лиана закрыла мне рот рукой и сказала:

— Не надо, Сандро! Прости меня, дорогой друг! Молчание мое, которое ты принимаешь за коварство, было вызвано только необходимостью защитить свою честь, свое женское достоинство. Вот и оправдалось мое предчувствие, Сандро! Я опять одна. Теперь, когда для тебя все стало ясно, — и ты отворачиваешься от меня, ты, единственный на свете человек, который протянул мне дружескую руку в столь тяжелом для меня испытании.

— И я! — воскликнул я невольно. — Ты говоришь, что...

— Да, и ты! А теперь прощай! После этого мы встретимся как подсудимая и следователь! — сказала она и оперлась о стол.

Последние слова Лианы больно кольнули мне сердце.

— Лиана! — вырвалось у меня. — Почему ты вовремя мне не сказала, почему не доверилась, скрывала, хитрила со мной?

Она еле заметно вздрогнула и как будто вся преобразилась. Теперь в ее глазах не было ни страха, ни печали, ни робкой надежды, как раньше. Теперь они были гордые и смелые, как в те времена, когда я, увлеченный ею, по пятам ходил за ней.

Лиана посмотрела на меня.

— оставь меня в покое! Чему быть, того не миновать! Теперь уж поздно, — все погибло. — Она задумалась на минуту, потом вдруг повернулась ко мне и высоким, звенящим голосом крикнула:

— Уходи. оставь меня, уходи! — Она закрыла лицо руками и отвернулась к стене.

— Хорошо, я уйду, но смотри, не пожалей потом! — сказал я и поспешно вышел из комнаты.

— В такой момент бросить человека в одиночестве — это возмутительно! — воскликнула жена, слушавшая мой рассказ с увлечением. — Может быть, она была достойна сочувствия, но ведь у вас нет сердца! Вам лишь бы найти виновного, а до остального дела нет. По правде говоря, я так же, как и некоторые другие, не люблю твою профессию.

— И твою профессию тоже не очень любят многие, — отпарировал я, — бабками да гадалками вас называют, однако, стоит подняться температуре, как тотчас же кричат: «Скорее доктора!» Нас не любят те, кто не может отличить добро от зла. Почему нас не должны любить честные люди? Мы же всю свою энергию отдаем делу правды, собственной жизнью рискуем ради нее.

— Правильно все это, но все же твое дело не из приятных. Столько врагов наживать, никогда не знать покоя, да еще подстерегает опасность из-за каждого угла. Но на эту тему поговорим в другой раз, а сейчас доскажи историю Лианы.

— Стоит?

— Продолжай!

— О чем я говорил?

— Ты сказал Лиане: «Смотри, не пожалей потом» — и вышел из комнаты.

— Да, я оставил Лиану и пошел в отдел. Долго я сидел один в комнате. Конечно, с самого начала и все это время я упорно искал только убийцу Автандила Картвелишвили, и эту цель ни разу ничто не заслонило в моем сознании, но за это

время я так привык к Лиане, к ее глазам, ее лицу, что расстаться с ней навсегда мне было нелегко. «Это жалость? — спрашивал я себя. — Только жалость? Но разве жалость к виновному когда-нибудь затуманивала мне мозги? Не будет ли ближе к истине признать, что дружба пустила слишком глубокие корни. Но ведь это чувство служило мне орудием в поисках виновного».

Зазвонил телефон.

— Кто?

— Это я, Лиана. Ты удивлен? Не ожидал, что позвоню?

— Нет, не удивлен. Ну, как ты?

— Готовлю себя к покаянию.

— Что это означает?

— Очень прошу тебя — пусть меня допросит кто-нибудь другой.

— Ответь мне, Лиана: неужели ты хитрила со мной, со своим другом? Зачем ты это делала?

— Когда человек теряет доверие, то ни слова его, ни клятвы в счет не идут, — им никто не верит! Но если я доживу до отбытия наказания, постараюсь убедить тебя в том, что я достойна носить имя человека.

— Если так, то еще есть время, можно тебя спасти, приходи скорее!

— К чему, я не стою твоей заботы!

— Приходи сейчас же!

...В два часа ночи Лиана открыла дверь моего кабинета и без слов опустилась в кресло.

Долго мы сидели молча.

Я думал: с чего начать разговор с человеком, который уверен в том, что вина его известна, а на самом деле все еще покрыто тайной! Необдуманная фраза может испортить все!

Молчание, наконец, нарушил я:

— Должно быть, любовь к этому человеку накладывала печать молчания на твои уста... Ты оберегала его... — Лиана молчала, опустив голову. — Если бы ты вовремя обо всем мне рассказала...

— Умоляю, если мне нет спасения, то не тяни со мной, я измучилась! Пощади и прямо отправь меня в тюрьму.

— Я должен найти спасение, я найду выход...

Трудно представить, какая это мука — ежеминутно быть под страхом разоблачения.

— Если ты даже лжешь, все равно я должен тебе верить! — Я встал и открыл окно. Вдруг мне стало как-то не по себе! Мне стало неловко от сознания, что я обманываю эту женщину, которая доверилась мне. Чтобы отогнать эти мысли, я нервно тряхнул головой, захлопнул окно и задернул

занавеску. Лиана молчала. Ее молчание терзало меня. Она сидела неподвижно, как подсудимая в ожидании приговора.

Я остановился перед дверью.

Лиана не знала о том, что она может от всего отказаться, ничего не признать и... останется пострадавшей.

Ведь ей следовало только молчать. У меня же не было никаких доказательств!..

Если она виновата и совесть ее спит настолько крепко, что она способна была отправить на тот свет мужа, то она, конечно, и теперь ничего не скажет... пока не убедится, что я все знаю.

Если она способна была участвовать в разыгравшейся кровавой трагедии, то она способна будет и молчать.

Но если она искренне доверилась мне и убедится в том, что я хочу помочь ей, тогда она от меня ничего не скроет.

Лиана подняла голову и посмотрела на меня. Тогда я, направляясь к письменному столу, сказал как бы для себя, словно думая вслух.

— Значит, так! Во время допросов ты ни разу не упомянула его имени... — Я выждал минуту и продолжал: — Только его новое появление и слова: «Теперь у тебя нет мужа, подумай обо мне» — заронили в тебе сомнение. Ты мысленно проследила за его поведением со дня вашего знакомства, вспомнила, как он домогался твоего внимания и сочувствия, а ты, конечно, отказывала ему, держала на расстоянии. Однажды он своей назойливостью довел тебя до вспышки, и ты ему сказала: «Отстань от меня, у меня есть муж, семья». А он в ответ: «А если бы ты была девушка или вдова, пошла бы за меня?» — «Ну, тогда было бы видно». — осторожно ответила ты, чтобы не разозлить его и благополучно отделаться от него.

«А может быть, он убил Автандила, чтобы я стала вдовой и вышла за него?» — подумала ты и решила заявить об этом нам.

Лиана, как замороженная, смотрела на меня. Ни одна черточка не дрогнула на ее лице, на котором я отчетливо читал все мысли. Она стояла перед дилеммой: «Довериться? А если я все равно не избежну наказания и бесчестья? Молчать? Но ему и так все ясно. Кто меня спасет и защитит? Надо ему довериться... Но тогда убийца может впутать меня». Она так была занята своими мыслями, что забыла о моем присутствии. Широко раскрытые глаза ее смотрели в одну точку, рот был крепко сжат, губы точно спаяны.

Я быстро взвесил положение. Ее сомнения могли и в самом деле заставить ее молчать. Надо было во что бы то ни стало рассеять эти сомнения, помочь ей.

...И когда, составленное в таком духе твое показание вой-

дет в дело, то разоблачителем убийцы окажешься ты. И что бы после этого ни говорил преступник, какие бы улики ни предъявлял, никто ему не поверит, — все будет истолковано как его желание отомстить тебе, расквитаться с тобой.

Лиана вдруг вся преобразилась, выпрямилась, подняла голову, неподвижный взгляд ожил. в нем вспыхнула радость.

Я поспешно взял ее за локоть.

— Ну вот, садись на мое место и пиши. Напиши показание собственноручно. — Она покорно пересела в мое кресло. Я положил перед ней чистые листы и протянул ручку.

— Это невероятно! Этот дьявол Джаба как будто все рассказал тебе! — пробормотала Лиана, неохотно сняла с себя шарф, взяла ручку и продолжала: — Ты же все, оказывается, знаешь. Ты напиши. Ты же лучше знаешь, как надо писать.

«Джаба!» — имя сказано! Обрадованный, я хотел подсесть к столу писать, но раздумал: ведь мне пришлось бы спросить у Лианы фамилию, а Лиана считала, что фамилия убийцы мне уже известна.

— Нет, — сказал я, — показание должно быть написано твоей рукой. Это нужно для тебя. Этим ты покажешь, как активно и сознательно ты помогаешь делу. — Лиана поправила листы и обмакнула ручку в чернила.

— Я мешать не буду. Одной тебе удобнее будет писать, — сказал я и тихонько вышел из комнаты.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В комнате для ожидающих я встретил начальника.

— Вовремя пришел, — улыбнулся он, посмотрев на настенные часы.

Было без пяти минут четыре утра.

— Что нового? — спросил начальник, входя в свой кабинет, и, достав табакерку, предложил мне закурить.

— Я беспокою вас по делу Картвелишвили. Лиана сидит сейчас в моей комнате и пишет показание. Кое-как уговорил.

— Кто убийца? — спросил он с нетерпением, бросив закуренную папиросу в пепельницу.

— Пока не знаю. Узнаю, когда она кончит писать. — ответил я, почувствовав неловкость от того, что не дотерпел, раньше времени явился к начальнику. Он взял из пепельницы дымящуюся папиросу и спросил:

— Какие меры собираетесь принять после того, как вам станет известен убийца?

— Я пришел к вам за советом.

— Торопиться не следует. Лиана, разумеется, ничего не должна подозревать. С утра мы примемся за изучение лич-

ности убийцы. Только показания Лианы, мне кажется, будет недостаточно для того, чтобы развязать язык убийце.

— Да, конечно.

Начальник управления направился к дверям.

— Сказать больше ничего не могу, пока мы не знаем, кто убийца, — сказал он мне уже в коридоре.

Я долго ходил по коридору. Мне не терпелось узнать, напишет ли Лиана фамилию человека, из-за которого я провел столько бессонных ночей.

Выждав некоторое время, я осторожно приоткрыл дверь в комнату. Лиана спокойно сидела в кресле.

— Ну что, закончила?

— Закончила! — ответила она покорно и встала. Я облокотился на стол и якобы без особого интереса стал читать показание. Я перелистал шесть страниц, но фамилии убийцы нигде не нашел — Лиана по неизвестной мне причине упоминала только имя.

«Джаба мне покоя не дает. Джаба перегородил мне дорогу, когда я шла по улице одна. «Теперь у тебя нет мужа, подумай обо мне», — говорил Джаба».

«Что это означает? — думал я. — Она проверяет меня или случайно пропустила фамилию?»

Я схватил ручку и, поставив знак пропуска, обратился к ней недовольным тоном:

— Джаба, Джаба — что это такое? Мы с тобой знаем, что за Джаба, но другие ведь тоже должны знать! В Тбилиси не один Джаба! Впиши фамилию своей рукой, — я подал ручку и отвернулся, чтобы выпить воду, и, пока я пил, Лиана отчетливо вписала фамилию — Баидашвили.

— Теперь я уже не боюсь наказания, я спокойна. Может быть, перед законом я и виновата, но перед Автандилом совесть моя чиста.

— Об этом потом, а теперь поезжай домой и отдохни!

Я вызвал машину, проводил Лиану на улицу, обнадежив, что все кончится для нее хорошо, усадил в машину, велел шоферу на обратном пути заехать за моим помощником и вернулся к себе.

Я медленно поднимался по ступенькам лестницы. Мои шаги гулко отдавались в ночной тишине.

Оставшись наедине с самим собой, я наконец вздохнул свободно.

Цель была достигнута.

...Мысли, волновавшие меня, были противоречивыми. С одной стороны, все во мне ликовало, — так бывает всегда, когда достигнешь трудной и долгожданной цели; с другой стороны, мысль о Лиане не давала мне покоя. Не зарождается ли в моей победе ее гибель? Что будет с ней?

Появление помощника нарушило мои раздумья.

— Явился по вашему приказу! — обратился он ко мне. Я передал помощнику листы с показанием Лианы и поручил ему немедленно собрать весь материал относительно личности Джаба Баидашвили.

Светало, когда я вышел из управления домой...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На другой день все нужные справки относительно Баидашвили были в моих руках.

Родившийся в Дагестане, в семье полицейского, Гусейнбек Рустамов с тысяча девятьсот двенадцатого года начал работать в полицейском розыске в городе Верном (ныне Алма-Ата). Он быстро делал карьеру, и революция застала его на должности начальника полицейского управления. Испуганный Рустамов поспешил скрыться от новых хозяев жизни, бежал из Средней Азии в Ростов и здесь поселился, изменив фамилию.

Два года тому назад он приехал в Тбилиси в качестве уполномоченного «Ростовторговли» и живет здесь в гостинице «Европа». Все это значилось в донесении помощника.

Обращала на себя внимание личная характеристика Баидашвили-Рустамова.

«Лет около сорока от роду, статный, импозантный на вид, одетый по-европейски, всегда очень элегантно, Баидашвили оставляет впечатление экспансивного, неугомонного человека. Характеризуют его как человека неиссякаемой энергии. Перемена в настроении может быть вызвана у него совершенно пустяком, и аффект гнева бывает такой силы, что не раз он ломал мебель в гостинице, чтобы дать выход своему возбуждению. Любит крепкие напитки и быстро пьянеет».

— А где он в настоящее время? — спросил я у помощника.

— В Тбилиси.

Я тотчас же отправился к начальнику отдела и познакомил его с материалом.

Начальник отдела пригласил меня к начальнику управления.

— Время и терпение — лучшие помощники в нашем деле! — воскликнул очень довольный результатом работы начальник управления и, прогладив ладонью объяснительную записку моего помощника, обратился ко мне:

— Каков ваш дальнейший план действий?

— Дальше все очень просто! Арестуем Рустамова, и делу конец! — ответил за меня начальник отделения.

По лицу начальника управления скользнула еле заметная улыбка.

— А я считаю его арест преждевременным, — ответил он и встал. — Скажем, кто-нибудь из нас, имеющих достаточный опыт в делах розыска, очутился на месте Рустамова и нам предъявили обвинение только на основании показания Лианы, без всяких других подкрепляющих улик. Ведь у нас окажется уйма средств, чтобы разбить обвинение и выгородить себя! — Он стал ходить по комнате, продолжая неторопливо развивать свою мысль, точно диктуя ее кому-то: — Если он работал на должности начальника полицейского розыска, то опыт у него есть и на случай «провала» он даже подготовил заранее средства самозащиты. Мы должны ожидать с его стороны предъявления очень ловко составленного алиби. — Начальник замолчал, посмотрел поочередно на каждого из нас, точно спрашивая: «разве я не прав», — и наконец заключил: — Так правильно и ловко доведенное до нынешнего положения дело не надо портить спешкой.

— Материал для ареста у нас имеется, а принудить к признанию арестованного легче, чем человека, находящегося на свободе.

— Нет! Чем же мы его принудим? До его ареста мы должны получить еще какой-нибудь основательный документ.

— А если он сбежит?

— До сих пор сбежал бы, если что... То, что он преспокойно продолжает жить в Тбилиси, подтверждает, что Лиана не состоит с ним в сговоре, — продолжал рассуждать начальник. — На всякий случай, может быть, у вас имеется кто-нибудь в гостинице, чтобы наблюдать за ним?

— Найдем кого-нибудь, — ответил я.

Начальник управления задумался, подсел к столу и, вдруг оживившись, обратился к нам:

— Знаете что? Мы можем использовать веселый, бесшабашный нрав Рустамова, если Лиана согласится нам помочь.

— Лиана сделает для нас все! — поручился я.

— Очень хорошо! Лиана должна встретиться с Рустамовым и убедить его, что дело об убийстве Автандила прекращено следствием за ненахождением убийцы. Кроме того, Лиана должна позвать к себе Гусейн-бека к обеду или к ужину на днях... — он приостановился, потом продолжал: — Кроме Рустамова, должны быть и другие ее друзья и знакомые... Несколько человек... Лиана сядет поодаль от Рустамова. Когда гости немного подвыпьют и развеселятся, Лиана должна тайком передать записку Рустамову: «Если бы я до конца была убеждена в том, что Автандила убил лично ты из любви ко мне, то, не колеблясь, вышла бы за тебя замуж». И если эта характеристика Рустамова верная, то он, без сомнения,

на той же записке припишет, что лично он убил мужа Лианы. Получив такой документ, мы спокойно можем его арестовать и принудить к откровенному признанию, если он вообще виновен, конечно.

— Неужели вы еще можете сомневаться? — спросил я его.

— Конечно! — ответил он. — Почему нельзя предположить, что Лиана скрывает настоящего убийцу и, чтоб запутать след, или, по неизвестным нам причинам, расчитаться с Рустамовым, называет его.

— Возможно! — заключил начальник отдела.

Уйдя от начальника, я тотчас же вызвал Лиану. Она выразила надежду на то, что сумеет получить от Баидашвили нужный документ.

На другой день поздно ночью Лиана неожиданно открыла дверь моей комнаты, — она принесла мне обещанное.

«Если бы я была убеждена в том, что из любви мне Автандила на самом деле убил ты, то я пошла бы за тебя без колебаний, но трудно верить тому, кто много говорит. Лиана», — было написано на одной стороне листка. На другой стороне того же листка Рустамов писал: «Кроме себя, кому я еще мог доверить такое опасное дело; кроме твоей любви, что еще могло заставить меня решиться на это, и почему вообще ты сомневаешься в том, что Автандила убил я? Джаба».

Получив санкцию от прокурора арестовать Баидашвили, я в сопровождении помощника на другое же утро отправился в гостиницу «Европа».

Открыв дверь четырнадцатого номера, я попросил позволения войти.

— Пожалуйста! — ответил мужчина средних лет, очень приятной наружности. На нем были светло-серые брюки и голубая шелковая рубашка, он стоял перед зеркалом, причесывая свою густую, черную шевелюру.

Высокий, атлетического сложения мужчина, увидев нас, еле заметно вздрогнул и с деланной любезностью сказал:

— Пожалуйста, прошу! — Бросив гребень на столик, он подошел к нам.

— Вы ко мне? — спросил он меня, и взгляд его скользнул по милицмейской кокарде моего помощника.

— Если я не ошибаюсь, вы — Джаба Баидашвили, — обратился я к побледневшему Рустамову.

— Я. Чем могу служить?

Я предъявил ордер на арест и обыск.

Рустамов взял у меня ордер, просмотрел и вернул мне обратно.

— Ничего не понимаю! — упавшим голосом проговорил он, опускаясь тут же на стул. — Не скажете, в чем дело?

— Мы исполняем распоряжение начальства, наше дело маленькое, — ответил я и попросил помощника привести дежурного администратора гостиницы в качестве свидетеля при обыске.

— Неужели вам ничего не известно о причине? В чем меня обвиняют? — еще раз спросил он, когда помощник вышел.

— Я вам уже сказал, мы только исполнители.

— Разве такая должность существует?

— Существует. А раньше в полицейском розыске она не существовала? — спросил я, многозначительно улыбувшись.

— Зачем вы меня спрашиваете, какие должности существовали в полицейском розыске? — спросил он упавшим голосом.

Я не ответил.

В номер явились дежурный по гостинице и мой помощник. Мы начали обыск. Ничего существенного для дела мы не нашли и предложили Рустамову одеться, забрать необходимые вещи и следовать за нами.

Придя в отделение, я тотчас же принялся за допрос Рустамова.

— А говорили, что вы только исполнитель распоряжений начальства и остальное вас не касается, — иронически заметил Рустамов, расписываясь под заполненной анкетой.

— Почему-то мне поручили и ваш допрос, — ответил я, в упор смотря на него.

Рустамов старался казаться спокойным, но бледность лица и раздувавшиеся ноздри выдавали его волнение.

— Тут какое-то недоразумение... — проговорил он про себя и, нервно потянувшись, ударил кулаком по столу.

— Пока ничего не могу сказать. Может быть, тут и в самом деле какое-нибудь недоразумение, но если это так, то постараемся сегодня же выяснить его.

— О, вы меня очень обяжете, если сегодня же покончите с допросом.

— Покончим, если не придется тратить время на такие вещи, которые явно не подлежат отрицанию. Все зависит от вас.

— Конечно, конечно! Что бы там ни было, общий уровень образования дает мне возможность разбираться в положении.

— Почему общий, а не специальный? — спросил я, скосив на него взгляд.

— Почему специальный? — И, стараясь скрыть замешательство, он достал из кармана папиросы, чтобы закурить.

— Я говорю о вашем специальном образовании, подследственный Рустамов, и если вы будете отрицать такие явные вещи, то наш разговор затянется надолго.

Я решил воспользоваться нервным напряжением первого

дня и, выложив достаточное количество улик, надеялся в горячую минуту вырвать у Рустамова откровенное признание.

Услышав фамилию «Рустамов», он встал, нервно бросил в пепельницу зажженную папиросу и с крепко сжатыми кулаками стал над моей головой.

— Я не потерплю, молодой человек, издевательств над собой! Не позволю никому незаконно обращаться со мной! Разве это достаточный повод для обвинения? Кому какое дело — буду я носить фамилию отца или матери? Вам не все равно, буду я Рустамов или Баидашвили? Кто вам дал право из-за этого арестовывать меня? — Гусейн кричал, брызгал слюной.

— Спокойнее, гражданин Рустамов! — Я встал. — Симуляция гнева — давно известный способ. Этот прием типичных, закоренелых преступников вам, опытному в этих делах человеку, не подходит!

В дверях появился мой помощник.

— Ничего, ничего! Оставьте нас одних, — сказал я. Гусейн с глубоким вздохом опустился в кресло.

— Конечно, всякий имеет право на изменение фамилии, тем более на фамилию матери, но это в том случае, когда за этим не кроется намерение скрыть свое темное прошлое. А вы это сделали именно с целью скрыть прошлое.

— Какое прошлое? — вскричал он, выпрямившись в кресле.

— Службу в полицейском розыске...

Рустамов, нервно схватившись за подбородок, оперся локтем о колено. Я сел.

— Верю, что в то время перемена фамилии вам была необходима. Повторяю, в то время, потому что тогда народ еще не залечил раны, нанесенные вашей «деятельностью». Теперь же, — в этом я согласен с вами, — такая перемена не имеет существенного значения. Как вам известно, наше правительство и тогда не преследовало тех ваших коллег, которые приняли Советскую власть и взялись за честный труд.

Человек, который несколько минут тому назад кричал и возмущался, вдруг съежился, стал таять на моих глазах.

Я замолчал. Ждал, что скажет Рустамов, но напрасно. Как будто онемев, он с каким-то тупым выражением смотрел в одну точку.

— Может быть, вы плохо себя чувствуете, вам трудно отвечать?

Он не шевельнулся. Я предпочел помолчать еще некоторое время.

— Если так, то отложим допрос до завтра...

— Нет! — вскричал он внезапно и, словно пробудившись, протер глаза, — я хорошо себя чувствую. Только прошлое

промелькнуло перед глазами, а в этом проклятом прошлом было так много событий, и я не мог очнуться.

— Сколько же вам лет? — с улыбкой спросил я.

— Черепаха живет столетия, но до самой смерти не расстается с местом, где она вылупилась из яйца. Ласточка в первый же год своего существования облетает весь мир. — Он внезапно расхохотался и сказал: — Чтоб долго не канителиться, заявляю, что ваши сведения точны. Я — Гусейн-бек Рустамов.

— Работали в Средней Азии начальником полицейского розыска?

— Помощником начальника.

— Вот это я и имел в виду, когда говорил о специальном образовании. А теперь перейдем к делу. Предупреждаю, будьте откровенны и искренни, нам все известно, и ваш отказ только ухудшит ваше положение. Нах, главным образом, интересует причина, вызвавшая преступление, а само преступление ваше доказано неопровержимыми уликами.

— Не понимаю! Следствие мне предъявляет еще и другое обвинение? — спросил он, облизнув кончиком языка высохшие губы.

— Когда у следователя имеется вещественное доказательство и правдивое признание сообщника, отрицать виновность бессмысленно, не правда ли?

— Бессмысленно... но... какого сообщника... ничего не понимаю!

По всем правилам логики он неминуемо должен был спросить: «какую виновность», но интерес к Лиане был так силен, что у него невольно вырвалось: «какого сообщника».

— Того, кто скрывал ваше преступление, кто, может быть, невольно, но все же толкнул вас на него.

— Кого вы имеет в виду?

— Если нужно будет, я вам устрою очную ставку. Теперь еще раз напоминаю, какое значение придает правосудие откровенному признанию и как это облегчит вашу участь.

— Знаю, знаю, все знаю, но мне интересно, кто, кроме меня, может нести ответственность по этому делу?

— Тот, кто знал все.

— Удивительно, право! Кто может иметь какое-нибудь отношение к тому, что я когда-то служил в полиции, или к тому, что переименовал фамилию? — спросил он, удивленно разводя руками.

Я усмехнулся и встал.

— Наш разговор напоминает игру в прятки.

— Ваша усмешка неуместна, -- обиделся он.

— Как и ваше удивление, не правда ли? — рассмеялся я.

— Если это так будет продолжаться, то мы друг друга не поймем.

— Мы уже поняли друг друга.

— Уверяю вас, что ничего не понимаю. На то, что мне было понятно, я ответил вам правдиво.

Гусейн очень осторожно обходил главный вопрос, вопрос, который он должен был задать первым делом: какое обвинение предъявляет ему следствие? Обходил его сознательно, чтобы выиграть время и подготовиться к ответу.

— Почему вы не спрашиваете, какое обвинение предъявляет вам следствие?

— Какое обвинение?.. Да, бог с вами, сколько раз я вас спросил, но ответа не добился.

— Сказать?

Рустамов отвернулся, бросил на меня смущенный взгляд и, как бы застигнутый на месте преступления, виновато опустил голову.

— Было бы лучше, если бы вы сами все сказали, но так и быть, я вам скажу: вы — убийца!

— Убийца? — он только чуть заметно вздрогнул. Чрезмерная подготовка, видимо, так его утомила, что теперь, когда настал решающий момент, он совершенно растерялся.

— Да, убийца!

— Ничего не понимаю! Убил? Где? Как?

— Сперва надо было спросить, «кого убил», даже из простого любопытства, если хотите...

— Боже мой! Кого же я убил? Как?.. Но вы меня лишили способности соображать, и я растерялся.

— Правдивый человек не теряется.

Рустамов вдруг поднялся, подошел к столику в углу, где стоял графин, налил в стакан воды и постоял, потирая лоб.

— Я — убийца! Невероятно! — пробормотал он, отпив воду, и остался стоять так, спиной ко мне.

— Долго вы собираетесь стоять так?

— Извините меня, пожалуйста! — воскликнул он и поспешно подошел ко мне. — Но вам же понятно, что так может вести себя только человек очень взволнованный. Если бы вы заглянули мне в душу, то не стали бы упрекать в невоспитанности.

Рустамов опустился в кресло и задумался.

— Ну, а теперь скажите, в чем убийстве я обвиняюсь? — спросил он, относительно успокоившись.

— В убийстве гражданина Автандила Картвелишвили! — ответил я, сверля его взглядом.

— Картвелишвили? Первый раз слышу эту фамилию, — спокойно ответил неподвижно сидящий Гусейн-бек.

— Странно! Идете на поминки и даже не поинтересовались узнать фамилию покойника.

— На поминки? Это еще что за новость?!

— Да, на поминки! А как же еще назвать вчерашний ужин, как не поминками?

— Вчерашний? — слово «вчерашний» на какую-то долю секунды вывело его из равновесия, и теперь он старался справиться с мыслями. — Вчера я ужинал у одной знакомой вдовы, но там не было никаких поминок.

— А кто сделал эту женщину вдовой, как не вы?!

— Я? Да что вы говорите?! — Он быстро отвел взгляд, достал портсигар и бросил его на стол.

— А как фамилия этой женщины, не помните?

— Шанидзе.

— И я говорю о Шанидзе, вдове Картвелишвили.

— Хорошо, но зачем же я убил?! По какой причине? С какой целью? — Он как будто нашел, за что ухватиться, так как именно причина, цель, с которой человек может убить другого человека, в данном случае не поддавалась определению. Ведь Гусейн-бек не знал Автандила! А нормальный человек не может убить другого только для того, чтобы жениться на его жене!

— Причина, цель как раз и интересует следствие.

— Что общего у меня могло быть с этой семьей? В чем вы видите причину?

— В Лиане! Вы хотели жениться на ней, но не учли, что с убийцей, да еще с убийцей своего мужа, друга, порядочная женщина не свяжет свою судьбу.

— Ничего не знаю! Всю эту историю, верно, смастерил кто-нибудь для того, чтоб замазать след настоящего убийцы.

Стенные часы пробили два раза.

Гусейн-бек, как заученный урок, все повторял: «Не знаю», «Ничего не могу сказать».

Когда подсудимый подписал опросный лист, он вздохнул свободно, осмелел, встал, принял надменное выражение и, понизив голос, сказал мне:

— Я настоятельно требую поставить меня лицом к лицу с человеком, который возводит на меня такое неслыханное обвинение.

— Лучше бы было, если бы вы с самого начала признались во всем и подвели какое-нибудь разумное основание под свое противоестественное злодеяние. А следствие располагает такими безошибочными уликами, что и без очной ставки вы будете вынуждены сознаться.

— А мне хочется встретиться с человеком, который может так бесстыдно оклеветать невинного.

— Должно быть, больше всего вас мучает мысль о Лиане—

предала она вас или нет? Я понимаю, чем вызвано ваше волнение. Потерять Лиану вы боитесь больше, чем потерять свободу. Но ничего не поделаешь, придется вам расстаться с мыслью о Лиане. Не достигли вы своей цели.

— Какой цели?

— Совершая это преступление, вы думали, что добываете этим личное счастье, но женщина оказалась умнее вас, — она обвела вас вокруг пальца, перехитрила вас.

— Женщина? Чем перехитрила?

— Благодаря вам она избавилась от человека, который преграждал ей путь к свободной жизни. А теперь намеревается избавиться и от вас.

До этого момента Рустамов находился в каком-то неопределенном состоянии, мысль его терялась в догадках, теперь же точно пелена спала с его глаз, он насторожился и, понизив голос, сказал:

— Вы рассуждаете так, точно сами были участником преступления.

— Я говорю то, что мне стало известно из показаний Лианы.

— Не поверю, чтобы эта женщина была так безжалостна.

— Не поверите? А я вот верю, что перед хитрой и коварной женщиной вы правдивы и искренни, а перед законом и совестью вы лжец и обманщик.

— У всякого человека есть свой бог, но следствие может говорить только языком доказательств.

— Это правда! Кстати, первая правда в ваших устах. Подойдите ко мне поближе, и вам станет ясно, что я не говорю без доказательств.

Рустамов встал и молча подошел. Я указал ему на записку, которая лежала под настольным стеклом, и сказал:

— Почитайте. Или, может быть, и эта записка сочинена с целью покрыть настоящего убийцу?

Рустамов в недоумении посмотрел на записку, смертельно побледнел и обеими руками оперся о стол.

— Вы помните, что написано на обратной стороне записки?

— Помню, помню! — вырвалось у него со стоном, и он в изнеможении опустил в кресло.

Долго просидел он без движения, закрыв лицо руками.

— Кто мог передать нам эту записку, как вы думаете? И какие нужны еще доказательства, чтоб добиться от вас правды?

Рустамов задрожал, вдруг вскочил, кинулся к столу и впился глазами в записку.

— Так... так... — пробормотал он наконец, выпрямляясь. — Где теперь Лиана?

— В камере, но сегодня мы ее отпускаем на свободу.

— Сегодня? Почему?

— Признание спасло ее. Если бы она была соучастницей убийства, разве она указала бы нам на вас?

— Дайте мне бумагу. Теперь я покажу правду, и посмотрим тогда, спасет ее признание или нет,—взревел он, разъяренный, протянув руку за бумагой. — Пусть и она погибнет вместе со мной.

Я достал из-под стекла записку Гусейна, положил ее в сейф и уступил свое кресло ему, приготовив на столе бумагу. Рустамов дрожал как в лихорадке...

Тут я окончил свой рассказ, закурил и взглянул на жену, которая слушала, не сводя с меня глаз.

— Ну, дальше? — спросила она с нетерпением.

— Что дальше?

— Это все?

— Все! А теперь почитаем дневник.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Моя история напоминает мне легенду о Каме... — Так начиналась первая страница дневника Лианы. — Убийца мужа Камы захотел сделать ее своей женой. Она согласилась. На свадьбе Кама выпила до дна чашу и передала ее своему повому мужу. И когда он выпил вино из той же чаши, Кама с радостью воскликнула:

«Клянусь тебе, о непорочная богиня, в том, что после смерти любимого мужа жизнь стала тягостной для меня. Но теперь я отмщена. А ты, насильник, скажи своим друзьям, чтобы готовили гроб тебе и саван вместо супружеского ложа».

Вино было отравлено.

Любовь и оскорбленное самолюбие заставили эту женщину совершить то, что она совершила. А я? Мало того, что не отомстила за мужа и не пожертвовала своею жизнью, я не посмела даже произнести перед правосудием имя его убийцы.

Почему? Чтобы спасти свою честь.

Поезд мчится. Мы оставили границу Грузии за собой. Там, на любимой родине, я оставила свое счастливое прошлое и полное горечи настоящее. Убегаю тайно, воровски, переменив фамилию.

Уношу, как бремя, свое тело, а душа остается там, где я родилась и где выросла.

Гордая Лиана стала несчастной и жалкой, как побирuşка. Непостижимо! И я до сих пор считала свою совесть чистой. должно быть, потому, что до того ужасного события я с ним не разговорила...»

— Как? Лиана сбежала? — удивленно спросила жена.

— Сбежала!

— А что показал Рустамов?

— Рустамов показал, что Лиана заставила его убить Автандила, обещав ему выйти за него замуж, что пистолет дала ему Лиана накануне убийства.

В овраге мы в самом деле нашли заржавленный пистолет системы Коровина.

— Как он там очутился?

— Рустамов показал, что, убегая после совершения убийства, он забросил пистолет в овраг. И точно, номер пистолета совпал с номером, указанным в удостоверении Автандила.

— Ну, а потом?

— Потом... иного выхода не было, пришлось посадить Лиану. Я в тот же день перепоручил ведение следствия другому.

— Почему?

— Жаль было ее, конечно, но, кроме того, и неловко было мне, что не удалось сдержать обещание. Я взял отпуск и, если помнишь, мы с тобой поехали отдыхать в Кобулет. Лиана недолго пробыла в тюрьме, ее отпустили по поручительству, так как она была беременна.

— Я все-таки не поняла, была Лиана причастна к убийству или нет? Что сказала Лиана после ареста? Кто дал пистолет Рустамову?

— Лиана твердила свое: пистолет Автандил потерял за месяц до убийства, а где была собака в ту ночь, она не знает. По правде говоря, я с самого начала не верил, что она причастна к убийству, но что она была причиной убийства, — в этом я не сомневался никогда. Ну, а чтобы разобраться в истине, надо прочесть этот дневник.

— А что сделали с Рустамовым?

— Врачебная экспертиза признала его нормальным, и ему присудили десять лет.

— Читай дневник!

«... Я в Киеве. Из всех виденных мной городов Киев оказался мне самым красивым. Широкие, утопающие в зелени улицы горделиво раскинулись на берегу Днепра.

Когда я вступила на землю этого города, мне показалось, что я дышу родным воздухом, что я на родной земле. Будто я привезла с собой природу моей Грузии».

«Меня зачислили на второй курс Киевского медицинского института. Я — студентка, Мери Давидовна Хотивари. Мери Хотивари — моя тбилисская подруга, мы вместе учились в институте. Я взяла ее документы. Буду врачом. Через месяц у меня родится ребенок. Ребенок! Это единственный луч света в моей жизни. Надеюсь воспитать полезного для страны че-

ловека. Не такого трусливого и слабого духом, какую оказалась я. Нет! Сильного духом, гордого строителя жизни, полезного для людей, для страны!

...Родился человек — моя любовь, мое утешение. Когда няня сказала мне, что родился сын, я поцеловала её руку.

У меня сын! Может быть, он вернет мне душевное равновесие.

Не думала я, что так может что-нибудь наполнить душу.

Оказывается, гораздо слаще любить другое существо, чем быть любимой.

Я назвала сына Гигой. Здоровый ребенок, мой черноглазый мальчуган».

«Гиге уже полтора года. Бегает, болтает. Шалун и непоседа. Общий любимец нашего общежития. С рук на руки переходит мой малыш. Все хотят доставить ему удовольствие. И Гига как будто чувствует общую любовь — всем улыбается, ко всем льнет. «Маленький грузин» — так зовут его мои товарищи.

Если бы у меня не было Гиги, я бы умерла от тоски».

«Сдала государственные экзамены. Нас распределили — меня послали врачом в село Возвышенское.

Я и Гига прощаемся с друзьями и знакомыми, уезжаем из Киева».

«Чудесное место село Возвышенское! Оно расположено на возвышении и окружено лесом.

Украинцы — веселый, добрый, вежливый народ. Гостеприимны, как грузины. Я не чувствую себя чужой здесь. Все очень добры ко мне.

Квартиру дали в здании амбулатории.

По соседству со мной живет грузин — агроном Иосиф Вардосанидзе.

Супруга Вардосанидзе — Екатерина — украинка. Любезная, сердечная женщина.

У них есть сынишка Митя, почти ровесник моего Гиги.

Иосиф Вардосанидзе — хороший человек, недаром он заслужил тут общую любовь и уважение. С утра до вечера работает.

Я стараюсь брать с него пример.

Лучшей награды для человека, чем общая любовь и признание, не может быть!

Екатерина одно лето гостила в Грузии и очень полюбила наш народ.

Ей хочется отплатить мне тем же вниманием, каким она была окружена на моей родине.

Она, как родная, заботится о нас.
У Дмитрия и Гиги одна и та же няня.

«Знакомые часто спрашивают меня о муже. Я им говорю, что муж мой скончался от сыпного тифа, а сама плачу.

Они считают, что я оплакиваю мужа. Откуда им знать, что вместе с Автандилом я оплакиваю свою молодость.

Когда человек один несет свое горе, ни с кем не может поделиться, облегчить душу, то оно камнем ложится на его сердце и давит, как тяжелая ноша.

О боже! Исповедь, признание были бы для меня бальзамом, очищением, успокоением мятежной души, но... Гига пока слишком мал, он ничего еще не поймет!»

«Ездила в Киев.

Была на футбольном состязании.

Играли тбилисское и киевское «Динамо».

Екатерина была со мной.

Был чудесный день.

По сигналу судьи на площадку выбежали одиннадцать юношей, как бы принеся с собой согретый солнцем воздух родного Тбилиси.

От радости кровь закипела в жилах.

Я не думала, что наши, т. е. мои и Екатериныны, интересы в чем-нибудь разойдутся. Я, не задумываясь, многим пожертвовала бы для этой доброй женщины. Но... когда тбилисский спортсмен точным ударом послал мяч прямо в ворота киевлян, у Екатерины вырвался стон досады, а у меня — крик ликования.

Игра закончилась победой тбилисцев.

— Вашим сегодня повезло, — сказала мне Екатерина после окончания игры. Я ничего не ответила и осталась стоять у входных ворот стадиона, — хотела поглядеть на земляков. Наконец **показались и они.**

— А вот ваши, — сказала Екатерина и прошла немного вперед, чтобы лучше увидеть победителей. Я тоже приготовилась их приветствовать, но вдруг заметила среди них соседского парня, и мною овладел безотчетный страх. «Он может меня узнать», — подумала я. Я скрылась за стоявшей тут же автомашиной и ушла незамеченная даже Екатериной».

«— Мери, почему ты убежала? Что с тобой? — обратилась ко мне Екатерина, войдя в комнату. Я промолчала. Она сняла пальто и шляпу и уселась у моего изголовья. — Ты так была рада их победе, а повидать своих не захотела, почему-то испугалась и сбежала. Почему?

Мне трудно было ответить. Я не знала, что сказать.

Давно я мечтала открыться кому-нибудь. Трудно было нести одной свое горестное бремя.

— Мери! Тебя что-то беспокоит, и ты скрываешь от меня! — сказала Екатерина, обняв меня.

— Возможно! — ответила я.

— Почему не скажешь? Или стесняешься меня?

Не раз я думала открыться этой хорошей женщине, близкому мне человеку, рассказать все, но не хватало смелости. «А вдруг, — думала я, — она иначе все расценит и отвернется от меня?» А я не хотела терять единственного друга.

Но достаточно было малейшего толчка извне, и я все равно призналась бы, рассказала все... И этот толчок был дан в ту минуту.

Я заговорила.

— Мне самой давно хочется поделиться с кем-нибудь, хочется открыть сердце, но боюсь, что меня не поймут и отвернутся от меня, возненавидят, — ответила я, расплакавшись.

Катя изумленно взглянула на меня.

— Что с тобой, Мери? И тебе не стыдно? Что может заставить нас отвернуться от тебя? Возненавидеть?

— Я Лиана, а не Мери. Я бежала из Грузии. Лиана Шанидзе я, а не Мери Хотивари, — смело призналась я и тоже взглянула ей прямо в глаза.

— Да что ты, Мери! Неужели ты... — Катя встала, побледнев, и пристально посмотрела на меня.

— О, только не это! Успокойся, сестра, я не преступник, не грабитель и не вор, — сказала я и тоже встала. — Выслушай меня.

Катя успокоилась. Она провела по лбу рукой и опустилась на стул.

— Я все тебе расскажу, а потом тебе видно будет, — как захочешь, так и рассуди...

Как целительное лекарство снимает боль ожога, так отошло в моем сердце имя Лиана. Мне казалось, что я, мертвая, вновь ожила. Сколько времени не касалось моего слуха это имя!

Я старалась не оглядываться назад, на прошлое, предать забвению все, но каждый раз имя Мери бередило раны.

«Отец мой, Иосиф Шанидзе, — начала я свой рассказ, — был офицером царской армии, его убили в 1916 году на турецком фронте. Мне тогда было шесть лет. Матери я не помню, она скончалась рано.

Оставшись круглой сиротой, я нашла приют у своего дяди, у которого не было детей. Адвокат по профессии, он считался в Тбилиси хорошим специалистом. Жена его, моя тетка и воспитательница, была добрая, сердечная женщина.

С детства окруженная вниманием этих двух добрых лю-

дей, баловавших меня, как родную дочь, я привыкла считать, что лучше меня никого нет на свете.

До двенадцати лет учителя занимались со мной дома. До пятнадцати лет меня не пускали одну на улицу, — прислуга провожала меня в школу и обратно.

«Красивее Лианы в городе никого нет!»

«Лиана просто ангел, слетевший с неба!»

«Ради Лианы кровь будут проливать обожатели!» — слышала я все время от своих воспитателей и принимала это как истину. Все эти уверения вошли в мое сознание, и я превратилась в такое избалованное и самовлюбленное существо, что дальше некуда!

Когда я подросла, от поклонников и обожателей не было отбоя, но я смотрела на всех свысока и близко никого не подпускала.

Близкие мои считали, что делают мне добро. Мою гордость, неприступность, высокомерие они считали пределом хорошего воспитания. Не понимали они, как уродовали мой характер таким воспитанием, такой преувеличенной заботой, какого неприспособленного к жизни человека делали из меня, какого эгоиста!

Училась я плохо. В этом тоже были виноваты наши.

Лето я проводила на высокогорных курортах, осенью ездила на море.

Кое-как я окончила школу. Мои товарищи поступили в институты, у них появились новые интересы, началась новая жизнь, все отдалились от меня.

И я тоже захотела поступить в вуз. Я не думала о том, зачем я туда поступала, не думала о трудностях учебы. Мне только было досадно, что мои товарищи в чем-то опередили меня, ушли дальше, а я ведь считала себя непревзойденной! Вот почему мне тоже захотелось получить высшее образование. Но мои нареченные родители не поддерживали моего стремления, — зачем, мол, тебе изводить себя учением, утомишься, цвет лица потеряешь, с тебя и красоты твоей хватит».

Хорошо еще, что у меня хватило упорства, и после долгих уговоров я сломила сопротивление старших и поступила в медицинский институт.

Укоренившаяся в сознании мысль о том, что трудно найти на свете достойного и равного мне человека, делала меня холодной и неприступной.

Тем не менее я все время кого-то ждала! И этот «кто-то» был, конечно, лучший среди мужчин, так же, как я, — среди девушек.

Но этого «кого-то» все не было. И я оставалась одинокой, на радость своим воспитателям.

Я была на первом курсе медицинского института, когда от сердечной болезни скоропостижно скончался мой дядя.

Через год и тетка последовала за мужем — скончалась от горя. И осталась я одна-одинешенька, объятая страхом за будущее.

Пока живы были старшие, я не задумывалась над тем, что такая жизнь не будет продолжаться всегда. И только тогда, когда обо мне некому уже было заботиться, я поняла, как уродливо воспитана, как виноваты передо мной люди, сделавшие из меня бездельницу и надменную гордячку. Правда, поздно, но я все-таки прозрела и оглянулась вокруг.

Мои ровесники, с детства приученные к труду, жили уже самостоятельной жизнью, никого и ничего не боялись, я же, как осиротевший ребенок, дрожала от неизвестности, от страха за будущее. Целый год продолжалось это гнетущее одиночество.

И вот однажды я обратила внимание на пожилого мужчину, очень симпатичного на вид, который был явно заинтересован мной.

Это продолжалось два месяца, — мы ежедневно встречались.

Он был очень внимателен ко мне, этот серьезный, спокойный, умный человек, он предупреждал все мои желания.

Он нашел путь к моему сердцу и убедил меня, что я могу сделать его счастливым.

И я сама была счастлива от сознания, что нужна кому-то, что кто-то будет осчастливлен мной. Мы расписались.

Основанный на взаимном уважении и понимании, этот союз должен был создать прочную, здоровую, счастливую семью.

Я больше не была одинока, у меня было такое чувство, какое бывает у истомленного зноем человека, попавшего под густую сень раскидистых ветвей. Это был отец Гиги, Автандил Картвелишвили, инженер по специальности. Бессмысленная кичливость моя постепенно исчезла. Ее сменило сознание ответственности за семью. Благородная цель появилась в моей жизни. Я хотела создать семью.

Автандил был очень счастлив.

— Я бесконечно горд, когда ты рядом со мной, — часто говаривал он мне.

Он любил гулять со мной по улицам и паркам города. Был всегда по отношению ко мне неизменно любезен и предупредителен. Он гордился мной, я это чувствовала, и с каждым днем все полнее делалось мое счастье, все сильнее — любовь.

Автандил помогал мне учиться. Мои желания были его желаниями, мои радости — его радостями.

Однажды, когда я шла по улице одна, какой-то мужчина вдруг преградил мне дорогу и протянул руку.

— Здравствуйте, Лиана! — обратился он ко мне, как бы удивленный и обрадованный неожиданной встречей. Я, растерявшись, подала ему руку.

— Как ваша жизнь, как дела? — спросил он вновь.

— Извините, но я... — ответила я, отдергивая руку.

— Но вы... меня не узнаете? Правда ведь? Я Джаба, Джаба Бандашвили. Не помните разве? Хотя тогда вы были маленькая, но все-таки старых друзей не надо забывать, — он как будто смутился и собрался уйти.

— Бандашвили? Простите, помню, как же! — солгала я, чтобы не поставить этого вежливого, серьезного человека в неловкое положение. Мой ответ придавал ему храбрости, он пошел рядом со мной.

— Работаю в Тбилиси. Я агроном, окончил институт в Москве. Командирован в Грузию в связи с работой по расширению площадей под субтропическими и техническими культурами.

Я слушала его, напряженно стараясь вспомнить, кто он такой, но ни лица, ни фамилии восстановить в памяти не могла и постепенно убеждалась, что такого знакомого у меня не было. В то же время я думала: если он на самом деле не мой знакомый, то как мог он так прямо и смело заговорить со мной?

Он проводил меня до дому и попрощался.

На другой день я встретила Джаба около института. Не понравилось мне это, но я все же поздоровалась с ним вежливо.

Он бесцеремонно пошел со мной, опять проводил до дому. По дороге рассказывал мне очень занятные истории из своей жизни. Говорил он интересно.

Из вежливости я пригласила его зайти.

Он будто ждал этого — сразу согласился.

По-видимому, Джаба собирался еще долго сидеть, но мне позвонил Автандил — просил зайти к нему на работу.

Я извинилась и собралась идти.

Мы вместе вышли на улицу.

Машина, присланная за мной Автандилом, уже ждала меня.

При прощании Джаба крепко пожал мне руку и, понизив голос, сказал:

— Простите мне мою смелость, но я всегда особенно к вам относился и в будущем постараюсь доказать свою преданность. — При этих словах краска залила его лицо, он отступил, опустив голову.

Эти слова неприятно поразили меня, но пока я опомнилась и сообразила, что ответить, он уже исчез.

Через некоторое время я получила анонимное письмо: какой-то «доброжелатель», восхваляя всемерно мои достоинства, сокрушался о том, что у меня такой недостойный муж. Автор письма расписывал Автандила, как старого, неисправимого развратника и вообще очень порочного человека, «Ваш муж изменяет вам на каждом шагу, — писал он. — Имея такую жену, как вы, он не брезгает даже погрязшими в разврате женщинами». Для примера в письме упоминалась некая Амалия Тетрадзе, вдова, проживающая в переулке Дзнеладзе, в таком-то номере. Неизвестный автор советовал мне проучить хорошенько оскорбителя-мужа или же вовсе расстаться с ним.

Меня озадачило это письмо, но в аморальность Автандила я поверить не могла.

Мужу я ничего не сказала. Почему? Не хотела его волновать попусту, решила сперва проверить все, о чем сообщалось в письме. Хотя я и уверяла себя в том, что все это выдумка, но тем не менее невольно стала следить за каждым шагом Автандила, за каждым его словом. Часто звонила ему на работу поздней ночью, проверяла, там ли он. Оказалось, что уехавший с работы Автандил нередко опаздывал домой на два-три часа.

Однажды я невзначай спросила шофера: «Вчера поздно ночью я видела тебя на улице Дзнеладзе, что ты там делал?» Шофер покраснел, растерялся и после минутного молчания ответил, что с разрешения Автандила возил на вокзал своего родственника. Червь подозрения вполз в душу, но я все молчала. В тот же вечер рано вернувшийся с работы Автандил спросил меня: «Зачем ты ходила ночью на улицу Дзнеладзе?» Я ответила, что у подруги ребенок упал со второго этажа, мне сообщили об этом, и я не могла не пойти, что звонила ему из-за машины, но его не оказалось на работе.

— Ты же видела машину, почему не остановила ее?

— Когда я возвращалась, то заметила на улице машину, похожую на твою, но не решилась подойти.

Мне казалось, что Автандила беспокоит не то, куда и зачем я ходила ночью, а то, что я раскрою его тайну.

Успокоенный моим ответом, Автандил обнял меня.

Теперь я твердо решила проверить его.

В один из ближайших дней я поискала в переулке Дзнеладзе квартиру Тетрадзе.

Возвращаясь обратно, я встретила вдруг на улице Джаба. Он почтительно поздоровался со мной.

— Случайно, я не обидел вас своей откровенностью? — спросил он, с достоинством глядя на меня.

— По правде говоря, и не очень обрадовали! — ответила я, продолжая идти.

Джаба, как тень, последовал за мной.

— Разве я сам не понимаю, что досадил вам, но ваше благородство и выдержка придали мне смелость сказать то, что я чувствую с детства.

— В детском возрасте все можно простить, но теперь вы взрослый, серьезный мужчина, и вам следовало бы быть осмотрительнее! — ответила я недовольным тоном и ускорила шаг.

— Лиана! Да разве разум управлял мною, когда те слова сорвались с моих уст? Вы думаете, я сам не жалел, когда пришел в себя? С тех пор я сгораю от стыда, близко не смею подойти к вам. Но сегодня я решил в последний раз встретиться с вами и попросить у вас прощения. — Я шла очень быстро, он шел за мною; произнеся эти последние слова нарочито громко, подчеркнуто, он вдруг остановился. Я тоже остановилась и повернулась к нему в ожидании.

У него в глазах блеснули слезы.

— Отныне я вас беспокоить не буду, — сказал он дрожащим от волнения голосом, — уеду из города совсем, хоть это и равносильно для меня смерти...

— Что вы такое говорите? Как вам не стыдно?! Зачем уедете? Почему? — воскликнула я, растрогавшись при виде мужских слез, и подошла к нему.

— Позорного я ничего не сделал, моя хорошая. Я хочу только, чтобы вы знали, что никто никогда не любил и не будет вас любить так, как я. Хочу, чтобы вы помнили, что есть на свете человек, который ради вас, ради вашего благополучия жизнью своей готов пожертвовать. А теперь прощайте! — Джаба повернулся и ушел.

Я осталась стоять на месте ошеломленная и смотрела вслед удалявшемуся Джаба, пока он не скрылся за поворотом.

«Почему он позволяет себе так разговаривать со мной? — думала я. — Неужели по моему поведению можно заключить, что муж и семья для меня ничего не значат?»

Охваченная внезапным гневом, я хотела догнать его и потребовать, чтобы в дальнейшем он не смел даже произносить моего имени, но... вдруг точно кто-то шепнул мне в ухо: «Ну, а что случилось? Разве он просил тебя бросить мужа, разбить семью? Разве он виноват в том, что любит тебя и будет любить? Пусть себе любит — в этом нет ни позора, ни вины перед мужем и семьей! Не сердиться надо на него, а жалеть. А слезы на его глазах — это залог чистоты и искренности его чувства».

Целый день я не могла отделаться от образа Джаба со слезами на глазах, но думать об этом не могла. Я слишком

была занята своим горем, я сходила с ума от мысли, что Автандил способен унижать меня перед какой-то женщиной. И если я не действовала пока еще решительно, то только потому, что все содержание письма слишком не соответствовало ни благоговейному отношению Автандила ко мне, ни его взглядам на семью и на мораль.

«Советская мораль осуждает тех, кто безответственно относится к своим семейным обязанностям. Супружеский союз — это обязательство людей не только друг перед другом, но и перед обществом, перед родиной. Только обоюдное признание этих обязательств может создать настоящую семью», — так рассуждал Автандил с первого дня нашего знакомства. Я вспоминала его слова, но не могла отделаться от сомнений, которые заронило в мою душу анонимное письмо.

Сначала я решила сторожить каждую ночь в переулке Дзнеладзе и удостовериться в том — бывает или нет Автандил у вдовы Тетрадзе. Но испугалась. А что, если это правда и я «удостоверюсь»? Тогда конец всему. И я предпочла терзаться сомнениями. Но долго выдержать было невозможно, я решила пойти прямо к Тетрадзе и выяснить все. Я знала, что женщина скроет от меня истину, — не могла же она так прямо признаться! Но мне как раз этого и хотелось. Скажет она мне правду или соврет, все равно, думала я, я успокоюсь.

Вдову Тетрадзе я застала дома. Это была женщина лет тридцати пяти, полная блондинка, среднего роста.

Увидев меня, она посерела и еле произнесла охрипшим голосом:

— Пожалуйте!

Я молча вошла и остановилась у стола.

Женщина поспешно вышла в другую комнату и долго не выходила оттуда.

— Присядьте! — войдя обратно, смущенно сказала она и, опустив голову, потянулась за папиросой.

— Вы, должно быть, узнаете меня и догадываетесь, конечно, зачем я пришла? — спросила я, в ожидании ответа не сводя глаз с растерявшейся женщины.

— Да, если не ошибаюсь, вы супруга Автандила Картвелишвили, — сказала она, оглядев меня с головы до ног своими кошачьими глазами.

— Я... законная супруга Автандила. А вы кем ему будете, хочу я знать?

— Доброжелателем, и больше никем!

— Разве для добрых пожеланий необходимо принимать его тайно у себя?

— Об этом спросите у самого Автандила! Силой я никогда не зазывала его к себе. — Смущение постепенно исчезало.

вдова становилась смелее. Дымя папиросой, она подошла к тахте и уселась поудобнее.

— Садитесь, к чему такие резкие слова? Если вас интересуют мои взаимоотношения с Автандилом, выслушайте меня спокойно, я ничего от вас не скрою.

Ее последние слова укололи меня в самое сердце. «Значит, между ними что-то есть! Ничего не скроет! Смелая, снисходительная женщина! Ничего не хочет скрыть! Значит, есть что скрывать!» — промелькнуло у меня в голове, и я взялась обеими руками за спинку стула, чтобы не упасть.

— Я и пришла, чтобы все узнать! — ответила я слабым голосом после минутного молчания.

— Я и Автандил еще со школьной скамьи полюбили друг друга, — начала она, — но его отъезд в Россию и другие неинтересные для вас причины заставили меня выйти замуж за другого. Два года тому назад я овдовела и тут же появился Автандил. Он уже успел жениться на вас. — Она встала, подошла к столу, нервно потушила о пепельницу папиросу и направилась к креслу. — Теперь же между нами ничего опасного для вас не происходит, кроме того, что он иногда дружески заезжает ко мне.

Я молчала. Она вновь встала, опять закурила и, как бы разговаривая с кем-то другим, продолжала:

— Упрекать вам меня не в чем! Наоборот, если бы я захотела... Но избави меня бог от того, чтобы разрушить чужую семью!..

Я хотела удалиться молча, но ноги мне не подчинялись, я вся дрожала. Наконец я собралась с силами и кое-как пошла к дверям.

Я сбежала по лестнице и вышла на улицу.

— Ты ничего ей не сказала? — спросила Катя.

— Что я могла сказать? Если мой муж не берег моего достоинства, ни во что меня не ставил и глумился надо мной, то как я могла обратиться к совершенно чужой мне женщине за опекой? Да, женщина, которая не сумела сберечь свою моральную чистоту, свою честь, не стала бы заботиться о моем самолюбии, не пожалела бы меня, — ответила я Кате и продолжала:

— Оглушенная отчаянием, задыхаясь от волнения, побежала я к Автандилу.

Я хотела громко, во всеуслышанье, при всех бросить ему в лицо страшное обвинение и так порвать навсегда с моим оскорбителем. О, хотя бы это случилось! Теперь Автандил был бы жив, и я была бы счастлива!

Я шла так быстро, что голова закружилась, и я вынуждена была остановиться и прислониться к дереву. Я вытерла с лица холодный пот, и как-то вдруг пришло спокойствие.

Жадно вдохнув пьянящий воздух майского утра, я оглянулась вокруг. Улица была полна народу, на всех лицах сиял отблеск мая, город жил кипучей жизнью. Я задумалась, посмотрела на себя со стороны, чужими глазами, и бывшая гордость проснулась во мне: «Как? Все должны узнать, что Авандил предпочел другую? Весь город должен будет сплетничать о бесчестье твоей семьи? И ты сама даешь ему пищу для сплетен! Ты будешь просить снисхождения у мужчины, который тебя не хочет, не любит?»

Я решила уехать из города, скрыться, не повидавшись с мужем.

У дверей моего дома стоял незнакомый молодой человек. Когда я подошла, он протянул мне конверт.

«Лиана! — было написано в письме. — С тех пор как я расстался с вами, я лежу больной. Не могу точно определить, что у меня болит, но лежу вот уже четыре дня. Может быть, вы будете так добры, что зайдете минут на пять повидать меня. Джаба.

Гостиница «Европа», комната № 14».

Прочитав записку, я тотчас же поспешила в гостиницу.

Если бы сама смерть позвала меня в эту минуту, я, не задумываясь, пошла бы за ней. Куда, зачем я так стремилась, и сейчас не могу объяснить, но я так бежала, точно любимейшее существо лежало на смертном одре.

Отвергнутая и оскорбленная самым любимым, самым близким существом, в безумном отчаянии я могла совершить в ту минуту все что угодно!

Я открыла без стука дверь комнаты Джаба. Больной с радостным удивлением привстал в постели:

— Лиана!

Я опустилась в изнеможении в кресло рядом с кроватью, Джаба схватил мою руку и прижал ее к груди.

— Я не ждал тебя, моя любовь, моя богиня!

И вдруг я опомнилась, точно меня во сне кто-то обдал холодной водой, вскочила, вырвала руку у дрожавшего всем телом Джаба и, пробормотав: «Вы здоровы», — как пуля вылетела из комнаты...»

...Зазвонил телефон. Я прекратил чтение. Жена подняла голову с подушки. Мы не двигались, но телефон звонил упорно.

— Я скажу, что тебя нет дома, — сказала Нино, вставая.

— Если звонят из отдела, то переведи телефон!

Звонили из отдела.

— Нашли труп без вести пропавшего Мдинарадзе. Начальник просит явиться, — сказал дежурный.

— Пришлите немедленно машину, — приказал я дежурному. Тетрадь я передал Нино.

— Машину уже выслали. Она, должно быть, ждет внизу, — был ответ.

Вернулся я домой на другой день к восьми часам вечера. Отсыпался до двенадцати часов ночи. Когда я проснулся, Нино читала дневник.

— Без меня читаешь?

— Я ждала тебя целые сутки и потом уже не выдержала.

— Много прочла?

— Много. Не мешай, дорогой, я почти уже кончаю и отдам тебе.

— До каких пор дошла?

— До 1941 года.

— До тех пор они все в Возвышенском?

— Да, да, подожди же немного, не мешай, — нервно отмахнулась Нино.

— Продолжай читать вслух, пропущенные страницы я потом прочту.

— Да! Зачем тебя вызывали? — спросила жена, взглянув на меня своими большими глазами.

— Потом расскажу. Это тоже большое, интересное дело. А сейчас читай дневник.

Нино начала читать вслух.

«Весна тысяча девятьсот сорок первого года... Я и Катя едем в Грузию. Гигу я оставила у них, у Вардосанидзе. Мой умница мальчик воображает себя уже взрослым. Митя и Гига почти ровесники. Мальчики обещали, что будут все время вместе, вместе будут готовить уроки. Я же обещала привезти им из Грузии хорошие подарки.

В Тбилиси мне страшно приезжать, а тянет туда невыносимо. Там, должно быть, все меня забыли, да и я изменилась, возраст многое меняет, но совесть меня мучает и здесь, далеко от родины, мучает за малодушие, за преступное мое молчание.

Пусть для меня будут сущим адом три-четыре дня, которые я там проведу, но я хоть разок взгляну на свой любимый город!

Рано утром наш поезд тронулся.

Еду! Радуюсь, но и боюсь: вдруг меня узнают!

Наш поезд называется «скорым», но я так стремлюсь в родные края, что сердце далеко обгоняет его.

Дни кажутся мне годами, может быть, потому, что сон бежит от глаз и утомленный дух утомляет тело.

...Поезд мчится уже по родной земле. Мы в Грузии! Я успокоилась. Позавтракала и улеглась спать.

— Не буди меня, пока сама не проснусь,—говорю я Кате.
— Даже в Тбилиси? — ласково смеется она».

«Моя жизнь устроилась совсем не так, как мне мечталось в молодости», — думала я, облокотившись на подоконник ночью в гостинице «Тбилиси».

Все изменилось в моем родном городе... Даже звезды, с которыми я так любила беседовать в одиночестве, стали ярче блестеть и так трепещут, будто хотят слететь в этот жизнерадостный город.

Странно! Никогда не заглядывала я так глубоко в свою душу, как сегодня. В сердце так светло, что мне хочется петь!

Подняв воротник пальто, чтоб не быть узнанной, я обошла сегодня полгорода.

Обновленный Тбилиси весь в зеленом уборе.

Величественно красив проспект имени Руставели. Такой улицы я ни в одном городе не видала!

Здание ИМЛа выглядит как великан среди старинных зданий.

В бывшем дворце наместника хозяйничают пионеры. А рядом выросла новая громада — Дом Правительства.

Площадь перед зданием городского Совета раскинулась во всю ширь, будто вздохнула полной грудью и расправила крылья. А была она некогда с ладошку.

Ходила я к тому дому, в котором жила.

Тут все изменилось вокруг.

Я обошла дом сзади, со стороны оврага.

В старину я любила этот овраг, засыпанный камнями и заросший сорняком. Куда девалась тропинка, пролежавшая по кромке оврага, и сам овраг, забитый мшистыми глыбами?! Могильные камни уступили место цветущему саду, огромному парку!

Мне захотелось посидеть и отдохнуть в саду, но прошлое взметнулось в сердце грозной бурей, и я поспешила уйти прочь. Прошла по площади Героев. Оголенные когда-то берега Куры оделись в железобетон, и красавица набережная, обсаженная раскидистыми платанами, протянулась вдоль реки. Как вырос, как несказанно похорошел мой любимый Тбилиси!»

«Я и Катя вновь в Возвышенском. Тут все в порядке. Гига выглядит отлично.

Я решила этим летом вернуться в Грузию, предстать перед судом и во всем признаться, признаться в том, что слабость воли, малодушие мое виноваты в моем поступке.

Решение принято твердое, и я успокоилась. Мысль о том, что я смогу вернуться на родину, окрыляет меня.

О, как терзало меня все эти годы сознание своей вины!»

«Сколько времени я не открывала своего дневника! Не до того было! Война, очевидно, надолго. Все, кто может держать оружие, устремились в леса.

От Возвышенского почти ничего не осталось. На спящее село на рассвете посыпались снаряды, и село погибло в огне пожара.

Катю и ее мужа убило от разрыва снаряда.

С трудом удалось мне спасти из этого ада мальчиков.

Мы нашли приют у отца Екатерины, в хижине деда Ивана. Старик не подозревает о том, что его единственная дочь, его Катя, и любимый зять погибли.

Мы наладили связь с партизанами.

Меня ранили в ногу. Рана зажила, но нога бездействует. Сердце стало как камень, и я забыла о судьбе своей. Великое испытание, ниспосланное на страну и народ, вытеснило мое личное горе.

«Фашистский офицер Отто Шпаркуль, которого я подобрала в лесу полумертвым, выжил и теперь прекрасно себя чувствует.

Связь с партизанами нарушена, и мне никак не удастся передать в их руки этого выродка.

Даже дед Иван, как ни ухитрялся, не смог пробраться к партизанам. Они далеко от нас, а все дороги заняты немцами.

В третий раз пошел дед попытать счастья. Посмотрим, с чем он вернется?»

«Отто Шпаркулю тридцать лет. Отец его, уроженец Баварии, был мясником в Лейпциге.

Отто больше всех других благ привлекли, оказывается, наши украинские коровы, и он мечтал вызвать сюда своего папашу, чтобы угнать наш скот в Германию.

— Здесь очень, очень много земли, природных богатств, но все это пропадало без умелого хозяина до нашего прихода, — говорил Отто. Я кивала ему в знак согласия и вообще делала вид, что ничуть не заинтересована судьбой моей страны.

Боялась я, чтобы Отто не выскользнул у меня из рук. Немец несколько раз поручал деду сообщить немцам о его местопребывании. Но дед Иван уверял его, что все дороги заняты партизанами, и немцы не решаются войти в лес.

Отто поневоле приходится сидеть здесь и ждать «удобного случая».

«Вот уже три дня нет деда Ивана. Или он попал в руки немцев, или же ему удалось пробраться к партизанам, и он

застрел там. Я очень волнуюсь. Гига и Миця разделяют мое волнение.

Отто тоже не в духе. Как видно, исчезновение деда его тоже не устраивает. Целый день скулит, как побитый пес.

На деда он с самого начала смотрел с подозрением, все боялся, чтоб тот не наслал на него партизан».

«Прошло уже четыре дня, а деда все нет.

Отто взволнованный вошел в комнату и сказал мне:

— Сегодня ночью я должен уйти отсюда, предчувствую беду. Ты должна проводить меня.

Я отказалась под тем предлогом, что боюсь партизан. Но этот довод он не счел веским, и мне пришлось согласиться.

Я уложила мальчиков спать. Оделась. Отто не отходил от меня, подозревая что-то недоброе. Меня душила злоба.

«Враг, зверь, фашист умирал, — думала я, — я подобрала его, вылечила и теперь целехонького и здорового посылаю обратно во вражеский стан для того, чтоб он опять убивал советских людей!»

Как я могу искупить такую вину перед Родиной?

Я и Отто вышли из дому. День угасал, на небе зажглись звезды. Лес гудел от гомона птиц, устранившихся на ночлег.

Во дворе я заметила короткую, толстую дубину.

Отто шел передо мной.

Я схватила палку и, не дав себе времени осмыслить происходящее, размахнувшись, изо всех сил ударила немца по затылку. Он упал плашмя, не издав ни звука. Я выхватила у него из кармана револьвер и прицелилась. Немец внезапно пришел в себя, перевернулся и привстал.

— Мери! Не надо, ради бога, — взревел он, увидев в моих руках револьвер. Я не ответила и, сделав шаг назад, взвела курок.

— Мери! — вскричал он, вскочив на одно колено. — Неужели ты затем меня вылечила, чтоб убить?

— Ты был тяжело ранен, и я исполнила долг врача. Теперь же, когда ты здоров и идешь убивать моих братьев, я исполняю долг патриота, — ответила я, спуская курок револьвера, наведенного на лоб врага...»

«...Как я спаслась? Чудом спаслась из плена! Я чувствую себя как во сне. Сколько я перенесла!

Было бы желание, была бы цель, освещающая жизнь, и человек все может выдержать, все может вынести!

Отто я похоронила в ту же ночь в лесу, все его вещи из предосторожности положила с ним в яму, только револьвер оставила на всякий случай. Место могилы в глубине леса я замаскировала.

Прошло еще два дня. Дед Иван все не возвращался. Запас еды кончался. Я не знала, как мне быть!

Легла поздно. Было за полночь, когда в дверь постучали. Я вскочила открывать дверь, думала, что вернулся дед, но в дверях стояли фашистские солдаты.

Искали Отто.

Я сказала, что никогда не видела такого.

Допросили и мальчиков, пугали их, угрожали, но мальчики твердили одно: не видели, не знают такого.

Перевернули весь дом, забираясь во все углы.

Нашли револьвер.

— Кто вам дал этот револьвер? — спросил меня разжиревший, как свинья, офицер, вертя в руках парабеллум Отто.

Я сразу не сообразила, что ответить.

— Этот револьвер мы с Митей нашли в лесу и принесли матери! — пришел вдруг на помощь мне стоявший в углу полураздетый Гига.

— Я его нашел в траве! — поддержал его Митя.

— Дети нашли и принесли мне! — пробормотала я.

Меня задержали.

Гига и Митя, как истуканы, остались стоять в углу комнаты.

Фашисты увели меня.

Детей они оставили в лесу.

Немцы направились к Возвышенскому. Они торопились. Хотели до рассвета выйти из лесу, — должно быть, боялись партизан.

Я знала, что, доставив на место, меня замучают насмерть.

Меня освободили партизаны. Среди них было много знакомых. Дед Иван тоже был среди них.

Начальник партизанского отряда на другой же день послал людей в лес за мальчиками, но они вернулись ни с чем, — детей в хижине не оказалось.

Я осталась в отряде врачом. След мальчиков пока не отыскался. Неужели мне не доведется больше увидеть моего первенца и моего приемного сына, моих Гигу и Митю?..»

Нино замолкла, привстала, бросив закрытую тетрадь на мою постель.

— Конец? — спросил я помрачневшую Нино.

— Конец. Интересно, что потом случилось с этой несчастной женщиной? Чем кончилось все это? Эх, если бы Автандил был жив... — проговорила она, повернувшись к стене.

— А зачем это тебе? — спросил я, беря тетрадь в руки.

— Многое бы я ему сказала. Он тоже виноват.

— Ты права... Но теперь ты засни, а я буду читать пропущенные мной страницы, — сказал я жене, открыл тетрадку и

поискал то место, на котором нас прервал телефонный звонок, вызвавший меня по делу Мдинарадзе.

«...Зачем я пошла к Джаба? Неужели так затуманился мой разум, что я уже не понимаю истинного смысла своего поступка?—думала я, выйдя на улицу. Я решила идти к Автандилу, сказать ему последнее «спасибо» за нанесенное мне оскорбление и расстаться с ним, уехать из Тбилиси.

Я открыла дверь в кабинет Автандила. Он сидел у письменного стола и беседовал с каким-то мужчиной.

Увидев меня, он встал и удивленно посмотрел на меня. На мне, должно быть, лица не было, так как он очень взволнованно спросил:

— Что с тобой случилось? Ты больна?

Я тяжело опустилась в кресло перед столом и ледяным взглядом посмотрела в лицо этому еще недавно любимому и единственно близкому мне человеку.

— В чем дело, что случилось? — еще раз переспросил он, перегнувшись через стол.

— Ничего... Вдова Тетрадзе просила передать тебе... по лучше потом... — ответила я с деланным спокойствием.

Сидевший у Автандила мужчина почувствовал, что он тут лишний, встал и собрался уходить.

Автандил растерянно собрал бумаги, разложенные на столе, и обратился к посетителю:

— Ничего, ничего! Присядьте, пожалуйста! Закончим разговор!.. — сказал он, обратив на меня взгляд, полный упрека.

Незнакомец сел на свое место. Ошеломленный Автандил собрался кое-как с мыслями и сумел выдать из себя:

— Если в цехе работа не перестроится в ближайшие дни, то имейте в виду, что отвечать придется нам!

— Все ясно, товарищ Автандил!

— Ну так, надеюсь, через неделю вы придете ко мне с лучшим результатом.

Автандил встал и протянул руку посетителю.

Мы остались вдвоем.

— Кто такая Тетрадзе Лиана? — пробормотал Автандил, подойдя ко мне и ласково тронув меня за плечо.

Я вскочила как ужаленная, сбросив его руку со своего плеча.

— Не совестно тебе, Автандил? Делаешь вид, что впервые слышишь эту фамилию. Ведь это твоя первая любовь! Между нами все кончено! У тебя нет больше жены! Если я останусь жить, то только ради ребенка, которого ты, как и меня, никогда не увидишь!

— Лиана! Ты с ума сошла! Кто тебя надоумил на такое? Ты говоришь глупости, как тебе не стыдно?! — Автандил нагнал меня в дверях и удержал за локоть.

Я с отвращением вырвала свою руку.

— Имей в виду, что мое решение твердо! Оно не изменится. И прошу тебя во имя нашего прошлого не старайся меня видеть и, пока я еще дома, не попадайся мне на глаза!

— Если уж ты так захотела, зачем понадобилось приплести какую-то там Тетрадзэ?—сказал он обиженно и отошел к окну.

— Да, именно так хотела! — Слезы душили меня и, чтоб не расплакаться у него на глазах, я поспешно вышла из комнаты.

Как я была счастлива! Как я любила мужа, семью! С каким восторгом я ожидала нашего ребенка! Когда я оставалась одна, то начинала рассказывать сказки, петь колыбельную, читать стихи моему сыну. Он представлялся мне героем, красивым, статным. В моем воображении он был то будущий поэт, то композитор, музыкант, — в кого только я не превращала это еще не родившееся существо.

Но теперь интерес к жизни вдруг развеялся, как осенние листья от внезапно поднявшейся бури.

Вернувшись домой, я почувствовала необыкновенную усталость, меня клонило ко сну. Я решила, что пришел мой конец — сердце куда-то уходило, куда-то проваливалось. Умывшись холодной водой, я немного пришла в себя.

«Стоит ли жить с разбитым сердцем, с разбитыми надеждами, с оскорбленным самолюбием?» — мелькнуло у меня в голове. Я открыла ящик письменного стола Автандила и достала спрятанный там пистолет. Зачем я это делала — сама не знала. Я говорила себе, что не стоит жить после всего, что произошло, но сама же не верила в то, что покончу с собой. Я не принимала такого решения, не собиралась убивать себя, но в то же время чувствовала всем существом, что избавление только в смерти.

Ну, а Автандил? Он, опозоривший, отравивший мне жизнь, должен остаться жить? — думала я. — Ведь теперь я уже не люблю его. Да, не люблю! Но во мне умерла только любовь, а огонь ревности горит в груди неугасимо, не горит, а бушует! Оказывается, ревность не умирает в сердце вместе с любовью!»

...Вдруг какой-то необычный озноб прошел по всему моему телу, что-то двинулось внутри, движение было нежное, как осторожный сигнал. Это был наш ребенок! Это было его первое движение! Я задрожала от мысли, что и он тоже должен будет умереть вместе со мной!

Умереть? А может быть, это лучше для него?

Зазвонил телефон. Я вздрогнула.

Мне показалось, что меня застали на месте преступления.

Я растерялась. Телефон все звонил. Бросив пистолет на стол, я подошла к телефону.

— Кто это? — спросила я в трубку, вытирая слезы.

— Это я, Джаба, Лиана! Твое поведение подняло меня больного с постели. Я тебя искал, хотел спросить, в чем дело, что с тобой?

— Откуда ты звонишь? — спросила я.

— Я тут же, недалеко, — был ответ, — случилось что-нибудь? Скажи...

— Ничего, ничего, не спрашивай... — проговорила я и повесила трубку.

Этот разговор отрезвил меня. Я заглянула в свою душу и как будто поняла, что поспешность в таком деле ничего хорошего не принесет.

Мне было необходимо поделиться с кем-нибудь, с близким, знакомым, необходимо было дать исход своему горю. Я постучала к соседям — дома никого не оказалось. Вбежала на второй этаж, — там тоже двери были на замке. Одиночество родило страх. Я заперлась в своей комнате, не знала, куда идти, кому доверить свою горе. Наконец я подошла к телефону. Совершенно бессознательно назвала номер Автандила, — видно, сердце все еще считало его самым близким. Он не ответил. На работе его не было.

«Его нет ни дома, ни на работе. Где же он? Должно быть, у нее...» — подумала я, и в эту минуту зазвонил звонок в прихожей.

Кто это может быть?

Я поправила волосы, вытерла слезы, чтоб не выдать Автандилу свое состояние, и открыла дверь. Передо мной вместо Автандила стоял Джаба.

— Что вам нужно, зачем вы пришли?

— Мне ничего не нужно, кроме вашего благополучия. Если все у вас в порядке, то и на глаза вам не покажусь, — ответил он и ушел.

Но мое истерзанное сердце почувствовало вдруг такое облегчение от появления живой души, что я невольно крикнула ему вдогонку:

— Подожди!

Джаба вернулся.

— Что случилось, заклинаю тебя, скажи! Лица на тебе нет, стряслось что-нибудь с тобой? — спросил он меня.

— Я сама не своя, ужасно все это, — проговорила я, входя в комнату и избегая его взгляда.

Джаба взял со стола пистолет и многозначительно посмотрел на меня.

— Что это значит? Зачем он тебе понадобился? Я же ска-

зал тебе, что я самый искренний и верный друг, к которому ты можешь обратиться в беде.

— Как я могу довериться чужому, если мой собственный муж отвернулся от меня, растоптал ногами мое доверие, мою любовь!

— Успокойся, родная, такой безотчетный порыв унижает тебя, поверь!

— Не могу иначе.

— Надо выдержать все это. Надо дать почувствовать этому неблагородному человеку, что ни во что его не ставишь, что презрением отвечаешь на его поступок. А самоубийством чего ты добьешься?

— Боже мой...

— Такое возбуждение вызвано внезапностью, неожиданностью удара. Поверь мне, оно очень скоро пройдет, уляжется и тогда...

— Что мне делать, Джаба, научи!

— Возьми себя в руки и действуй! — сказал он уже строгим тоном приказа. — Все нужные тебе вещи перенеси в передние комнаты и запри дверь. Пусть он — сам по себе, ты — сама по себе! Пусть убедится, что у тебя есть собственное «я» и оскорблять себя ты никому не позволишь. Мужайся. Прояви твердость характера, и если тебя пугает одиночество, я — тут. Я тебя не оставлю и, если пожелаешь, жизнью своей пожертвую, лишь бы тебе было хорошо.

Я послушалась совета, перенесла свои вещи в передние комнаты и заперла дверь.

— А теперь позвони Автандилу и сообщи ему о своем решении, — сказал Джаба.

Шатаясь, подошла я к телефону и вызвала Автандила. Я была уверена, что его на работе нет, но он сразу же ответил.

— Автандил, с сегодняшнего дня мы будем жить в квартире порознь. Ты — сам по себе, я — сама по себе. — Сказала я эти слова как-то нехотя, без сердца и все ждала, что Автандил ответит мне в своей обычной манере — умно, тепло, ласково.

— Понимаю! Ты об этом мне один раз уже сказала! — ответил он на этот раз резко и поспешно.

— Слушай! Все вещи, которые принадлежали мне, я перенесла в передние комнаты и заперла дверь. В свои комнаты ты будешь ходить со двора, — тут спазма сжала мне горло, и я разрыдалась, уронив трубку на стол. Чтобы Автандил не услышал моих рыданий. Джаба молниеносно нажал рукой на рычаг телефона и потом уже положил трубку. Оказалось, что этим он навеки разъединил меня и Автандила.

— Хорошо же ты проявляешь твердость! Чего ты плачешь! — Он подхватил меня под руку и усадил в кресло.

Почему-то я вся отдалась во власть этого странного человека.

— Джаба! Все равно он меня не оставит в покое!—воскликнула я, но не потому я сказала эти слова, что боялась Автандила, нет! Я хотела найти выход, лазейку перед Джаба. Все существо мое восставало против разрыва с Автандилом. Я знала, что мне не легко будет перенести этот разрыв.

— Если он тебя не оставит в покое, то доверься мне, и даю тебе слово, что твой покой будет обеспечен. Об этом не беспокойся. Теперь я ухожу и скоро опять повидая тебя. Только обещай, что ты твердо будешь стоять на своем решении и не станешь унижать себя! — Джаба поцеловал мне руку и почему-то поспешил уйти.

Я почувствовала страшное одиночество. Встала, огляделась и вдруг заметила, что со стола исчез пистолет. Я решила, что его взял Джаба, иначе не могло быть, пошла в спальню и прилегла на кровать. Почему Джаба не спросил меня, на кого променял меня Автандил и чем он вообще меня оскорбил? — Эта мысль пронеслась как молния.

Тогда я не додумала эту мысль до конца, тогда я не догадалась, что автором анонимки, которая сообщала мне о связи Автандила с вдовой Тетрадзе, был Джаба.

Тогда я не догадалась, что он плел страшную паутину отчуждения и ненависти между мной и Автандилом.

«А ведь возможно, что Автандил вовсе не знает, кто такая Тетрадзе, возможно, что эта коварная женщина наклеветала на Автандила», — подсказал мне вдруг разум эту здоровую мысль, но она скоро затерялась среди множества других мыслей. Я вспомнила, как вела себя эта женщина со мной, как резок был Автандил, и минутное просветление потухло, как искра.

Я почувствовала страшную усталость во всем теле, голова распухла от дум, сердце устало переживать, и я заснула.

Проснулась я от телефонного звонка.

Было двенадцать часов ночи.

Во сне мое возбуждение улеглось. Я подошла к телефону спокойная и сконфуженная. Я ожидала услышать голос Автандила.

Но звонил все тот же Джаба. Его глухой, с хрипотцой голос неприятно кольнул меня.

— Лиана! У меня есть для тебя новости. Мне надо повидать тебя сегодня же ночью.

— Зачем? — спросила я, и вновь волна отчаяния хлынула в сердце. «Должно быть, разговор опять будет о мерзости Автандила!» — подумала я.

— Затем, чтоб рассказать про Автандила, а зачем же еще?

— О его развратных мерзостях?

— Подробно расскажу при встрече. Когда Автандил придет домой и ляжет спать, тогда выходи во двор, я тебя буду ждать.

— Почему во двор, да еще так поздно? Не можешь прийти сейчас?

— Сейчас? Нет, неловко, если нас увидит Автандил. И вообще войти к тебе так поздно ночью неудобно. Больше жизни я берегу твое доброе имя.

Мне понравилась его осторожность, и я согласилась.

— Только запрети собаку, а то она меня во двор не пустит.

— Хорошо, хорошо, — ответила я неохотно и опять улеглась.

Прошло немного времени, и вновь яд отчаяния, расплзшись по всем нервам, зажег пожар в моей груди. Мурашки поползли по телу, я дрожала как в лихорадке. Поспешно вскочив, я вышла во двор. Отвела собаку в подвал, заперла ее там и вернулась в комнату. Но страшное возбуждение, овладевшее мной, гнало меня из дома, мне не хватало воздуха, я задыхалась, страшно было одной. Я вышла на улицу и бродила, пока какой-то пьяница не пристал ко мне.

Я, словно чувствуя приближение какого-то несчастья, боялась даже звука собственных шагов.

Я сняла туфли, на цыпочках вошла в спальню и остановилась перед постелью... И вдруг у меня потемнело в глазах...

«Джаба, должно быть, хочет рассказать о новых похождениях Автандила, иначе зачем он вызывает меня ночью, зачем подливает масло в огонь?» — подумала я невольно. Почему я не догадалась, что ничего он не хотел мне рассказать, ничего не мог мне рассказать такого, что требовало спешки. Наутро мне все стало ясно, мне стало ясно, что все мои беды и несчастья сочинил Джаба, что огонь, в котором я горела, был раздут Джаба и вдовой Тетрадзе. Он, это чудовище в образе человека, устроил мне западню с тем, чтобы я попала в сети и досталась ему.

— Вовремя надо было думать, моя милая, вовремя! — заметила Екатерина.

— Теперь-то я все вижу, но тогда так все было неожиданно и страшно, что я не смогла разобраться, и в моем безутешном горе Джаба показался мне добрым другом. В тот день я была невменяемой, и если бы Джаба предложил мне веревку, я бы без оглядки повесилась.

— Понимаю, понимаю твое состояние, но с самого начала ты очень уж опрометчиво решила, очень легковесно, дорогая Мери... или Лиана, я уж не знаю, как тебя называть! Дальше? Продолжай!

— Было около трех часов ночи, когда у нашего подъезда остановилась машина и через минуту отъехала.

«Автандил приехал». — подумала я, напрягая слух.

Никто не появлялся. Город был объят ночной тишиной. Эта могильная тишина пугала меня. Мне хотелось видеть какое-нибудь живое существо, соседей или хоть случайного прохожего.

Но кого я могла побеспокоить в такое время? И что я сказала бы? Что в семье моей неладно?

И вдруг я вспомнила о собаке, — пусть хоть собака будет рядом со мной, собака — тоже живое существо!

Я решила выпустить собаку и собралась выйти во двор. Когда я подошла к дверям и хотела взяться за ручку, я вдруг услышала приглушенный звук выстрела. Я вздрогнула так, точно выстрелили мне прямо в сердце. Я приросла к месту. Поднятая рука так и застыла в воздухе. Сердце перестало биться. дыхание остановилось. В ушах шумело. Страшное напряжение целого дня измотало меня.

— Боже мой! Какая ужасная ночь! — пробормотала я, опустившись на тахту и прикрыв косынкой лицо.

Долго пролежала я неподвижно, затаив дыхание.

Я мысленно заглянула в жизнь без Автандила.

И там я увидела опустошенное сердце и туман. Я вскочила от испуга.

Оглянулась вокруг. Я была одна.

Надо было выбирать: одиночество, гордость, непросщение или муж и семья.

Сердце мое, уже вкушившее радость семейной жизни, потянулось к ним — к семье, к мужу.

Я встала и открыла запертую среднюю дверь.

Вынесенные в передние комнаты вещи я расставила на свои места.

Вышла во двор, спустилась в подвал, чтобы выпустить собаку. Она тоскливо скулила взаперти. Не успела я открыть дверь, как собака выскочила и, не обращая на меня внимания, с громким воем кинулась со двора в сторону оврага. Я ее звала, но напрасно. Войдя в дом, я долго еще слышала ее протяжное, наводящее жуть завывание. В этом завывании я увидела плохое предзнаменование, и мною вновь овладел страх. Я кинулась к телефону и позвонила Автандилу. Долго ожидала я у телефона, но ответа не было.

«Может быть, он вообще не захочет вернуться домой, может быть, вдова Тетрадзе добьется своего! Может быть, теперь он там!»

Я наспех сняла с вешалки накидку и, собравшись идти на квартиру вдовы, вышла в заднюю комнату, чтобы запереть дверь на балкон.

Собака продолжала выть у оврага.

Я остановилась в нерешительности.

Заснувшее в глубине сознания суеверие зашевелилось во мне.

«Умное животное предсказывает мне несчастье», — подумала я и не решилась выйти из дому.

Рассвело...

Я потушила свет и подошла к окну. Моя изнывшая душа жаждала дневного света, как спасенья.

В коридоре послышались шаги, шум.

В дверь стали бить кулаками, кричали что-то, скоро весь дом поднялся на ноги.

— Лиана! Лиана! — звали меня.

У меня подкосились колени, замерло дыхание. Я отозвалась с трудом.

— Открой дверь! — Я узнала голос соседки.

— Что случилось? — закричала я, выбивая кулаком задвижку.

— Автандил убит! — услышала я ответ и тут же потеряла сознание.

— О, как это ужасно, боже мой! Зачем это нужно было, почему? — воскликнула Екатерина.

— Зачем? Почему? Вот это-то и мучает меня в продолжение стольких лет, — ответила я со слезами на глазах, задумавшись над своим прошлым.

— Ну, и что ты сделала? Рассказывай дальше.

— Когда я пришла в себя, покойник уже лежал в гостиной. Дом был полон народу. Были и представители власти.

Тогда-то я поняла, что Автандил сделался жертвой моего неблагоразумия и моей растерянности. Поняла, но... было уже поздно. Теперь уже новый страх родился у меня, и я не решилась назвать имя человека, разрушившего мою семью, не решилась назвать имя убийцы моего мужа. Удивительно! Когда мне было очень тяжело, я совершенно не думала о самозащите, наоборот, думала даже о самоубийстве, а теперь, когда я очутилась лицом к лицу с настоящей опасностью, — стала думать о самозащите...

...Я похоронила Автандила, и на сердце легла гнетущая тоска.

Джаба исчез, точно сквозь землю провалился.

Началось следствие. Меня допросили, но я скрыла все.

Если бы я сказала правду, Джаба, коварный по природе человек, мог втянуть в дело и меня.

И правда, как я могла доказать, что пистолет дала ему не я.

Ведь и собаку я заперла в подвале для того, чтоб убийца мог беспрепятственно пройти во двор.

Автандилу я заперла вход с улицы и послала его через черный ход со двора.

Какие еще требовались улики для того, чтобы отдать меня под суд?

И я, невиновная по существу, не причастная к убийству, должна была в глазах людей покрыть свое имя позором.

Я не так боялась наказания, как боялась общественного порицания, толков, которые утвердили бы за мной имя падшей женщины.

Следствие не нашло ничего существенного для дела, не нашло нити, за которую можно было бы потянуть.

Без моего признания немыслимо было напасть на след Джаба.

Надо было молчать нам обоим, и следствие никогда не смогло бы обнаружить убийцу.

Следователь ломал голову над делом, но ничего не мог понять. Следствие оставалось на точке замерзания.

И вдруг я узнала, что дело об убийстве Автандила передали другому следователю.

«Преступника он из земли выроет, с неба достанет!» — говорили мне о нем.

Я была порядком напугана таким поворотом дела и пошла знакомиться с новым следователем.

Как только я увидела его, тотчас же узнала в нем моего старого знакомого.

В первый момент я смутилась от неожиданности, но потом даже искра надежды промелькнула в сознании: что, если в нем проснется бывшее увлечение и он поможет мне? — подумала я и поймала себя на том, что выдала ему свою надежду взглядом.

Он тоже меня узнал, но не подал виду и так со мной обошелся, точно впервые в жизни видел меня.

А тень Автандила по пятам следовала за мной, не давала мне покоя. «Ты меня убила, ты меня свела в могилу». — казалось, говорила тень. И смешанное чувство жалости к нему и страха мешало мне жить.

Если с той женщиной Автандила не связывала любовь, то всю жизнь буду я каяться, — подумала я и решила еще раз пойти к Тетрадзе, чтобы спокойно расспросить обо всем.

Как только открыла я дверь комнаты Тетрадзе, мне тотчас же бросился в глаза висевший на стене в черной, траурной раме портрет Автандила. В комнате никого не было. Застыв в дверях, я долго всматривалась в портрет, в улыбающееся лицо Автандила, мне показалось, что он с иронией встретил мое появление.

«Зачем побеспокоилась? — казалось, говорил он мне. — Я тут очень хорошо чувствую себя, во всяком случае гораздо

лучше, чем с тобой под одной крышей». Я незаметно ушла из квартиры Тетрадзе. «Дурочка, — говорила я себе, — Автандил при жизни тебя не пощадил, надругался над твоей любовью и верностью, а ты хочешь посмертно защитить честь такого человека? Надо забыть того, кто тебя забыл. Вычеркни Автандила из своей жизни, — он никогда не был твоим мужем! Подумай о себе, о своем счастье!»

Но мысль о муже все время возвращалась. Мне все казалось, что он жив, и вдова Тетрадзе отнимает его у меня, разрушает семью, оставляет без отца еще не родившегося ребенка. Я так остро все переживала, что вынести эту муку не было сил, и я решила уехать из Тбилиси.

За советом я обратилась к Сандро, к этому единственному человеку, на которого я еще надеялась и которому доверяла.

«Все успеется, только пусть сначала закончится следствие по делу», — ответил он.

Я поверила ему.

И вот однажды я услышала в телефонной трубке голос Джаба. Он говорил, что любит меня без памяти и что поэтому решил на убийство человека, что мой оскорбитель был достоин смерти. Одновременно он предупреждал меня, что пока за необнаруженным убийцей дело следствием окончательно не прекратится, чтобы я не произносила его имени нигде. Я ничего не ответила этому негодяю.

Через несколько дней Сандро сам не свой прибежал ко мне и сообщил, что дело об убийстве раскрылось.

И правда, мимо его внимания не прошло то, что я с самого начала знала все обстоятельства убийства.

Он обвинял меня в неискренности и в хитрости.

«Если бы ты отнеслась ко мне, как к другу, как к доброжелателю, то во всем бы мне призналась», — говорил он в ужасном гонимии.

Тогда я все поведала Сандро. Объяснила ему, что молчание мое было только следствием страха за поруганную честь, что я хотела сберечь свое доброе имя.

Сандро арестовал Джаба. Через два или три дня арестовали и меня.

— Что тебе сказал Сандро? — спросила Катя.

— После своего ареста я его не видела.

— Как же ты освободилась из-под ареста?

— Меня выпустили на поруки, так как я была на восьмом месяце беременности.

— Какое показание дал Джаба?

— Он показал, что Автандила заставила его убить Лизна.

— А Сандро, видимо, избегал встречи с тобой?

— Он, как видно, попал в безвыходное положение, иначе он не оставил бы меня.

— Поступить иначе он не мог. Человек, ставящий общественный и служебный долг выше личных взаимоотношений, достоин всяческого уважения! Ты обижена на Сандра?

— Почему ты так думаешь? Наоборот, я вдвойне стала уважать его за твердость характера.

Екатерина встала и подошла к окну, глубоко переводя дыхание. Длительно стояла она в задумчивости. Потом, решительно повернувшись ко мне, сказала:

— Теперь, правда, поздно об этом говорить, но я все же должна тебе сказать кое-что.

— Говори!

— Ты тоже виновна! — Екатерина прислонилась к подоконнику, откинула назад стриженные черные волосы и строгим тоном заговорила: — Если тебе по-настоящему была дорога семья, муж, если с Автандилом тебя соединяла любовь, а не какой-либо расчет, то ты не имела права покрывать убийцу, негодяя! Лучше было и самой понести наказание, чем поступить так, как поступила ты!

— Как только я призналась правосудию, я обрела способность прислушиваться к голосу разума. Вот тогда и я до конца поняла свою вину.

— Я думаю, что ты и сейчас не до конца понимаешь, что наши законы созданы обычными советскими людьми и выполняются они ими же. Как могла ты усомниться хотя бы на мгновение в том, что эти люди поймут тебя, поймут твою горе, вызванное изменой мужа? Непростительно тебе не понимать, что наш закон обязывает не подходить к делу формально. Если бы ты вовремя призналась во всем, тебя бы поняли, к тебе отнеслись бы чутко. Кто бы тебя стал наказывать? Как ты думаешь, поняв, что ты лишь слепое орудие в руках этого проходимца и негодяя Джаба, разве стало бы наше правосудие выставлять твою откровенность и неведение на посмешище?

— Права, ты тысячу раз права, Катя! — проговорила я со слезами на глазах и встала.

— Хотя теперь и поздно, но ты должна уехать в Грузию. И если даже тебе придется отбыть наказание, ты будешь чувствовать себя счастливее, чем сейчас, живя под чужим именем.

— Понимаю, моя родная, я сама так думала все это время!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я окончил чтение, закрыл тетрадь и, положив ее под подушку, посмотрел на Нино, — она спала.

Мне хотелось с ней поделиться, хотелось сказать, что я

всегда понимал Лиану именно так, что неприязни у меня к ней никогда не было, что она была не соучастницей убийства, что она была лишь жертвой замысла негодяя, что Автандил погиб не по злой воле Лианы, что только необдуманность и скоропалительность в решении и поступках Лианы сыграли роль в гибели Автандила.

Но мне жалко стало будить Нино, и я решил поделиться своими мыслями с кем-нибудь другим. Я встал, оделся, захватил дневник и тихо вышел из дому.

Светало, когда я пришел в отделение. Я открыл окно своей комнаты, зажег свет и вышел на балкон.

Во дворе, среди заключенных, выпущенных на утреннюю прогулку, я заметил Гигу. Полуголый стоял он у крана и обтирался мокрым полотенцем. Он тоже увидел меня, сердито сдвинул брови и отвернулся.

Вернувшись в комнату, я вызвал дежурного коменданта и велел ввести ко мне Хотивари.

— Я еще не завтракал! — грубо бросил мне Гига и, как бы собираясь уйти обратно, остановился посередине комнаты.

— Успеешь, садись! — обрезал я его.

Гига с недоумением посмотрел на меня, снял куртку, шапку и уселся в кресло.

Я долго строго смотрел на него. И он не сводил с меня напряженного взгляда.

Потом я встал, прошелся по комнате, неожиданно остановился перед ним и с улыбкой посмотрел на него.

Юноша ответил обычным для него упрямым, дерзким взглядом.

— Как твоя фамилия?

— Хотивари. Сколько раз я должен вам говорить?

— По-грузински читаешь хорошо?

— Хорошо, так же, как и по-русски.

— Кто был твоим отцом?

— Я не застал отца! Не знаю!

— Если не знаешь, кто был твой отец, как же ты утверждаешь, что ты Хотивари?

— Мать дала мне эту фамилию и... — Юноша не закончил фразу.

— Где теперь твоя мать? — не отрывая от него взгляда, задавал я вопросы в одном и том же тоне.

— Маму забрали фашисты, и с тех пор я ничего не знаю о ней, — ответил он после минутной паузы.

— А ты даже не постарался отыскать след матери, узнать ее судьбу! Тебе было не до нее! Новые друзья у тебя появились, новые дела, новые заботы! — Я подошел к столу, сел, не сводя с него взгляда.

— Что я мог сделать, если... — Глаза его налились сле-

зами, но он не мигал, ждал, должно быть, момента, когда я отведу взгляд, чтобы смахнуть слезу, но я продолжал в упор смотреть на него. Наконец он не выдержал, прикрыл веки, и две крупные слезы скатились по его щекам.

— Нечего заблаговременно оплакивать мать. Твои слезы ей не нужны. Она борется за твое будущее, за счастье твое. Но стоит ли ей бороться за такого сына?

— Какого сына? — Вскочив с места, он с ненавистью посмотрел на меня.

— Сядь на место! Ты слишком много себе позволяешь. Хватит с нас твоих дерзостей! — прикрикнул я на него.

Гига хотел мне ответить, но, посмотрев на меня, смолчал. Заметил, должно быть, волнение на моем лице. Он повернулся и пошел к стоящему в углу комнаты столику.

— Гига! — позвал я его. Он остановился, прислушался. Видно было, что юноша волновался, воспоминание о матери задело его. — Повернись! — приказал я ему вполголоса. Гига медленно повернулся и, накинув на плечи куртку, взглянул на меня. — Подойди ближе и садись! — сказал я, указывая ему на кресло перед письменным столом.

Я раскрыл дневник Лианы, положил перед ним и, смягчив голос, спросил:

— Узнаешь этот почерк? И эту тетрадь?

Взглянув мельком на тетрадь, Гига весь преобразился, просиял, точно из-за черных туч выглянуло солнце.

— Эта тетрадь... Как она попала к вам?

— Об этом речь будет потом. А теперь садись и внимательно читай.

Гига обеими руками прижал тетрадь к сердцу и подсел к столу.

Я достал из ящика стола дело Мдинарадзе и стал знакомиться с материалом.

Читая, я изредка бросал взгляды в сторону юноши. Он читал жадно, запоем. Лицо его было бледно, глаза не мигали.

Долго просидел он так, читая и отдавшись мыслям.

Я терпеливо ждал.

Наконец он встал и подошел ко мне с покрасневшими от слез глазами. Тетрадь он держал обеими руками, точно боялся, что я ее отниму.

— Прочитал?

— Прочитал.

— Понял теперь, кто ты такой и кем должен быть?

— Понял.

— На платке кто вышил инициалы «Г» и «К»?

— Моя мать! — решительно ответил он и бесстрашно посмотрел мне в глаза.

— Таким образом, что означают эти инициалы?

— Гига Картвелишвили. Теперь я понял.

— А ты не спросил мать, почему она вышила букву «К»?

— Она объяснила мне, что «К» значит «картели» и что это грузинское слово по-русски означает «грузин».

— Как ты собираешься посмотреть матери в лицо при встрече?

— Неужели доведется встретить ее когда-нибудь еще?! — пробормотал юноша печально, потом подошел к столику и выпил воды. Затем, как бы набравшись сил после сильного потрясения, он твердым шагом подошел ко мне и решительно заявил:

— Я все скажу вам, все без утайки. Накажите меня как угодно, как полагается. Все равно, не очистившись и не вернув себе честное имя, я не смогу встретиться с матерью, если она жива и вернется.

— Не волнуйся! Послушай! Разве признание всегда влечет за собой наказание? Разве для того я добивался получить от тебя чистосердечное признание, чтобы наказать тебя? Нет, тысячу раз нет! Я хотел только, чтобы ты осознал преступность своего поведения и заглянул в свою душу, в свою совесть так, как ты это сделал сегодня. Это все, что я хотел, чего я добивался от тебя.

Гига, обессиленный, опустился в кресло, расстегнув воротник рубашки...

Город гудел от радости и веселья.

Широкие улицы Тбилиси были полны народу.

На площадях стихийно возникали митинги.

Море красных флагов и полотнищ колыхалось в воздухе. Песни звенели на каждом перекрестке.

Стонущие звуки свирелей приспособились к танцевальным ритмам.

Давно забытые в обиходе волынка и шарманка наперебой разливались в мелодиях «баяти».

Грохот духовых оркестров поглощал звуки других инструментов.

В толпе медленно пробирались автомобили.

Следящие за уличным порядком дежурные милиционеры, опустив свои жезлы, стояли в стороне.

Стадион «Динамо» широко открыл свои ворота, приглашая ликующую толпу лозунгом: «Добро пожаловать, народ-победитель!»

Было девятое мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

Я с женой тоже пробрались на стадион.

Внизу, в нижних рядах, яблоку негде было упасть. Верхние трибуны тоже были полны народу. Мы прошли на север-

ную трибуну. Я смотрел вокруг в надежде найти свободные места.

Вдруг я заметил группу: три молодых человека, один старик и женщина. В одном из молодых людей я узнал Дмитрия Вардосанидзе. Он был в погонах артиллерийского училища. У двух других на плечах и рукавах красовались значки курсантов летной школы. «Кажется, один из них Варламов, а другой — Гига Картвелишвили», — подумал я, всматриваясь в группу.

— Вот! Есть свободные места, поднимись! — позвала меня Нино.

— Подожди! Этот парень, кажется, и есть Гига Картвелишвили, — ответил я, показывая на группу.

— Который? — с живым интересом спросила Нино.

Молодой человек оглянулся, заметил меня и сделал несколько шагов навстречу, но внезапно остановился.

— Он идет к нам! — ответил я жене, но, увидев, что Гига остановился, замолчал.

Заметил меня и Дмитрий, но почему-то он тоже не посмел подойти ко мне. Я увидел, как он украдкой отвел от меня взгляд и что-то шепнул на ухо женщине, которая была с ним. Стоявшая спиной к нам женщина обернулась в мою сторону, повернулся и старик. Это придало смелости Дмитрию, и он издал улыбку мне.

Варламов, завидев меня, с восторгом вскричал: «Дядя Сандро!» и, подняв обе руки, кинулся ко мне. Женщина, стоявшая в группе, узнав меня, вдруг вся зарделась.

Она направилась ко мне, и по тому, как она припадала на правую ногу, я узнал ее.

— Лиана! Какими судьбами? Откуда? — спросил я, встретив ее улыбкой.

— Сразу всего не скажешь, дорогой Сандро! — ответила она спокойным, низким голосом, лишенным той порывистости, к которой я привык в прошлом.

Мы поздоровались. Я внимательно всмотрелся в знакомые черты. Время, безусловно, наложило печать на это лицо, но оно не разрушило ни красоты, ни обаяния.

— Это ваша супруга? — спросила она, с сердечной улыбкой протянув руку Нино.

— Это вы. Лиана? — ответила вопросом не меньше меня растерявшаяся Нино, здороваясь с ней.

На груди Лианы, за откинувшимся бортом легкого пальто, я заметил орден Ленина и орден Красного Знамени.

Гига обеими руками схватил мою левую руку.

На правой руке моей повис Варламов.

Дмитрий поздоровался со мной и, указав на старика, представил его:

— Познакомьтесь! Мой дед.

Я протянул седому старiku с энергичным лицом обе руки и рядом с орденом Красного Знамени на его груди заметил Георгиевский крест.

— Да, я Лиана! Поздравляю вас с Днем Победы!

Нино с минуту сочувственно смотрела на Лиану, потом схватила ее под руку и увлекла к свободному месту.

ВТОРОЕ

РОЖДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лишившись матери в раннем детстве, Отар рос под наблюдением тетки, сестры отца, Ефросиньи, или, как ее называли в доме, Ефро. Оставшись одинокой в жизни, она приютилась в семье брата, вела хозяйство и воспитывала мальчика.

В молодости ее постигло несчастье, и жизнь ее была исковеркана: будучи девятнадцатилетней девушкой, она потеряла один глаз — во время работы в поле. Ее нареченный отказался от одноглазой девушки, и с этих пор тоска и горе сломали ее, — она поблекла, пожелтела, огрубела, точно вся ржавчиной покрылась.

Старик отец не вынес горя любимой дочери. Перед смертью он вызвал из Кутаиси сына своего Коста и поручил ему судьбу несчастной дочери.

Похоронив отца, Коста немедленно продал дом, забрал Ефро в Кутаиси и поручил ей воспитание своего шестилетнего сына. Изголодавшийся по материнской ласке маленький Отар с восторгом встретил тетку. Но ни жизнь города, ни жизнь этого маленького создания не тронули Ефро. «Кто пожалел меня? Зачем я должна жалеть и любить кого-нибудь?» Так думала она, выполняя в отношении ребенка лишь самые необходимые обязанности: кормила его, поила, мыла, одевала, стирала его белье. Заговаривала она с мальчиком только исполняя обязанность. Невозможно было найти дорогу к ее сердцу. Так они и жили за запертой калиткой, порог которой почти никто из посторонних никогда не переступал. Не имел права выйти со двора и Отар.

Время шло. Одноглазая Ефро делалась все более молчаливой. Она ходила по дому как злой дух и делала жизнь в доме невыносимой.

Коста редко приезжал домой, в Кутаиси. Служа в меньшевистской гвардии, он со своим отрядом носился по Душетскому уезду, по Мингрелии, по Раче и Лечхуми¹, подавляя огнем и мечом крестьянские восстания.

¹ Районы Грузии.

Офицер царской армии в прошлом, Коста, насмерть напуганный Октябрьской революцией, поспешил в Грузию под защиту меньшевистского правительства, которое объявило Грузию отдельной «демократической» республикой, отколов ее от революционной России. Коста сам с восторгом встретил это событие и никак не мог уразуметь, почему не все жители страны разделяют его восторг. Всех недовольных он считал разбойниками с большой дороги и рьяно ввязался в дело «усмирения» недовольных политикой меньшевистского правительства.

Активно занятый «усмирением», Коста в год раз или два появлялся в своей семье. Отару исполнилось уже восемь лет, но он не помнил от отца ни единого ласкового слова, ни единого поцелуя.

И все-таки мальчик с нетерпением ждал всегда отца.

С его приездом нарушалась гробовая тишина, царившая в доме, ворота поминутно скрипели, собирались соседи, дом наполнялся шумом и оживал.

Приезд отца вливал живую струю в монотонную жизнь мальчика. Коста оставался в семье дня два-три — отдыхал.

Мальчик часами любовался военной формой отца и его оружием. Или, сидя в уголке вместе с соседями, слушал рассказы отца. Коста рассказывал о том, как он подавлял восстания, как расстреливал крестьян, как поджигал и уничтожал целые деревни. Он весело хохотал, а соседи молчали. В воображении же мальчика отец вырастал в легендарного героя, и он мечтал скорее вырасти, чтобы быть похожим на отца.

Неизвестно, каким человеком стал бы Отар, если бы вырос в Грузии. Ведь возможно, что природа Грузии, народ оказали бы влияние на него. Почему знать, может быть, он отвернулся бы от отца, может быть, прозрел бы и убедился в том, что был слеп, что назначение человека, цель и смысл жизни вовсе не в том, чтоб подражать отцу? Может быть, мальчик тогда вырос бы достойным человеком?!

Почем знать?!

Но Коста вместе с меньшевиками бежал на чужбину и забрал с собой мальчика. В Батуми ему долго пришлось обитать пороги, пока наконец он получил разрешение попасть на судно, которое увозило беженцев.

Три дня Коста без усталости бегал по городу и хлопотал, готовясь к отъезду. Он вздохнул свободно, только когда подняли якорь. Коста повел мальчика в каюту, уложил спать, а сам вернулся на палубу. Он не чувствовал усталости. Дул резкий февральский ветер. Коста надвинул на уши серую па-

паху, запахнул длинноворсую бурку и неуверенным шагом направился к собравшейся на палубе группе людей. Гордый и бесстрашный в прошлом, — он считал для себя позором даже оглянуться, когда поблизости разрывался снаряд, — теперь он чувствовал себя маленьким и жалким. Он не мог понять, как могла произойти с ним такая перемена.

Коста осторожно приблизился к собравшимся и остановился поодаль, рядом с каким-то пожилым мужчиной. Все молчали. В тяжелое безмолвие врывался только вой ветра, разбивая о палубу подхваченные на лету гребни волн.

Маленькая тучка, никем не замеченная на чистом небе, склоне, разрослась в огромную серую тучу. Чайки спешили на сушу. Темнело.

На палубе зажглись огни. Вдруг сильный шквал потряс весь корпус корабля. Стоявший впереди беженцев глава «правительства» поднял воротник и направился к капитанскому мостику. Остальные потянулись за ним — шествие напоминало похоронную процессию.

Коста ожил, увидев «главного», — он вспомнил слова, сказанные в Батуми: «Мы скоро вернемся», и искра надежды затеплилась в нем.

— Как вы думаете, когда мы все-таки вернемся? — спросил Коста шедшего рядом с ним пожилого человека в очках.

Человек в очках не взглянул на Коста, остановился, снял очки и, протирая стекла платком, усмехнувшись, проговорил:

— Если бы возвращение зависело от нас, то нам не пришлось бы бежать! — Он степенно надел очки, положил платок в карман и только тогда обернулся в сторону Коста и посмотрел на него, точно спрашивая: «Неужели, брат, ты и в самом деле веришь в возвращение?» И затем продолжал вслух:

— Уехать было в нашей власти, друг мой, а вот вернуться — это уже во власти тех, кто остались после нас хозяевами страны.

Сказав это, он поспешно отошел.

Коста вздрогнул. Ему даже жарко стало от волнения. Он снял папаху, распахнул бурку и повернулся, подставив грудь холодному ветру. Долго простоял он так на одном месте, опомнился только тогда, когда гонимый западным ветром дождь начал хлестать его по лицу. Он огляделся. На палубе, кроме матросов, никого не было. По телу прошел озноб, он надел папаху и присел на широкую скамью в укрытии.

«Если бы возвращение зависело от нас, тогда нам и бежать не пришлось бы», — назойливо стучало в ушах. Он закрыл глаза и вдруг очутился в той стране, где хозяевами остались другие.

«Кто они такие, эти «другие»?» — спрашивал себя Коста, и перед его мысленным взором промелькнуло несметное количество знакомых лиц.

Внезапно возникло лицо Алмасхана, который скрывался в лесах и грозился убить Коста, — Коста публично высек его отца за то, что старик оказал содействие большевикам.

Вспомнились лица крестьян — главарей большевистского восстания: Тедо, Григола, Нико, Элизбара, Ваню, чьи дома и дворы он превратил в пепел. Вспомнились и другие люди, зверски замученные им... Нескончаемая вереница людей!..

Коста открыл глаза. Кругом никого не было. Были только волны и протяжно воющий ветер. Коста вновь отдался мыслям. И от кого ему пришлось бежать, от кого?! От чумазных крестьян и рабочих, всоруженных палками и старинными ружьями.

«Ничего, мир большой, бог не покинет в беде свое создание», — пробормотал он, вставая. И вдруг словно кто-то шепнул ему: «Вспомнил бога? Небось тогда не вспоминал, когда творил не угодные ему дела?» Коста вздрогнул, мигом очутился перед каютой, в которой спал Отар. Перед дверью он остановился, задумался.

«Ну так что же?! — усмехнулся он. — Все, что дано нам, дано от бога! Человек действует по велению божьему, я тоже действовал с согласия всевышнего, да будет благословенно его имя! Он помилует, поможет, защитит».

Мальчик сладко спал.

Коста разделся, лег, долго глядел на сына, точно впервые видел его.

Неожиданно сбитый с ног судьбой, он сейчас в этом ребенке словно искал спасения.

Коста лег в постель рядом с мальчиком. Он старался не касаться его тела своими холодными руками. С необычайной силой он почувствовал вдруг, что любит сына. Он зажмурился от удовольствия и вскоре заснул спокойным сном.

Рассвело.

Отец и сын поднялись на палубу. Перед их взором предстала ослепительная красота Босфора. В прозрачной синеве небес группами носились белоснежные чайки. Золотой дождь солнечных лучей низвергался на изумруд садов. Огромная тень мраморного дворца ложилась на отливающие перламутром воды Босфора.

Коста ни на шаг не отпускал от себя сына. Он не решался приласкать мальчика и только изредка заговаривал с ним как с равным.

И Отар, подражавший отцу во всем, всегда надутый и надменный, теперь весь преобразился — лицо его сияло, и

все в нем словно впервые открылось навстречу радости, как открывается бутон навстречу майскому солнцу.

— Этот большой сад похож на виноградник, разве нет? — робко спросил он отца.

— Он и есть виноградник, — ответил отец. — В этом городе живет твой дядя, мой брат. Если бы он был порядочным человеком, я бы оставил тебя на время у него.

Коста облокотился о борт и стал вглядываться в синеву моря, точно ожидая оттуда появления чего-то. Он нахмурился — ему вспомнилось давно забытое лицо...

...Это было в 1917 году. Карательные отряды, разосланные властями для подавления крестьянских восстаний, бесчинствовали по всей Грузии. Коста был назначен начальником одного из них.

Однажды, во время одного из «походов», Коста оказался у дома отца. С ним был весь отряд.

Отряд въехал во двор и спешился. Радости старика не было предела, когда он узнал, что его сын командует отрядом. «Спасет деревню от огня, — думал Соломон, — брата из леса вызовет, в семью вернет».

— Сестра где, отец, где Ефро? — спросил Коста.

— У соседей, сынок, сейчас кликну, — ответил, топчась на месте, совсем растерявшийся от радости Соломон.

— А Зураб где, здесь или в Кутаиси?

— Благодарение всевышнему, сын мой, что ниспослал на раба милость свою! Может быть, спасешь Зураба!

— От чего надо спасти Зураба?

— В лес ушел. Тобой клянусь, Коста, что Зураб ни в чем не повинен, ничего он не совершил плохого, но пойти против всей деревни он не мог! Зураб там, где весь народ.

— Знаю, знаю, он за большевиков, он на их стороне! Кого я могу застать сейчас у Зураба? — резко спросил Коста у старика и обратился к своим людям, которые разбрелись в темноте по двору, чтобы привязать лошадей.

— Никого не застанешь, — ответил отец, помедлив, — ушел в лес с женой и ребенком. Зураб не виноват, уверяю тебя, брат его жены устраивал сходки в его доме, Зураб об этом не знал, и откуда он мог знать, если с утра до ночи пропадал на работе в лавке...

— По коням! — скомандовал Коста. — Отец, мы скоро вернемся, приготовь нам ужин.

«А вдруг он не пощадит брата?» — промелькнуло у старика. Он поспешил к сарайчику и, откинув занавес на двери, громко позвал:

— Ефро, Ефро, спите, девушки?

— Отец, ты? — отозвался из темноты женский голос.

— Я, дочка, я! Вставай скорее! Экзекуцию возглавляет наш Коста, помиловал нас бог, помиловал!

Вместе с Ефро из сарайчика вышли три девушки, все последовали за Соломоном.

— Цицино, зажги в доме свет! Цира, приготовь посуду! Ефро, кликни Иакинте, скажи ему, что придется телку резать и я не справлюсь один. Не шутка накормить столько гостей! — суетился Соломон.

Распорядившись, Соломон отправился на скотный двор.

В доме зажгли свет. На кухне весело затрещал огонь.

Под раскидистым орехом, на зеленой шелковистой травке повалили телку, связав ей ноги. Придавив коленом несчастную жертву, Соломон отвернулся:

— Сам выходил ее, на глазах у меня выросла... — пробормотал старик, подавая соседу нож. Тот схватил телку за рожки и откинул ей голову.

— Отец, оглянись!.. — еле дыша проговорила вдруг Ефро.

— Дом Зураба горит! — вскрикнула Цира.

Соломон вскочил как ужаленный, развязал телку и, подставив свою грудь соседу, нечеловеческим голосом взвыл:

— Иакинте! Зарежь меня этим ножом, ударь в самое сердце! Что я вижу?! До чего довелось мне дожить! О боже! Почему не ослепнут мои глаза?! Брат не пощадил родного брата! — Старик сорвался с места и изо всех сил кинулся туда, откуда уже совсем отчетливо был виден огонь — завеса дыма и пепла тяжело висела в воздухе... Коста превратил дом своего брата в пепелище...

...Месяца три еще бушевал Коста в окрестных деревнях, за что был удостоен благодарности и поощрения со стороны властей. Коста чувствовал себя на вершине счастья в ожидании дальнейших благ, но...

Однажды Коста получил довольно крупную сумму из государственного банка в Кутаиси для нужд новой карательной экспедиции. Вооружившись с головы до ног, в сопровождении своего отряда он с наступлением сумерек двинулся в путь.

Но неподалеку от города их окружили вооруженные люди в бурках, налетели неожиданно на отряд и в мгновение ока разоружили его. Высокий мужчина, приблизившись к Коста, гневно сказал:

— Я оставляю тебя в живых не потому, что мы рождены одной матерью. Нет! Я не хочу, чтобы в отместку за убийство такой подлой твари, как ты, пострадал и без того измученный народ. Проваливай, пока цел и невредим, но, смотри, второй раз не попадайся мне на пути! — Зураб снял с тележки кожаную сумку с деньгами, взвалил ее на своего коня и вместе с товарищами исчез в темноте.

Коста долго потом рыскал в тех краях, где, по его расчетам, должен был скрываться «недостойный» брат. Ни днем, ни ночью не знал он покоя, метался в поисках, придумывал хитрые уловки, ставил западни, но Зураб был неуловим. И наконец в один прекрасный день Коста получил от Зураба письмо из Тавриза, в котором тот сообщал, что перешел границу, забрав с собой жену и сына, что находится в полной безопасности, и требовал от Коста, чтобы тот перестал мучить народ, — ушел бы из деревни и прекратил поиски.

По приезде в Париж Коста сразу испытал на себе обратности судьбы. Надменный офицер, привыкший во всех своих похождениях быть сам себе начальником и господином, принужден был поступить в охранники к сбежавшему, как он сам, генералу. Генералу без армии.

С помощью своего покровителя Коста удалось устроить Отара у одной вдовы в предместье Парижа.

Вдова состоятельного торговца вином Лефевра, мадам Полина, несмотря на свои годы, выглядела молодой. Эта была пикантная француженка. В увеселительных местах Парижа все хорошо знали Полину. Особенно любила она ресторан «Гнездо летучей мыши», где была завсегдатаем и своим человеком. Тут и познакомилась она с Коста и его покровителем.

Генерал не преминул рассказать сердобольной женщине о том, что у Коста есть сын, которого он пристроил у одной прачки на окраине города.

Вдова расчувствовалась, перевезла мальчика к себе и взяла на себя его воспитание.

Коста приезжал к сыну в месяц раз, но не решался переступить порог дома мадам Полины.

Он с утра до вечера колесил вокруг дома в ожидании кого-нибудь, кто бы вызвал ему сына.

Однажды в таком ожидании его застала Полина, которая неожиданно выехала из виллы в экипаже.

Увидев Коста, вдова тотчас же сошла с экипажа, приветливо поздоровалась с ним и пригласила к себе. Целый день провел Коста в доме Полины. Вдове доставляло огромное удовольствие, когда Коста коверкал французские слова, допускал грубые, смешные ошибки и стеснялся и краснел при этом, как девица.

В два часа ночи, когда гость садился в экипаж, вдова задержала его локоть и с улыбкой прошептала:

— Мне бы хотелось увидеть вас в следующий раз с коротко подстриженными усами.

Коста даже вздрогнул от неожиданности, но мгновенно пришел в себя, поцеловал женщине руку и уехал в экипаже.

Через три дня Коста повенчался с Полиной и переехал

жить на виллу «Бель-вю». Если бы такая удача его постигла в первый год пребывания в Париже, он, должно быть, не оценил бы ее в полной мере. Но за эти годы столько испытал он неудач и горя, нужды и унижений, что случившееся казалось ему прекрасным сном! Состояние, богатство и любящая, престелная жена — все вместе!

Не жаловалась на судьбу и Полина: в лице Коста она нашла воплощение мечты, которую тайно лелеяла в душе.

Дочери марсельского мясника Полине было восемнадцать лет, когда она вышла замуж за молодого баска, перебежавшего из Испании, Люсьена Седиасса.

Молодой рыбак Люсьен был бравый парень, высокий, плечистый, курчавый, с черными блестящими глазами.

Люсьен и Полина прожили вместе пять лет.

С наступлением шестой весны баск вышел в море на промысел и не вернулся.

Неизвестно, какой путь жизни избрала бы оставшаяся без средств с ребенком на руках молодая женщина, не появившись к тому времени в Марселе парижский виноторговец Лефевр, который предложил Полине руку и сердце.

Молодой женщине не понравился Лефевр. После широких плеч ее Люсьена первое, что бросилось ей в глаза, это — впалая грудь и отвисшие плечи виноторговца.

Лефевр обвенчался в Марселе и повез в Париж только жену. Ребенка Полины оставили в Марселе, отдав его на воспитание в надежные руки. Лефевр не хотел признаваться родне, что женился на женщине с ребенком. Так они расстались с маленьким Анри. Мать каждый месяц приезжала в Марсель навестить мальчика и расплатиться с няней.

И теперь, когда всевышний избавил Полину от Лефевра, материнское сердце не потянулось к сыну. Теперь она искала друга и опасалась, как бы Анри не помешал ее свободе. Полина искала друга, который хотя бы внешним обликом напоминал ей первую любовь, — образ Люсьена не покидал ее.

И она нашла Коста.

Отар вырос, закончил учебу, стал автомехаником, но по отношению к отцу сохранил то чувство почтительного послушания, которое выработалось у него в детстве. Коста сам очень изменился за это время — уже не закручивал усы, не носил маузера в серебряной оправе.

Отар не раз старался заглянуть в свою душу, разобраться в своих взаимоотношениях с отцом. Он понимал, что пора освободиться от гнета отцовской воли.

Коста легко уловил в сыне какую-то перемену, непривычную задумчивость, таящую невысказанное желание, и понял,

что Отар может в один прекрасный день уйти из-под его власти.

И Коста решил женить сына.

Он облюбовал девушку — единственную дочь довольно состоятельного соседа, пастора, и, не откладывая в долгий ящик, сыграл свадьбу.

Полина Лефевр один раз в год аккуратно ездила под каким-нибудь предлогом в Марсель повидать сына.

В одну из таких поездок Полина задержалась дольше обычного. Вернулась она больная. Когда Коста увидел ее изможденное лицо, в его голове молнией пронеслась заманчивая мысль: в случае ее смерти он мог стать совершенно независимым и очень состоятельным человеком. Но Коста отогнал эту мысль и быстро овладел собой.

Доктора подали больной надежду на скорое выздоровление, а мужу шепнули на ухо, что дни его жены сочтены: у нее был скоротечный туберкулез.

Коста стал избегать больную жену и редко заходил к ней.

Полина была женщина, выдавшая виды, но над истинным характером отношений к ней Коста она никогда не задумывалась, принимала его любовь и заботы за чистую монету. Теперь она поняла все. Отчаяние овладело ею, отчаяние, усиливаемое бессилием перед лицом смерти. Ее мозг работал напряженно, и она все-таки нашла безошибочный способ отщепления. Улыбка тронула ее бескровные губы, когда она подозвала сиделку и угасающим голосом отдала распоряжение не впускать к ней Коста.

На третий день после этого Полина скончалась.

Коста провел возле покойницы круглые сутки. Он хотел отдать последний долг женщине, которая спасла его от нищеты и обеспечила пожизненно.

Необыкновенные дали открылись перед ним, перспектива была заманчивой, и неизвестно, с чего бы Коста начал осуществлять свои мечты, если бы судьба в лице Анри Седиасса и нотариуса своим неожиданным появлением не напомнила ему о том, какие злые шутки она умела шутить над ним.

Мадам Полина втайне от Коста перед смертью составила завещание, в котором единственным наследником всего имущества оставляла своего сына Анри Седиасса, сына Люсьена.

В одном из районов Стамбула, именуемом Галата, обращал на себя общее внимание обнесенный высокой чугунной решеткой роскошный сад с двухэтажным каменным домом в глубине. Вход в сад по обеим сторонам ворот сторожили два огромных мраморных кентавра.

История этого дома с садом и кентаврами не восходила к

стародавним временам. Жители Галаты хорошо помнят этот сад, когда в нем стояла только хибарка садовника. Сад принадлежал английскому офицеру. Англичанин, должно быть, и сам не прочь был выстроить в этом саду дворец, но англичане в ту пору проиграли игру и им пришлось расстаться с Турцией.

Турецкий народ объявил смертельную борьбу султану и поддержал правительство, образовавшееся в Ангоре, которое обещало народу золотые горы.

Ангора крепла, собирала силы, готовилась к решительному прыжку, — надо было изгнать из пределов Турции вооруженные английским и французским оружием греческие войска.

Англичане собирались навсегда обосноваться в Турции и стали строить себе дворцы. Но карта их была бита, потому что лакей Великобритании, греческий король Константин, оказался совершенно беспомощным партнером. Ангора перешла в открытое наступление. Греки бежали из окопов. Смирна пала.

В Стамбуле чужеземцы за полцены продавали движимое и недвижимое имущество.

Английский офицер тоже продал свой сад.

Спасаясь от народного гнева, последний султан Турции Мамед Шестой бежал под защитой английского генерала Гарингтона на остров Мальту.

Это случилось в 1922 году.

Новый хозяин сада начал строить двухэтажный каменный дом и чугунную решетку.

В верхнем этаже дома поселилась семья. Первый этаж с его многочисленными комнатами занял один человек. Он был безногий. Ноги отняты по колена. Длинная, густая борода с проседью покрывала грудь. Большие утомленные глаза и глубокие морщины на лбу свидетельствовали о трудной жизни.

Человека, который поселился с семьей на верхнем этаже, звали Вартаном-эффенди. Безногого жильца первого этажа именовали Шукри-агой.

Деловым купеческим кругам Стамбула хорошо были известны эти имена.

...Вартан Туманян доводился родней и воспитанником тех Туманянцев, которые возглавляли большой торговый дом в Северном Иране. Это были стяжатели, безжалостно грабившие народ.

Вартану было лет под пятьдесят; низкий рост, смуглый цвет кожи, большие черные глаза, густые брови, всегда чисто выбритое лицо, элегантный костюм, цилиндр и палка с золотым набалдашником — таков был его внешний облик. Он отличался проницательностью, подвижностью, нежссякаемой

энергией и собачьим нюхом. Он не считал унижительным для себя явиться непрошеным гостем туда, где его могла ждать удача. И если «дело» пахло крупной суммой, то оно непременно попадало в руки смелого, рискованного, «верного данному слову» дельца, златоуста Туманянца.

Шукри-ага был ровесником Вартана. Он никогда не сходил со своей тележки.

Дружба Шукри и Вартана началась в 1917 году, когда они встретились в Иране.

Некий грузин, проживающий в Иране, привез Шукри в город Шах-Руд и устроил его на работу в торговом доме братьев Туманянц. Прибыли они из деревни Абас-Абас, которую основал Шах-Аббас, заселив ее обращенными в мусульманство во пленными грузинами.

Шукри провел в этой деревне среди гостеприимных одноплеменников всего один месяц. Ему не сиделось без дела, и он попросился на работу. Тогда один из влиятельных лиц села, грузин-мусульманин, повез его в Шах-Руд и рекомендовал Туманянцам как человека, знакомого с торговым делом. В это самое время Вартан Туманянц, родственник больших Туманянцев и простой служащий в их торговом доме, собирался в поездку по стране для закупки опиума, зерна, фруктов, крупного рогатого скота и коров. Он забрал с собой Шукри.

Вартан хотя и был в близком родстве с главными заправилами торгового дома, но никакой привилегией не пользовался. Нельзя сказать, чтобы Вартан сам очень радел для торгового дома. Он искал во всем личную выгоду.

Вартан и Шукри очень скоро подружились.

«Вор, укравший у вора, попадает в рай», — смеясь, говорили они друг другу и без устали ездили по деревням, покупали товары, обжуливали Туманянцев и набивали свои карманы.

За три года они нахватали столько добра, что зависимое положение стало им в тягость. Они решили уйти из торгового дома, уехать из Ирана и начать самостоятельную торговлю. Приятели перевели весь собранный капитал в турецкий банк в Стамбуле и начали готовиться к отъезду.

Целый месяц ушел на передачу дел и счетов, и наконец они поехали сдавать товары в город Мешхед, где у торгового дома были главные склады. Одна неделя понадобилась на сдачу товаров, и когда все было кончено, друзья устроили попойку.

Стоял жаркий ясный день. Шукри не любил пыльных и зловонных улиц столицы Хорасана, не любил вообще этот город, но он не любил его в трезвом виде. А в этот роковой для него день излишняя доза спиртного помутила его рассудок.

Шукри было известно, что для всякого чужеземца пребывание в Мешхеде сопряжено с большой опасностью. Мешхед — это священный город шиитов, последователей господствующей религии Ирана. В этом городе находится могила их святого — пророка Имам-Резы. Мешхед был городом могил.

Заветной мечтой шиита является желание быть похороненным поближе к могиле пророка. По учению сеидов — служителей святого — душа шиита в загробной жизни будет близка к пророку в том случае, если останки его будут лежать недалеко от могилы пророка. Толпы мошельщиков текут в Мешхед со всех концов Ирана. Живые везут сюда мертвецов, чтоб похоронить их около могилы святого.

В жаркие месяцы труп настолько разлагается, что одни лишь кости достигают священного мешхедского кладбища, где вырыто более двух миллионов могил. Зловоние, распространяемое трупами, отравляет воздух до удушья.

Но в Мешхеде есть и достопримечательное место, которое особенно привлекает чужестранцев именно потому, что нешииту проникнуть туда запрещено. Это «святое место» — Бести — находится в стороне от города и огорожено железными цепями. Надписи на щитах гласят везде о том, что ступить на святую землю имеет право только шиит. Район Бести интересен своими вековыми кедрами и зелеными минаретами множества мечетей.

Пьяный Шукри вспомнил про «святое место», и ему захотелось посмотреть на главную мечеть. Он слышал, что она вся кована золотом и серебром, что громадная главная дверь из сплошного серебра напоминает ледяную глыбу, а золотые стены мавзолея святого пылают от множества огней светильников, горящих днем и ночью. Восторгались не только мечетью, — много рассказывали о библиотеке Имама-Резы, о торговом дворце, больнице и монетном дворе в Бести.

Шукри помнил обо всем. Давнее желание вдруг вспыхнуло в нем с неукротимой силой, и он решительно направился к Бести, перешагнув через чугунную цепь и уставился помутившимся взором на золотой минарет главной мечети, ослепительно блестящий на солнце.

— Алла! Нечестивый осквернил святое место! — услышал вдруг чей-то возглас Шукри.

— Братья, защитим могилу святого от нечестивца! — раздалось со всех сторон, и вокруг Шукри поднялась неопишуемая суматоха.

Старики рвали на себе одежду, раздирали ногтями щеки. Вопль и стоны оглашали воздух.

— Закидаем его камнями! — вопила толпа.

Шукри стоял ошеломленный. Тысячи рук простирались к

нему, но никто не хотел первым коснуться «нечистого» на «святом месте».

Перед лицом смерти хмель моментально выскочил из головы, он выхватил револьвер и повернулся, чтобы бежать туда, откуда пришел, но ударом дубины револьвер выбили у него из рук. Тогда в руках Шукри сверкнул нож.

— Не запятнайте грязной кровью «святое место»! — услышал Шукри, и в душе его зажглась надежда, он ускорил шаг и вскоре достиг цели, но толпа преградила ему дорогу. Тогда он устремился в узкий проход, прокладывая себе путь ножом, и достиг дощатого забора, но, как только собрался перевалить через него, раздался выстрел из револьвера, и он с трудом взобрался на забор, — одна нога повисла, как оторванная. Кое-как перекинулся он грудью через забор и поднял ногу вверх, чтоб тяжесть тела потянула за собой беспомощно висевшую ногу, но в этот момент донесся звук второго выстрела, и он грохнулся на землю без сознания.

У Шукри оказался перелом костей на обеих ногах.

Вартан повез его в Тегеран и показал лучшим врачам. Врачи в один голос утверждали, что надо ампутировать обе ноги.

Шукри согласен был скорее умереть, чем остаться без ног.

Вартану посоветовали обратиться к проживающему в деревне Имам-Заде-Гашиме знахарю, который чудодейственно залечивает раны и всякие переломы. Вартан выехал в деревню за знахарем. Старик не согласился поехать в Тегеран, заявив, что лечить может только под собственной кровлей.

Делать было нечего — раненого уложили в хижине знахаря.

Три месяца возился старик с Шукри, но даже раны не сумел ему закрыть.

К тому же заболела жестокой малярией жена Шукри, — она вся пожелтела и стала таять на глазах.

Этого надо было ожидать.

Деревня Имам-Заде-Гашим расположена в долине Гилянана. «Гилян» по-персидски означает «грязь». Низина эта вся заболочена и полна малярийных комаров. Недаром персидская пословица говорит: «Если хочешь умереть, иди в Гилян».

Потеряв надежду на выздоровление приятеля, Вартан перевез обоих больных в Тегеран.

У Шукри ампутировали по колено обе ноги.

Время шло.

Шукри стал заметно поправляться, но жена его уже не вставала с постели. Временами ей становилось лучше, но ненадолго. Малярия безжалостно терзала ее.

Шукри и Вартан, не дождавшись ее выздоровления, переселились в Стамбул.

По приезде в Стамбул Туманянц открыл роскошный магазин на главном проспекте города. Какими только драгоценностями не торговали здесь! Китайские вазы, персидские ковры, английская шерсть, сибирские меха! Это был крупный торговый дом, где происходили деловые встречи, прием заказов, сбор коммивояжеров, словом, тут был главный торговый штаб; управлял им безногий Шукри.

Из Грузии на кораблях привозили грецкий орех, лавровый лист, кукурузу. Из Ирана приходили караваны верблюдов, груженные шелком, коврами, опиумом.

Собственные корабли обоих компаньонов плавали в море. Своему кораблю Шукри дал название «Гурджистан», а Вартан назвал свой корабль именем сына — «Андроник».

Шукри как будто примирился со своей участью калеки. Он, бывало, и бровью не поведет, когда слуга, взяв его на руки, как ребенка, усаживал в экипаж или в кресло.

И если на его лице когда-нибудь и отражались волнение и тоска, то это лишь тогда, когда он смотрел на страдания больной жены.

Жена стала поправляться, даже встала с постели. Радости Шукри не было границ, всегда озабоченное и угрюмое лицо его озарилось светом надежды. Но жена слегла вновь, и Шукри опять затосковал. Горе стало еще острее после мимолетной радости.

Однажды, подозвав мужа к себе, жена сказала ему:

— Мой дорогой! Если я останусь здесь, то недолго протяну. Я давно это чувствую, но говорю об этом тебе в первый раз. Ты видишь, что лечение мне не впрок. Сделай доброе дело, отправь меня на родину. Мне кажется, что воздух родной страны оживит меня и там я дольше проживу.

Шукри даже слышать не хотел об этом. Ему страшно было остаться одному в чужой стране. Тем не менее слова жены заставили его призадуматься. «А что, если в самом деле воздух, земля, вода той страны, которая даровала ей жизнь, вернут ей жизненные силы?! Здесь ее ждет верная гибель, и неужели я окажусь таким малодушным, что принесу ее в жертву себе?» Так думал Шукри.

В конце концов он решил отправить жену и единственного сына своего, маленького Тамаза, в Грузию и стал собирать их в дорогу. Своими руками уложил он им золотые вещи. Обещал высылать ежемесячно столько, сколько им понадобится, и наказал им ни в коем случае не появляться в Западной Грузии. Память о нем, должно быть, свежа еще, и власти могли сорвать злобу на его семье.

«Поезжай в Сурами, там и поселись, — говорил он жене, — в Сурами никто тебя не знает, и воздух там лечебный, он поставит тебя на ноги».

...Из Грузии Шукри получил только одно письмо.

«Выполнила все твои наставления, — писала жена, — поселилась в Сурами. Не знаю, воздух ли здешний повлиял благотворно или возвращение на родину, но чувствую себя лучше. Скоро получу разрешение и на твой приезд».

Шукри ожил. Надежда на возвращение окрылила его. Тоска прошла. Он день и ночь работал без усталости, без сна. Шукри, всегда слышавший щедрым купцом, теперь превратился в скрягу, — берег каждую копейку, боялся рисковать.

В неделю раз он аккуратно писал жене письма, полные светлых надежд. «Денег не жалею, только бы поскорее вернуться мне на родину», — писал он в каждом письме.

Три месяца прошли в томительном ожидании, — он не получил ни одного письма. Наконец он решил послать телеграмму брату: «Если он жив, то окажет мне эту простую услугу, — сообщит сведения о жене и ребенке», — подумал он. Но вскоре пришла радостная весть: в Грузии утвердился советский строй. Шукри возликовал, — теперь уже ему никто не сможет помешать вернуться в Грузию! Власть меньшевиков пришел конец! Он с презрением отбросил красную суконную феску и надел папаху. Устроил ужин друзьям и знакомым и первый бокал поднял за новую, Советскую власть, утвердившуюся на его родине. И во всеуслышание объявил, что он грузин, что в 1917 году бежал из Грузии от меньшевиков, что Шукри-Таризл-оглы — вымышленное имя, что настоящее имя его Зураб, а фамилия Девидзе.

Зурабу надо было собираться в путь, но молчание брата Коста отравляло ему всю радость. В чем дело? Что случилось с женой, с мальчиком? Зачем молчит Коста? Кто знает, что бы предпринял Зураб, каким путем добился бы возвращения на родину, не получи он в одно роковое утро короткое письмо следующего содержания:

«Уезжаю в Париж как беженец из Грузии. Проездом две недели пробыл в Стамбуле, но уклонился от встречи с тобой. На твою телеграмму отвечаю: жена твоя скончалась, мальчик — какой-то горец на воспитание, но ребенок тоже вскоре умер».

Конец. Всему настал конец!

Последний друг ушел, последняя опора жизни рухнула. Страх овладел Зурабом, страх оставшегося в бескрайней пустыне одинокого человека.

Целый год провел он в прострации, ожидая смерти. Смерть не приходила. Вартан заботился о друге, советовал ему вер-

путся на родину, но Зураб неизменно отвечал: «Кому я там нужен... моральный и физический калека».

Так проходили годы. Время — лучший целитель всех ран — постепенно затянуло и рану Зураба.

Вначале он жил в полном затворничестве. Кроме прислуги, никто не мог входить к нему в комнату. Врачей он не подпускал к себе. Его делами управлял Вартан, и, надо отдать ему справедливость, управлял блестяще! Но купец есть купец, и жадность есть его вторая натура! Зураб отлично видел все махинации приятеля, но молчал. «Вор, обкрадывающий вора, попадает в рай», — говорил себе Зураб и был благодарен Вартану и за малую долю.

Зураб постепенно стал выходить из дому. Приедет, бывало, в свой торговый дом, посидит в своей рабочей комнате, перекинется с посетителями двумя-тремя приветливыми фразами и так же неожиданно исчезнет, как появился.

Часто стал ездить Зураб на «Золотой Рог». Там, в царственном покое Босфора, предавался он своим горестным мыслям. Но больше всего пристрастился он к району Ферикей, — там монастырь грузин католиков. В маленьком монастырском садике сидел Зураб подолгу, читал грузинские журналы и газеты или просто смотрел в небо.

Чем больше проходило времени, тем глубже задумывался он над своим положением. Зачем он на чужбине? Чего он ждет здесь? Какова цель его жизни?

Он покинул родину, это правда, и половину жизни своей провел в Иране и Турции, но ведь его принудили к этому! И если он до сих пор не переживал так остро свое вынужденное отчуждение от родного края, то только потому, что у него была опора — семья и надежда на возвращение. Он знал, для кого и для чего живет на свете. А теперь? С самого начала жизнь его не ладилась. А тут еще даже родной брат не пощадил его! Почему?

Этот вопрос мучил его тогда, когда он скрывался в лесу, скрывался от родного брата, скрывался, как заяц от ищейки, этот же вопрос не давал ему покоя и теперь. Но теперь он мучил его не потому, что решение вопроса что-либо могло изменить в его жизни, нет! О, он был бы гораздо счастливей, если бы Коста настиг его тогда, арестовал и сгноил бы в тюрьме. По крайней мере, кости его остались бы лежать в родной земле! К чему теперь все его богатство? К чему столько золота, этот прекрасный дворец, яхта? Зачем ему нужно все это? Только лишь затем, чтоб усилить его горе!

В конце концов и друзья, которые сегодня клянутся ему в верности, тихо, без шума схоронят его, чтоб на шум не откликнулся какой-нибудь наследник, чтоб все его имущество прибрать к рукам без помехи.

Успокоение он находил только в воспоминаниях.

Поневоле вспомнил он, как нянчил маленького брата.

Зураб устроился продавцом в лавке для того, чтобы помочь семье, помочь брату, который уже учился в школе. Коста после окончания школы поехал в Одесское военное училище. Зураб продолжал помогать ему. Половину своего заработка ежемесячно высылал ему. И вот как тот ему отплатил!

Но почему родной брат сделался его кровным врагом? Неужели же он мог не пощадить его, Зураба, только за то, что он не выдал товарищей, которые укрылись в его доме?

«Эх, Коста, Коста! Где-то он теперь? Жив ли? Может быть, раскаивается в своем поступке? Может быть, он так же одинок и тоскует по брате? Кто знает?»

Однажды летним вечером Зураб по обыкновению предавался одиночеству в одном из уголков своего сада. Тихий ветерок шелестел листьями лимонных и апельсиновых деревьев. Золотистые плоды сверкали в лучах заходящего солнца.

Зураб не заметил, как слуга на цыпочках приблизился к нему и протянул серебряное блюдо с письмом.

Зураб очнулся, недовольно взглянул на слугу, равнодушно взял письмо, зажал его между пальцами и опять опустил голову.

Слуга не трогался с места.

Зураб понял, что податель письма дожидается ответа. Он медленно вскрыл его и неохотно начал читать. Внезапно лицо его озарилось радостью, и он вскричал:

— Как?! Они здесь?! Где же они, где?!

— Ждут в гостиной, эффенди!

— Скорее, скорее везите меня к ним!

Слуга подкатил тележку Зураба к ярко освещенной гостиной.

— Коста! Брат мой!

Коста стоял, виновато опустив голову. Увидев Зураба, он сорвался с места и кинулся в его объятия.

Отар, как маленький ребенок, разинув рот, восхищенно взирал на открывшуюся перед ним волшебную картину: огни множества свечей, отражаясь и играя в хрустале люстр и подсвечников, переливались всеми цветами радуги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Всякий, кто днем проезжал морем между Поти и Сухуми, замечал острый мыс и расположенную на нем деревушку, пересекаемую довольно широкой рекой.

Река впадает в море в том месте, где развалины старой крепости, сгорбившись, глядят в море.

С моря деревня выглядит красиво. Утопающие в зелени домики, большие дома на высоких каменных сваях, красные пятна черепичных крыш, стройные тополя, высокие развесистые эвкалипты.

Глядя на тополя и эвкалипты, на апельсиновые и мандариновые сады, на целые леса тунговых деревьев и хурмы, трудно себе представить, что совсем еще недавно почти вся земля здесь была покрыта болотом.

По преданию, первым в этих местах поселился когда-то беглый крепостной. Только бесправный отщепенец мог забраться в эти непроходимые леса и болота.

Это место впоследствии стало портом. Тут торговали взятыми в плен юношами и девушками. Их слезами щедро полита эта земля. Вопли и крики их матерей не раз оглашали здесь воздух. Недаром дал народ этому месту название «Наркня» («ркия» на мингрельском наречии означает «вопл»). Так и осталось это название за деревушкой и поныне.

«Да будет проклят во веки веков тот, кто первым возделал эту землю, — говорили изможденные от малярии наркийцы. — Непостижимо, как могли наши предки в этой благословенной, прекрасной стране выбрать для поселения это гнездо комаров и лягушек».

Кукуруза созревала в Наркии, только если случалась засуха, а засуха на морском побережье явление редкое. Даже в самую жаркую летнюю пору следы ног здесь моментально наполнялись водой. Люди постоянно дышали воздухом, отравленным болотной сыростью. На узкой песчаной полосе земли у самого берега моря рос только колючий кустарник. И вообще весь этот полуостров, вся эта низина, клином врезавшаяся в море, представляла собой царство комаров.

Единственный источник пропитания наркийцев составляло животноводство. Жители деревни разводили крупный рогатый скот и в осеннюю пору угоняли его на продажу в плодородные, богатые урожаем края. Продав своих коров и буйволов, наркийцы закупали запас кукурузы на целый год. Так было заведено испокон веков.

Но времена меняются, и теперь уже черный как уголь наркийский чернозем хранит в себе только лишь нужное количество влаги и дает обильный урожай. Окруженные ветрозащитными полосами мандариновые и лимонные деревья никнут под тяжестью и обилием золотистых плодов, а на прибрежной полосе, там, где раньше рос только колючий кустарник, теперь красуется сосновый бор. И среди его зелени виднеются белые здания санаториев и домов отдыха.

По широкой реке скользят моторные и парусные лодки.

И никто теперь уже не вспоминает с проклятием того, кто первым ударил мотыгой по этой земле.

Был осенний вечер. Доверху груженные автомашины везли к амбарам и складам колхозное добро. Вернувшиеся с моря рыбаки, доставив обильный улов камбалы, расстилали шелковые сети для просушки. Пастухи пригоняли в деревню стада.

Солнце было уже на закате, когда перед зданием правления колхоза «Наркия» остановилась легковая машина.

Дремавшая под сенью платана дворняжка, увидев вошедших во двор мужчин, вскочила и с лаем кинулась на них, но, узнав одного из вошедших, мигом умолкла, остановилась и, виляя хвостом, повернула обратно.

Стоявший на балконе второго этажа пожилой мужчина, узнав в одном из приезжих заведующего отделом сельского хозяйства райкома Нестора Шелия, пошел ему навстречу.

— Здравствуй, Антимоз! — приветствовал его пришедший и, увидев на ноге хозяина повязку, добавил: — Что с ногой?

— История!.. — с улыбкой ответил Антимоз и отступил, пропуская вперед Нестора и приехавшего с ним незнакомца.

Шофер втащил на второй этаж два больших кожаных чемодана.

В комнате председателя зазвонил телефон. Антимоз поспешил к нему.

— Нет... Ни одна бригада, — ответил Антимоз в телефон и взглянул на стенные часы, — без четверти шесть... Да... Так, в половине шестого третья бригада, так?.. Да, Нестор приехал... Здесь кто? Агроном? Кажется, да, — при этих словах Антимоз взглянул на незнакомца, — сейчас передам, — сказал он, передавая трубку Нестору.

— Привет, «чернуш», привет! — сказал Нестор в трубку, подмигнув Антимозу.

Так называли друзья председателя колхоза Андро Берая. Он на самом деле был чернявый, и приятели дразнили его: «Не иначе как из вороньего яйца вылупился, братец».

Пять лет Андро плавал на судне моряком. Затем учился на рабфаке. После окончания начал работать на Колхидстрое, но когда наркийские болота были осушены, он бросил Колхидстрой и вернулся в родную деревню.

Постепенно менялся облик деревни Наркия, вместе с ней изменился и родной кров Андро. На месте полуразвалившейся сиротской хижины Андро построил крытый черепицей двухэтажный дом.

Вскоре молодой человек женился. Во дворе зазвенел голос молодой хозяйки, залаяла дворняжка, замычал телок,

рыжая кошка растянулась на черепице у дымящейся каминной трубы.

Радовались наркийцы, глядя, как рано осиротевший Андро становился на ноги.

Некоторое время Андро был секретарем парторганизации колхоза, потом его избрали председателем.

— Знаю, знаю, занят по горло, — продолжал разговор по телефону Нестор, — завтра надо закончить сбор. Как? Да... Вот это хорошая вещь, молодец, «чернуш»! Ты выйди на первое место в районе, а магарыч устрою я. Я к тебе приехал тоже не с пустыми руками. Агронома привез... Такой же непоседа, как ты! — Нестор с улыбкой взглянул сначала на агронома, а потом на Антимоза, как бы спрашивая его: хорош парень?

— Так мы ждем тебя... Да нет! Мы никуда не торопимся. — Нестор положил трубку и обратился к Антимозу: — Познакомьтесь, ваш новый агроном Тамаз Девидзе.

— О, мы очень вас ждали, товарищ Тамаз, — Антимоз подвинул стул Тамазу и сам сел напротив него, отложив в сторону костыль, — вы приехали как раз вовремя. Говорят, что вы работаете над выведением новых сортов морозоустойчивых цитрусов.

— Ты лучше про свою ногу расскажи сначала, — прервал его Нестор, — а об этих сортах ты столько еще услышишь впереди и такого жару задаст тебе этот парень с их выведением, что сам не рад будешь!

— При чем тут моя нога, Нестор?

— Расскажи, расскажи, что с тобой приключилось? Лошадь, должно быть, тебя сбросила, не иначе!

— Нет, не сбросила, но ушибла так, что чуть было не пришлось отнять ногу, — проговорил смущенный Антимоз.

— Угадал?! — рассмеялся Нестор, взглянув на Тамаза. — Этот дьявол-наездник — лошадиный волшебник! Ну, говори, кабардинку выезжал?

— В прошлую субботу возвращался с работы, — начал Антимоз, — прохожу мимо коннозаводства, а там народ во дворе собрался. Вижу, стоит посредине двора вороной, выгнул шею, фыркает, раздувает ноздри. Оседлать кое-как еще удалось, но сесть на него... Никого не подпускает! Очутившись на его спине, почувствовал, что под мной не конь, а бес! Я изо всех сил вцепился в уздечку, но он встал на дыбы, сделал дьявольский скачок и понесся прямо к конюшне. Я не растерялся, решил прыгнуть и достал ноги из стремян, но в это время ударился коленом в столб перед конюшней. Хорошо, что я все-таки успел прыгнуть до того, как лошадь влетела в конюшню, а то снесло бы мне голову!

— А я, признаться, удивился, увидев тебя в такую горячую пору сидящим на балконе, — сказал Нестор.

— Вы рано очень встали с постели, — вмешался в разговор Тамаз, — так колено не заживет.

— Да, это правильно! Когда я лежал, то не чувствовал боли, а сегодня вот ноет... Но что поделаешь! Болеть в такое время — преступление! Я и подумал: ни на какую работу я сейчас не годен, так хоть в правлении посижу, подежурю, здесь тоже нужен человек.

В это время во двор запыхавшись вбежал молодой парень и направился к дому, но, увидев сидящих на балконе незнакомых мужчин, задержался на лестнице.

— В чем дело, Варлам? — спросил Антимоз.

— Гванджи меня прислал, дядя Антимоз, сообщить вам, что бригада наша ровно в шесть часов отправила последнюю машину с полей. Уборку закончили, и, если где-нибудь требуется помощь, — мы готовы! — одним духом выпалил парень и большим пестрым платком вытер лоб.

— Помощь не требуется никому и нигде. Передай Гванджи, что бригада может отдыхать.

Парень сошел с лестницы и торопливо направился к калитке, но внезапно остановился, обернулся и спросил:

— Дядя Антимоз! Опередил нас кто-нибудь?

— Определили, — с улыбкой ответил Антимоз и потом добавил, как бы для успокоения, — всего на полчаса.

Сияющее лицо парня омрачилось.

— Кто, дядя Антимоз?

— Третья бригада.

Парень махнул рукой, быстро повернулся и ушел.

На другой день было воскресенье, но колхозникам было не до отдыха: доставленный с полей урожай надо было разместить по амбарам, оставшуюся на полях солому связать в снопы и поставить скирды.

Андро встал до восхода, умылся, оделся. Осторожно прошел в столовую, где стол остался неубранным с ночи, выпил рюмочку, позавтракал и вернулся в спальню. Жена его тоже встала и была уже одета. Андро удивился:

— Чего это ты спозаранок? — спросил Андро жену, снимая со стены войлочную шляпу со шнуром. — Но что с тобой? Ты нездорова? — Андро перевел тревожный взгляд с лица жены на округлившийся живот.

— Ничего, вероятно, простыла, голова болит...

— Ложись, Тереза, голубушка, ложись в постель! — Андро поцеловал жену. — Ну, обещаю, что ляжешь.

— А как же гости? — Тереза указала на соседнюю комнату. — Нестор свой человек, но другой ведь совсем чужой.

— Он тоже свой, с сегодняшнего дня он свой. Ты только ложись, я Надю пришлю, она приготовит завтрак.

— Нет уж, извини! В моем доме гостей приму я сама.

С балкона раздался голос Нестора:

— Андро! Хватит спать! Пора!

Андро вышел на балкон.

— Я давно уже встал, голубчик, успел даже позавтракать. Но вы-то куда торопитесь, чего ради повскакали?

Нестор и Тамаз любовались морем. Далеко на линии горизонта зеркальным блеском светилась узкая полоса. Она росла и ширилась постепенно, и вдруг вся поверхность моря засверкала огнями алмазов.

— В этом году что-то необычное происходит в море. Осень уже наступила, а мелкая рыба не покидает прибрежную полосу, — сказал Нестор, — вот и сейчас несметные полчища этих рыбешек толкуются у берега.

— Откуда вам все это известно? — спросил Тамаз.

— Скопление чаек и дельфинов!

С балкона как на ладони были видны несущиеся по реке белые паруса лодок. Раздувшись от попутного ветра, они, как лебеди, плыли навстречу морю и далеко на горизонте рассеивались белыми точками. А у самого берега мелькали черные точки кувыркающихся в воде дельфинов.

С юга дул теплый ветерок. Шелестели кленовые ветки, на листьях лимонных и апельсиновых деревьев блестела роса, поднималась поникшая за ночь трава.

— Нестор, дорогой, — послышался на балконе голос Терезы, — я знаю, что вы любите вставать рано, но для нашего гостя это, пожалуй, слишком рано! Надо бы дать ему выспаться.

— Ничего, ничего, пусть привыкает! Ведь ваш муж все равно не даст ему встречать восход в постели, — ответил Нестор. — Да и сам он не из спокойных. Мы уже были на речке. Тамаз хотел выкупаться, но вода показалась ему слишком холодной.

— Такую холодную речную воду я еще не встречал. Почему она ледяная? — спросил Тамаз.

— Эта река берет начало в горах, покрытых вечным снегом, — начал Андро, но, увидев группу колхозников, быстрым шагом направляющихся к площади, прервал рассказ. — Об этой реке я расскажу потом, а теперь, Нестор, перекусим, и, если пожелаете, обойдем плантации. К тому времени и наша хозяйка сообразит к завтраку что-нибудь, — сказал торопливо Андро, приглашая гостей в столовую.

Дом Андро стоял в самом центре деревни, на площади. Широкая асфальтированная улица, пересекая площадь, спускалась к берегу моря. Другая улица, параллельная этой, тя-

нулась вдоль берега реки. Она была мощеной, и называли ее набережной улицей.

Противоположный берег реки славился как лучший детский морской курорт. С наступлением весны наркийский курорт наполнялся детворой. Алый цвет пионерских галстуков начинал весело мелькать среди свежей зелени берега.

Андро спешил к амбарам. Он сказал Нестору, что поручает ему гостя, и ушел.

Андро шел торопливо. Ему было неловко за опоздание. Он знал, что работа у амбаров уже в разгаре. Он чувствовал даже запах свежей кукурузы, которую колхозники сейчас убирают в амбары.

Почти вся деревня собралась у амбаров. Кругом раздавалось пение. Вокруг горой возвышающихся початков сидели женщины, старики и дети. Они проворно срывали с початков их зеленый шелковистый наряд, и крупнозернистые золотистые «таро» то и дело мелькали в воздухе, шлепаясь в высокие, широкие корзины. Налитые здоровьем мускулистые парни, взвалив на спины громадные корзины, спешили к амбарам и возвращались через минуту порожняком.

Работа кипела, двор гудел, как улей.

Андро на мгновение задержался у ворот, чтобы окинуть взором двор. Счастливая улыбка озарила его загорелое лицо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Нестор и Тамаз осмотрели цитрусовый рассадник, электростанцию, склады-помещения, где мариновали рыбу, вышли на крышу-площадку, где сушились на солнце шелковые сети, поговорили с рыбаками.

Было около десяти часов утра, когда они вошли во двор аптеки.

— Может быть, наша Мадонна еще спит, — проговорил Нестор, улыбаясь.

— Мадонна? Это имя фармацевтки? — спросил Тамаз.

— Да нет! Ее имя Медея, но наркийцы почему-то прозвали ее Мадонной.

— Хороша, должно быть.

— Ничего. Не плохо! По правде говоря, — Нестор понизил голос, — Медея хорошая девушка. но большая кокетка, в день несколько раз меняет платя, наряжается, а в деревне, знаешь ведь, как на это дело смотрят! Вот и прозвали ее Мадонной! Но по существу она девушка хорошая — трудолюбивая, сердечная.

Нестор и Тамаз поднимались по лестнице, когда дверь открылась и на балкон вышла Медея.

Тамаз с любопытством посмотрел на девушку. У нее были черные глаза, крашенные волосы небрежно ложились на лоб, черные ресницы были аккуратно подмазаны, тонкой дугой выгибались на лбу выщипанные брови.

— Ну, кажется, конец бесконечным упрекам наркийцев,— привез вам агронома, познакомьтесь! — шутливо обратился Нестор к Медею.

Тамаз, улыбкой поддержав шутливый тон Нестора, протянул руку девушке.

— Очень приятная новость, — тихо проговорила Медея, подавая руку гостю.

Она провела гостей в аптеку. Здесь все было до блеска начищено. Во всем чувствовалась заботливая рука трудолюбивого хозяина.

— Ваша Мадонна живет одна? — спросил Тамаз, когда Медея вышла в соседнюю комнату.

— Одна. Видите, какая безукоризненная чистота! Я вам говорил, что Медея очень трудолюбивая девушка... — Нестор недосказал, Медея вернулась. На ней был уже коричневый халат с широкими рукавами.

Во дворе, около самой лестницы, стояло огромное лимонное дерево, достигавшее своей верхушкой крыши дома.

— Нравится? — спросил Нестор. — В позапрошлом году у нас гостила бригада «Правды». Сделали снимок. Медея была в восторге. Этот исполин поручен ее заботам.

— А про эти вот деревья что они сказали, интересно знать? — спросил Тамаз, указывая на стоящие рядом мелкие лимонные деревья. — Сделать снимок этого великана на фоне такой плантации... Гм!..

— Ты прав! Вид этого единственного дерева на фоне этих уродцев не очень утешителен. Зрелище позорное! Насчет этого корреспонденты написали целую статью. Медея была в отчаянии. До сих пор не может забыть.

— Ну, в этом деле Медея не так уже виновата.

— Не так виновата, как мы, не правда ли? Согласен, Тамаз.

— Надеюсь, что новый агроном исправит нашу ошибку.

— Новый агроном постарается, — улыбнулся Тамаз. — По правде говоря, это происходит не только у вас. Руководители некоторых колхозов все внимание уделяют только специально выделенным образцовым участкам, птичьим молоком готовы поливать все растения, чтобы пощеголять перед руководством, пустить пыль в глаза.

Нестор внимательно слушал Тамаза.

— Еще больше скажу, — продолжал Тамаз, — есть такие руководители, которые признают только знатные колхозы, о

других колхозах не заботятся, совсем не помогают молодым колхозам...

— Правильно говоришь, товарищ Тамаз, попадаютсЯ и такие товарищи, но в этом деле виноваты и мы, районные руководители.

Беседуя, они обошли плантацию и завернули за угол, когда на балкон вышла Медея и пригласила гостей к завтраку.

Из окна той комнаты, куда Медея ввела гостей, открывался вид на огромный платан на берегу реки, на море и на развалины старой крепости.

— Старинное предание говорит, что наши предки построили эту крепость за две недели, узнав, что со стороны Турции движется на них орда. Начиная с вершины горы, на которой построена крепость, вплоть до морского берега выстроились в ряд мужчины и передавали из рук в руки камни, — проговорил стоявший за спиной Тамаза Нестор. Тамаз не отрывался от окна. Отсюда был виден и пристроенный к стенам крепости дощатый помост, откуда ребяташки прыгали в воду.

Наконец Медея силой усадила Тамаза за стол. Нестор налил ему стопку водки.

Нестор с аппетитом уплетал вкусное эларджи, а Тамаз, откинувшись на спинку стула, с любопытством оглядывал комнату: никелированная кровать, полка с несколькими томиками Мопассана и попугай на шесте, вделанном в шкаф.

— Почему вы не едите? — обратился Нестор к Тамазу. — Очень вкусно!

— Наш гость почему-то не в духе, — заметила Медея, наполняя бокалы.

— Гость! — передразнил ее Нестор. — Гость теперь я, а он уже здесь хозяин.

— А вы-то сами почему не кушаете? — косясь на ее чистую тарелку, спросил Тамаз.

— Мой завтрак, — стакан молока или же два яйца всмятку, — ответила девушка.

— И все?!

— От обильной пищи человек полнеет, а я не хочу полнеть, не дай бог!

Нестор и Тамаз позавтракали и, извинившись, стали прощаться с хозяйкой.

Медея вышла с ними во двор в необычайно пестрой шляпе. Что-то в этом роде Тамаз когда-то видел на жокеях, во время скачек на ипподроме.

— А вы куда? — спросил ее Нестор.

— В больницу.

Они попрощались у калитки.

Молодые люди некоторое время шли молча.

Первым нарушил молчание Тамаз:

— Очень странная особа эта ваша Медея.

— Странная, это правда, но есть у нее и очень хорошие качества.

— Например?

— Она добрая, очень отзывчивая, аккуратная девушка! Словом, она гораздо лучше, чем кажется на первый взгляд.

На повороте показалась грузовая машина с колхозниками. Нестор остановил ее.

— Вы куда, товарищи?

— На прибрежные поля, солому собирать, — ответил сидящий в кабине шофера молодой бригадир.

— А где Андро?

— К амбарам пошел.

По знаку Нестора машина двинулась, молодые люди пошли своей дорогой.

— Так ваша Мадонна добрая, вы говорите, девушка? — вернулся Тамаз к прерванному разговору.

— Очень.—подтвердил еще раз Нестор,—кроме того, она прямая и честная! Ненавидит мошенников и разгильдяев и не боится в лицо говорить правду.

— Как она попала в эту деревню?

— Наш колхоз послал ее на учебу, она получила специальное образование, и ей поручили аптеку. Вас интересует, должно быть, откуда у нее такие странные привычки?

— Очень интересует!

— До революции, — начал Нестор, — родители Медей жили в Тбилиси. Отец ее, уроженец нашей деревни, был очень скромный, тихий, честнейший человек. Он был геолог и большую часть своего времени проводил в экспедициях. Медею воспитывала мать, а она была полной противоположностью мужа, — холодная, высокомерная женщина. Она ни разу не приехала на родину мужа, считая это ниже своего достоинства. Она мужу не разрешала брать с собой в деревню девочку. Так Медея росла под опекой матери и усвоила многое из того, что ей внушали с детства. Лет восемь тому назад мать скончалась, и отец привез Медею в Наркию. Но старик недолго протянул в деревне — через несколько месяцев и он отдал богу душу. Осталась Медея круглой сиротой, и колхоз взял на себя заботу о ней.

— Понятно, откуда берут начало ее странности.

Беседуя, они подошли к амбарам; двор гудел как улей.

Новый агроном на другой же день приступил к работе. Осмотрев все чайные и цитрусовые плантации, поля, теплицы, рассадники и фруктовые сады, он понял, в какое большое дело включился и какую ответственность взял на себя. Но Тамаз

не испугался. Наоборот! Уверенность в своих силах росла и крепла в нем. Он почувствовал, какие возможности таило в себе это огромное хозяйство, какое поприще открывалось перед ним для применения его знаний.

До поступления в институт Тамаз жил в деревне. Окончив в семнадцать лет среднюю школу, он поступил в сельскохозяйственный институт. На первом же курсе, отличившись своими способностями и трудолюбием, он обратил на себя внимание. Он уделял много времени общественной работе, охотно помогал отстающим и пользовался общей любовью.

Сейчас он был близок к осуществлению той цели, которой посвятил все годы учебы, и поэтому сердце его было полно радостью. Радость эта омрачалась только мыслью о родителях.

Тамаз знал от своей воспитательницы, что мать его похоронена в Сурами, что отец жив, но его местонахождение неизвестно никому.

Могилу матери Тамаз разыскал. Добрые соседи не поскупились на могильную плиту и надпись.

Какое-то новое, не испытанное до того чувство, согрело душу Тамаза, когда он склонился над могилой матери.

«Но где же отец? Где может быть отец? — упорно думал Тамаз. — Если он жив, то почему разлучился с семьей, оставил ее на произвол судьбы, вплоть до того, что мать из милости пришлось похоронить соседям. Если это так, то не стоит вспоминать его и жалеть о нем. Но если он расстался с ними по принуждению, не по доброй воле, то тогда ему, должно быть, очень тяжело, тяжелее даже, чем было покойной матери. Подумать только! Оторваться от родных, от семьи, от родины!»

Тамаз долго искал след своего отца, Зураба Девидзе, но нигде его не находил. Наконец кто-то ему сказал, что слышал про какого-то Зураба Девидзе, который в 1917 году бежал от меньшевистского правительства, перебрался с семьей в Иран, что после этого след его пропал и с тех пор ни его, ни его семью никто не видел в Грузии.

Эта весть не могла утешить Тамаза. Зураб Девидзе в 1917 году бежал в Иран с семьей, а мать его, судя по надписи на могильной плите, скончалась в 1920 году в Сурами.

В 1941 году Тамаз окончил институт, защитил диплом. Надо было выбирать одно из двух: начать работу в деревне или остаться при институте и продолжать учебу в аспирантуре. Он вырос в деревне, и его тянуло туда на работу, но профессора уговаривали его посвятить себя науке, и он никак не мог сделать окончательный выбор, не зная, как поступить. Но за него решили обстоятельства — началась война,

которая перевернула вверх дном планы не одного Тамаза. Его мобилизовали в первый же день войны.

Привокзальная площадь тбилисской железнодорожной станции была полна народу. Отъезжающих на войну провожало множество людей. Отцы и матери провожали своих сыновей, благословляя на победу, жены провожали своих мужей, невесты — женихов. Остающиеся давали слово с удесятеренной энергией работать на фабриках, заводах, на полях.

На трибуну пришлось подняться и Тамазу. Он волновался, говорил несвязно. Он был один, его никто не провожал, никто с ним не прощался. Когда он спустился с трибуны, к нему подошел какой-то пожилой мужчина.

— Извините меня... Можно вас на пару слов?.. — сказал он, взяв Тамаза за руку.

— Извольте, — ответил Тамаз с присущей ему учтивостью, пристально вглядываясь в незнакомца. — Чем могу служить?

— Вы Девидзе, кажется, Тамаз, да? — спросил он и так настойчиво вперил в Тамаза взгляд, точно хотел вызвать в памяти давно забытый образ.

— Так. Я — Тамаз Девидзе.

— Когда вас вызвали на трибуну, я впервые узнал о вашем существовании.

Тамаз насторожился.

— Вы очень похожи на одного моего знакомого Девидзе, на Зураба Девидзе. — Незнакомец не сводил с Тамаза глаз.

— Зураб?! Это имя моего отца!

— Вот как! А где он теперь, ваш отец?

— Отец? — с волнением переспросил Тамаз. — Не знаю, где. Не знаю, жив он или нет? Ничего не знаю.

— Да, это вы! Вы, точно вы! Я не ошибся! Вылитый Зураб! Как вы похожи на отца! Он жив. Не так давно я встретил его в Стамбуле. Он думает, что вас нет в живых. О, если бы он только знал, что вы существуете! Какая была бы радость для старика!

Незнакомец рассказал Тамазу все, что знал о Зурабе. Рассказал о том, как он познакомился в Стамбуле с Зурабом, какие злоключения перенес Зураб после того, как вынужден был покинуть родину, как отправил обратно в Грузию сына Тамаза и его больную мать. Незнакомец рассказал ему и о том, что к Зурабу приехали брат и племянник, что их приезд очень обрадовал старика и он немного ожил.

— Так он жив? Наверняка жив? Как он выглядит, постарел? — Тамаз от волнения с трудом говорил.

— Стоит ему только узнать, что вы живы, и он немедленно распродаст все и придет.

— Надо сообщить ему, но куда? Как?

— В Стамбул, куда же еще? Адрес Зураба у меня с собой. — Незнакомец достал из кармана записную книжку...

Митинг закончился.

Толпа хлынула на перрон.

Подали состав.

Тамаз и его новый знакомый вошли в вокзальное отделение связи, отправили письмо Зурабу и вернулись на перрон.

За шесть месяцев окончил Тамаз артиллерийские курсы, и его назначили начальником подразделения. Вскоре он отличился в боях на берегах Волги и был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

На фронте Тамаз был ранен осколком вражеской гранаты и три месяца пролежал в госпитале.

После выздоровления он порывался вернуться на фронт, но это ему не удалось. По специальному постановлению правительства его вместе с другими специалистами сельского хозяйства отправили в Грузию.

По дороге на родину Тамаз часто вспоминал Сталинград, дни, проведенные с товарищами в окопах. В этих окопах родилась у него мысль о морозостойких цитрусах. Началось с того, что бойцы получили подарки из Грузии: вино, табак, мандарины, апельсины, яблоки и груши.

— Вот кабы такие золотые плоды росли б у нас на Украине, це было бы здорово! — восторженно говорил младший лейтенант Михаил Коротченко.

«А правда ведь, было бы недурно!» — промелькнула тогда мысль у Тамаза, и эта самая мысль, зревшая с тех пор в его голове, привела его в Наркию. По приезду в Тбилиси он попросился агрономом в такой колхоз, который разводит цитрусы, и его направили в Мингрелию.

Как вылетевшая из гнезда ласточка, носился Тамаз по родному городу. Он торопился с отъездом, считал каждый день, проведенный им в городе.

Настал наконец день отъезда. Поезд его отходил в шесть часов вечера. Тамаз забежал в институт попрощаться.

В коридоре Тамаз встретил своего профессора. Маленький старичок в очках, с прямыми прядями седых волос, заметив издали Тамаза, отвел свой взгляд. Тамаз поздоровался.

— Вы ко мне? — Посмотрев на молодого человека поверх очков, старик открыл дверь своего кабинета.

Тамаз стоял растерянный.

— Войдите, — холодно обратился к нему профессор. — Уезжаете? Ну что же! Счастливого пути! Желаю успеха!

— Александр Иванович! — еле слышным голосом произнес Тамаз, понутив голову, как виноватый. — Простите меня. Я не могу иначе. Хочу вас убедить...

— Убедить... — прервал его профессор, — в том, что ваше место там, в деревне!.. Слышал! Старая песня! А я хочу вас убедить, что вы здесь нужнее, именно здесь! Мы уходим, стареем, нужна смена. В деревне любой грамотный агроном может справиться, а вы не имеете права зарывать свой талант там. Вы нужны кафедре, вы должны работать в науке. Я не отрицаю, что деревне нужны люди, нужны, но только не вы, вы должны остаться, вы должны заменить со временем нас! — Старик внезапно замолчал, потом вдруг сел. — Я говорил с директором. Если дадите согласие, он будет ходатайствовать в министерстве, и вас оставят...

— Не могу.

— Пусть туда едет другой!

— Почему другой? Каждый из нас должен быть там, где он нужен.

— По-вашему выходит, что и мы напрасно тут сидим. Так выйдем все на поле и возьмем мотыги в руки!

— Зачем все? Я сказал, что каждый должен быть там, где он более нужен. На вашей кафедре меня легко заменит любой, а вас — нет. А там нужны именно такие, как я.

Профессор встал, подошел к окну, заглянул во двор.

— На трудовом фронте?

Тамаз открыто посмотрел на старика.

— Да, на трудовом фронте!

Профессор подошел к Тамазу.

— А я забочусь о своей кафедре... Да? Эх, постарел ваш профессор. Отстал... Дальше этого окна ничего не видит...

— Ну что вы, Александр Иванович...

— Да, да, постарел, голубчик, ошибается... Ну что ж, езжайте. Отпускаю. Только с одним условием... Потом вернетесь обратно на кафедру.

— Даю слово.

И вот уже три года Тамаз усердно трудится на колхозных полях и плантациях. Теперь во всем колхозе нет ни одного больного и хилого деревца. Плантации наркийского колхоза славятся во всем районе. С первого же дня появления Тамаза на работе люди поверили в него, поверили в знания молодого специалиста. По инициативе Тамаза плантации были обнесены ветрозащитными полосами. На лимонных и грейпфрутовых участках поставили печи для утепления воздуха. Прорыли канавы для стока излишних вод. Выложили камнем небольшие ямы — водохранилища для поливки плантаций во время засухи.

Вскоре наркийские плантации стали образцом для всего района. Имя молодого агронома широко стало известно, слава о нем пошла по всем окрестным колхозам, и в Наркию

стали приезжать представители многих колхозов, чтоб осмотреть на месте плантации и поучиться у наркийцев, заимствовать у них опыт работы.

Народ и руководство района с особым уважением относились к молодому агроному, гордились им. Бюро райкома партии неоднократно отмечало достижения колхоза.

Тамаз часто писал в город своему профессору, делясь с ним своими наблюдениями и прося советов и наставлений. Профессор охотно отвечал на его письма. Переписка, завязавшаяся между учеником и учителем, установила постоянную деловую связь между колхозом и сельскохозяйственным институтом, и связь эта приносила им обоюдную пользу.

Вначале Тамаз писал отцу с фронта, но ответа не дождался. Зураб молчал. Тамаз все еще не терял надежду... «Идет война, где уж тут до регулярной почтовой связи с зарубежными странами, она, должно быть, прервана», — думал он. «Ну, а теперь? Война окончена, жизнь вошла в нормальную колею, взаимоотношения с иностранными государствами восстановлены, так почему отец не пишет? Неужели все наврал тогда тот почтенный, пожилой человек? Выдумал историю Зураба? Но с какой же целью?» Мысли эти не давали Тамазу покоя, и он ждал развязки.

Был воскресный летний день.

Отдыхающие катались на парусных лодках, с берега тоносилось пенне. У развалин старой крепости в реке купалась молодежь.

Перед зданием правления колхоза стояли четыре легковые машины.

Утром прибыли гости из районного центра. Гостей из Украины сопровождал секретарь райкома партии Георгий и заведующий отделом сельского хозяйства — Нестор.

Андро и Тамаз принимали их.

Осмотрели самую большую плантацию, расположенную в центре деревни.

— Как я вам уже говорил, товарищ Антимоз давно ведет наблюдения над болезнью лимонного дерева мальсекко, — говорил гостям Тамаз. — С самого начала он взял правильный курс, отметил те деревья, которые росли среди больных деревьев, но не заболели. Товарищ Антимоз привил их отростки на корневых трифолиатах и получил здоровый молодняк, который пока что очень устойчиво сопротивляется болезни. На сегодняшний день колхоз насчитывает более тысячи таких насаждений.

Гости направились к апельсиновым деревьям.

— Этому апельсиновому дереву уже исполнилось двадцать пять лет, — сказал Тамаз, остановившись в тени большого дерева. — Дерево дает плоды без косточек. Кроме того, хими-

ческий анализ сока показывает, что в нем значительно больше сахара и витаминов, чем в обычном апельсине.

— Двадцатипятилетний апельсин? — удивленно переспросила украинская гостья Вера Дубкова.

— Да, двадцатипятилетний! И вот всего два года, как нам стали известны его ценные качества. Думаем, что его потомки тоже дадут нам плод без косточек.

— Приблизительно сколько плодов даст оно в год? — спросил кто-то.

— В прошлом году мы собрали с этого дерева три тысячи апельсинов, — ответил Андро. — Интересен также и этот род деревьев, — сказал он, указывая на ряд низких деревьев. — Им всего три года от роду, но благодаря мерам, принятым нашим агрономом, их стадийное развитие идет таким темпом, что мы в этом году уже ждем первый урожай.

— Товарищ Нестор, вы как думаете, можно верить вашему агроному? — спросил с улыбкой один из гостей.

— Он заставляет нас верить ему, — ответил за Нестора секретарь райкома, — Тамаз настоящий пророк: все, что скажет, сбудется! Насквозь все видит, все предусмотрит.

— Здесь как будто бы и земля иная, в всех растений даже цвет какой-то особенный, свежий-свежий! Должно быть, климат, природные условия очень благоприятные, — заметила Вера Дубкова.

— Отнюдь не согласен с вами, — возразил секретарь райкома, — земля здесь точно такая же, как на всем Черноморском побережье. Но из всех колхозов субтропической зоны этот колхоз самый передовой и образцовый. Дело тут не в земле! Нельзя низкую урожайность всегда относить за счет климата да почвы. Успех зависит от людей! Теперь уже ни для кого не является секретом, что повышение урожайности земли находится в прямой зависимости от улучшения агротехнических условий. Да, мой друг, люди, а не климат!..

Выйдя на дорогу, они увидели группу детей, шедших им навстречу. Кто держал в руках охлажденные в речной воде кувшины с вином, кто корзины с фруктами.

Секретарь райкома подошел к детям.

— Опоздали, дорогие, опоздали с угощением. Это было бы хорошо на лоне природы, в тени деревьев. А тут—голая дорога...

— Почему же на дороге? Пожалуйста к нам, дорогие гости, милости просим! — послышался во дворе женский голос. калитка отворилась, и на уллицу вышла пожилая опрятно одетая женщина и, учтиво поздоровавшись, пригласила гостей во двор.

Из дому навстречу гостям выбежал хозяин дома и, радостно улыбаясь, приветствовал их. Хозяева засуетились, и вско-

ре на изумрудной зелени, под сенью большого апельсина, был накрыт стол: фрукты, вино, горячие хачапури¹, свежий сыр, зелень, графин водки...

— В этом неожиданном нашествии на ваш двор виновата ваша супруга, — обратился секретарь райкома к хозяину, — мы не собирались вас тревожить.

— Что вы, что вы, товарищ Георгий! — воскликнул хозяин. — Это я подослал жену, рассчитывая на то, что женщины вы не откажете.

Глава делегации покосился на графин, потом посмотрел на стоявшее высоко в небе солнце и обратился к хозяину:

— В такой полдневный жар можно сгореть от водки.

— Только по рюмочке, товарищ, для аппетита, — ответил с улыбкой приветливый хозяин.

Выпили по рюмочке.

За забором запищал поросенок, закудахтали куры, из кухонной трубы показался дымок. Хозяйка стала звать мужа.

— Тарас! — крикнул вдогонку хозяину Андро. — Имей в виду, что долго мы тут сидеть не можем. — Но Тарас, сделав вид, что не слышит, поспешил скрыться в кухне.

— Так вы надеетесь в ближайшие годы получить такой сорт лимона, который выдержит двенадцатиградусный мороз? Неужели это реально? — обратился к Тамазу глава украинской делегации, протягивая ему очищенную грушу.

— Вполне! — ответил Тамаз. — Вполне реально! Апельсин должен выдержать двенадцать градусов, а мандарин — пятнадцать! Но это только начало, имейте в виду! На этом мы не остановимся. Имеется основание рассчитывать, что пойдем дальше. Результаты нового метода прививки дают нам это основание. На опытной станции мы содержали полученное этим методом прививки совсем молодое лимонное деревцо при двенадцати градусах. Деревцо трое суток пробыло на морозе совершенно безболезненно...

— Это означает, что в скором будущем чай и цитрусы будут и у нас, — прервала Тамаза Вера Дубкова.

— Несомненно, — ответил Андро, — чай и цитрусы скоро переступят границы Грузии. И вы также будете принимать гостей у себя на Украине в тени лимонных и апельсиновых деревьев.

Из кухни вышел Тарас. Андро встал и пошел ему навстречу.

— Куда, Андро? — спросил Тарас.

— Хочу заглянуть на кухню.

— Опоздал, дорогой. Поросенок и куры уже жарятся на вертеле, ты там больше не нужен, — смеясь, ответил Тарас,

¹ Х а ч а п у р и — пирог с сыром.

беря Андро под руку, но тот успел все-таки заглянуть на кухню и увидеть, что, кроме дочери, хозяйке помогали соседки.

— Сказал же я тебе, Тарас, что мы не можем засиживаться, а ты тут устраиваешь пир горой. Тебе же известно, что обедать мы собирались у Алмасхана. Там ждут нас.

— То есть как это у Алмасхана?! Чем я хуже Алмасхана?! Не обижай меня, Андро! Люди зашли ко мне в дом, да еще гости из другой республики, почетные люди! И ты хочешь, чтоб я их отпустил без обеда?! Что они могут подумать обо мне! Да и наши тоже! Как мне показаться после этого соседям на глаза!

— Понимаю, все понимаю, Тарас, но рассуди сам: если у тебя гостей отобьют, ты ведь обидишься?

— Правильно, товарищ Андро, конечно, обижусь, но раз уж они у меня, то позволь мне угостить их. — Тарас поспешил к гостям.

К гостям присоединились соседи. Приходили мужчины и женщины, юноши и девушки.

Появились чонгури¹, гитара.

Маленький круглый стол пришлось заменить большим длинным столом, во главе которого посадили Георгия, как главу стола — тамаду.

Подали жареного поросенка, жареных кур, кефаль, осетрину и другие яства.

Андро поднял бокал и обратился к гостям:

— От имени нашего колхоза я хочу заверить вас, товарищи, что мы считаем делом чести для себя заботу о вашем колхозе. Мы приложили всю свою энергию, знания и опыт к тому, чтоб субтропические растения вскоре покрыли золотистыми плодами вашу землю. Мы научим вас ухаживать за ними, выделим лучшую рассаду для вас, пошлем опытных мастеров цитрусового дела к вам на Украину, мы будем с вами до тех пор, пока вы не освоите эту культуру так же, как освоили ее мы здесь, в Грузии.

Слова Андро были встречены восторженными аплодисментами. Зазвенели бокалы, затянули песню, но неожиданно вошел Алмасхан, и все умолкли.

Тарас заерзал на месте. Появление соседа в момент, когда двор твой полон гостей, должно обрадовать хозяина, но в этом случае Тарас почувствовал себя виноватым и смутился.

— Кто это идет за Алмасханом? — тихо спросил Георгий сидящих рядом. Все уставились на незнакомца, который шел за Алмасханом.

— Чужой кто-то, — ответил Нестор.

— Первый раз его вижу, — заметил Тамаз.

¹ Чонгури — грузинский музыкальный инструмент.

Открытый лоб и всегда приветливое лицо Алмасхана на этот раз выглядели сумрачно. Ветерок трепал волосы на его непокрытой голове. Короткой палкой он нервно постукивал по сапогам. Войдя в тень, он остановился и, кинув обиженный взгляд на Тараса, пробурчал:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуй, Алмасхан! Пожалуйте, Алмасхан! — слышалось со всех сторон.

Пришедший вместе с Алмасханом незнакомец был тоже без шапки. На нем были серые брюки, синий пиджак и полосатая шелковая сорочка. Он пристально вглядывался в лица сидящих за столом, словно искал кого-то.

— Да присаживайся, Алмасхан, дружище. Ты всегда желанный гость в моем доме! — засуетился Тарас и затем, повернувшись к незнакомцу, стал приглашать и его к столу: — Пожалуйте к столу, товарищ, прошу!

Алмасхан остановил его:

— Эх, Тарас! Поблагодари дорогих гостей да этого незнакомца за то, что я не учинил тебе скандала. А то я знаю, как надо расправиться с таким соседом, который отбирает гостей.

— Мы виноваты, Алмасхан, мы! На него не сердись, — прервал его Тамаз, — мы только что собирались идти к тебе.

— Ну, бог с вами, а с Тарасом я рассчитаюсь как-нибудь. Теперь вот что, Тамаз, узнаешь этого парня? — спросил Алмасхан, подмигнув.

Тамаз удивленно посмотрел на незнакомца. Это был молодой человек лет тридцати, высокого роста, худой, смуглый. Глубоко сидящие черные глаза его не переставали шуриться.

Незнакомец посмотрел на Тамаза, почему-то смутился, но, быстро оправившись, улыбаясь подошел к нему.

Внезапно налетевший морской ветер, всколыхнув апельсиновые деревья, разметал на лбу пришельца низко нависшие пряди волос, обнажив глубокий шрам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

С быстротой молнии облетела всю деревню весть о приезде Отара, двоюродного брата Тамаза, который с детства рос на чужбине.

На другой день вечером Тамазу и Отару удалось наконец уединиться, — всем ведь хотелось поговорить с человеком, приехавшим из чужой страны, хотелось расспросить.

Две небольшие комнаты, которые занимал Тамаз в доме Антимоза, все время были полны посетителями: кто приходил

приглашать к себе двоюродных братьев, кто просто поглядеть на приехавшего, побеседовать с ним.

Наркийцы приписали возвращение Отара чувству непреодолимой тяги к родине, но в то же время отлично запомнили слова секретаря райкома Георгия, сказанные им в доме у Тараса:

— В возвращении к нам этого молодого человека мы несомненно должны усмотреть непобедимое чувство любви к родине, но мы должны помнить и о другом: прогнивший насквозь капитализм неудержимо катится в пропасть, в то время как социалистические страны с каждым днем крепнут и твердо шагают от победы к победе. Вот это-то и является причиной поворота к нам в умозрении тех людей, которые не верили в свое время в жизнеспособность и силу рабоче-крестьянской власти, не считали возможным, что эта власть может создать такое мощное государство. Что же касается именно этого молодого человека, то относитесь к нему с особенной осторожностью и вниманием. Не забывайте, что он вырос в совершенно иной среде, иных условиях и требовать от него того, что мы требуем от советского человека, — нельзя. Покажите ему пример, научите его.

Эти слова Георгия наркийцы запомнили хорошо.

— Наконец-то мы остались одни, — сказал Тамаз, закрывая дверь за последним посетителем.

Отар хотел спать, но чувствовал, что Тамаз не даст ему заснуть, пока обо всем не расспросит. Он вышел в другую комнату, где для него была приготовлена постель, снял пиджак, галстук и переоделся.

Тамаз открыл окно. Яркий электрический свет из окна отчетливо выхватил в темноте зеленую массу шелестевших на ветру лимонных листьев. Ночную тишину нарушал лишь лай собак да отдаленный шум морского прибоя.

— Зачем подался мой дядюшка из Франции в Америку? Что вы там искали? И кто вас туда звал? — спросил, устроившись на тахте, Тамаз.

— Отец уверял меня, что стоит только пораскинуть мозгами — и в Америке можно зажить припеваючи, по-царски. Ну, я подчинился его желанию. Другого выхода у меня не было. Приехали мы в Нью-Йорк. Отец повидал того американца, на помощь которого рассчитывал, и передал ему рекомендательное письмо от приятеля. Шесть месяцев околачивались мы без дела в Нью-Йорке. Деньги кончились, мы стали продавать свое добро. Нас ожидала голодная смерть, и именно в этот момент пришел на помощь наш протектор. — Отар глубоко вздохнул.

Тамаз встал, и, прислонившись к стене, весь превратился в слух.

— Однажды он вызвал к себе нас обоих. Джемс Смолвуд, так звали нашего покровителя, принял нас в своем кабинете. Мистер Смолвуд был представителем акционерного общества в Нью-Йорке. Он производил впечатление степенного, умного, делового человека. Принял нас вежливо, угостил кофе и сказал: «Я очень уважаю своего приятеля-француза, который порекомендовал вас, и поэтому хочу помочь вам. Сделать это, то есть достать работу, да еще в Нью-Йорке, как вы сами в том убедились, очень трудно. Вы незамедлительно отправитесь по этому адресу, — он передал конверт отцу, — передадите это письмо и приступите к работе. Здесь, в Америке, вам придется столкнуться с особыми обычаями, с иной моралью. И если Америка ныне — самая мощная и богатая страна, то это только благодаря своей морали. Так вот, запомните следующее: то, что от вас потребуют на этой работе, у нас в Америке вовсе не считается позорным». — Смолвуд передал отцу еще один конверт «с деньгами на расходы», как сказал он, и поклонился, дав понять этим, что разговор окончен.

Мы отправились по указанному адресу. В самом центре Нью-Йорка, на Бродвее, мы нашли огромный магазин, полный автомашин разных марок. Нам объяснили, что этот магазин закупает старые, вышедшие из строя автомобили всяких фирм, производит ремонт, обновляет их и продает по пониженным ценам. Директор магазина принял нас и указал места.

Отца поставили надзирателем в одном из отделений магазина. Меня отправили с каким-то молодым человеком в подземный гараж. Огромный гараж, длиной с четверть километра, был разделен на цехи. В этих подземных мастерских работало около тысячи человек механиков, шоферов, маляров и столяров. Мне поручили проверку моторов. Целых два месяца я был убежден, что работаю в авторемонтных мастерских, которые занимаются скупкой и реставрацией старых машин. Но истина постепенно стала выясняться для меня, когда я увидел совершенно новенькие машины, которые в наших мастерских меняли только внешний вид — окраску, детали. Было ясно, что здесь под ширмой мастерских торговали ворованными машинами.

— И что ты сделал? — нетерпеливо спросил Тамаз, сдвинув брови.

Отар с трудом выдержал пронизывающий взгляд Тамаза и вдруг понял, что всего говорить нельзя. Он понял, что пройденный им жизненный путь, который там, за рубежом, хоть и не выглядел славным, но и позорным не считался, здесь, по эту сторону, черной тенью ляжет на него.

— Я на другой же день бросил работу в гараже... шатался

целых три месяца без работы, но потом устроился шофером у одного дельца.

Лицо Тамаза прояснилось.

Отар постепенно привык к открытому, ясному выражению лица Тамаза. В конце концов он сам начал верить в свой вымысел и уже не смущаясь смотрел в глаза Тамазу, изображая грязный омут своего прошлого, как честный путь трудового человека.

Тамазу он сказал, что немедленно покинул гараж, но это было неправдой.

...Вначале он и впрямь испугался и решил уйти из этой воровской организации, но его успокоили, сказав, что излишняя шепетильность вредит человеку, что в этом деле ничего позорного нет, что всякий страх излишен. так как у организации имеются покровители в высших правящих кругах, да и полиция всегда сквозь пальцы смотрит на эти дела, потому что получает от организации солидный куш.

— А как быть с совестью? — спросил было Отар себя и решил посоветоваться по этому поводу с отцом.

— Голодный желудок совестью сыт не будет, — ответил ему отец.

Три года работал Отар в гараже и за свое усердие был отмечен начальством, — его назначили заведовать складом.

Отар был немного удивлен проявлением такого внимания, но решил про себя, что заслужил его честным трудом, — ведь он день и ночь не жалея сил работал в цехе, работал много, говорил мало. Но... в один прекрасный день вызвал его к себе Смолвуд... Американец принял его очень любезно, пожал руку, усадил в кресло и сказал:

— Своему приятелю французу я написал в Париж благодарственное письмо за то, что он прислал мне такого работника, как вы.

— Мистер Смолвуд, чем я заслужил такое внимание с вашей стороны? — спросил Отар.

— О, об этом скажу после. А теперь, мистер Отар, ответьте мне на один вопрос: знаете ли вы, на каком предприятии работаете и каким путем попадают в гараж машины, которые вы там перекрашиваете?

— Не знаю и не хочу знать!

На лице Смолвуда появилась довольная улыбка.

— Вот именно этой выдержкой и другими подходящими нам качествами своего характера заслужили вы наше внимание. Мы знаем, что вы в курсе дела. Вам отлично известно, что гараж, в котором вы работаете, не что иное, как ширма для треста по сбыту похищенных машин, но мы знаем и то, что никогда никому об этом вы и словом не обмолвились. Поэтому я вам выдаю награду в сумме пятьсот долларов, —

Смолвуд передал чек Отару и продолжал: — Отныне мы вас переводим на более ответственную работу с более высоким вознаграждением, разумеется. — Смолвуд нажал кнопку звонка. Дверь открылась, и в комнату вошел рослый молодой человек.

— Познакомьтесь! С сегодняшнего дня вы будете работать с нами. Об остальном вас информирует сам мистер Джон.

Отар и Джон вышли из кабинета Смолвуда и направились к месту новой работы.

Джон устроил Отара в большом отеле в Ричмонде. Вечером хозяин отеля вызвал Отара для переговоров. Джон тоже присутствовал при этом. Толстый лысый американец ввел Отара в курс его новых обязанностей.

— Мистер Отар! Вы должны заменить помощника мистера Джона, который погиб вчера при автомобильной катастрофе. Удирая от погони, он в бешеной гонке наскочил на перила моста через Гудзон.

— Понимаю, но все-таки объясните, что я должен делать? — спросил Отар.

— Вы будете помощником Джона. Вы будете вместе работать. Каждую субботу будете являться ко мне за получением вознаграждения. Мистер Джон искусный мастер похищать машины...—Он встал, попрощался с обоими и, обратившись вновь к Отару, добавил: — Имейте в виду, мистер Отар, что вы можете нажить солидное состояние. Все зависит от вас.

Отар на другой же день приступил к работе и в скором времени превзошел своего мастера. Доход его рос с каждым днем. Радости Коста не было границ. Полиции Отар не боялся, но приходилось избегать людей. Часто бывали случаи, что народ поднимал тревогу и преследовал грабителя. А уж если настигали его и приводили в полицию, то газеты поднимали такую шумиху, что выкрутиться было почти невозможно. Долго проработал Отар на этой должности похитителя машин и не собирался оставлять ни Америку, ни эту работу хищника, но судьба распорядилась иначе.

Однажды вечером Отар наметил жертву среди блестящих машин, выстроившихся в ряд перед отелем «Националь». Он смело подошел к машине, достал заранее приготовленный в кармане соответствующий ключ, но им не пришлось воспользоваться, так как дверца открылась, как только Отар взялся за ручку. Отар молниеносно сел за руль, пересек главную улицу и свернул в менее людную боковую улицу, чтобы можно было развить большую скорость. Но внезапно за его спиной в машине кто-то закричал. Оказалось, что в машине спал шофер. Отар понесся на полной скорости, но шофер приставил ему револьвер к затылку и приказал остановить ма-

шину. Отару пришлось остановить ее. Он выпрыгнул из машины, но вслед за ним выпрыгнул и шофер. Отар схватил его за руку, началась потасовка. Случайный выстрел ошарапал Отару лоб, кровь залила ему глаза. Отар решил, что тяжело ранен, но тут ему кое-как удалось выхватить револьвер у противника, и он стал стрелять куда попало. Только мельком увидел он, как шофер схватился рукой за левое плечо. Собралась толпа. Отар выстрелил еще два раза в воздух, чтоб проложить себе путь, и скрылся.

В тот же день он сообщил обо всем Джону, а тот, в свою очередь, Смолвуду. На третий день Отару дали подложный паспорт с тем, чтобы он немедленно оставил пределы Соединенных Штатов. Раненный Отаром в потасовке человек оказался шофером одного из крупнейших магнатов США. Он мог поднять на ноги всю полицию и достать Отара со дна морского.

При содействии треста и полиции Отар и Коста сели на океанский пароход, отходящий в Стамбул.

Отар умолчал в своем рассказе об этих событиях. Он не сказал Тамазу и о том, что имеет сына, что жена, пасторская дочь, увидев, что Отар, ожидавший крупное наследство вдовы Лефевр, остался ни с чем, бросила его, оставив у него на руках шестимесячного малютку.

— О! Дядя Зураб возликовал от радости, увидев нас, — продолжил свой рассказ Отар, — крылья выросли у старика. Как восторженно обнялись братья... Казалось, что они задушат друг друга в объятиях...

— Ну, как там отец? Кто за ним присматривает, кто о нем заботится?

— Кто за ним присматривает?! Челяди у него очень много, дорогой Тамаз. Твой отец так богат, что может, к примеру, всю эту деревню содержать целых сто лет.

— Что сказал отец, когда узнал обо мне? — Отар страшно смутился при этом вопросе, запнулся и, спохватившись, сказал:

— Когда он узнал, что ты жив, то чуть было не помешался от радости. «Такое неслыханное счастье свалилось мне на голову, — говорил он, — неужели это правда? Может быть, это обман? Все продам и поеду к сыну». Он в самом деле хотел все продать и ехать к тебе, на родину, но решил переждать войну. «А как только кончится война, говорит мне, пошлю тебя. Сначала выясним, может быть, он сам захочет приехать ко мне».

— Поехать туда? — Тамаз засмеялся.

— Что тут смешного? Разве не естественно, чтобы сына потянуло к отцу?

— Это, конечно, совершенно естественно, чтобы отца и

сына тянуло друг к другу, но неестественно, чтобы отец, вместо того чтобы вернуться на родину, звал сына на чужбину... Но... отложим этот разговор до другого раза. А теперь ты мне скажи, как ты попал в Эстонию?

— Разве я не говорил? — Отар нехотя встал, подошел к окну, провел ладонью по лбу и уселся на подоконнике. — Сегодня я столько тебе нарасказал, что не удивительно, если я и пропустил что-либо. Ты спрашиваешь относительно Эстонии?

— Ну да! Как ты там очутился?

— Я говорил тебе о Вартане Туманянце, помнишь? О товарище твоего отца. Так вот, этот Туманянец и был причиной моей поездки в Эстонию.

— Но ты же сказал, что Туманянец отделился от отца и переехал из Стамбула...

— Да, переехал. Свою долю в торговом доме он запродавал своему отцу, но оставил на половинных началах кожевенный завод в Стамбуле. Сам же Туманянец переехал в Софию и снабжал завод сырьем из Болгарии. Во время фашистской оккупации Прибалтийских республик Туманянец успел открыть в Эстонии свои заводы, но когда оккупантам пришлось оставить Прибалтику, Вартан поспешил в Эстонию спасать свое имущество и вызвал меня на помощь. Ему удалось спасти большую часть своего имущества, но я чуть было не погиб в связи с этим.

— Почему?

— Я только три дня помогал ему, потом заболел сыпняком и долго лежал без сознания с большой температурой. Когда я стал поправляться, Эстония была уже окончательно освобождена от фашистов. Оказалось, что этот шкурник-купец бросил меня на произвол судьбы и сбежал...

— А ты предпочел бы уехать? — спросил Тамаз, глядя ему прямо в глаза.

— Если бы я знал, что все обойдется так благополучно, я б не тужил. Но в первые дни я был просто в отчаянии.

— Почему?

— Фашисты кричали, что Советская Армия расстреливает всех, кто только попадет в ее руки.

— А на самом деле...

— На самом деле меня, так же как и других честных граждан, никто не тронул. Наоборот, долгое время лечили меня в советском госпитале.

— И оттуда ты решил приехать сюда?

— Ну да! Я тебе говорил — твой отец все равно собирался послать меня к тебе.

Долго еще беседовали братья. Петухи прокричали вторично, когда они легли наконец спать.

— Как ты все-таки думаешь, Отар, — спросил Тамаз, выключив свет, — где лучше жить — здесь или в Стамбуле?

— Мне бы хотелось, чтобы ты увидел все состояние своего отца, прежде чем я отвечу тебе на этот вопрос.

— Состояние! Богатство! Да, пожалуй, ты прав, Отар, так как ты тоже ведь пока не видел моего здешнего богатства.

Отару поручили заведовать колхозным гаражом, в котором числилось девять грузовых и две легковые автомашины. С самого начала он проявил необыкновенное усердие в работе. В продолжение целого месяца он не выходил из гаража. Во дворе он приспособил шланг для мытья машин. Ввел дежурство шоферов, проводил с ними беседы о противопожарных мероприятиях.

По возвращении машин с работы он самолично проверял все детали. Наладив за месяц работу образцово, он вздохнул свободно.

Правление колхоза не помнило другого такого безаварийного месяца в работе транспорта.

Андро с исключительным вниманием относился к Отару. Вечерами он сам не раз выводил его из гаража. «Довольно, отдохни, нельзя сделать все сразу», — говорил Андро. Часто брал его домой к себе, то звал рыбачить в море, то приглашал погулять.

Тамазу доставляло большое удовольствие такое всеобщее признание Отара. Тамаз был доволен и тем, что Отар не заикался о поездке в Стамбул с тех пор, как он написал отцу, чтобы тот продал все, перевел деньги на советский банк и вернулся в Грузию вместе с братом.

«Как мог так быстро принять нашу жизнь выросший в совершенно ином мире Отар, удивительно!» — думал часто Тамаз.

Не было случая, чтобы с уст Отара сорвалось слово жалобы. Наоборот, он старался разобраться во всех подробностях колхозного быта. Никогда не пропускал собраний колхоза. В каждое новое начинание колхоза он вносил долю своего труда, своей инициативы. Колхоз выделил ему участок земли на берегу реки, почти у самого моря, и обещал осенью, после уборки урожая, выстроить дом.

— Вот, брат, видишь, каким богатством ты овладел? Весь колхоз на тебя не налюбуется. А самое ценное богатство на земле это — любовь народа! — говорил своему двоюродному брату Тамаз.

И на самом деле, в деревне все без исключения любили и уважали Отара, но то, что завязалось в отношениях между Отаром и Медеей, нельзя, конечно, смешать с общей любовью и уважением. Тут рождалось совсем особое чувство!

Отар жил рядом с аптекой Алмасхана. На первых порах он и Медея ежедневно встречались на улице просто как соседи. Позже они стали часто беседовать у калитки. Возвращаясь после работы домой, Отар обычно садился рядом с девушкой на деревянной скамье у калитки, развлекал ее бесконечными рассказами из пережитого им лично или виденного, услышанного или прочитанного.

Медея за эти годы очень изменилась. Теперь ее ресницы не торчали, как зубья гребешка, ее лицо вырвалось из плена косметики и стало выглядеть естественно. Платья она тоже перестала менять без толку.

Когда вся деревня заговорила об Отаре, когда Медея заметила, что Отар отдает ей явное предпочтение перед другими девушками, что лицо его озаряется радостью каждый раз при встрече с ней, — она почувствовала себя безгранично счастливой, ей показалось, что мир принадлежит ей.

Однажды, в воскресный вечер, когда наркийцы, изнуренные жарой, отдыхали в тени платанов и сосен, у развалин крепости, где всегда дует прохладный ветерок, Отар и Медея уединились. Это случилось впервые за все время их знакомства. Усевшись на выступавший из воды огромный камень, они долго молчали. Смотрели на море. Молчание нарушил Отар.

— Теперь я могу сказать тебе все, что давно уже хочу сказать...

Отар взял ее за руку. Медея смутилась. Сердце девушки забилося сильнее.

— О Отар!.. — вскричала девушка, инстинктивно высвобождая свою руку. Сильные мужские руки крепко обняли ее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лето прошло почти без дождей. Предательская засуха губила урожай. Пока земля удерживала влагу, кукуруза поднималась хорошо, но соки земли постепенно высохли, земля сделалась как камень, шелковистая зелень кукурузных листьев пожелтела, и они, как обломанные крылья, уныло повисли на стеблях.

Приуныли и цитрусы.

Люди беспомощно разводили руками.

Вечером, когда горизонт заволакивало свинцовой тучей, у всех появлялась надежда, но к утру на кристально чистом небе вновь всходило солнце и в продолжение всего дня пекло немилосердно.

Создалось тяжелое положение.

Андро созвал внеочередное собрание правления.

Отар присутствовал на этом собрании.

Члены правления единодушно высказались за необходимость полить кукурузу.

— Если поставим на ноги всю деревню, то можно будет справиться с поливкой прибрежных полей, но как быть с полями, которые расположены по ту сторону дороги? Нельзя же таскать воду почти за километр!

— Цитрусы тоже нужно полить. Иначе погибнет весь урожай, погибнет наш труд...

Полить такую огромную площадь на первый взгляд казалось совершенно невозможным. Река протекала в низовье, и оттуда отвести воду на возвышенные берега не представлялось возможным, а ведрами можно было полить только лежащие недалеко от реки плантации.

— Есть выход, товарищи, можно организовать поливку, — заявил Отар, вставая.

— Говори, — сказал Тамаз.

— На реке надо поставить водокачку.

— Ну, ну? — спросил с нетерпением Нестор, он почти угадал мысль Отара.

— На возвышенном берегу реки надо вырыть глубокие ямы и накачать туда воду, а оттуда по канавам пустить ее на поля и плантации.

— А машины-водокачки где взять? — забеспокоился Тамаз.

— Две машины я сегодня же соберу в гараже, а две возьмем у рыбаков, — уверенно ответил Отар, — только надо немедленно приняться за рытье канав и ям.

— Решено! — вскричал Тамаз, вскакивая с места.

Все поднялись, зашумели.

— Соберите бригадиров. Поднимите всю деревню, через два часа мы должны приняться за работу, — торопил членов правления Андро. — Я и Тамаз сейчас же пойдем выбирать места для ям. Отар пойдет в гараж собирать машины.

Вскоре почти вся деревня собралась у реки. Все были возбуждены. Мужчины кирками вгрызались в землю, рыли ямы, каналы. Женщины лопатами выбрасывали из ям вырытую землю. Дети разносили питьевую воду. Работа кипела.

Около трехсот мужчин и ста женщин разбились на десять бригад. Работали без передышки до захода солнца.

На другой день на работу явилось еще больше народу. К работе приступили с восходом солнца. К полудню рабочие и служащие учреждений образовали одиннадцатую бригаду.

К вечеру вышла стенгазета.

Люди развили невиданный темп работы. На полях и в садах рыли каналы, на возвышении берега рыли ямы. На

третий день в стенгазете появился портрет Отара, писали об его инициативе.

Медея была горда и счастлива. Ее согревшееся сердечко трепетало. Каким бесцветным казалось ей ее прошлое существование! Чем она жила? Девушка понимала, что любовь не только согрела ей душу, она открыла ей глаза на многое, заставила сильнее любить жизнь.

С нетерпением ожидала она того дня, когда на всю жизнь соединится с любимым. Отар сказал, что этот день должен наступить к концу осени, и Медея считала дни.

На оросительных работах была занята буквально вся деревня. Не видно было только Отара, который работал над сборкой машин в гараже. Медея соревновалась в работе даже с мужчинами. Девушка была уверена, что причина ее ликования никому, кроме нее, не известна. Она не знала, что ее секретом давно владеет вся деревня: Медею любили в деревне все — и стар и млад, и ее судьба никому не была безразлична.

К вечеру четвертого дня рытье канав по всей территории колхоза было закончено. Народ собрался на берегу, разделившись на пять групп по количеству вырытых ям.

Показалась и бригада Отара с водонапорными машинами.

Солнце наполовину уже погрузилось в море, когда на реке загудело пять моторов.

Ямы наполнялись водой, и живительная влага по многочисленным канавам разлилась по обширной территории плантаций и полей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как только вода побежала по канавам, Андро и Тамаз поспешили на почту, чтоб сообщить радостную весть секретарю райкома.

Выйдя с почты, Тамаз встретил на улице Отара. Агроном держал в руках синий конверт.

— Откуда письмо? — спросил Отар.

— Из Стамбула отец пишет. На, прочти, хорошие новости, — улыбаясь, ответил Тамаз, протягивая Отару открытый конверт.

— Что он пишет? — в замешательстве спросил Отар, взяв конверт.

— Просит приехать. Продадим, пишет, все имущество и вместе вернемся на родину.

Отар читал письмо, лихорадочно глотая строку за строкой. Убедившись в том, что письмо написано рукой Коста, он вздохнул свободно. Отар понял, что Зураб продолжает оста-

ваться в неведении относительно сына. Когда они свернули на набережную, Отар уже вполне овладел собой. Он положил письмо в карман.

— Прочел?

— Прочел, — ответил Отар, отводя взгляд в сторону. Ему показалось, что по лицу Тамаза скользнула тень сомнения, но ведь он, Отар, повода к сомнению не давал? С каким рвением принялся он за работу, проявил инициативу, наладил работу транспорта, — их гараж считается теперь образцовым во всем районе, — словом, вел себя так, что ему даже участок выделили и обещали осенью выстроить дом. Что может показаться сомнительным в его поведении?

Двоюродные братья часто вели между собой задушевный разговор, говорили о Стамбуле и обо всем, что было связано с ним. Правда, Отар никогда ни единым словом не обмолвился о том, что хочет вернуться туда, но это желание можно было уловить и в его тоне, и во взгляде. Может быть, Тамаз догадывался, что Отар не все сказал, что Отар что-то скрывает от него.

— Как ты думаешь, старики справятся одни, без нас? — спросил после некоторого молчания Тамаз.

— Не знаю, — нехотя ответил Отар, ускорив шаг, как бы давая этим почувствовать Тамазу, что не хочет продолжать беседу на эту тему.

Удивленный Тамаз в недоумении последовал за братом. Они шли вдоль берега. С запада дул ветер, подгоняя к востоку лохмотья свинцовых туч. С моря несея глухой рокот.

— Собираются тучи, — обратился Тамаз к идущему впереди Отару, — вот это будет номер, если теперь пойдет дождь!

— Хотя бы пошел, — пробурчал Отар.

— Ты что-то от меня скрываешь! Я чувствую, замечаю, что ты не вполне искренен со мной.

Отар ничего не ответил. Он достал из кармана коробку папирос и молча протянул Тамазу... Они закурили.

Дойдя до развалин старой крепости, они остановились на мосту.

— Может быть, у тебя серьезная забота, скажи, — продолжал Тамаз, — может, я смогу помочь. Мы ведь братья?!

Начинало темнеть.

Отар облокотился о перила моста, прислонившись к ним спиной.

— Может быть, тебе не нравится у нас? Может быть, тебя тянет туда?

— Куда?

— Туда, откуда приехал.

— Почему ты так говоришь? Неужели я это заслужил?

— Почему ты обиделся? И при чем тут твои заслуги?

— А почему меня должно тянуть «туда»?

— Ну, возможно, что я ошибся, показалось мне...

Отар выпрямился, решительно повернулся к Тамазу и так вцепился рукой в перила, точно кто-то собирался вышвырнуть его за борт.

— Ты не ошибся, Тамаз, я давно хочу сказать тебе всю правду, но все не могу решиться.

Тамаз выбросил окуроч в воду и спокойно спросил:

— Что тебе мешало? Почему не собрался?

— Ты все время занят. Или в поле, или в правлении, то выезжаешь в Сухуми, то в Тбилиси. Если дома сидишь, — запрещаешь в комнате и всю ночь напролет пишешь. А мне хочется спокойно поговорить с тобой, а не на ходу. Хочется сказать всю правду, сказать, как отец ждет тебя, как он мечтает сделать тебя счастливым...

— А что, разве я теперь несчастлив?

— Нет, конечно, счастлив, я не о том... Но отец-то твой совсем иначе мыслит. Таких два-три агронома, как ты, обслуживают только лишь его двор и сад.

— Ну и что же?

— Ну... Твой отец отлично знает... Да он один купит трижды твою Наркию!

— Ну и что же ты хочешь сказать?

— Сейф твоего отца полон золота и бриллиантов. К твоему отцу приезжают купцы и коммерсанты многих стран.

— Это мне уже известно, ты рассказывал об этом. Ну, а дальше?

— Да то, что сердце у меня болит, сердце! — Отар печально вздохнул.

— Отчего же у тебя болит сердце?

— Оттого, что я до сих пор еще не сказал тебе правды. Вот, пишет тебе отец, приезжай и продай — он просто хочет завлечь тебя, он надеется, что, когда ты своими глазами увидишь все это богатство, тогда сам не захочешь вернуться обратно.

Тамаз долго молчал, глядя на серебрившуюся поверхность реки.

— Послушай, Отар, — начал он наконец, — можно ожидать всяческое зло от человека, который мог ужиться с чуждым нам миром, от человека, чье сердце полно жаждой жизни. Мой отец тоже такой человек. Кто может поручиться за то, что Зураб свое богатство нажил честным путем? Кто знает, сколько слез пролито, сколько горя выстрадано на отцовских плантациях опиума и табака, доходом с которых отец набивает свои карманы?! Я там не был, но хорошо представляю себе голодных, худых, обросших, всклоченных

людей с впалой грудью и впалыми щеками, их пожелтевшие лица и безжизненный взгляд. Вижу посиневших, рахитичных ребят с вздувшимися животами и вдавленной грудью, вижу, как они копошатся в сорных ящиках отца и собирают отбросы и тряпье...

— Ошибаешься, Тамаз! Ведь твоего отца вынудили покинуть родину из-за революционной деятельности? — пробормотал не совсем внятно Отар. — Разве...

Но Тамаз прервал его:

— Революционной деятельности! — Тамаз горько усмехнулся. — Громко сказано! Подлинные революционеры остались революционерами до конца — они или головы свои сложили за дело народное или боролись до победного конца. Мой же отец увлекся стяжательством, он никогда не был настоящим борцом за революцию. Разве кролик, который испускает дух под ножом ученого, может сказать, что он свою жизнь принес в жертву науке? Но теперь разговор не о них, стариках. Они свою жизнь так или этак уже прожили, они уходящие, и счет им предъявлять не стоит. Разговор теперь идет о нас, о молодых людях, которые несут всю ответственность за будущее, которые решают судьбу будущих поколений. — Тамаз вплотную подошел к брату, взял его крепко за локоть и твердо произнес: — И горе тому, кто отвернется от народа, кто не встанет в ряды бойцов! — Тамаз замолчал. Он постоял немного, затем отвернулся и пошел к развалинам.

Отар последовал за ним.

— Да разве я жаловался на что-нибудь?

— Да, голубчик! Сегодня у нас считается изменой просто праздная, нетрудовая жизнь члена нашего общества, а говорить о том, чтоб переселиться во враждебный нам лагерь, говорить о соблазнах той жизни — это уж слишком! Я уже говорил тебе, что представляла собой эта местность десять—пятнадцать лет тому назад. А теперь, сам видишь, какой здесь рай. Как ты думаешь, какая сила могла совершить это чудо? Только твердая вера человека в то, что труд его, каждая капля пролитого им пота, идет на благо его жизни, на благо жизни его детей.

Они поднялись до развалин.

— Ты говоришь мне: там ждет тебя счастье, там ждет тебя несметное богатство. Но разве ты имеешь понятие о том, что такое счастье, что такое богатство? — Тамаз посмотрел на развалившуюся стену крепости, потом быстрым движением начал карабкаться вверх. — Поднимись сюда, — крикнул он Отару, взобравшись на верхушку смоковницы. Отар не двинулся с места. — Поднимись, я тебе говорю! — уже строго крикнул Тамаз.

Отар нехотя подошел к стене и взглянул наверх.

— Зачем?

— Поднимись, здесь прохладно. Посидим немного.

Отар с трудом вскарабкался на верхний край стены и остановился перед Тамазом.

Отсюда как на ладони видна была залитая электрическими огнями деревня. Врезавшаяся в море острым мысом зеленень густого соснового бора казалась сказочным царством от множества мерцавших среди зелени дачных огоньков. Морские волны, встав на дыбы, с шумом разбивались о берег. Гребни волн, попадая в полосу электрического света, переливались всеми цветами радуги. Из деревни доносились звуки веселых песен и людского гомона.

Тамаз взялся рукой за ветку смоковницы.

— Отар, как ты находишь отсюда вид на деревню, нравится тебе Наркия?

— Я не впервые ее вижу. Я был от нее в восторге с первого дня, — скромно ответил Отар.

— А ведь она принадлежит мне и тебе. Это все наше, Отар, это небо, это море, эта деревня со всеми ее садами и полями, лесами и рекой. Или ты сомневаешься в этом? Тогда скажи мне, кому же принадлежит все это добро? Кому принадлежат соседние деревни, наши города, вся наша необъятная страна? Кто является ее хозяином, коли не ты и не я? Укажи мне хоть одного такого человека у нас, который жаловался б на безземелье, нищету, на беспорядок. А если не можешь указать, если все обстоит так, как я говорю, то в таком случае скажи: может кто-нибудь за пределами нашей страны быть богаче, чем мы?

Сильный порыв ветра чуть не сбил с ног Отара, — он ухватился за ту же ветку, за которую держался Тамаз.

— Напрасно горячишься, Тамаз! Я не вижу за собой никакой вины. Разве я намерен что-либо делать, не посоветовавшись с тобой? Я только сказал о том, о чем думает твой отец. Я сказал об этом тебе, тебе—моему брату и другу... Я ошибался, как видно, да, верю, ошибался. Нельзя же из-за этого меня выбросить из сердца... — У Отара дрогнул голос.

— Разговор на эту тему должен быть закончен здесь, сегодня. Он не должен возобновиться! Если же то, о чем ты мне сказал, услышит кто-нибудь еще, то народ так же быстро и решительно оторвет тебя от себя, как быстро и решительно принял тебя и полюбил.

...Они осторожно спустились по камням и направились к дому Антимоза.

Ветер дул с такой силой, что идти по улице было трудно.

Тамаз открыл дверь в переднюю комнату. На круглом столе был накрыт ужин. Хозяева спали. Пройдя в заднюю комнату, Тамаз крикнул Отару:

— Иди, вымой руки, поужинаем вместе.

— Нет, ужинать не буду. Пойду домой.

Тамаз переоделся, вернулся в переднюю комнату и открыл окно. Сильный порыв ветра подхватил с письменного стола листы рукописи и разбросал по полу. Отар подобрал их и положил на стол. Тамаз достал из ящика портфель, уложил туда листы и положил портфель обратно в ящик письменного стола.

— Сколько исписанных листов! Что это такое? — как бы между прочим спросил Отар.

— Это есть результат того «бесконечного» ночного писания, о котором ты упомянул сегодня. Это, брат, мое богатство! Окончил уже, слава богу!

— И что ты написал?

— Это мой труд, мое исследование. Из-за него я ездил и в Сухуми, и в Тбилиси.

— О чем твой труд? Какая тема?

— Работаю над выведением морозоустойчивых сортов мандарина и лимона.

— Ну и выходит что-нибудь?

— Конечно, выходит!

— Сколько получишь за него?

— То есть как, сколько получу? — Тамаз рассмеялся: — Какое это имеет отношение к делу?

— Ну сколько-нибудь должны же тебе за него заплатить?

— Должны, конечно. — Тамаз посмотрел на накрытый стол и вышел в другую комнату за коньяком и рюмками. — Садись, поужинаем. Руки помой хотя бы...

— Нет, нет! Мне надо идти, — смешавшись, ответил Отар и повернулся к двери.

— Слышишь, ветер какой?

— Ничего, не унесет, — холодно процедил Отар, берясь за дверную ручку.

— Ну, хорошо, иди, только выпей рюмочку коньяку.

Отар выпил залпом. Тамаз налил и себе и еще раз наполнил рюмку Отару.

— Выпьем теперь за нас! — Тамаз чокнулся с братом, улыбаясь ему и выпил.

— Да останься ты, в самом деле, у меня. Куда ты пойдешь в такую погоду?

— Не могу. Спокойной ночи. — Отар быстро вышел из комнаты, сбежал по лестнице и направился к зданию аптеки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Отар поднялся на балкон аптеки и замер, прислонившись к столбу. Долго стоял он так, глубоко задумавшись. Вся жизнь, как на киноленте, молниеносно пронеслась перед его мысленным взором. Воспоминания его задержались на последних годах, проведенных в Стамбуле. Вспомнил, как в руки Коста совершенно случайно попала телеграмма племянника и он обнаружил, что сын Зураба жив. Отар помнил, как изменился в лице Коста, как побежал немедленно на почту предупредить, чтоб всю корреспонденцию, получаемую из Грузии, доставляли лично ему, он вспомнил выражение лица отца, когда ему попало в руки письмо Тамаза. Он отозвал его, Отара, в сад. Отар помнил каждое слово, сказанное тогда отцом.

— Сын мой, — сказал Коста. — С тех пор, как мы уехали из Грузии, неудача по стопам преследует нас. Ты был маленький и, должно быть, не помнишь, что в Грузии я был одним из самых уважаемых и счастливых людей. Но пришли большевики, и все пошло прахом. Потом я постарался устроить нашу жизнь во Франции, думал обеспечить свою старость и тебя, но все окончилось катастрофой. Не повезло нам и в Америке.

Отар слушал отца с нескрываемым изумлением, — он первый раз видел слезы на глазах отца.

— Я думал, что Тамаза нет в живых, — продолжал Коста дрожащим голосом, — и вот, видишь, теперь мы терпим поражение и здесь! Все это огромное состояние уплывает из наших рук.

Долго молчал Коста. Отар послушно стоял перед отцом и думал ту же думу, что и отец. Что будет с ними, если Зураб узнает о том, что сын его жив? Он немедленно продаст все и уедет в Грузию! Но Коста не может вернуться туда. О, нет! Отар сделает все, что хочет его отец, лишь бы не остаться на улице, ни с чем! Теперь Отара беспокоила уже не столько своя судьба или судьба отца, — Отар думал о Джимшере, о своем белокурое, чудесном мальчике! Только в те минуты светлело постоянно омраченное лицо Отара, когда образ сына всплывал в памяти. Тяжкое поручение отца камнем лежало на сердце Отара. О, если бы маленький Джим был здесь с ним! Он отказался бы от своего ужасного намерения. Он так и должен поступить! Но Коста... Отар слово в слово помнит весь разговор с отцом:

— Ну, как быть, сынок? Что нам предпринять? Как спасти себя?

— Вам лучше знать, отец. Прикажете, я выполню.

— Отар, твой дядя долго не протянет, одной ногой он уже в могиле. Вот если бы ты поехал в Грузию...

— В Грузию?! Зачем?!

— Затем... — Старик смотрел на сына страшными глазами. — Из письма Тамаза видно, что это не наш человек. Но ты должен убедить его! Ты должен рассказать ему, что он обладатель миллионов, и должен добиться, чтобы он уехал с тобой.

— Ну, а дальше?

— Как только перейдешь с ним обратно границу, тут ты его и оставишь. Понял, сынок?

— Понял, отец, — ответил упавшим голосом Отар и отвернулся. Его потрясло предложение отца. Коста предлагал сыну убить своего двоюродного брата.

— Не удивляйся, сын мой, я решил это ради тебя и Джимшера, ради вашего будущего, а я скоро покончу счеты с жизнью, я постарел, вышел в тираж. Ни богатства, ни положения для себя я не ищу. Но вы... зачем должны уступить такое колоссальное состояние какому-то полуголодному чуваку?!

Отар молча слушал отца.

— Так вот, ты должен поехать в Грузию, при всех случаях должен... Если это будет стоить тебе даже жизни... Приедешь туда и, что бы ни случилось, как бы тебя там ни приняли, как бы хорошо с тобой ни обошлись, цель своего приезда ты должен помнить и дело свое должен довести до конца.

«Интересно, что сказал бы отец, увидя всю эту обстановку, — думал теперь Отар. — Ведь Коста не может себе представить, как мало интересуется Тамаз богатством отца, как безразлично ему то, что он является наследником огромного состояния».

До приезда в Грузию Отар смотрел на жизнь так же, как и его отец. Но теперь? Зачем он должен предать Тамаза? Тамаз принял его, как родного брата, помог ему разобраться в жизни, помог увидеть многое, о чем Отар не знал. Как нанести ему удар в спину? Нет! Но... Джимшер?! «Боже мой, — думал он, — как я смогу обмануть отца, отвернуться от него. Ведь он меня из-под земли живого достанет! А маленький Джими?! Разве выдержу я разлуку с мальчиком, разлуку навсегда?!»

Долго еще стоял Отар неподвижно, терзаемый мыслями. Шумело море, шелестели листья, а Отар все стоял и думал. Наконец он глубоко вздохнул, приняв решение: «Поплачусь своей головой, но Джими обеспечу будущее. Пусть будет так, как решил отец». Отар резко повернулся и постучал в дверь.

— Войдите! — слышался чей-то голос.

Отар подождал. Дверь никто не открывал. Он постучал еще.

— Войдите! — слышался тот же голос.

Обозленный Отар несколько раз толкнул дверь кулаком.

— Кто там? — слышался из комнаты испуганный женский голос.

— Это я, Отар! Открой!

Медая зажгла в комнате свет, оделась и открыла дверь. Отар молча вошел, огляделся и прошел прямо в комнату Медеи. Вышел, заглянул в аптеку, зажег там свет.

— Что с тобой, Отар? Кого ты ищешь? — спросила перепуганная Медая.

Отар ничего не ответил, подошел к столу, выпил воду.

— Случилось что-нибудь или ты заболел?

«Заболел — вот это верное слово! Я болен, заболел, иначе как я мог допустить мысль, что в такое время, кроме меня, кто-нибудь еще мог войти к ней?! Это же попугай ответил на мой стук: «войдите!»! Не в первый раз я слышу это его приглашение. Как я сразу не узнал, не догадался?! Я, должно быть, схожу с ума!»

Если бы Отар тут в самом деле встретил кого-нибудь, он за себя не смог бы поручиться. Теперь только он понял, как глубоко овладело им чувство к Медее, как она ему дорога. Раньше он думал, что она просто нравится ему, так же, как нравились многие другие. До сих пор ни одна женщина не пробудила в Отаре чувства настоящей любви, не любил он и свою жену — мать Джимшера. Женился он на ней из расчета. Он никогда не сможет забыть Медею.

Нет! Без Медеи он не может жить!

Отар сел, Медая стояла перед ним.

— Ну скажи, Отар, что случилось? — Девушка подошла к нему.

Отар опять не ответил, даже не взглянул на нее.

Медая не раз видела Отара в задумчивости. Иной раз он так глубоко уходил в свои мысли, что ничего не замечал вокруг. Но это бывало ненадолго. Он скоро возвращался к действительности. Медая считала, что он вспоминает отца, дядю, свою жизнь там, в чужих краях. Она надеялась, что это со временем пройдет.

Отара же неотвязно преследовала мысль об отцовском задании. Он чувствовал, что эта затея не кончится для него добром.

«Ну, хорошо, — думал он, — выполню и, скажем, поручение отца, но как же мне жить после этого? Образ Тамаза неотвязно будет преследовать меня. Наяву и во сне не даст мне покоя!»

Если там, в Америке, ему приходилось поступать против совести, не он один был в этом виноват — недаром отец внушал ему с самого детства, что совесть выдумали слабые ду-

хом. Там, в мире наживы, человек человеку волк. Но здесь у людей совершенно другие принципы, другая мораль. Здесь людьми руководит в первую очередь чувство долга, ответственность перед обществом!

Как' кромешний ад, рисовал ему Коста жизнь советских людей. Ограблен, мол, народ догола, грузины совсем одичали. Откуда он брал такое? Неужели он верил гнусным вымыслам?

Может быть, убедить как-нибудь отца в том, что он ошибается? Но нет, ничего не выйдет! Отар хорошо знает отца, слишком он упрям и своеволен, — не отступится от задуманного, не сдвинешь его с места!

Он должен выпутаться как-нибудь из этой истории, не может стать он убийцей. Надо бросить все, надо уехать отсюда! Уехать? Расстаться с Медеей? И ничего ей не сказать?! Нет! Он не имеет права! Так поступить с ней он не может! Дать ей почувствовать, что с дружбой надо покончить? Или... Как быть, как быть?!

— Отар, опомнись, ты весь в пыли, пойди помой руки, лицо. — Медея тронула его за плечо.

— Что? Что ты сказала? — Отар пришел в себя. — А, да! Спасибо... — он снял с плеча руку девушки.

— Ты сердишься? Я ничего обидного не сказала! Отар, с тобой что-то случилось, скажи мне!

«О, если бы я только мог открыть тебе душу, Медея, милая Медея, свалить камень с сердца, ты бы меня спасла, ты бы мне помогла, я верю, но я не могу открыться тебе», — думал Отар и вдруг всем существом своим почувствовал, какая пропасть лежит между ним и Медеей, почувствовал, как она чиста и как он недостоин ее, и тут же внезапно решил покончить с этим навсегда.

— Отар! Отар! — Медея сбежала по лестнице, подлетела к калитке, но калитку Отар успел захлопнуть.

Медея остановилась. Шаги Отара удалялись.

«Что случилось, боже мой, что случилось?» — шептала, задыхаясь от волнения, девушка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отар быстро шел по улице. Ветер хлестал его по лицу, засыпая глаза песком, но он ничего не замечал. Мысли его кружились вокруг Медеи, он не отдавал себе отчета в том, что произошло, ему казалось, что это сон, тяжелый сон! Неужели он на самом деле оттолкнул Медею? Неужели он расстался с ней навсегда и никогда не вернется к ней?!

В платановой аллее на набережной он присел на скамью.

Всегда спокойная гладь реки теперь бурлила и, как люльку, качала привязанные к берегу лодки и рыбацьи катера.

Отар почувствовал вдруг страшную усталость. Ему стало душно. Расстегнув сорочку, он подставил грудь ветру. Он встал и спустился к реке по крутому обрыву, держась за причальный канат, привязанный к стволу платана. Напился воды, смочил голову, грудь. Он не знал, куда себя деть, куда идти, что делать. И вдруг из темноты кто-то позвал его низким хриплым басом:

— Отар, это ты?

— Да?.. — Отар поднял голову.

Перед ним стоял Мелитон Дараселия.

— Это я, — сказал приглушенным голосом Отар, — а ты что здесь делаешь в эту темную ночь?

— Что я здесь делаю? — усмехнулся Мелитон. — Именно здесь я и делаю свое дело! Мое место здесь! А вот что ты тут делаешь в такое время, да еще в такую бурю — это интересно?! Я смотрел сверху, когда ты лез по канату. — Мелитон взял Отара под руку. — Пойдем ко мне, я вижу, тебя что-то беспокоит. Пойдем, пойдем! Более преданного человека, чем я, ты во всем Наркии не сыщешь. Никто тебе не поможет, кроме меня.

Отар пошел за ним.

Они поднялись на катер. Окно каюты шкипера было слабо освещено. Отар понял, что Мелитон ведет его в свое жилище. Зачем? Что нужно Мелитону от Отара? Мелитон с первой же встречи не понравился Отару. Хотя этот пожилой, одинокий, малоразговорчивый человек всегда очень почтительно относился к нему, Отар почему-то всегда избегал его, сторонился.

Они вошли в каюту.

Мелитон снял куртку и бросил в угол. Жестом пригласил Отара сесть на тахту.

В освещенной слабым светом фонаря каюте Отар вдруг почувствовал какое-то облегчение. Даже Мелитон казался теперь добрым и отзывчивым. Впрочем, этот шкипер и теперь выглядит волком, его сдвинутые брови, мрачное лицо и подозрительный взгляд вовсе не свидетельствуют о доброте его сердца, но все-таки хорошо, что Отар теперь не один и не на улице.

Мелитон разгладил рукой седую бороду, затем выбил на ладонь табак из потухшей трубки, набил ее и со скрытой усмешкой посмотрел на Отара.

— Знаю, сынок, что накопело у тебя на сердце, но ничего, потерпи, пройдет. — Мелитон прилег на тахту и продолжал: — Здесь все принадлежало раньше моему отцу. Никто не мог сунуть сюда носа. Отец давал работу рыбакам, и люди были довольны своей судьбой. — Мелитон осекся, он подумал, что

далеко зашел в своей откровенности. «Но, собственно говоря, — успокоил себя Мелитон, — мне нечего опасаться этого молодого человека!» Мелитон хорошо знал отца Отара, знал всю подноготную Коста и был убежден, что Отар появился в Наркии не из-за любви к родине! Несколько раз пытался он разговориться с Отаром, но тот каждый раз уклонялся от разговора. «Он долго здесь не останется, — думал рыбак, — вернется в Турцию, и я уеду вместе с ним». Здравый смысл подсказывал Мелитону, что иначе быть не может, что Отар непременно вернется обратно. Мелитон очень хорошо знал Коста, знал, что непокорного сына Коста не потерпит, знал, что совершить просто прогулку по Грузии Коста сыну не разрешит, знал, что во время меньшевистской неразберихи в Грузии Коста натворил такое и столько за ним числится невинных жертв, что приехать в Грузию сам Коста никогда не посмеет. «Так в чем же дело? Для чего разрешил он приехать сюда своему сыну?..»

— Отца я потерял в тысяча девятьсот восемнадцатом году, — продолжал Мелитон, — все его состояние досталось мне. Хватало и мне, и другим давал работу... Но пришли большевики.. и, как видишь, теперь работаю шкипером на этой посудине. Член колхоза я теперь, Отар, дружище, да, колхозник, ударник! — Он зло расхохотался. — Мелитон Дараселия ударник! Ирония судьбы! — Рыбак встал, открыл вделанный в стенку шкафчик и достал оттуда водку, вареную рыбу и чурек. — Хорошо, что семьей не обзавелся! Одиному человеку все ж легче! Меньше забот да горя. Эх, было время, когда люди молились на моего отца. Потом я сам стал «господином Мелитоном», и все мне кланялись ниже пояса. А потом некоторое время я ходил как зачумленный, все меня избегали, сторонкой обходили и наконец удостоили! Я стал «товарищем Мелитоном»! Как тебе нравится, а? «Товарищ Мелитон!» — Он так резко захохотал, что закашлял и чуть не задохнулся от кашля. Достал из широкого голенища носовой платок, вытер выступившие на глазах слезы.

Отар слушал старика затаив дыхание. Этот голос, этот звериный взгляд, разговор так знакомы ему! Кого напоминает Мелитон, кого?!

— Ты думаешь, конечно, что я конченый человек, что жалуюсь понапрасну, что я ничего и никого не имею в жизни, за что или за кого бы стоило болеть душой. Но это не так! У меня есть свои счеты с жизнью! — Рыбак наполнил стаканчики водкой и подал один Отару. — Мой отец любил вести счет, и мой дед тоже, весь мир держится на расчете! Ничего нельзя прощать врагу! Все до копейки надо спросить с него! Возьми стакан!

Отар взял стакан.

— За нашу встречу! — Мелитон чокнулся. Рука его дрожала, водка пролилась ему на пальцы. Рыбак увидел, что Отар заметил дрожь его руки, и быстро, залпом выпил. — Выпей, я водкой заливаю горе! — Мелитон вновь наполнил стаканы и исподтишка глянул на Отара. Он хотел прочесть на его лице, зацепилось ли в сознании Отара слово «горе» и заинтересовался ли Отар, что это за «горе»? Ведь он, Мелитон, материально обеспечен всем.

Отар вздрогнул.

Откуда Мелитон знает, что беспокоит Отара? Предлагает залить водкой горе!

Мелитон усмехнулся, взял чурек, положил на него кусок рыбы и протянул Отару.

— Поешь, сынок, поешь! Водочка рыбу любит.

В деревне Мелитон слыл нелюдким. Отар знал, что никто не переступал порога его каюты. Тем более поражали Отара теперь его радушие и сердечность. Мелитон ни с кем не дружил, не любил бывать на людях, а если бывал, то больше молчал, редко вмешивался в разговор, но слушал других внимательно и запоминал каждое слово, сказанное другими. Все выслушивал, за всеми наблюдал вороватый взгляд его мутно-серых глаз. Относительно каждого из жителей деревни он имел свое особое мнение. Его стихией было море. Больше чем полжизни провел он на воде, все добро свое отдал родственникам и переселился жить на судно в каюту. Он и спать не мог без шума волн. Колхоз ему насчитывал два трудодня на каждый день, настолько продуктивен был его труд. Такой заработок свободно мог прокормить две семьи.

— Эх, эта волшебница даже немного заставит заговорить! — продолжал рассуждать Мелитон, смакуя горькую. — Но я никогда и капли в рот не беру за порогом этой каюты. Сболтнешь еще что-нибудь в нетрезвом виде! А надо быть очень осторожным! Я каждое свое слово сто раз взвешу, пока скажу! Вот и остался цел. Тебе доверяю вполне, мальчик, ты сын Коста, и знаю я, откуда ты явился и что лежит у тебя на сердце. — Он опять наполнил стаканы. — Не раз твой отец выручал меня, да и я не оставался у него в долгу.

— Как? Ты знал моего отца и ничего не сказал мне об этом?

— Ну, а если сказал с опозданием, изменилось что-нибудь от этого? Испортилось? Всему свое время, дружок! Ну, давай еще по одной.

Выпили молча.

У Отара отяжелела голова. Густые облака табачного дыма застилали глаза, он ничего не видел.

Мелитон молча думал свою думу и пил, пил без конца. Отара он не заставлял пить, как будто даже забыл о его при-

существовании. «Нет, он не хитрит, этот старик, — думал Отар, — не старается выудить у меня признание. Он только говорит о том, о чем думает. Да не только думает, а знает...»

— Мелитон, ты что-то знаешь и скрываешь от меня.

— Я не «что-то», а многое знаю, дружок. — Мелитон встал, достал из шкафчика новую бутылку водки, налил в стаканы. — Не надо было скрывать от меня свои дела. Ты должен был поведать мне, для чего тебя прислал Коста, я б тебе помог, совет бы дал дельный, направил бы. Как ты мог подумывать, что я забыл Коста, что я изменил ему! Разве я не понимаю, что от хорошей жизни человек не убегает? Я же знаю, что ты приехал для того, чтоб увезти Тамаза.

Вкрадчивый тон Мелитона да водка сделали свое дело, — пьяный Отар выложил Мелитону все. Рассказал, с каким намерением послал его в Грузию Коста, рассказал даже о том, что Зураб, отец Тамаза, ничего не подозревает о существовании сына, что Коста перехватывает письма Тамаза и сам отвечает на них.

— Но у тебя рука не поднимается на двоюродного брата, да? — переспросил Мелитон. — Тамаза тебе жалко, а о собственном сыне не думаешь! Об отце — тоже! Уж очень ты, видно, сердобольный! Кисель! Надо призвать на помощь другого, да такого, у кого нервы покрепче твоих и чувства не в таком расстройстве.

— Другого?

— Другого, да! Более смелого и решительного, чем ты. Он и поедет с тобой в обратный путь и поможет тебе во всем. Дураком будешь, если выпустишь из рук такое несметное богатство...

Отар был пьян. Пьян был и старый шкипер, но он не потерял способность соображать. Он знал, что надо говорить. Отар не слушал его. Как сквозь туман, доносились до его сознания слова Мелитона:

— Я тебе помогу. Мое сердце не дрогнет, положишься на меня.

— Да, сердца, как видно, у тебя и вовсе нет. Нет. Мелитон, не могу, не сделаю. — Отар подошел к двери. — Прощай, Мелитон.

Мелитон с улыбкой следил за ним. Он видел, как Отар борется с собой.

— Ступай, сынок, ступай. Положись во всем на меня. Эх, плохо тебя воспитал Коста! Плохо! Даже родной отец тебе не доверяет. Он сообщил мне все. Сообщил также, что не доверяет тебе, и просил меня проследить за тобой. Вот я и слежу! Но ты не хочешь принять мою помощь, а сам ты так истлеешь тут, что не только дядюшкино богатство проворишь, — собственного отца и сына потеряешь навеки!

— Как? Коста сообщил тебе, что не доверяет мне и просил за мною следить?!

— А что тут удивительного? Я же не мешаю! Помочь хочу тебе, помочь!

— Если то, что ты говоришь, правда, если Коста тебе доверил все и поручил... — Сознание опять помутилось у Отара, к горлу подступил комок, он задыхался. С силой рванув дверь, Отар жадно вдохнул ворвавшийся в каюту свежий морской воздух.

— Поручил, конечно, поручил, но я же не могу без тебя...

— Ты, ты и сделай все, меня не спрашивай, я не могу обогреть руки кровью брата. Не могу, Мелитон, ты возмись за это... — Отар вышел на палубу, спустился по лесенке.

— Вот теперь ты хорош, Отар, неподражаем... — хохотал во всю мощь своих легких Мелитон.

Отар долго еще слышал этот зловеющий хохот, он всю ночь преследовал его, как тяжелый кошмар.

Заснул он только под утро.

К утру ветер утих. Раскинувшаяся в бескрайнем просторе морская гладь колебалась только у самого берега. У пристани собрались рыбаки, они готовились выйти в море.

Вечно куда-нибудь спешивший Андро остановился у причала.

— Не возитесь, ребята, не возитесь. Я думал, что вы давно уже в море, — крикнул он рыбакам.

— Мы готовы, сейчас выйдем, — ответил рослый бригадир.

— Погода портится, бригадир! Сети, должно быть, полны рыбы, и если море разгуляется, то все веревки перервет.

— Не беспокойся, Андро, рыбку не упустим, — отозвался бригадир и крикнул: — А ну, ребята, пошли!

Лодки отчалили от берега. Паруса подняли, и три лодки, как три белых лебедя, поплыли друг за другом.

Андро пошел осматривать плантации. надо было проверить результат вчерашней поливки. Его радости не было границ, когда он увидел, что за одну только ночь чайные кусты, мандариновые и лимонные деревья ожили. Их обвисшие листья выпрямились, вытянулись и снова стали похожи на наостренные уши лани.

Андро зашел на участок Медеи. Кругом было тихо, только журчание воды в прорытых канавах нарушало тишину.

— Ау! Медея! — крикнул Андро. — Как ты можешь в такое утро сидеть в комнате?

В окне показалась Медея с повязанной головой.

— Я затемно еще обошла всю плантацию, — упавшим голосом ответила девушка, — вода спасла нас.

— Что с тобой, красавица, на тебе лица нет?
— Ничего... — глаза Медее накатились слезами, — голова болит.

— Голова болит? А где Отар?

— Отар... Не знаю, Андро, я не видела Отара...

— Ладно! Я знаю верное средство от твоей головной боли. Пришлю его сейчас к тебе.

— О, нет, нет, ради бога не надо. Я... уже не болит... — Медее растерялась, слезы внезапно хлынули из глаз, и она отбежала от окна.

— Да тут дело серьезное, как видно, — сказал себе Андро, вышел со двора и пошел домой. Дойдя до калитки, он позвал жену. Тереза вышла ему навстречу.

— В чем дело, Андро?

— Пойди к Медее в аптеку.

— Что случилось?

— Говорит, что больна, но я думаю, что там не все в порядке, ее что-то беспокоит. Пойди присмотри.

В этот день Андро был по горло занят. После плантаций он хотел осмотреть поля. От вчерашнего урагана кукуруза могла очень пострадать. В конюшне он велел оседлать коня и поехал верхом на прибрежные поля.

Было около четырех часов дня, когда он, вернувшись с полей, выехал на большую дорогу. Андро собирался осмотреть еще поля, расположенные на опушке леса, но усилившийся ветер заставил его подумать о рыбаках, вышедших в море, и он свернул к реке. На небе расползлась зловещая туча. Ветер бушевал, телефонные провода жалобно выли, на дороге пыль стояла столбом.

Из боковой улицы вдруг донеслись голоса. Группа колхозников, ползая, закрыла глаза, с трудом продвигалась против ветра. Впереди шел Тамаз.

— Тамаз! — позвал Андро. — Ну, как там на полях?

— Ветер не унимается. Зря трудились целый день. Кукуруза опять ляжет.

— Да к черту кукурузу! Утром люди вышли в море!

— В море? — слышались испуганные голоса.

— В море. Да еще на парусных лодках! Тамаз, надо помочь! Пошли, ребята!

Долго шли в глубоком молчании.

Подошли к реке. Ветер бесновался. С моря доносился зловещий гул.

— На море сильная буря, — сказал Тамаз председателю.

У пристани собралась почти вся деревня. Кое-кто поднялся на развалины и оттуда посмотрел в бинокль.

— Лодки не видны? — спросил Андро взобравшегося на етену парня.

— Ничего не видно.

— Антимоз! Алмасхан! Вы здесь? — засуетился Андро.

— Мы здесь!

— Приготовьте катера, мигом!

Антимоз и Алмасхан без слов бросились исполнять распоряжение.

— Не пытайтесь сейчас выйти в море, — обратился к председателю Мелитон. Он как будто из-под земли вырос, неожиданно и незаметно очутился рядом с Андро, — в бухте через полосу водоворота теперь и рыба не проскочит, не то что судно. — Мелитон сосредоточенно почесал концом трубки подбородок и глянул в сторону моря!

— Как же быть? Смотреть сложа руки, как люди гибнут?

— Все равно не пройдет. Ежели они соображают что-нибудь, то сами должны поспешить к берегу. Ветер переменил направление, для них как раз удобный момент. А вы зря полезете в петлю... — проговорил Мелитон и отошел в сторону.

Андро ничего не ответил.

В это время на дороге показались бледная как полотно Тереза и Медея с распухшими от слез глазами.

— Что ты намерен делать? — обратилась взволнованная Тереза к мужу. — Или сами что-нибудь предпримите, или позвоните в Поти, может быть, они помогут!

— Поможем, конечно, поможем, — растерянно ответил Андро и крикнул вдогонку Алмасхану: — Алмасхан, подожди немного, раз ветер переменил направление, может быть, лодки пригонит к берегу.

— Да не знаешь разве наших ребят?! Ведь до бури могли бы отлично успеть добраться до берега, но они не двинутся с места, пока все сети не будут убраны. Они даже рыбой не пожертвуют, не выбросят ее в море в такой критический момент. И вы думаете, что такие ребята способны отдать на произвол судьбы свои лодки, чтобы их разбило вдребезги о берег?!

— В крайнем случае, когда положение безвыходное, они должны это сделать, — вмешался Тамаз.

— Эх, знаю я, какой отчаянный народ наши ребята, — махнул рукой Андро и обратился к Тарасу: — Тарас, сбегай, пожалуйста, к наблюдательной вышке, может быть, им что-нибудь видно? — Тарас стремглав кинулся к вышке. В это время к Андро подбежал запыхавшийся Антимоз.

— Все готово. Если выходим в море, то нельзя мешкать, — выпалил он, еле переводя дыхание.

— Подождем Тараса, — ответил Андро.

Воцарилось молчание.

Ветер гнал к востоку тучи.

Показался Тарас.

— Что они говорят? Видно что-нибудь? — крикнул ему издали Тамаз.

— Ничего не видно, — ответил Тарас.

Андро, отделившись от толпы, направился к катерам. Люди последовали за председателем.

Остановившись перед первым катером, Андро обратился к собравшимся.

— Кто пойдет со мной?

— Я пойду! — вызвался Антимоз.

— И я, — слышался голос Алмасхана.

— Я тоже, — сказал Тамаз, становясь рядом с Андро.

— Нет, ты останься, Тамаз. К морю ты непривычен, — ответил Андро.

— Не могу остаться на берегу! Возьми меня с собой!

— Если так уж хочет, пусть идет. Это ничего, что он не моряк. Пусть привыкает, — отозвался Мелитон.

— Ты тоже пойдешь, Мелитон? — спросил Андро у Дараселия.

— Собираюсь. Мне-то море не повредит, как ты думаешь, председатель? — усмехнулся Мелитон.

В это время показался бегущий по дороге Отар. Он врзался в толпу так стремительно, точно кровный враг, сбежавший от него, скрывался в этой толпе. Отар схватил за руку первого попавшегося парня и спросил вполголоса:

— Собираются выйти на помощь?

— Да, собираются, — ответил молодой рыбак.

— И Тамаз?

— Да, и Тамаз.

— А Мелитон?

— Пойдет, должно быть. Кому же идти, как не ему.

Отар быстро отошел от рыбака и стал искать в толпе Мелитона. Старый шкипер заметил его издали и поспешил ему навстречу.

— Пришел как раз кстати, — прошептал Мелитон и, кинув недоверчивый взгляд на бледное лицо Отара, улыбнулся ему ободряющей улыбкой. — Что с тобой? У тебя вид больного. — Мелитон, оглядевшись кругом, удостоверился, что их никто не слушает.

— Я совершенно здоров, но... — Отар искал глазами Андро и Тамаза, которые уже взобрались на палубу катера «Красный охотник».

— Господь бог смилостивился над нами, Отар, он все устроил, — прошептал Мелитон, осторожно озираясь вокруг, — Тамаз со мной идет в море. Ну, а там... Не раз сносило вол-

ной человека с палубы в такую бурю... Положись на меня...

— Что ты этим хочешь сказать? — громко спросил Отар.

— Тише! Чего орешь?! — сквозь зубы процедил Мелитон. — Я хочу сказать, что этим способом мы выполним поручение твоего отца. — Мелитон подошел к катеру «Сокол» и остановился, задумавшись. Отар тоже подошел и молча стал рядом с ним, переводя настороженный взгляд с Мелитона на Тамаза.

— Председатель, — обратился Мелитон к Андро, — ты сядь на «Красного охотника», возьми за управление и следуй за мной. Путь через бухту в такую бурю проложить сумею только я. На других не надеюсь, — затем, повернувшись к рыбакам, собравшимся у «Сокола», сказал: — Ну, чего стоите? Поднимитесь на катер. Тамаз пойдет со мной на «Соколе», а ты, Андро, должен быть на «Красном охотнике». Лишние люди тебе там не нужны. Переходи ко мне, Тамаз. — Тамаз посмотрел на Андро, который уже стоял у руля и внимательно прислушивался к тому, что говорил Мелитон, потом перевел взгляд на «Сокола» и собрался было прыгнуть, но Отар закричал не своим голосом:

— Нет! Тамаз останется с Андро, а если тебе людей не хватает, Мелитон, то я пойду с тобой. — Отар вскочил на лесенку и посмотрел прямо в глаза Мелитону.

Мелитон изменился в лице от гнева, но, вовремя сдержавшись, с улыбкой сказал:

— Ты пойдешь? А зачем ты мне нужен? Людей у меня достаточно. Ни ты, ни Тамаз мне не нужны. Сойди на берег! — И Мелитон, взяв Отара сильной рукой за локоть, заставил его прыгнуть на берег. Отар даже не взглянул на него, он не отрываясь глядел на Тамаза, и только тогда, когда тот вернулся на палубу «Красного охотника» к Андро, Отар вздохнул свободно.

Моторы загудели. Антимоз поднялся к Мелитону на «Сокол», Алмасхан — на «Красного охотника». Мелитон снял куртку и, встав у руля, оглянулся на задний катер. Андро тоже стоял у руля и следил за передним катером. Мелитон поднял руку — оба катера подняли якоря.

— Счастливого пути!

— В добрый час!

— Желаем удачи! — слышалось со всех сторон.

Ветер яростно трепал седые волосы Мелитона. Когда катера скрылись за выступом крепости, все кинулось к берегу моря. Всем хотелось подняться на стену, чтоб наблюдать за катерами, вышедшими в море.

«Сокол» подошел к полосе водоворота и завертелся. Мелитон крепко вцепился в управление. Громадные волчи, встав на дыбы, рассыпались в воздухе. Мелитон вел катер к

узкому проходу, который, по его предположению, находился у нового берега. Он отлично понимал, что малейшее отклонение руля может погубить судно. Брызги разбивающихся о катер волн заливали ему лицо, ветер не давал возможности перевести дыхание, но Мелитон стоял не мигая, готовый выдержать натиск разбушевавшейся стихии. Его душил гнев. Поступок Отара он находил чудовищным. Как?! Этот сопляк готов пожертвовать ради Тамаза и богатством, и отцом, и сыном?! А вдруг его слабоумие дойдет до того, что он выдаст Тамазу все? И погубит его, Мелитона? Но единоборство со стихией началось, и Мелитону некогда было думать. Огромная волна стремительно неслась к катеру, готовая поглотить его, но судно, как крылатая птица, мигом взлетело на гребень и оттуда шлепнулось во впадину между волнами. «Красный охотник», точно следуя примеру «Сокола», перемахнул через пенистый край волны и тоже скрылся в воде.

Взоры всех оставшихся на берегу были устремлены в одну точку по ту сторону водоворота, туда, где должны были появиться катера. Но время шло, а катера не появлялись.

В это время у развалин крепости остановилась легковая машина и из нее вышли двое мужчин.

— Где Андро? — спросил один из приезжих.

Никто не ответил.

— Нам нужен председатель колхоза.

Люди молчали, напряженно вглядываясь в море.

— Один! — крикнул кто-то.

— Второй! — закричала какая-то женщина, и вдруг все зашумели.

— Спасены!

— Слава богу!

— Теперь они вне опасности!

— А я и не сомневался, что они пройдут!

— Молодец Мелитон!

Стоявший в стороне от толпы Отар тоже вздохнул свободно, повернулся и пошел домой.

Люди только теперь заметили прибывших гостей. Это был секретарь райкома и заведующий сельскохозяйственным отделом.

Несколько человек спустились с развалин к гостям.

— Здравствуйте, товарищи! Как дела? Катера вышли на помощь? — обратился к ним секретарь райкома.

— Вышли, товарищ Георгий, вот только что Мелитон Дараселия провел катера через полосу водоворота.

— Успокойтесь, друзья! Рыбаков спасем. Мы звонили в Поты, оттуда тоже выйдут на помощь, — сказал секретарь райкома Георгий и затем, обратившись к председателю сельсовета, добавил: — Товарищ Евгений! Идемте с нами! — То-

варищ Георгий и председатель сельсовета направились к почте.

Взоры всех собравшихся были устремлены вдаль. Катера были уже далеко.

— А где же Отар? — спросила Тереза у жены Алмасхана, Ефимии.

— Отар, должно быть, пошел домой. Он ведь болен, с утра у него была температура. Вы не знали? Я удивилась, когда увидела его здесь.

— Когда он заболел? Почему Медее не сообщили? — Тереза стала искать в толпе Медею.

Секретарь райкома и Евгений вернулись с почты, и Георгий обратился к собравшимся:

— Товарищи! Мы только что разговаривали с Потти. На помощь рыбакам высланы самолеты. Парусные лодки унесло южным течением. Выходит, что катера взяли правильный курс.

У людей появилась надежда.

— Вы, товарищ Евгений, как я вам уже сказал, возьмите всех людей. Все должны помочь.

— А что нам делать? — слышалось со всех сторон.

— На берегу огонь должен гореть всю ночь, чтобы лодки могли свернуть к реке.

— А ну-ка, ребята, скорее за работу! Пока стемнеет, надо набрать побольше хвороста. Надо запастись на всю ночь, — обратился к колхозникам Евгений.

Все двинулись за Евгением в лес.

Отар лежал в своей комнате один. Весь день он метался, как в горячке. С наступлением ночи ему кое-как удалось заснуть. Но долго спать не пришлось. Его разбудил необычайный шум.

Ветер бушевал по-прежнему. Где-то недалеко раздался такой грохот, что дом Алмасхана закачался. Отар вскочил. Зажег свет, посмотрел на часы. Было без десяти двенадцать. В доме никого не было. Отар оделся, умылся и решил пойти на берег — справиться о людях, вышедших в море. Выйдя на балкон, Отар увидел огонь на крыше противоположного дома. Горел дом Антимоза.

— Молнией спалило... — подумал Отар и побежал к горевшему дому. Во дворе никого не было. И в доме стояла тишина.

Отар взбежал на балкон и долго колотил кулаком в дверь, но ему никто не ответил.

Внезапно он услышал плач ребенка. Отар кинулся к окну, разбил стекло, перепрыгнул и очутился в комнате Тамаза. Как только он взглянул на письменный стол, тотчас же вспомнил о портфеле, в котором хранился труд Тамаза.

«Мое богатство... целое состояние...» — молниеносно мелькнула мысль в голове Отара, и он безотчетно кинулся к столу.

Собравшийся в бухте у костра народ только тогда обратил внимание на зарево пожара и искры, летающие в воздухе, когда раздались выстрелы и звон колоколов.

— Горит дом Антимоза! — вскричал Тарас, и народ, как вода, пущенная в русло канала, двинулся в одном направлении.

Надя с воплем вбежала в свой двор и пыталась кинуться в охваченный огнем дом, но ее удержали.

— Мой мальчик! Мой Шалва! — кричала она в иступлении.

Вдруг из дыма и огня вышел человек и спрыгнул во двор. Одежда горела на нем. В руках он держал ребенка. Его моментально накрыли буркой. Нестор взял ребенка и отнес матери. Когда Надя увидела мальчика, она бессмысленно улыбнулась, вырвала ребенка из рук Нестора, дрожащими руками ошупала его тельце и, убедившись, что он невредим, прижала его к груди и лишилась чувств.

Секретарь райкома склонился над Отаром.

— Как вы себя чувствуете, товарищ Отар? — спросил он, глядя его опаленные волосы.

Отар не ответил. Он не мог говорить.

Люди бросились спасать от огня соседние дома.

Женщины привели в чувство Надю. Тереза и Ефимия увели ее со двора. На улице они встретили почтальона, который бежал со всех ног.

— Где секретарь райкома?

— Он здесь! — ответила Тереза. — В чем дело? Есть извещение?

— Да, радиограмма из Потти, мне нужен секретарь райкома! — ответил почтальон, вбежав во двор.

Появление почтальона взволновало всех, его окружили. Никто не знал, какую весть он принес — хорошую или плохую. А он весело улыбнулся секретарю райкома и передал бумагу.

Георгий повернулся к огню и быстро прочел ее.

— В чем дело?

— Какие новости?

— Все в порядке, товарищи! Из Потти сообщают, что наши лодки и катера находятся в Тамишской бухте.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Отара взяли в больницу. Помимо рук, ожоги у него оказались на животе и груди.

На втором этаже, в просторной комнате с двумя окнами, выходящими на море, лежал один Отар. Георгий и Нестор не отходили от него до утра, пока Отар не уснул.

Георгий вызвал врача из районного центра.

Буря на море постепенно утихла.

С северной стороны показались сначала катера, а за ними и лодки.

В бухте собрались колхозники.

Все радовались благополучному возвращению близких людей, но за этой общей радостью можно было уловить уныние. Все взоры с огорчением устремились на Антимоза, стоявшего на носу подходящего катера с причальным канатом в руках.

Первым сошел на берег Антимоз.

— Молния спалила твой дом, Антимоз, — сказал председатель сельсовета Евгений и тут же ободряющим тоном добавил: — Но ничего! За один месяц мы выстроим тебе новый дом, лучше старого!

— Ребенок и Надя?! Где они?! — Антимоз со страхом оглядел односельчан.

— Они у меня. Целы и невредимы! — ответила Тереза. — Надя волнуется за тебя.

— Если они здоровы, тогда все в порядке! Без крова не останусь, это я знаю.

— Отар только пострадал. Это он спас твоего мальчика, — сказала Тереза.

— Отар? — Тамаз живо повернулся к Терезе.

— Да, Отар. Он чудом спасся. Весь в ожогах. Лежит в больнице.

— В больнице? Тяжелое состояние? — Изменившись в лице, Тамаз обернулся к Евгению. — Вы что-то скрываете от меня! Отар жив или нет?

— Жив, жив! — смеясь ответил Евгений. — Не волнуйся! Ему уже лучше.

Тамаз успокоился было, но затем, внезапно вспомнив что-то, с тоской проговорил:

— Так, значит, сгорело все! Пропало все! — Тамаз глубоко вздохнул.

— Послушай, Тамаз! Я должен горевать, ведь сгорел-то мой дом?! А ты чего вздыхаешь? — заметил удивленный Антимоз.

— Мой труд погиб, Антимоз, плод четырехлетней упорной работы сгорел! Теперь что же? Все начинать сначала? Когда это будет? Когда я все это восстанавлию?!

Евгений взял его за руку, взволнованно посмотрел ему в глаза.

— Как? Где ты хранил его? Неужели в комнате?

— Да! В ящике письменного стола.

Евгений опустил глаза и задумался.

В это время показался секретарь райкома.

Весть о том, что во время пожара сгорела диссертация Тамаза, с быстротой молнии облетела всех. Георгию об этом сообщили по дороге. Он подошел прямо к Тамазу и отвел его в сторону. Андро и Нестор пошли за ним.

— Отару было известно, где лежит портфель. Почему вместе с ребенком он не захватил портфель?! — глухо проговорил Тамаз.

Георгий остановился и вопросительно посмотрел на Тамаза.

— Ты говоришь... Отар знал... Но как мог вспомнить Отар о портфеле в такой момент? Он же из-за ребенка ворвался в огонь и чуть было сам не погиб. Нет, Тамаз! Отара ни в чем нельзя упрекнуть! Он совершил подвиг.

Тамаз ничего не ответил. Он был занят своими мыслями.

— Теперь нитью делу не поможешь! Надо взять себя в руки, собраться с силами и начать восстанавливать труд, — твердо сказал Георгий, решительно посмотрев Тамазу в глаза. — Ты же коммунист!

— Знаю, знаю, товарищ Георгий, но... сколько труда! Сколько надо времени...

— Время мы тебе обеспечим. Всячески поддержим. На несколько месяцев отпустим в отпуск. То, что ты затеял, это дело всенародного значения. Не только для Грузии, для всего советского народа нужное дело. Сделаем все, что в наших силах. Твой труд должен быть восстановлен в кратчайший срок. Я завтра же пришлю в Наркию агронома, который заменит тебя и будет работать здесь до тех пор, пока ты не защитишь диссертацию. — Георгий провел рукой по волосам и задумался. — Но тебе лучше работать не в Наркии. Ты поневоле будешь отвлекаться по колхозным делам. Поэтому тебе лучше переехать ко мне. А хочешь, поезжай в Тбилиси.

Тамаз был тронут до глубины души. Он крепко пожал руку секретарю райкома и сказал:

— От души благодарю вас, товарищ Георгий.

Вечером, после окончания работы, Андро и Тамаз навестили Отара.

Отар очень туманно помнил о похищении портфеля. У него было такое ощущение, точно все это произошло во сне. Что он похитил? Разве он у Тамаза похитил его труд? Нет, он похитил его у народа. Да, он ограбил народ! «А как мне надо было поступить? — думал Отар. — Не могу же я явиться к Косте с пустыми руками? Совсем ни с чем! А ограбить Тамаза все-таки легче, чем убить. Для меня это выход из положения. Но ведь, вот что интересно: никогда мысль о портфеле не прихо-

дила мне в голову. Но стоило мне увидеть объятый пламенем стол Тамаза — и точно какая-то сила толкнула меня к ящику!»

Когда Отар услышал в дверях голос Тамаза, он закрыл глаза и застонал.

Андро и Тамаз подошли к постели больного.

Тамаз склонился над больным и поцеловал его в лоб.

— Отар, дорогой!

— Он хочет спать, не будем его тревожить, — сказал Андро, взяв Тамаза за руку.

— Нет, я не сплю, Тамаз, только боль адская, — пробормотал Отар, отвернувшись к стене. Андро подал знак Тамазу, и они вышли из комнаты.

— А говорили, что он поправляется и хорошо себя чувствует! — взволнованно воскликнул Тамаз, когда за ними закрылась дверь.

— Пойдем, поговорим с врачом! — Они направились к кабинету главврача.

Пожилой, небольшого роста, чистенько выбритый человек сидел за письменным столом и рылся в картотеке больных.

— Ну, как вы нашли больного? Я же вам говорил, что ему лучше, — сказал улыбаясь врач.

Андро и Тамаз переглянулись.

— Нет, доктор, ему очень плохо! Мечется, стонет, — ответил огорченно Андро.

— Удивительно! Он хорошо себя чувствовал...

— Прошу вас, подождите меня здесь. Я сейчас его осматриваю. — Врач взял стетоскоп и вышел из кабинета.

Андро и Тамаз остались ждать.

— Так завтра придет новый агроном? — Андро задал этот вопрос улыбаясь, но по всему было видно, что ему не до улыбки.

— Приедет... приедет... но...

— Что значит «но»?

Тамаз не ответил. Он отлично понимал состояние Андро.

— Я хотел съездить в Батуми недели на две. Хочу привезти снаряжение для охоты на дельфинов. А то мы до сих пор пользуемся какими-то первобытными способами.

— Нет! Над диссертацией буду работать здесь, в Наркин. И вам буду помогать...

Вошел врач.

— Ничего не понимаю! Пульс прекрасный, сердечная деятельность нормальная и вообще все в порядке...

— Отчего же он стонет? — спросил Тамаз.

— Да нервы, должно быть. Перепугался во время пожара. Тамаз насутился.

— Не думаю! — ответил он. — Отар не трус. Я его хорошо знаю...

Врач улыбнулся.

— Не беспокойтесь! Ваш брат скоро поправится, — сказал он, вновь принимаясь за картотеку.

— Доктор! Разрешите мне сегодня ночью остаться с больным, — попросил Тамаз.

— Это лишнее! У нас людей достаточно, подежурят.

— Это его желание. Разрешите ему, доктор! — вмешался Андро.

— Если очень хочет, то не возражаю. Извольте!

Тамаз сидел у стола и читал. Отар лежал с закрытыми глазами, тяжело дышал, метался. Время от времени наведывался дежурный врач.

Было далеко за полночь, когда Отар открыл глаза.

У изголовья сидел Тамаз.

На столе стояла ваза с цветами.

Красные от бессонной ночи глаза Тамаза радостно сверкнули.

— Отар! Тебе лучше? Не поддавайся, братишка! Здорово напугал тебя пожар.

Отар удивленно посмотрел на Тамаза.

— Напугал меня пожар?!

Отар опять закрыл глаза.

«А вдруг видел кто-нибудь, как я выскочил из дома Анти-моза с портфелем под мышкой? Может быть, портфель уже нашли у меня под тюфяком? И не хотят сказать мне об этом, щадят больного». Чтобы отогнать тяжелые мысли, он спросил:

— Кто принес цветы? Какой чудесный запах стоит от них в комнате.

— Вся деревня собралась у больницы, но впустили только Андро и меня. — Тамаз взял со стола стакан с молоком и хачапури. — Теперь поешь.

— О Тамаз, я не могу, не хочу!

— Нельзя! Почти целые сутки ты не ел.

Отар взглянул на вазу. Среди других цветов он приметил нарциссы, а нарцисс рос только во дворе аптеки.

Цветы ласкали взор, Отару казалось, что они улыбаются ему. Ему хотелось взять их в руки, прижать к груди, к губам, но он постеснялся Тамаза. «Может быть, Медея все рассказала Тамазу», — подумал он.

— Какие чудесные цветы! — прошептал Отар после долгого молчания и печально вздохнул.

— Узнаешь? — многозначительно переопросил Тамаз, присаживаясь на кровать больного. — Как ты думаешь, кто их принес?

— Кто?

— Медея принесла, но ее не впустили.

— Не пропустили? Почему?

— Должно быть, ты спал.

Отар промолчал.

— Тамаз, ты спать не хочешь?

— Очень хочу, глаза слипаются, но и не подумаю заснуть, пока ты не поешь.

— Я не могу есть.

— О, если б ты знал, кто тебе принес молоко, кто испек специально для тебя хачапури!

— Кто?

— Медея, конечно! Попробуй, как вкусно!

— Дай!

Тамаз осторожно приподнял Отара, подложил подушки и, устроив его удобно, стал кормить.

Вошел дежурный врач.

— Чудесно! Наш больной хорошо себя ведет! Но вы, товарищ Тамаз, все еще не спите?

— Теперь я спокойно усну. Отару лучше.

— Напрасно вы себя замучили, да еще после похода вашего в бую, такой утомленный, вы остались с больным. Разве нас тут мало? Или вы нам не доверяете?

— Да что вы! Доверяю, конечно! Но я не мог оставить Отара одного.

Тамаз открыл окно. В комнату ворвалась предутренняя прохлада. В темноте еле различимо была видна бледная полоса морского берега. С востока к вершинам гор подкрадывался рассвет.

— Теперь ложись, Тамаз, скоро начнет светать. Может быть, и я усну.

— Да, время уже! — Тамаз подошел к постели и начал раздеваться. — Два часа посплю, и хватит.

— Почему два часа?

— Завтра должен приехать новый агроном. Я хочу его встретить.

— Какой агроном? — Отар приподнялся на постели.

— Пока полностью не восстановлю свой труд, я освобожден от всякой работы. — Тамаз нырнул под одеяло.

— Какой труд?

— Диссертацию мою! Она же сгорела вместе с домом Антимоза! Вот я и должен все писать сначала. Секретарь райкома, товарищ Георгий, предложил мне переехать к нему в центр и там работать или поехать в Тбилиси. Обещал всяческую помощь.

— И ты уедешь? — испуганно спросил Отар.

В Наркии все любили Отара, как родного, он это знал, но только в эту минуту понял Отар, что самым близким для него, самым любимым и родным был один Тамаз.

— Нет, я остаюсь и тут буду работать.

В открытое окно донесся заводской гудок с лесопилки.

Отар вдруг вспомнил слова Тамаза, нет, не вспомнил — услышал, как кто-то прокричал ему в самое ухо: «Не могу оставить Отара одного!» Это Тамаз сказал врачу. Теплая, радостная волна хлынула ему в душу. Он скинул одеяло и присел:

— Тамаз! Тамаз! Слушай, Тамаз!

Тамаз повернулся, но не смог отозваться, сон одолевал его. Тогда Отар стал трясти его забинтованной рукой.

— Тамаз! Тамаз!

Тамаз открыл глаза.

— Что такое, что с тобой? Тебе плохо?

Отар посмотрел ему в глаза и тихо произнес:

— Ты только что сказал, что твой труд сгорел.

— Да, сгорел.

— Неправда! Кто тебе сказал? Первым долгом я спас твой труд, а потом ребенка. Портфель я спрятал у себя под тюфяком.

— Отар! Брат мой! — вскричал Тамаз, прижав к груди Отара.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Выписавшись из больницы, Отар первым долгом заглянул в гараж, затем зашел в правление, но там Андро и Тамаза не оказалось. Он собрался идти на плантации, но почувствовал усталость и пошел к себе домой. Его хозяин, Алмасхан, освободил вторую комнату для Тамаза, и двоюродные братья жили теперь под одним кровом.

Отар проспал весь день. Его разбудил вернувшийся с работы Тамаз.

Братья вечером вместе вышли из дому. Тамаз пошел в клуб, где было назначено партийное собрание. Отар свернул на набережную и скоро очутился на скамье под платаном перед зданием аптеки.

Медая дважды приходила к нему в больницу. Один раз она пришла вместе с Тамазом. Была весела, много смеялась. Но как только Тамаз ушел и она осталась одна с Отаром, приуныла и умолкла. Ей очень хотелось спросить у Отара о причине его странного поведения в ту памятную ночь, но она не решилась.

Второй раз Медая пришла в больницу одна. Долго сидела молча и наконец перед уходом решилась:

— Отар, скажи мне, обижен ты на меня? И за что? Что я сделала такого? Провинилась перед тобой?

— Я не обижен. И ни в чем ты не провинилась. А что касается той ночи, об этом скажу, когда выпишусь отсюда.

Отар знал, что и тогда он не сможет сказать ей правду и никогда не сможет. «И поэтому лучше вовсе не видеться с ней, пока я пробуду здесь», — думал он.

Но вот сегодня, стоило ему только выписаться из больницы, и он пришел сюда, сюда, где мог ежеминутно встретить ее.

Отар долго боролся с собой, не хотел идти сюда, но его помимо воли понесло по улице, которая вела к любимой, и вот он уже здесь.

«Если бы Медея знала о том, что так резко я поступил с ней только из-за любви к ней! Из-за нее же!»

Медея сидела у окна, когда он подошел к скамейке. Она вязала. Отар с замиранием сердца следил за ней. Вопреки всем доводам разума, ему безумно хотелось, чтоб она его заметила, чтоб позвала. Медея встала. Отар вздрогнул и поспешил спрятаться за ствол дерева. Сердце усиленно билось. Он опустился на скамейку и долго сидел неподвижно, уйдя в свои мысли. Очнувшись он от звука приближающихся шагов.

Он не смел обернуться. Он боялся только первого момента встречи, а потом... Медея была очень добра, и он знал, что она не станет его допрашивать.

Отар притаился.

«Нет! Это не ее шаги. Эта тяжелая поступь не ее!» — промелькнуло у него в сознании, и он быстро обернулся.

К нему приближался Мелитон Дараселия.

Отар вздрогнул всем телом.

— Слава богу, вижу тебя целым, здоровым. Извини меня, не мог тебя навестить в больнице, но... ты же сам понимаешь... в нашем деле следует соблюдать крайнюю осторожность. — Мелитон осмотрелся, никого не было, они были одни. — О нашей дружбе никто не должен знать. Дело-то опасное. Малейшая неосторожность, малейшее подозрение, и мы оба погибнем.

Мелитон присел на скамью.

У Отара помутилось сознание. Он почувствовал слабость в коленях, перед глазами поплыли темные круги.

— Какое дело? — еле слышно спросил он.

— Не помнишь? — Мелитон улыбнулся, подтянул сапоги, выбил свою короткую трубку о подошву и продолжал: — Забыл или боишься, мальчик? Если ты не надеялся на себя, то зачем вообще взялся за это дело, зачем приехал сюда? К слову сказать: что ты натворил прошлый раз? Ведь сам просил помочь тебе, уговорил, втянул меня в такое дело, где я рискую жизнью, и вдруг, когда наступил решительный момент и я мог совершенно безболезненно избавить тебя и твоего отца от лишнего груза, ты стал мне поперек дороги! — Мелитон

сплюнул и продолжал: — Еще хорошо, что сдержал себя и не выболтал тут же все. Несдобровать бы нам обоим!

Увидев покрасневшее от смущения лицо Отара, Мелитон продолжал уверенным тоном:

— Потом-то ты сам, должно быть, сожалел о своем поступке.

Отару стало ясно, что не легко будет вырваться из когтей этого человека, и он с тоской вздохнул.

Мелитон покосился на него, сердито сдвинув брови.

— Одним словом, — сказал он, — чему быть, того не миновать! Начали дело — надо довести до конца! Упустили неповторимый случай, — ну что ж! Начнем сначала! Помощи от тебя я не жду, только обещай не мешать! — Мелитон набил трубку, задымил.

— Что надо довести до конца, что мы начали, Мелитон, о чем ты говоришь?

— Гм... Отказываешься от всего?.. Ну, как знаешь! Я тебе хотел помочь, ради твоего блага старался... — Мелитон задумался. Потом, положив руку на плечо Отара, продолжал в раздумье: — Думал услужить тебе, доставить невредимым отцу. Надеялся, что наследник такого огромного имущества, такой богач не оставит меня без внимания там, за рубежом. Отблагодарит за услугу, но... ошибся я, не думал, что с малодушным человеком имею дело. — Мелитон подсел к Отару. — Пока ты будешь собираться да сомневаться, тебя разоблачат. Ты добьешься того, что с тебя сорвут маску. Сто лет искать будешь соучастника, не найдешь! Я один оказался таким чудачком, — жертвую собой ради чужого блага! И я вовсе не уверен в том, что ты меня не выдашь при случае. Знаю, с каким молодцом имею дело! Как только тебя схватят, — все выложишь про меня!

— Что ты хочешь от меня, Мелитон?

— Я хочу, голубчик, опередить тебя и выйти сухим из воды! Я хочу заявить обо всем властям. Расскажу, что ты мне говорил, расскажу, что Зурабу до сих пор неизвестно о существовании сына, что Тамазу письма пишет и перехватывает его письма твой отец, что ты сюда приехал с тем, чтобы убить Тамаза, избавиться от него и сделаться единственным наследником его отца. — Мелитон в упор посмотрел на Отара. — Что поделаешь, братец, своя рубашка ближе к телу! Другого выхода у меня нет. — Мелитон встал, застегнул куртку и стал неторопливо удаляться.

Отару ясно представилась картина, как его водят по улицам с веревкой на шее. Медя с затуманенным взором и опущенной головой старается не смотреть в его сторону. Взгляд Тамаза полон презрения. Андро, с присущей ему выдержкой, стоит, молчит, но его серьезный, предельно выразительный

взгляд способен причинить невыносимую боль. И люди, любовь и уважение которых он заслужил, которые восторгались его мужеством и преданностью делу, будут отворачиваться от него, как от прокаженного.

Отар поднял голову.

Мелитон удалялся тяжелыми, медленными шагами.

«Вот он завернет сейчас за угол, скроется, и потом будет поздно!»

— Мелитон! Мелитон! — Отар быстро догнал Мелитона.

Мелитон остановился.

— Опомнись! Ты сам губишь себя! — строго прикрикнул он на Отара и отвернулся, чтобы идти, но Отар схватил его за руку.

— Подожди, Мелитон! Ради бога, дай подумать. Обсудим сообща и... сделаем так, как будет лучше.

— Вот это деловой разговор! Давно бы так! — ответил Мелитон, оглядываясь по сторонам.

В это время скрипнула калитка и показалась Медея.

— Идет твоя зазнобушка, — усмехнулся Мелитон, — теперь я скроюсь. Жду тебя ночью. Поговорим.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Плоты, привязанные к катеру «Сокол», плавно покачивались на волнах. Мелитон должен был отвести их на лесопильный завод.

Все было готово, когда старый шкипер поднялся на палубу.

Рулевой стоял у управления. Мотор гудел.

Гребцы на плотках ожидали сигнала с катера.

Мелитон торопился вернуться в Наркню. Ночью была назначена встреча с Отаром.

Было досадно прохладно, но шкипер снял куртку, как только поднялся на судно.

Катер тронулся.

В этот момент Мелитон услышал над головой воронье карканье. Он ненавидел эту птицу. День, когда он слышал противное карканье, бывал отравлен для него. И теперь он вздрогнул так, что чуть было не выронил трубку из рук.

Выйдя в море, катер взял курс на островок, где была расположена лесопилка. Мелитон прилег на куртку и задумался, устремив взгляд на берег. Он никогда, даже в самых рискованных обстоятельствах, не испытывал страха перед смертью. Чувство страха было чуждо ему. Теперь же почему-то оно вселилось в его душу вместе с вороньим карканьем, и ему страшно было думать о завтрашнем дне.

Мелитон не мог понять, что с ним происходит, — ведь не впервые же он видит ворону и слышит ее противный голос? Раньше он просто наводил тоску, а теперь проник в душу.

Катер еле полз. Чтобы рассеять неприятное ощущение, Мелитон хотел было приказать прибавить ход, но вспомнил, что катер тащит за собой плоты, которые не выдержат скорости. Он улегся на спину, закрыл глаза и начал грезить.

Вот он стоит у руля на собственном корабле и плывет по океану. Строго смотрит на покорно выстроившихся перед ним матросов. Сбритые усы и длинная борода придают ему вид настоящего «морского волка».

Он был почти совсем еще молодой, лет, эдак, двадцати пяти, когда сбрил усы и отпустил бороду. И короткую, тупоносую трубку он придумал для того, чтоб довершить образ, постоянно маячивший перед его взором... Мелитон посмотрел на берег.

От кромки берега шагов на сто в глубину тянулась песчаная полоса. Она окаймляла густой зеленый массив плантаций, раскинувшихся до линии горизонта. Пятнадцать лет тому назад эти места представляли собой непроходимые болота.

Мелитон ехидно усмехнулся, жадно втянул в себя табачный дым. Здесь, на песчаной отмели, между морем и болотом, стоял раньше дом его отца.

От этого места до деревни было семь километров. Хопо — отец Мелитона — первый житель Наркии, огородил свой двор прочным забором, повесил на обоих концах двора ворота и поставил у ворот сторожей. Таким образом он наглухо закрыл дорогу на Поти жителям Самурзакано и, частично, Мингрелии. И за право проезда или прохода через двор брал плату с верховых, с аробщиков и с пешеходов.

Кроме того, преданные холопы Хопо загоняли ночью в его двор скотину, которую крестьяне пригоняли к берегу моря по ночам. Наутро двор бывал полон коровами и буйволами. И за «причиненный ущерб» Хопо брал по рублю с каждой голозы рогатого скота.

Хорошо помнил Мелитон и длинноусого верзилу Кара-Мустафу, управляющего отца, который впоследствии стал его компаньоном. В первые же дни после февральской революции Хопо отправил его в Турцию. Отец прожил после этого всего один год. Он испустил дух на руках единственного сына — Мелитона, едва успев сказать ему: «Все золото я отослал вместе с Мустафой в Турцию для закупки товаров». Мелитон сообщил Мустафе о смерти отца и просил отдать отцовское золото, но турок отказался. И вот совсем недавно, года два тому назад, Мелитон нашел в старом сундучке своей тетки, сестры отца, векселя на несколько тысяч турецких лир, данных Мустафой

его отцу, Хопо. Мелитон завернул ценные бумаги в вощеную тряпку и зашил во внутренний карман куртки. Вот почему он никогда не расставался со своей курткой!

...Катер приближался к лесопилке.

Как ясно помнит Мелитон ту ночь, когда жители деревни Наркия напали на отцовский дом и подожгли его. Это случилось в одну из февральских ночей 1921 года. И с того дня никто уже не платил за право проезда и прохода через двор Дараселия.

Мелитон заискивающе глядел в глаза односельчанам, стараясь спасти свою шкуру, но в душе его горел огонь мщения.

Вначале он считал месяцы, надеясь на то, что большевики не удержат власть в своих руках. Потом стал считать годы. И когда окончательно убедился в том, что его надежды не сбываются, принял решение: раз уж большевики не собираются уходить, то надо уйти ему, Мелитону.

«Но как? — думал Мелитон. — Кара-Мустафа и видеть его не захочет. А векселя? Как он увернется от них?» Но Мелитон знал, что векселя эти в чужой стране не имеют силы, если у тебя нет могущественного покровителя! А если добиться и превратить их в деньги, то Мелитон сможет исполнить свою заветную мечту — купить собственный корабль!

...Теперь мечта эта так близка к осуществлению... Стоит только руку протянуть! Отар, Коста, Зураб — у него будут друзья-миллионеры! Все до последней копейки сдерет он с Кара-Мустафы...

Катер подошел к лесопилке.

У берега стояли тракторы, готовые для перевозки бревен.

Мелитон торопился. Отвязав плоты, он велел немедленно повернуть обратно. Скомандовал полный ход. Матросы поставили паруса.

Катер проходил мимо родных мест Мелитона.

— Шкипер! Скоро начнется охота на голубей. Вот тебе и сторожить по ночам в этих местах, — обратился к нему с улыбкой молодой, светловолосый моряк, указывая на бывшее поселение Хопо. Старый шкипер вздрогнул и застыл на месте. Он внезапно вспомнил одного охотника, который два года тому назад присоединился к его группе. Этот охотник был Тамаз.

Сколько раз встречал старый моряк вышедшего до рассвета на охоту Тамаза. Сколько раз они купались вместе в море.

Прищурив глаз, Мелитон взглянул в сторону деревни. Наркия постепенно погружалась в темноту. В маленьких домиках зажигались электрические огни, у входа в бухту зажегся маяк.

«Вышедший на охоту Тамаз утонет в море. Какие могут возникнуть сомнения у кого-нибудь?» — пронеслось в мыслях у Мелитона, и он внезапно крикнул:

— Майна!

Матросы опустили паруса.

Катер повернул к бухте.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мысль о преступном намерении Мелитона мучила Отара и во сне. Во время ночного свидания в каюте шкипера они договорились окончательно. Отару пришлось во всем согласиться со стариком, которому он предоставил полную свободу действия. Вообще с тех пор, как этот коварный старик овладел тайной Отара, он сделался полновластным хозяином судьбы молодого человека.

Выполнение своего замысла Мелитон отложил на осень. И так как жизни Тамаза не угрожала непосредственная опасность, Отар решил не противоречить старику.

— До осени, пока не наступит пора охоты за голубями, нам не о чем разговаривать, мы не будем встречаться. Когда придет время, я сам тебя позову, — сказал при прощании Мелитон.

— Почему до осени? При чем тут голуби? Ничего не понимаю! — возразил Отар.

— Осенью Тамаз каждый воскресный день еще до рассвета отправляется на охоту. Он любит охотиться на голубей...

— И ты хочешь устроить засаду в темноте на пустынном берегу?

— Нет! Устроить засаду, убить — это не годится. Могут дознаться, и мы пропадем. — Мелитон задумался, потом продолжал думать вслух: — Я его заманю в море купаться и утоплю. — Мелитон рассмеялся своим холодным, режущим, как сталь, смехом. — Он каждый раз купается перед охотой. Это наиболее удобный случай для нас. Утонул, и все! Он не первый и не последний.

До осени оставалось еще два месяца.

«Кто знает, что еще может случиться до осени, — успокаивал себя Отар. — К тому времени, может быть, сам Мелитон откажется от своего намерения».

Отар с удвоенной энергией принялся за работу в колхозе. После окончания работы, если в гараже было все в порядке, он отправлялся в лес на рубку или возил песок и камень для дорожного строительства, или придумывал другую какую-ни-

будь работу для того, чтобы позже вернуться домой и не встречаться с Тамазом. Андро он видел еще реже.

Окружающие замечали в нем перемену, но приписывали ее травме, причиненной ему пожаром, и надеялись, что это пройдет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Выйдя из детских ясель, Тереза торопливо направилась к чайным плантациям. По дороге ее нагнал Мелитон.

— Куда торопишься? — улыбаясь спросил Мелитон.

— Была в яслях, накормила малыша и спешу обратно на плантацию чай собирать.

— Чай собирать! Да ты бежишь, как на пожар! — Мелитон расхохотался.

Тереза сдвинула брови и строго посмотрела на своего спутника.

— Вот именно, пожар! — сказала она. — Ты же видишь сам, что не поспеваем?! Мы живем богато благодаря этим плантациям, Мелитон.

— Правильно, согласен, но не допускаю, чтобы женщина бросила в яслях грудного младенца и сама побежала собирать чай! Кому это нужно?! Мало у нас в Наркии народу?!

— За ребенком в яслях прекрасный уход. За ребенка я вполне спокойна.

Долго шли они молча. Мелитон очнулся от громкого крика петуха.

Старик взмахнул палкой, и петух перелетел в огород. Внимание Мелитона привлёк красивый двухэтажный каменный дом, стоявший во дворе. Двор окружали в несколько рядов кудрявые кусты чая. Посередине двора среди мандариновых и апельсиновых деревьев бил фонтан. Под раскидистым орехом мальчик лет десяти куском бархата начищал автомашину марки «Победа». В доме кто-то играл на рояле.

Мелитон злорадно усмехнулся.

— Ничего себе! Устроился как принц наш Тарас!

Тереза с изумлением посмотрела на него.

— Его отец с детства на пароме гребцом работал, — продолжал Мелитон, — не вылезал из нужды и издох в болоте, а Тарас, — это, должно быть, и ты помнишь, — за двадцать копеек батрачил по дворам.

— А что должен был делать тогда безземельный бедняк? Как ты можешь то время сопоставлять с сегодняшним днем? Плохо в наших условиях может жить только бездельник и лентяй.

— А что, мой отец не работал? Разве он нагребил то доб-

ро, которое они предали огню или отобрали у нас? Но свет так устроен, моя дорогая, сегодня ты, а завтра я! Вчера жил Хопо, а сегодня живет Тарас...

— Не узнаю тебя, дядя Мелитон, клянусь, не узнаю! — Тереза насупилась. — Кто же теперь так рассуждает, не понимаю! Или смеешься надо мной, или вообще расположен шутить?

— Расположен, дорогая, расположен шутить. — Мелитон раскашлялся и вытер платком выступившие на глазах слезы. — А ты диву даешься, думаешь, с ума сошел старик.

Они дошли до плантаций. Тереза присоединилась к сборщикам.

Мелитон прикусил язык. Он злился на себя. К чему он затеял этот разговор? Сколько лет прожил он на свете и никогда таких глупостей не болтал. Должно быть, крылья расправил в ожидании завтрашней удачи. Но пока рано торжествовать победу, старик! Бог знает, чем все это кончится?! Может быть, Тамаз завтра и вовсе не выйдет на охоту? Может быть, завтра будет ясная погода и «Соколу» не удастся проскользнуть мимо сторожевых катеров? Пока рано торжествовать победу, молчи, старик!

Важно выступая, вошел он на плантации.

— Здорово, Мелитон!

— Дорогу перепутал, шкипер!

— Подать ему корзину!

Мелитон не отозвался. Он искал глазами Отара.

В тени дубового дерева Мелитон заметил Тамаза. Тамаз что-то записывал в карманную книжечку. Мелитон хотел было пройти незамеченным, но Тамаз увидел его и весело приветствовал:

— Привет Мелитону! Завтра воскресенье, наш день. На охоту пойдем?

Мелитон выжал на лице улыбку.

— Нет, голубчик, завтра меня не будет. В полночь иду в Батуми сдавать дельфиний жир.

Мелитон пошел дальше. Обошел всю плантацию, но Отара нигде не было.

Выйдя на дорогу и решив завернуть на другую плантацию, он вдруг заметил идущего навстречу Отара.

Мелитон остановил его.

— Заждался, должно быть, меня! Ничего! Так нужно было! Завтра воскресенье. Он выйдет на охоту, я встречу его за деревней. Словом, с ним я рассчитаюсь. Ты найди Андро и попроси его отпустить тебя в Батуми. Скажи, что поедешь со мной на «Соколе». Жди меня в каюте. Как только я кончу свое дело, приду на катер и двинемся в путь. Понятно? — Мелитон оглянулся по сторонам и посмотрел в упор на Отара.

— Понятно, — ответил побледневший Отар.

— Я уйду. Теперь действуй сам. — Мелитон пошел по дороге. Отар остался стоять на месте, он будто прирос к месту.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В колхозе работы было по горло. Начинался сбор мелких орешков. Вся прибрежная полоса моря была запружена косяками рыбы. Сбор чая был в разгаре.

Не хватало рабочих рук.

Рыбаки почти круглые сутки не вылезали из воды.

Охота на дельфинов началась. Катера не успевали доставлять на берег дельфинов и кефаль. Рыболовецкая бригада просила у правления людей на помощь.

Наркийцы не боялись трудностей, — трудиться они умели на славу, но в данный момент в центре внимания всего колхоза был сбор чайного листа. На сборе чая наркийцы соревновались с соседним колхозом. Прошлый год был первым годом соцсоревнования, и наркийцы по праву вышли победителями в соревновании. Но в этом году колхоз «Октябрьский» подготовился к сбору лучше и не отставал от наркийцев ни на грамм.

Времени оставалось всего полтора месяца, и наркийцы волновались, считая свою победу очень сомнительной. Правлению было ясно, что на сбор чая надо дать еще людей, но откуда их можно было взять, с какого участка снять? Их не хватало повсюду. И вот, партийная организация деревни, как всегда, пришла на помощь колхозу, нашла выход из положения. Было решено мобилизовать рабочих и служащих коммунистов и комсомольцев в послерабочие часы.

Беспартийные работники последовали примеру коммунистов, и в Наркии собралось столько рабочих рук, что правление колхоза смогло распределить их по всем участкам. Большую партию людей удалось направить на помощь сборщикам чая. Работа на чайных плантациях пошла в два раза быстрее, теперь ежедневно выполняли план на сто пятьдесят процентов.

Сбор мелкого орешка было рассчитано закончить за один месяц, но закончили в две недели. Освободившихся людей тоже перебросили на чайные плантации, и наркийцы быстро вырвались вперед.

...В этот вечер все бригады на всех участках работы, в том числе и бригады сборщиков, раньше обычного прекратили работу. Все торопились домой, — надо было подготовиться к приему гостей. На завтрашний день, воскресенье, в Наркии

назначены были конноспортивные соревнования всего района на колхозном ипподроме. Прошлогодняя победа в этом виде спорта дала наркийцам право назначить в этом году районное соревнование на своем ипподроме.

Наркийцы ждали гостей со всего района. Каждая семья готовилась к их приему.

Мелитон выбрал именно этот воскресный день для выполнения своего замысла, рассчитав, что «ни один семейный человек в этот день не пойдет на охоту, а несемейный, одинокий Тамаз, как раз пойдет». Так он решил про себя.

Стемнело.

На набережной, в аллее платанов, кроме Мелитона, не было ни души. Он нервно шагал по аллее. Поминутно оглядывался.

Вдруг Мелитон заметил на берегу лодку и остановился

— Ау! Кто это? — послышался голос с лодки.

— Это я, Мелитон! А ты кто?

— Абдула! Оз имана кантар, Абдула! — послышался ответ, который был покрыт смехом людей, сидевших в лодке.

Мелитон вздрогнул. Быстро спустился к берегу.

У развалин старой крепости показались Андро и Тамаз.

Мелитон искал лодку, чтоб догнать обидчиков, но услышал голос Андро и остановился.

Андро и Тамаз успокоили Мелитона.

— Что они сказали? Почему Мелитон обозлился? — спросил Тамаз у Андро, когда они, расставшись с Мелитоном, направились к площади.

— Сказали: оз имана кантар, — смеясь ответил Андро.

— А что это значит?

— Турецкий язык не знаешь?

— Откуда я его могу знать?

— «Оз имана кантар» — эти три слова Мелитон не может слышать, они для него все равно что кинжал в сердце, — улыбнувшись, проговорил Андро.

— Но почему?

— В давно минувшие времена турецкие купцы ввозили и вывозили через Наркию различные товары. Некоторые из них поселились в Наркии. В деревне появилась их молельня. Турки своих покойников уносят на кладбище в одном и том же гробу, и этот гроб обычно всегда стоит на виду, прислоненный к наружной стене молельни. Получается немного длинная история, но все это имеет отношение к «оз имана кантар». — Андро закурил и продолжал: — Отец Мелитона Хопо рано потерял родителей. Опекуном пятнадцатилетнего юноши был назначен местный пристав, некто Дараселия. Он крестил мальчика и дал ему фамилию Дараселия. Таким образом, Абдула Исмет-оглы превратился в Хопо Дараселия.

Однажды вечером этот самый Хопо, будучи уже в зрелом возрасте, пожелал, оказывается, выкупаться в реке и спустился в воду около молельни. Товарищи решили подшутить над ним, напугать его и спрятались за гробом или в гробу, уж не знаю точно. Когда Хопо вышел из воды, он услышал глухой стук о доски гроба. Испугавшись, Хопо собирался бежать, но когда услышал свое имя, произнесенное загробным голосом, от страха прирос к месту.

— Абдула! Оз имана кайтар, Абдула! — Услышав эти слова, Хопо прыгнул обратно в воду и без оглядки доплыл до причала.

— А что означают слова «оз имана кайтар»? — спросил Тамаз, смеясь от души.

— «Оз имана кайтар» значит: вернись в свою веру.

— Так, значит, Мелитон турок?

— Турок, но усиленно скрывает это.

Отар шел по улице в глубокой задумчивости. Он даже не заметил Андро и Тамаза, пока Тамаз не схватил его за руку.

— Отар, ты что идешь как в воду опущенный? Нездоров, что ли?

Отар поднял голову. От смущения он в первую минуту не мог слова вымолвить. Наконец, овладев собой, он сбивчиво ответил:

— Неважно себя чувствую... устал... хочу выкупаться в реке... Может быть, холодная вода вернет бодрость...

— Вовремя вернись домой, рано ложись и хорошенько выспись. Завтра у нас трудный день! — сказал Андро.

Выйдя на набережную, Отар направился к развалинам.

До сегодняшнего дня он все еще надеялся, что какое-нибудь чудо избавит его от преступления. То ему казалось, что Коста, почувствовав его душевные муки, откажется от своего замысла. То он начинал надеяться на то, что Мелитон без конца будет откладывать задуманное. То ему казалось, что он непременно сам найдет выход из создавшегося положения. Так он думал еще вчера, еще несколько часов тому назад. Но сегодня, сейчас, он очутился лицом к лицу с опасностью. И если он за несколько часов не найдет выхода, то все будет кончено.

Со стороны моря к берегу приближался яркий, как звезда, огонек.

Отар прислонился к перилам и жадно вдохнул воздух. Его лицо стало спокойным, в сердце затеплилась искра надежды.

Какой чудесный край! Как хорошо жить на свете! Смерти здесь не место!

«Кому принадлежит эта деревня, это море, эти корабли? Чьи они? Наши, Отар, все это наше!» Отар вспомнил эти

слова, сказанные Тамазом, и светлая улыбка озарила его лицо.

Отар давно прозрел. Он отлично знает теперь, где настоящее богатство и в чем истинное счастье! Он не хочет крови, смерти, зла, но его принуждают...

Он огляделся вокруг. На воды залива легла причудливая тень. Из воды выпрыгнула кефаль и шлепнулась обратно, забросав брызги.

Сова с шумом перелезла с ветки на ветку и притихла. Светлячки, мерцая, скрылись в темноте. Ветерок залег в траву.

Еще несколько мгновений и...

Замершие в ночной темноте воды бухты закипели, замутнились, и огромное, глазастое, железное чудовище вошло в бухту.

При виде катера Отар опомнился и поспешил домой.

— Где ты шатаешься целый день и ночью домой вовремя не приходишь? — раздался из темноты голос Тамаза, когда Отар открыл дверь комнаты.

Отар зажег свет в своей комнате и ответил, не входя в комнату Тамаза:

— Купался. Потом разговорился с рыбаками и задержался.

— К Медее почему перестал ходить? Обиделся на нее?

— Нет, я не обижался.

— Когда свадьба? Смотри, все ждут!

— Ни кола ни двора у меня, брат, а бездомному человеку семьей обзаводиться не положено, — ответил Отар, присев на кровать.

— Дом тебе выстроят этой осенью, я говорил по этому поводу с Андрю.

— Это хорошо!

— Но про дом это ты все сочиняешь, братец, при чем тут дом? Вы сегодня же можете расписаться, у Медее отлично можно жить, пока будет готов твой дом.

— Это правда, но...

— Какое тут еще «но»? Медее чудесная девушка, честная труженица, умница. Будет прекрасной женой и матерью, я в этом уверен.

— Я тоже так думаю.

— Жалко ее. Послушай, растаяла девушка за последнее время. Рассорились, должно быть, и ты скрываешь от меня.

— Да нет!.. Ничего подобного... Пристает, чтоб мы скорее расписались, вот по этому поводу произошла маленькая размолвка, — соврал Отар затаив дыхание.

— Время, время, брат! Нечего откладывать! Ведь любите друг друга? Зачем же дело стало?

— Ну, а ты? Ты-то чего ждешь? Если мне время, то и тебе время, мы же ровесники.

Отар потушил свет и улегся в постель.

— Факт! Тут ты прав, я тоже запоздал с женитьбой. Но вслед за твоей свадьбой последует моя, вот увидишь! Если хочешь, вы распишитесь теперь, а свадьбу зимой вместе сыграем? — смеясь ответил Тамаз.

— Так у тебя есть девушка на примете и ты ничего мне не сказал? — заметил обиженно Отар.

— У меня, брат, как и у тебя, не все еще в порядке, но девушку держу на примете! Если бы ты ее знал, я б ее назвал...

— Да?

— Сначала мне надо защитить диссертацию, а потом гайкую свадьбу сыграю, что чертям тошно станет! Не веришь?

Отар не ответил. Он только глубоко вздохнул и отвернулся к стене.

— Слушай, Отар, если ты проснешься раньше меня, разбуди. Завтра хочу пойти на голубей.

Прикинувшись спящим, Отар не отозвался.

Вскоре послышался ровный храп Тамаза.

Отар отдался мыслям. Наконец кое-как задремал, но ему померещилась ужасающая сцена: Мелитон своими волосатыми руками вцепился в кудри Тамаза и топит его; бездыханное тело Тамаза беспомощно качается на волнах; Мелитон хохочет.

— Тамаз, Тамаз! — вскрикнул он.

— Что с тобой, Отар, что случилось? — Тамаз стоял над ним. — Ты меня напугал, ты бредил...

— Какой там бредил, я чуть не задохнулся. — Отар встал.

— Да лежи ты, лежи, я тебе воды принесу, — засуетился Тамаз.

— Нет, не надо воды... Я должен идти...

— Куда? Ты ссображаешь что-нибудь? В полночь кому ты должен идти? К Медее?

— Должен идти... да, непременно... должен сказать... это должно кончиться... должно... — бормотал Отар, натягивая на себя одежду.

Тамаз лег в свою постель и с улыбкой заметил:

— Нашел время идти к ней и говорить! Завтра повидаетесь, завтра поговоришь!

— Нет, сейчас, именно сейчас надо пойти, сказать, именно сейчас. Ты ничего не знаешь...

Отар вышел из дому.

Отар долго стучал в дверь каюты, чуть не сорвал ее с петель, но ему никто не ответил. Он кое-как открыл ее сам. В каюте никого не оказалось.

Отар как безумный кинулся на берег. «Где мне искать теперь этого дьявола?» — думал он, когда бежал по улице. На главной улице, у здания почты его окликнул ночной сторож. Отар остановился. Сердце колотилось в груди, он еле пережил дыхание.

— Кто там? В чем дело? — услышал он оклик.

— Ничего... Мелитона не видел? Он не проходил здесь?

— Как мог Мелитон идти здесь? Что ему здесь нужно? Он, должно быть, на катере.

— Ах, да! На катере! Правильно! — растерянно ответил Отар, повернув обратно.

Он останавливался у каждого дома, озираясь в темноте, искал, но двери всех домов были закрыты, ставни закрыты. Деревня спала.

— Где же может быть этот окаянный? — проговорил Отар, дойдя до развалин, и, обессиленный, растянулся ничком на песке.

Такой опустошенности и одиночества он никогда еще не испытывал.

Тамаз?!.. Но нет, еще не время. Часы пробили одиннадцать раз, а Тамаз выйдет из дома в шесть.

Здесь, на этом песке, сохранившем немного тепла от солнца, он даст небольшую передышку и душе и телу, а потом, если Мелитон не появится, он задержит Тамаза, не пустит его на охоту, сам пойдет вместо него.

О чем ему, Отару, сокрушаться?! Неужели Мелитон способен был замутить ему рассудок? Голова у него устала от постоянных, напряженных дум! Теперь он будет думать о приятных вещах, будет думать о том, что успокоит душу, даст отдых мыслям. О свадьбе, например!

...Свадьба в разгаре. Его, Отара, и Тамаза свадьбы! Они справляют их вместе.

В освещенный факелами двор как птица влетает всадник в белой чохе¹. Вестнику передают подарок и подают кованный серебром рог, полный вина. Дружки поют свадебную песню. В воротах показались невесты.

Боже, какое множество факелов!

Как красива Медея в белом свадебном наряде. И жена Тамаза тоже очень хороша!

«Ты совсем поглупел, Отар! О какой свадьбе и о каком счастье может быть речь, когда через несколько часов в Наркни должно совершиться ужасающее событие, преступление,

¹ Ч о х а — национальная мужская одежда грузин.

которое повергнет всю деревню в отчаяние. Через несколько часов вопли и рыдания огласят воздух в Наркии, а ты...» Отару показалось, что эти слова кто-то прошептал ему на ухо и что кто-то трясет его за плечо.

— Отар, это ты? — донесся до его сознания мужской голос. Он поднял голову и узнал пожилого рыбака Дата, прекрасного моряка.

— Что с тобой случилось, заболел? — Дата зажег спичку и посмотрел Отару в лицо.

— Нет, Дата! Я прилег на свежем воздухе и незаметно уснул. — Отар посмотрел на берег. У берега стояла большая лодка, огромный рулон плетеной из соломы дорожки возвышался в лодке, как стог сена.

Отар знал, что кефаль ловят с помощью плетеной в виде широкой дорожки соломы, но сам никогда не охотился за этой вкусной рыбой.

Теперь же... Окутанное легкой дымкой море никогда не манило его так, как в эту минуту. Отар посмотрел на звездное небо, на растянувшийся по нему Млечный Путь и подумал: «Нет! Я не подлец! Я хочу и имею право быть Человеком! Кто посмеет убить Тамаза? Разве эта страна, этот народ предаст такого человека, как Тамаз? А я? Какое я имею право предать моего кровного, моего близкого — моего единственного брата?»

— Я иду с вами в море! — крикнул рыбакам Отар, побежав к лодке. — Хочу посмотреть, как ловят кефаль.

Выйдя из бухты, рыбаки повернули лодку влево и поплыли вдоль берега.

Отар стал нервничать. Он то и дело потирал лоб пальцами. Наконец он не выдержал, подошел к сидящему на носу лодки Дата и попросил посадить его на берег.

— Я еду в Батуми с Мелитоном. «Сокол» до рассвета снимется с якоря.

— До рассвета еще далеко. Мы только берег обшарим, — ответил шепотом Дата и указал Отару место рядом с собой. Отар подсел к Дата. Гребцы работали веслами с предельной осторожностью, никто не разговаривал, тишина стояла полная. Дата не спускал глаз с воды.

Отара угнетала эта тишина. Он задыхался.

— Когда же взойдет луна? — спросил он шепотом Дата. — Я могу опоздать! У меня очень важное дело.

— После восхода луны до рассвета остается еще два часа. Не волнуйся, мы вернемся вовремя.

Отар зажег спичку, но Дата поспешно потушил ее.

— Нельзя! — сказал он. — Рыбу напугаешь, разгонишь. Кефаль хорошо видит и лучше нас слышит.

Отар ничего не ответил. Он выбросил в воду незажженную папиросу.

— Смотри! — Дата вдруг указал рукой на воду и подал знак рыбакам грести к берегу.

Отар посмотрел на берег. Вся береговая полоса воды искрилась от множества светящихся брызг. Искры то зажигались, то тухли. Зрелище было волшебное, — казалось, что под водой пожар и от него на поверхность воды сыплются искры.

— Что это там зажигается и тухнет? — шепотом спросил Отар у Дата.

— Это косяк кефали приближается к нам. До восхода луны кефаль плывет вдоль самого берега. Красноватые искры — это брызги морской воды. Если всколыхнуть в темную, безлунную ночь морскую поверхность, бросить, например, камешек, то брызги наконец загораются, как искры огня. Рыбаки в таких случаях говорят: «море горит».

Лодка подошла к берегу. Один из рыбаков прыгнул в воду, захватив наружный конец соломенного рулона и крепко держа его обеими руками. После этого лодка вновь поплыла вдоль берега. Рыбаки на ходу разматывали рулон, расстилая его на поверхности моря. Края соломенной дорожки с обеих сторон были загнуты на ширину ладони. Как только солома намокла, загнутые края приподнялись, встали. Пройдя метров пятьдесят, лодка вновь остановилась у берега. В воду соскочил другой рыбак, держа в руках другой конец дорожки. Таким образом, косяк кефали, с трех сторон огороженный плетеной соломой, оказался прижатым к берегу.

Отар видел, как беспомощно барахталась перепуганная кефаль.

Затененная соломой водная глубь кажется кефали непреодолимой стеной, и она близко не подходит к ней. Отар не раз слышал от рыбаков об этом, но не верил, пока сам не увидел воочию.

Дата подал молча знак оставшимся в лодке двум рыбакам, и они, схватив высокие палки, тоже прыгнули в воду и стали бить палками по поверхности воды, сопровождая удары громкими криками.

Испуганная рыба бросилась было под тень соломенной дорожки, но, испугавшись непреодолимой стены, то есть глубины воды, прибегла к испытанному средству, — она захотела перепрыгнуть через стену, взвилась в воздух и упала на дорожку. На скользкой соломе рыба не могла опереться задом, и, чтоб вскочить еще раз, она соскользнула к приподнятому краю дорожки и застыла на месте.

Рыбаки неистово били палками по воде, сопровождая удары криками, и кефаль, как град, посыпалась на солому.

Вскоре дорожка до отказа оказалась забитой кефалью, и рыбаки втащили ее в лодку.

Отар сидел совершенно огорошенный. Он даже не попытался помочь рыбакам. Он думал о том, как глупо, как бесполезно вела себя кефаль! Другая рыба не то что тени, настоящей стены не испугается, вступит в борьбу, разобьется об нее, только бы уйти от опасности, от западни!

«О, как напоминает эта рыба жалкого, трусливого человека, который боится собственной тени! Да, да! Трусливый, малодушный человек тоже так глупо гибнет, как эта кефаль! А я? Разве я веду себя сейчас лучше, чем эта кефаль? Почему я ни с кем не поделюсь тем, что отравляет мне мозг и душу? Боюсь? Но кого? Коста? Мелитона? Они до сих пор казались мне той «непроходимой стеной», которую так избегает кефаль. Внимание, Отар! Подумай хорошенько! Может быть, Коста и Мелитон — это кажущаяся стена, даже не стена, а всего-навсего тень под соломенной дорожкой! Тень! Так чего же ты боишься? Зачем изводишь себя? Выходи и громко, во всеуслышание скажи, кто ты был и кем стал, скажи, зачем сюда приехал? Скажи, как прозрели твои глаза, как просветился разум, как ты увидел большую дорогу, ведущую людей к счастью. Скажи, что ты тоже хочешь идти этой дорогой вместе с Тамазом, вместе со всеми!»

Лодка продолжала плыть. Дата искал новый косяк кефали. Они все дальше отдалялись от берегов Наркии.

«Я тут на рыбалке прохлаждаюсь, а Тамаза там подстерегает смерть!» — вдруг мелькнуло у Отара, и сердце его забилось учащенно. Он взглянул на берег. Лодка была в трех километрах от деревни. Он повернулся к Дата и твердо сказал:

— Дата! Высади меня на берег.

— Чего торопишься? Сказал же я тебе, что вовремя доставлю.

— Нет! Я очень тороплюсь. Меня еще одно дело ждет. Сейчас некогда рассказывать, я опаздываю! — Категоричский тон Отара заставил Дата призадуматься.

— Воля твоя. Вернемся обратно...

— Нет! Это займет много времени. Ты меня подвези к берегу.

— Изволь, но только боюсь, что к берегу мы тут не пойдем. Сядем на мель...

— Ты вези, пока пройдет, а дальше я сам дойду!

Дата повернул лодку к берегу, гребцы энергично налегли на весла.

Шагах в двадцати от берега лодка уткнулась носом в землю. Отар молча прыгнул в воду.

— Отар! Осторожнее! За мелью может быть яма! — крикнул ему вслед Дата, но было уже поздно — Отар провалился в яму.

Рыбаки кинулись было ему на помощь, но Отар вынырнул и вплавь пустился к берегу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Отар бегом бросился в деревню. Миновав площадь, он попал на набережную. Несмотря на то, что он весь промок, пот градом лил с него. Под платанами он перевел дыхание, вытер пот с лица, направился к «Соколу» и влез на палубу.

Дверь каюты была открыта. В каюте никого не было, тахта была пуста.

— Неужели он в самом деле хочет убить Тамаза и ждет его за деревней? — громко произнес Отар и прыгнул на берег. На башне радиоузла часы пробили три раза. «Времени еще много», — подумал Отар и пошел к дому.

Не может он больше страдать! Он пойдет сейчас к Тамазу и все ему расскажет. Только бы на несколько минут обрести душевный покой, а потом будь что будет! Хоть виселица! Он не дрогнет.

Отар вошел во двор, взялся за ручку двери и остановился. У него не было сил нажать на ручку. Рука повисла как плеть. «Не могу! Не могу я ему сказать правду и смотреть в глаза! Как ему рассказать о своей подлости и низости? Лучше все-таки найти Мелитона!..» — подумал Отар и вышел со двора.

Легкий ветерок доносил с моря прохладу. Ветви кленов и платанов, качаясь от ветерка, рисовали на выбеленных стенах домов причудливые узоры.

Отар хотел пройти через деревню и выйти на окраину, чтобы там встретиться с Мелитоном, но было еще рано, и он свернул на площадь.

Отар совершенно уже не чувствовал усталости. Сердце его билось взволнованно, точно в ожидании какого-то радостного события. Он был доволен своим решением — поговорить с Мелитоном твердо, проявить свою волю, мужество и раз и навсегда выбить из его головы мысль об убийстве.

Потом уже Отар во всем признается, все расскажет, очистится от скверны.

Теперь ничто уже не в силах изменить его решение! Он победил малодушие навсегда и стал человеком, настоящим мужчиной. Сегодня восход солнца он встретит с очищенной душой. Начнется новый день, и вместе с ним начнется новая жизнь для него. Мелитона он приберет к рукам. Пойдет к Мелитоне с повинной головой! Но почему не пойти к ней сейчас, за-

чем откладывать? Времени достаточно, Тамаз еще спит, и Медитона, должно быть, нет еще на месте.

Отар вошел во двор аптеки, поднялся по лестнице и тихо постучал.

— Кто там? — послышался из комнаты знакомый голос.

— Это я, Отар! — был робкий ответ.

— Отар?

В просвете ставни блеснул свет. Дверь открылась. Медея была очень хороша в голубой косынке и в домашнем вышитом халате.

Отар стоял у порога, не смея поднять глаза на девушку.

Медея заботливо спросила:

— Зачем ты пришел в такое время? Тебе нужно что-нибудь?

— Нет. Пришел сказать тебе... что все, что произошло между нами... это не по моей вине... я не виноват в том, что случилось...

— А что случилось? Я ничего не понимаю! — ответила растерявшемуся Отару Медея.

— То, что я сбежал... что... — Отар не двигался с места, будто не заметил, что девушка посторонилась, чтобы пропустить его в комнату. — Все произошло потому...

— Войди в комнату. Неловко, если кто увидит нас тут в такой неурочный час.

Отар оглянулся по сторонам, потом быстро вошел в комнату.

— Сбежал! — сказала Медея, садясь на кровать. — Это ничего! Даже лучше, что ты вовремя показал свое непостоянство. Я уже примирилась с этим.

— Медея! Поверь мне, что все это я сделал только из любви к тебе.

Девушка изумленно посмотрела на Отара.

— Из любви ко мне? — Медея встала, подошла к Отару. — Зачем тебе хочется вновь меня тревожить? Что было — было! Оставь меня в покое, хотя бы во имя твоей прошлой любви ко мне, если ты вообще когда-нибудь любил меня, как ты говоришь.

Отар тоже встал и смело посмотрел ей в глаза.

— Медея! Я не могу без тебя жить! Но сегодня я уже не тот Отар, кем был. Если бы ты знала все, то пожалела бы меня!.. Но...

Медея только теперь заметила, что на нем мокрая одежда. Она оглядела его с головы до ног.

— Медея! — продолжал Отар. — Я должен был бежать отсюда, должен был оставить Наркию, эту страну, тебя, словом, все, что стало так дорого моему сердцу! Должен был бежать тайком, воровски! Вот почему я отвернулся от тебя!..

Как громом пораженная стояла Медея, вопросительно глядя на Отара. Отар опустил голову.

— Я хотел, чтобы ты меня разлюбила, чтобы забыла, чтоб не страдала...

— Но почему? Почему?

— Была тому причина. Но отныне с тобой и с этой страной меня никто не сможет разлучить.

Медею даже в жар бросило. Она сняла косынку, вытерла лоб и медленно опустилась на стул.

— Была причина? — переспросила она. — Но почему же ты молчал? Если мне не мог сказать, то сказал бы Тамазу! Что ты скрывал от него?

Отар вздрогнул, услышав имя Тамаза. Он вдруг вспомнил Мелитона, засевшего на окраине деревни, и украдкой посмотрел на дверь.

— Тамазу? Тамаз знает, Тамаз все знает. Когда рассветет, я с Тамазом придем к тебе, и он тебе все расскажет. А теперь я должен идти. Тамаз ждет! Я опаздываю...

И Отар так быстро вышел из комнаты, что девушка не успела встать со стула.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тамаз проснулся с петухами. Быстро одевшись, он вышел на кухню. Там на шесте сидели голуби. Он погладил их, перевесил охотничью сумку через плечо, взял два высоких шеста с тонкими щитками на концах, усадил на них голубей, закинул на плечо и отправился в путь.

Тамаз удалился от деревни на расстояние трех километров. Выйдя на опушку леса, он высмотрел ровное, гладкое местечко, положил на землю шесты, снял с плеча сумку, принес в кувшине воду и полил обильно землю. Затем достал из сумки сети и так искусно обложил политое место, что даже опытному глазу трудно было бы различить западню. Концы веревки, продетой в верхнем краю сети, он протянул к замаскированному шалашику. Посередине кружочка он положил два дровца, уложил на них щитки, концы шестов запрятал в шалаш и сам спрятался в нем. Тамаз прилег на землю и спокойно смотрел в небо и на двух голубей, неподвижно сидевших на щитках. Когда на востоке край неба посветлел и запылала линия горизонта, Тамаз привстал и начал глядеть на север. Долго ждать ему не пришлось. На небе показалась стая голубей. Впереди летел «вожак».

Тамаз затаил дыхание и, когда стая поравнялась с засадой, он потянул концы шестов. Привязанные к щиткам голуби вспорхнули на такую высоту, на какую позволяла веревочка,

привязанная к их лапкам, беспомощно забила крыльями в воздухе и вновь опустилась на щитки.

Эта игра продолжалась до тех пор, пока стая не заметила трепыхавшихся голубей. Увидев своих «сородичей» в беде, стая очертила круг в воздухе и спустилась на землю. Опустившись вниз, голуби с жадностью набросились на политую водой траву и землю, Тамаз потянул концы веревки и так стремительно и ловко накрыл сетью круг, что ни один голубь не успел взлететь.

— Вот это здорово! — воскликнул кто-то за его спиной.

Тамаз оглянулся. За шалашиком стоял рослый, смуглый парень в белой рубашке, в черных рабочих сапогах, в сванской шапке на голове. Тамаз посмотрел на парня и спросил:

— Ты кто?

— Пастух мухурского колхоза, — широко улыбнувшись, ответил парень. — Колхозных буйволов пригнали к морю, уже с неделю мы здесь. Немного ожила скотина, дух перевела. Сегодня уходим обратно. — Парень не спускал глаз с голубей. — Одним взмахом сети столько голубей поймал! Здорово! Я слышал про сети, но до сегодняшнего дня не верил, что голубей можно заманить в сети.

Голуби уже не трепыхались. Они только высунули головки через ячейки сети и так жалобно глядели, точно чувствовали приближение смерти.

— Сколько голубей будет тут? — спросил парень.

— Будет около пятидесяти, — ответил Тамаз.

— Как ты их возьмешь домой?

— Живыми же не возьму! Заколю и — в сумку. Но я не кончил еще охоту. — Тамаз взглянул на небо, высматривая следующую стаю. Потом нагнулся и достал нож из-за голенища сапога.

— Заколешь? Ты отрежешь им головы? — с ужасом спросил парень и так выразительно взглянул на Тамаза, точно спрашивал: «Человек ты или зверь? Тебе их не жалко?»

Тамаз подошел к сети. Голуби сперва в отчаянии забила крыльями, но потом распластались по земле и горестно заворковали. И Тамаз увидел на их глазах слезы! Настоящие слезы! Слезы величиной с росинку. Тамаз повернулся к парню:

— Замечаешь?

— Как не заметить! Плачут! — ответил парень взволнованно

— Да, плачут! — Тамаз кинулся подбирать сеть. Стая голубей взвилась в воздух.

Тамаз поглядел на небо и сказал:

— Видишь, еще летит большая стая.

— Вижу.

— Начиная с середины августа, — продолжал Тамаз, — дикие голуби стаями улетают на юг. Они летят по побережью. Вылетают с рассветом и летят, пока солнце не прижарит. Разгоряченных голубей начинает мучить жажда, но соленую морскую воду они не пьют. Избегают и речную. Ищут лужи и политую землю. А такое редко встретишь на берегу моря. Охотник пользуется этим обстоятельством и, выбрав чистое местечко на берегу, поливает его водой, раскладывает сеть, сам прячется и, заметив в небе летящую стаю, приводит в действие «заманителей». Как только стая заметит сверху трепыхающихся голубей, она опускается на землю. А все, что потом происходит, ты видел сам.

Тамаз уложил сеть в сумку, закрыл ее. Пастух поблагодарил Тамаза и попрощался.

Солнце стало заметно припекать. Политый водой песок высыхал. Отягченная росой трава отряхала тяжелые капли с листочков. Чайки носились над морем.

Тамаз взвалил сумку на плечо и пошел вдоль берега. На его часах было без пяти минут одиннадцать. Он прибавил шаг.

Тамаз хотел выкупаться в море, но было уже поздно, надо было торопиться домой. На ипподроме скачки, должно быть, уже в разгаре!

Он приближался к деревне. Вот уже виден ипподром. Всадники прохаживают лошадей. На ветру колышутся сигнальные флажки. Тамаз был одет не по-праздничному — на спине сумка, на ногах охотничьи сапоги. Он не хотел показываться в таком виде на людях и потому решил пробраться в деревню окольным путем, по тропинке. Миновав холмик, он подошел к бамбуковой плантации и вдруг услышал протяжный стон. Тамаз остановился, прислушался. Стон повторился. Тамаз сорвался с места и кинулся в кусты.

Около большого куста ежевики он заметил брошенную куртку. Обойдя куст, Тамаз замер на месте. Его глазам представилось ужасающее зрелище — громадная лужа крови и Мелитон Дараселия, ничком распластанный на земле...

Тамаз бросился на помощь умирающему, перевернул его на спину. Рукоятка ножа торчала в зияющей под левым соском глубокой ране.

Тамаз невольно отвел взгляд от раны. Он достал флягу и смочил водой лицо Мелитона.

Умирающий открыл глаза. Тамаз хотел взять его на руки, но Мелитон собрал последние силы и с трудом прохрипел:

— Убери руки... Не трогай... умираю...

— Кто тебя ранил, Мелитон? — спросил Тамаз, смочив ему водой засохшие губы.

— Отар... твой двоюродный брат... Если я не умру, то...

— Отар? — переспросил огорошенный Тамаз. — Отар ранил?

Мелитон не мог говорить, только кивнул головой, потом чуть приподнялся, грохнулся на землю и замер.

Тамаз поднял его на руки и понёс, но не успел он сделать и двух шагов, как руки и ноги Мелитона повисли, как плети, и глаза потухли. Тамаз опустил труп на землю и побежал со всех ног к ипподрому.

На дорожку выехала молодая наездница на золотистом коне. Распущенные волосы, голубой наряд с красным бархатным кушаком, концы которого спускались до колен, привлекали общее внимание.

Убор коня ослепительно блестел на солнце. Женщина держала в руках красный шелковый платок, на котором была вышита золотая звезда.

На середине дорожки женщина остановила коня. Конь взвился на дыбы и громким ржаньем огласил воздух.

Женщина, подняв высоко алый шелковый платок с вышитой на нем золотой звездой, проскакала мимо выстроившихся в ряд всадников, остановилась перед одним из них, достала из-за пояса красный цветок, бросила его молодому всаднику, повернула коня и выехала опять на середину дорожки.

Всадник, которому достался цветок, поскакал догонять наездницу. Она встретила его, отдала алый шелк со звездой и смешалась с всадниками.

Молодой всадник спрятал на груди красный цветок, поднял высоко алый шелковый платок, помахал им в воздухе и поднял коня на дыбы. Вся группа всадников поскакала к нему.

Долго носился всадник по ипподрому, держа алый шелк в зубах. За ним гнались остальные, стараясь отнять у него «золотую звезду», но всадник ловко увертывался, — он то свисал с седла, то прятался под брюхом коня, соскакивал с него и с быстротой молнии вновь вскакивал в седло.

В один из таких моментов он оказался окруженным со всех сторон; бросив коня в гущу, он прорвался напрямик, разорвал цепь, но именно в эту минуту к нему неожиданно подлетел всадник на белом коне и выхватил у него алый шелк.

Наездники повернули коней и поскакали теперь за новым обладателем алого стяга.

В это время в конце ипподрома показался Тамаз. Он стоял на бугорке и усиленно махал шапкой.

Евгений тотчас же повернул коня к бугорку. За ним поскакали Андро и другие всадники.

— Что случилось? — спросил издали Андро.

— У бамбуковой плантации лежит убитый ножом в грудь Мелитон Дараселия! — ответил Тамаз.

— Мелитон?

— Убит?!

— Кто?!..

— Зачем? Почему?..

— Не знаю, почему...

— Кто его убил?..

— Кто взял грех на душу?

— Он еле прохрипел перед смертью, что убил его Отар Девидзе...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В купе мягкого вагона батумского поезда вместе с Отаром вошли два пассажира: один был старик в серой хохле, другой молодой. Они заняли нижние места. Отар даже не взглянул на них. Войдя в купе, он тотчас же полез на верхнюю койку, повесил пиджак на крючок, сунул помятый галстук в карман пиджака, отстегнул воротник сорочки и растянулся на койке, отвернувшись к стенке.

Поезд тронулся. Старик заснул. Отар беспокойно ворочался из стороны в сторону, поминутно дымя папирсой.

Молодой пассажир, лежа на койке, просматривал журнал.

Долго спал старик. Долго лежал Отар. Третий пассажир тоже не выходил из купе.

Солнце зашло. Поезд остановился на очередной станции. Старик проснулся.

Отар встал, вышел из купе и остановился у открытого окна. Молодой пассажир стал рядом с ним.

На берегу моря раскинулся пионерский лагерь. Дети шумно бегали вокруг костра. Мальчик лет восьми отбежал от группы детей и подошел к поезду. Рядом бежала серенькая собачка. Мальчик с любопытством разглядывал открытые окна вагонов.

— Какая это станция, мальчик? — спросил Отар. Мальчик поднял голову.

— Махинджаури! — Мальчик почему-то рассмеялся.

— Махинджаури! — повторил молодой человек, стоявший рядом с Отаром.

— Какие только названия не встретишь в Грузии! Интересно, что означает слово «Махинджаури»?

Отар вошел в купе, чтобы достать носовой платок из кармана пиджака.

— Махинджаури! — проговорил старик пассажир, подойдя к молодому человеку. — Это название имеет свою историю,

молодой человек! Вот выпью холодной воды и расскажу вам эту историю.

Поезд тронулся. Отар вышел из купе и присоединился к молодому человеку и старику.

— Подъезжаем к Батуми, — проговорил Отар.

— Да, скоро прибудем, — отозвался молодой человек, — говорят, Батуми очень живописный город.

— Вы в первый раз в этих краях?

— В первый. Никого здесь не знаю.

— Понимаю... Никого не знаете... — ответил Отар, нерв-но откидывая пряди со лба. В этот момент из соседнего купе вышел молодой мужчина в форменной одежде, с погонами на плечах. Он подошел к окну и закурил.

Отару явно не понравилось его появление. Он даже отвернулся и поспешно вошел в купе. Старик тоже вошел за ним и уселся на своей койке. Вошел и третий пассажир.

— Вы собирались рассказать нам историю Махинджаури, — напомнил старику молодой человек.

— Да, это в самом деле интересная история, старинное предание, я расскажу; но мы целый день едем вместе и до сих пор не познакомились друг с другом, — ответил старик, с улыбкой посмотрев на обоих молодых людей. Отар подал руку, пробормотав еле слышно:

— Отар Девидзе.

— Гиви Хобуа, — представился другой пассажир.

— Вы из каких краев, дети мои? Может быть, кто-нибудь из вас едет в мою деревню дальше Батуми? — спросил старик, остановив свой взор на Гиви.

— Нет, почтенный! Я должен был сойти в Цихисдзирн, но решил проехать в Батуми, осмотреть город завтра утром и уж потом явиться по месту назначения, — ответил молодой человек и продолжал: — Я из горной Мингрелни, из селения Джвари. Работаю в колхозе бригадиром. В прошлом году я перенес очень тяжелую болезнь, и теперь правление колхоза предоставило мне путевку в Цихисдзирский санаторий.

— Хорошо! Счастливая молодость у вас, ребята, счастливая! А дальше будет еще лучше! — Старик перевел взгляд на Отара, но тот смотрел в окно, будто не видя и не слыша ничего.

— А я, дорогие, Сулаберидзе из Кедского района, бывший преподаватель, а нынче пенсионер. Теперь странствую по местам жительства своих детей. От одного сына, из Сухуми, еду в Кутанси, к другому, а от него к замужним дочерям. Меньше всего бываю в собственном старом доме, где моя старуха каждый раз дожидается меня с замираньем сердца. Старик перечислил всех своих внуков и внучек и наконец вернулся к махинджаурской истории.

Отар закурил и подсел к старику.

— Как вам известно, — начал старик, — грузинскому народу с незапамятных времен не давали покоя всякие ханы, шахи, паши да султаны. Все с вожделением смотрели на эту маленькую прекрасную страну. Во время нашествия врага весь народ в Грузии ополчался, все несли одинаковую ответственность. Отрядами командовали не только дворяне, но и крестьяне и даже женщины. С именем одного из таких народных героев связано наименование местности Махинджаури. Во время одного из бесконечных нашествий турки взяли в плен маленького пастушка, некоего Картана Беридзе. Мальчику было двенадцать лет, он был красивый, живой, умный. Маленького аджарца продали эрзерумскому паше. Восемь лет Картан провел в плену. Однажды, проходя мимо ограды гарема, он услышал песню. Женщина пела печальную грузинскую песню. Привлеченный песней, он перепрыгнул через ограду и подбежал к окну. Долго слушал юноша, глотая слезы. Не выдержав испытания, он залез на дерево, чтобы заглянуть в окно, но тут его заметили и поймали. По приказанию паши ему отрубили левую руку и выкололи левый глаз. После этого три года томился Картан в конюшнях паши, отгоняя мух от его вороных своей одной рукой, сжигаемый жаждой мести. Я сам был в Эрзеруме, видел собственными глазами конюшни паши и все те места, где томился Картан. Однажды ночью Картан, вскочив на лучшего коня в конюшне, сбежал. Целую ночь и целый день ехал он по нехоженным местам, пока не достиг грузинской границы. Поцеловав родную землю, он вздохнул свободно. В своей родной деревне он камня на камне не застал. Приютился из милости у кого-то в деревушке недалеко от пынешних Махинджаур и начал охотиться на бандитов, угнетающих и грабящих местных жителей. Вскоре вокруг него собрались люди, образовался отряд, который не раз отличался в схватках с врагом.

...Поезд остановился на Батумском вокзале. Отар слушал старика с увлечением и в то же время следил за перроном — ждал, чтобы толпа пассажиров поредела. Гиви сидел в углу, весь превратившись в слух.

— Напуганные многочисленным отрядом Картана мародеры и грабители уже не смели так нагло перебегать через границу и нападать на грузинские деревни. Однорукому и одноглазому Картану, оказывается, турки дали прозвище «махиндж»¹.

Однажды большой отряд турок напал на нашу границу, ворвался в Аджарию и расположился в том месте, где находится сейчас Махинджаури. Картан среди ночи с отрядом ча-

¹ Ма х и н д ж и — урод.

летел на насильников. От неожиданности турки растерялись, началась паника, и они, не разбирая в темноте своего и чужого, начали резать своих же. На рассвете, заметив Картана верхом на коне, они вместо того, чтоб собрать свой отряд и начать бой, стали кричать: «Махиндж гяур!» — и подались в горы. Грузины уничтожили весь отряд до последнего человека. После на том месте, где Картан уничтожил многочисленный отряд врага, основалась деревня, которой народ дал название Махинджгяур.

Старик хотел досказать еще что-то, но Отар, посмотрев в окно, воскликнул:

— Мы уже прибыли!

Он попрощался со спутниками и вышел из купе.

— Вам куда? — спросил Отар у Гиви, увидев, что тот подошел к той же машине, в которую садился Отар.

— Я же вам сказал, что у меня тут нет знакомых. Довезу вас и потом на этой же машине поеду в гостиницу.

— Ладно, — ответил Отар и повернулся к шоферу, — везите сначала в гостиницу.

На чистом небе горели звезды. На аккуратных, покрытых асфальтом улицах машина катилась бесшумно. Приглушенное гудение мотора утонуло в шуме веселой толпы, высыпающей на улицы насладиться ночной прохладой. Отар сидел молча.

Морской ветерок доносил в город какой-то особенный аромат. Звезды приветливо мерцали над изящным городом, точно готовые слететь к нему в гости. Машина завернула на набережную и остановилась у гостиницы «Интурист».

— Приехали? — спросил Гиви, вставая.

— Приехали, — ответил Отар, не двигаясь с места, — это гостиница. Я тоже должен остановиться в гостинице.

Гиви вылез из машины. Отар, расплатившись с шофером, последовал за ним.

— А вы сказали, что остановитесь у знакомых? — сказал Гиви.

— Да, но знаете, в чем дело? — Отар замялся и нетвердым голосом продолжил: — Сегодня ночью, может быть, вы нужны будете мне... Я хотя сказал, что должен ночевать у знакомых, но у меня в Батуми нет ни знакомых, ни друзей... И не только в Батуми... Нигде... нигде...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Гиви и Отар устроились на третьем этаже. Отар снял пиджак и осмотрел комнату.

Гиви снял сорочку, открыл окно, которое выходило на набережную, и уселся перед окном в кресле.

Отар достал папиросу. Гиви зажег спичку, но Отар не заметил этого, он, не видя Гиви, подошел к окну, сел на подоконник и стал нервно жевать мундштук папиросы.

За густой аллеей парка лежала необозримая гладь моря. Поверхность воды еле заметно колыхалась от зыбкого ветерка. На кристально чистом небе новый месяц висел как серьга.

Где только не пришлось побывать Отару, но такого неба, такого моря он никогда нигде не видел. Так близко нависли звезды, точно до них можно было дотянуться рукой. Огромное чудовище-море проснулось, разметало гриву, готовясь к нападению, как дикий зверь. Отар поспешно отвел глаза от моря и устремил их опять к небу. Но на том месте, где мгновение тому назад так приветливо горела яркая звезда, Отар увидел огромное кровавое пятно.

Вышедший в открытое море огромный теплоход плавно рассекал волны.

Отар обратился к Гиви с вопросом:

— Интересно знать, чей этот громадный корабль?

— Что за вопрос?! Конечно наш!

— Наш?! Знаю, и этот корабль наш, и это море наше. И небо, деревни, города — все наше! А чье же еще?! Конечно наше! — вырвалось у Отара.

Гиви медленно встал и спокойно спросил:

— Вы говорите так, точно только что открыли эту истину.

Разве это ново?

— Для меня это ново, понимаете? Для меня все ново, все! Все отвернулись от меня, а мне нужна помощь. Помочь мне надо! Понимаете вы?! Да разве я чужой?! Разве у меня нет сердца, нет разума, чтоб разобраться в добре и зле? Отличить черное от белого? Нет! Я, Отар Девидзе, ничего не совершил, я ни в чем не виновен! Ни в чем! Теперь я понимаю, что не хотел я... не хотел... Понимаете?

— Ничего не понимаю...

— Не понимаете? Вот в том-то и дело, что не понимаете меня и никогда не поймете. — Отар, шатаясь, подошел к кровати и повалился на нее, уткнувшись лицом в подушку.

Гиви долго стоял неподвижно, потом сел в кресло, взглянул на лежащего Отара и задумался.

...А Отар за это время перешагнул границу, оставил позади советскую землю и, не переводя духа, шагал уже по знакомым местам и тропинкам.

Да, здесь, в горах, в этих местах он и Коста бывали часто. Но теперь Отар ищет нехоженые места, нехоженые пути, как Картан Беридзе.

Картан должен был бежать из неволи, стремился с чужбины на родину, а Отар почему должен бежать с родины на

чужбину? Он боится своих соплеменников? Бежит из своей страны, от своей земли?

Отара как будто по пятам преследовал старик Сулаберидзе. Каждое его слово засело в памяти и сверлило мозг.

...Внизу раскинулась большая деревня, но в ней не видал ни одной живой души. Она как вымершая. И собачьего лая не слышно, и дымок из трубы не вьется. Коста и Отар тогда точно так же с вершины смотрели на замершую деревню. Только пастухи пасли овец на склонах горы. Помнит Отар, как один юный пастушок с ввалившимися щеками, худой, как жердь, прибежал к ним наверх и попросил у Коста хлеб. «Так скоро кончили вы свой дневной запас?» — спросил его Коста. «Запас? — рассмеялся пастух. — Какой дневной запас? Хозяин не даст ни краюхи, пока вечером не пригоним овец».

Теперь он стоит тут же, этот пастух. Щеки ввалились, в глазах слезы.

«Помнишь, ты говорил тогда, что хозяин вас не кормит? А теперь кто над тобой хозяин? Теперь же все добро принадлежит вам? Эти стада овец, эти поля, эти луга?» — спрашивает Отар.

Худой, как жердь, юноша изумленно смотрит на Отара, потом изумление сменяется сожалением, и он с глубоким сочувствием спрашивает:

«Когда тебя выпустили из больницы для умалишенных, несчастный?»

Отар понял вдруг свою ошибку, понял, и его бросило в жар.

«Почему никого не видно в деревне?»

«Я же прошлый раз вам объяснил, — удивился пастух, — деревню выселили! Здесь расположились иностранные военные части. Строят аэродром».

«А вот и Стамбул. Идет дождь. По улицам шлепают нищие».

Отар в Перах. Вот торговый дом его дяди.

«Неужели сбылось то, что он предполагал? Почему на вывеске значится только фамилия Туманянца?» «Девидзе обанкротился, теперь дом принадлежит только Туманянцу», — объясняет ему слуга. Отар пошел к Туманянцу. Тот обдавал Отара ледяным взглядом и закрыл перед его носом дверь.

Отар пошел к Босфору. Подошел к дому, в котором жил. Сторож, открыв глазок в воротах, крикнул ему: «Уже давно Девидзе здесь не живет».

Отар пришел в отчаяние. Куда идти? У кого искать приют?

Целый день околачивался на улице. Выбился из сил.

Вот он! Стоит у кафетерия старик с протянутой рукой. Рядом с ним кудрявый мальчик. Как похож этот старик на Коста!

Отар подошел. Узнал отца.

И старик и мальчик одеты в лохмотья.

«Отец, что случилось? Что над вами стряслось?»

«Гурджистан» попал в шторм и погиб. Торговый дом прогорел. Наш дом продали с торгов. Меня и дядю твоего не пощадили, выгнали голыми на улицу».

Отар вспомнил Антимоза, у которого сгорел дом. Вспомнил, как вся деревня пришла ему на помощь, построила новый дом, обеспечила его и его семью всем необходимым. И Отар спрашивает отца: «А люди? Друзья? Соседи? Знакомые? Не пришли на помощь? Не приютили? Не позаботились?»

На изможденном лице Коста проползла саркастическая улыбка. Он замахнулся на сына, но Отар отскочил от него.

В комнате тускло горел ночник. Часы пробили пять раз, когда Отар вскочил как ужаленный и закричал: «Ты из меня всю душу вытянул, ты кровь мою выпил, в труп превратил. Почему только ты меня вовремя не схоронил, грешник ты окаянный! Оставь меня... Не трогай!»

Отар вдруг увидел Гиви, на его крик тоже вскочившего с кресла, и остолбенел.

Всю ночь он пролежал не раздеваясь. Всю ночь он метался и не мог уснуть. Его мучили кошмары. То казалось ему, что он бежит по объятую пламенем дому Антимоза, то бездыханное тело Мелитона наваливалось всей тяжестью на него, то бежал он за Медеей со слезами на глазах. Андро смотрел на него своими умными глазами и с укором в голосе говорил: «Куда ты убегаешь, Отар? Почему ты нас опозорил? Почему предал родную страну? Чего ты еще хотел? Чего тебе тут не хватало? Неужели ты совсем ослеп?»

— Что с вами происходит? Вы больны? — спросил Гиви.

— Нет! Я не болен!.. Какую ужасную ночь провел я, приятель! Хотел я уснуть... да нет, не уснуть... хотел так уснуть, чтоб не проснуться.

— Не понимаю! Погоди! — Гиви взял его за плечо. — Садись и расскажи толком, в чем дело? Что тебя мучает? Скажи: может быть, я смогу тебе помочь.

Отар усмехнулся, высвободил свое плечо.

— Чем ты сможешь помочь, добрый человек? Мне никто, никто не может помочь!

Гиви сел на кровать. Отар подошел к нему и тоном, не допускающим возражения, сказал:

— Встань! Ты пойдешь со мной! Проводишь! — Гиви встал, взял сорочку и вопросительно посмотрел на Отара.

— Куда? Зачем?

— В том-то все и дело, «куда и зачем», — ответил Отар,

опустив голову и задумавшись. Потом сказал: — Я расскажу тебе одну историю, и ты должен мне поверить.

— Какую историю?—переспросил Гиви, спокойно надевая сорочку.

— Невероятную, но подлинную. — Отар затрясся всем телом. — Слушай. Я с детства жил на чужбине — в Европе, в Америке, в Турции. Я не знал, что есть на свете такая страна, где страх за существование, за завтрашний день, страх перед превратностями судьбы не гложет человека. Я не знал, что есть на свете страна, где хозяином своей судьбы является народ. Все это я увидел здесь, у себя на родине. И вместо того, чтоб вместе с собратьями наслаждаться всеми благами жизни, вместо того, чтоб уцепиться обеими руками за найденное здесь счастье, я думал об убийстве брата своего и друга с таким намерением, чтобы самому сделаться наследником его огромного богатства там, за границей. Впоследствии я отказался от этой мысли, отверг злой умысел, но по стечению обстоятельств попал все же в положение убийцы и теперь тайком, как вор, удираю из моей страны.. Понятно? Удираю!

Гиви обнял за плечи дрожащего как осиновый лист Отара.

— Сделай доброе дело, проводи меня! — сказал Отар.

— Куда?

— В органы безопасности.

— Проводить?

— Да, не поленись, проводи! Мне страшно одному. Отчаяние мутит мне рассудок. Колени дрожат. Боюсь идти один. Пойдем со мной, приятель!

Ветер вспенил гриву морской волны. По безлунному небу ключьями расползлись темные тучи. Тайно и шептались листья кленов и магнолий. Восток приподнимал заспанные веки. Земля просыпалась.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Было около шести часов вечера, когда в здание районного комитета партии поспешным шагом вошли прокурор и следователь. В коридоре и приемной комнате никого не было, но дверь кабинета секретаря райкома открылась, и навстречу к ним вышел Георгий.

— Пожалуйста, товарищи, пройдите в кабинет, — пригласил он пришедших, — присядьте, прошу! — Они втроем уселись вокруг круглого стола.

— Я вас беспокоил по делу Девидзе. Не верится почему-то, что мы в нем так ошиблись. Может быть, наркийские то-

варищи не уделили ему достаточного внимания? Вы допросили его?

— Ночью, как только привели, я лично допросил его, — ответил прокурор, — но...

— Ну? Он отпирается?

— Наоборот, говорит, что убил Дараселия.

— Тот факт, что он убил Дараселия, не нуждается в его подтверждении; меня главным образом интересует причина. Почему убил? Он как объясняет? В чем провинился Дараселия?

— Он говорит, что Дараселия должен был ему деньги и отказался заплатить долг.

— Ну?

— Ну, заманил, говорит, его на окраину деревни и убил. Но это ерунда, конечно! Выдуманно все! — Прокурор посмотрел в потолок и зажмурился, будто вспоминая или соображая что-то, и затем обратился к Георгию: — Дело это гораздо серьезнее и глубже, чем простое убийство, но Девидзе, видимо, трудно сознаться. Я думаю, что мы имеем дело с преступлением совсем иного порядка. Наш следователь, товарищ Сандро, очень ясно сформулировал свои предположения по этому делу. Я с ним во всем согласен. Но если Девидзе заупрямится, очень трудно будет выяснить истину.

— Каково ваше мнение, товарищ Сандро? — обратился к следователю секретарь райкома. — Мне тоже хотелось бы быть в курсе дела, если это возможно, конечно.

— Нет. что вы? С удовольствием поделюсь с вами своими соображениями, — ответил Сандро.

— Согласно показанию агронома Девидзе, Дараселия успел перед смертью сказать, что его ранил смертельно Отар Девидзе. Обвиняемый, как вам уже известно, тоже не отрицает свою виновность. Наоборот, он в своем показании подтверждает слова Дараселия. Таким образом, можно думать, что убийца — Отар Девидзе.

— Можно думать?! — удивленно воскликнул Георгий, посмотрев на прокурора. — Что тут думать? Кто же другой может быть убийцей?

— Позвольте высказаться...

— Продолжайте, продолжайте!

— Да, причина убийства невыяснена, а убийца как будто бы найден! Но я другого мнения на этот счет, и вот почему: то, что Дараселия взял взаймы деньги у Девидзе, не вяжется с истинным положением вещей. Это явная выдумка! Дараселия прекрасно зарабатывал в колхозе, на себя он тратил самую малость, и нужды в деньгах у него не было. При обыске его жилой каюты в тахте была обнаружена сумма в сто два-

дцать тысяч рублей. Затем: хотя Девидзе говорит, что заманил Дараселия за черту деревни, следствием установлено, что Дараселия ушел из деревни один. Для меня совершенно очевидно, что у Мелитона Дараселия на уме был не известный нам, но безусловно преступный замысел, и об этом Отар Девидзе был хорошо осведомлен. Следствием установлен и тот факт, что в ту ночь Отар, очень взволнованный, искал по всей деревне Мелитона, но не нашел. Потом он ушел в море с рыбаками на кефаль и должен был вернуться с ними, но их возвращения он не дождался и прыгнул с лодки в море недалеко от того места, где нашли умирающего Мелитона. Для меня не подлежит сомнению, что Мелитоном Дараселия было задумано тяжкое преступление и Отар Девидзе метался всю ночь в поисках Дараселия, чтоб помешать ему, возможно, даже свою собственную жизнь.

Бегство Отара Девидзе из Наркии в день убийства Дараселия, показания умирающего Мелитона и самого обвиняемого о том, что убийцей является Отар, свидетельствуют, что эти два человека были связаны между собой какой-то тайной. И эта тайна, конечно, более значительна, чем может показаться на первый взгляд. Одним словом, бесспорно то обстоятельство, что Отар или должен был содействовать Мелитону в исполнении его замысла, или же должен был противодействовать. Возникает вопрос: если бы Отар посодействовал Мелитону, то вернулись бы они оба живыми в Наркию или нет? Ясно, что если они оба вернулись бы в деревню целы и невредимы, то жертвой пало бы третье лицо. Кто-то третий не вернулся бы в таком случае. Но, может быть, они ограбили кого-нибудь и не поделили потом награбленное? Или Мелитона убил тот, кого ограбили, а Отару удалось бежать? Эти версии совершенно исключаются, так как нет и намека на уличающие обстоятельства. Я считаю неопровержимым тот факт, что Отар столкнулся с Мелитоном потому, что помешал выполнению задуманного преступления.

Теперь, до тех пор, пока мы выясним, что вызвало разлад между ними, нам надо точно установить, соответствуют ли истине предсмертные слова Дараселия и показание самого Девидзе, то есть надо выяснить — убийца Отар Девидзе или нет.

— Я убежден, что и слова Дараселия и «искреннее» показание Девидзе, — слово «искреннее» Сандро произнес с иронией, — сплошная ложь! Словом, я хочу вам доказать, что Отар Девидзе не убийца!

Секретарь райкома с удивлением взглянул на прокурора и на следователя.

— Когда человек преднамеренно идет на убийство, он не-

пременно имеет при себе оружие, — продолжал Сандро, — а у Отара Девидзе никакого оружия не было, когда он встретился за деревней с Дараселия. — Сандро встал, вскрыл кобурт и достал из целлулоидного мешочка нож с черной рукояткой. — Вот этим ножом убит Дараселия. Показанием многих свидетелей установлено, что нож этот принадлежит Дараселия, а не Девидзе. Так неужели же безоружный Девидзе искал Дараселия с тем, чтобы у него отнять нож и этим ножом убить его? Может быть, Дараселия накануне одолжил нож Отару? Тогда почему ножны висели у Мелитона на поясе?

Георгий встал, обошел стол и остановился напротив Сандро, опершись о спинку стула.

— Понятно! — произнес он и, пристально взглянув в глаза Сандро, спросил: — Кто же мог убить Дараселия?

— Я считаю, что Девидзе не имел намерения убить Дараселия и не убивал его, наоборот, Дараселия хотел убить Отара. Он напал на него с обнаженным ножом. Отар с целью самозащиты случайно ударил его кулаком в висок. Оглушенный Мелитон упал как подкошенный и напоролся на свой же нож. Это подтверждается и синяком на виске Мелитона, и тем, что на рукоятке ножа место упора для большого пальца забито землей. Кроме того, надо учесть, что ударом рукой невозможно вонзить нож на такую глубину в тело человека. Если бы Мелитон всей своей тяжестью не навалился на нож, то рукоятка не была бы забита землей. Достоинно внимания и то обстоятельство, что на роговой рукоятке ножа имеются отпечатки пальцев Дараселия, а не Девидзе.

— Классический анализ, товарищ Сандро, не могу не согласиться во всем с вами. Но если Отар до конца будет молчать, как быть тогда?

— Не думаю! — сказал прокурор. — Девидзе заговорит, но надо дать ему время. Пусть разберется в своих переживаниях, пусть поразмыслит. Продолжайте, товарищ Сандро!

— Обращает на себя внимание и тот факт, что Мелитон, который собирался утром в Батуми, ушел так далеко от деревни на рассвете. Ясно, что он устроил засаду тому, кто на рассвете должен был пройти мимо бамбуковой плантации. А кто мог пройти по этой тропинке в воскресный день, да еще затемно? Только охотник на голубей! А в то воскресенье, кроме Тамаза Девидзе, никто не собирался на охоту. Наркийцы ожидали гостей и были заняты приготовлением к их приему. Я глубоко убежден в том, что Мелитон ожидал Тамаза Девидзе, чтобы убить его. Об этом знал Отар, и, когда наступил решающий момент, Отар не выдержал, его замучила совесть и он стал Мелитону поперек дороги. Отар Девидзе спас жизнь своему двоюродному брату Тамазу Девидзе, подвергнув

смертельной опасности свою собственную жизнь, — выпрыгнув из лодки в море, он безоружный вступил в единоборство с вооруженным Мелитоном.

Изумленный Георгий растерянно смотрел на Сандро.

— Зачем же должны были убить Тамаза?

— Отец Тамаза очень богатый человек, он владеет колоссальным имуществом в Турции. Если бы не было Тамаза, единственным наследником всего имущества был бы Отар. Возможно, что он и приехал с этим намерением, но когда дело дошло до выполнения, совесть заговорила в нем.

— Но Мелитон при чем?

— Не забудьте, что Мелитон бывший рыбопромышленник. Может быть, после убийства Мелитон собирался бежать вместе с Отаром Девидзе. Председатель колхоза показывает, что он не собирался в воскресенье посылать катер в Батуми, но Мелитон настоял.

Георгий долго стоял, не проронив ни слова, потом медленно опустился в кресло и упавшим голосом проговорил, обращаясь к прокурору:

— Убедите Девидзе, что нам все известно, и он непременно сознается во всем.

Часы в комнате показывали три часа ночи, когда прокурор нарушил длительное молчание.

— Понятно, все понятно, — сказал он, подойдя к открытому окну. На улице не было ни души.

Временами слышны были свистки ночных сторожей. В длинной аллее платанов ветер раскачивал электрические лампочки.

— За деревней, у бамбуковой плантации, вы неожиданно появились перед Дараселия. Дальше? — Прокурор медленно повернулся к Отару.

Отар открыто смотрел прокурору в глаза, потом перевел взгляд на Сандро и продолжал:

— Он вздрогнул, увидев меня, растерялся, потом, точно поняв цель моего появления, притаился, молча уставился на меня и спустя некоторое время с деланным спокойствием спросил: «Зачем пришел? Не выдержал?» И потом ласковым тоном добавил: «Ступай, ты здесь не нужен. Подожди меня на катере».

«Да, я не выдержал, Мелитон, пришел, потому, что не могу допустить убийство Тамаза», — сказал я ему, подходя близко.

«Нашел тоже время разговаривать! Ступай, не надо, чтоб тебя здесь увидел кто-нибудь!»

«Я уйду, но ты тоже должен уйти вместе со мной. Я не мо-

гу тебя здесь оставить!» — Я схватил его за руку и старался потащить за собой, но он вырвался и отскочил в сторону.

«Приди в себя, глупец, сегодня ночью все должно кончиться, или же нас откроют и мы погибнем оба», — говорил он мне. Я наступал, он отходил все дальше, приговаривая: «Иди и не думай о том, что должно здесь произойти. Как будто Тамаза нет и никогда не было. Вообрази, что все это приснилось тебе. Иди в каюту, засни, выспишься, ты устал. Когда мы будем вне опасности, тогда я разбуджу тебя».

«Нет, Мелитон, решение мое твердо, я тебя здесь не оставляю. Хочешь напугать меня? Говоришь, что нас разоблачат, ну что же, я не боюсь! Довольно! И до того, как они узнают, я сам открою им все. Скажу, с каким поручением прислал меня отец. Все скажу».

При этих словах Мелитон замер, потом зашатался, я подхватил его, но он оттолкнул меня.

«Ты и в самом деле скажешь! Скажешь, что Мелитон настаивал на убийстве Тамаза. Но прежде чем ты успеешь это сказать, я тебя прикончу, ублюдок ты несчастный!» — Мелитон выхватил нож и так стремительно набросился на меня, что я едва успел отскочить в сторону, и когда он повернулся ко мне, я что было силы ударил его кулаком. Мелитон как подкошенный упал на землю и при падении издал такой вопль, что у меня мороз по коже прошел. Я подскочил к нему, хотел отнять нож. Он не двигался. В руках у него ножа не оказалось. Я тронул его за плечи — он не издал ни звука. Лежал ничком. Я попробовал перевернуть его на спину, просунул руку под него — рука наткнулась на рукоятку ножа, глубоко вошедшего в грудь. Я понял все. Я подумал было разбудить Андро и Тамаза, рассказать им обо всем, но смелости не хватило, и я решил бежать из Наркии.

— Куда? Зачем? — спросил Сандро.

Подсудимый опустил голову.

— Чтоб не встретиться с вами, с Георгием, с Тамазом, с Андро, со всей деревней.

— Куда вы хотели бежать? — тихим голосом спросил прокурор.

— В Турцию! Меня влекла ненависть к отцу, жалость к Зурабу и любовь к моему маленькому Джимшеру! Но не смог. Не смог! Не хватило сил расстаться с людьми, которые воскресли во мне человека, заставили полюбить жизнь. Не хватило сил расстаться с родиной, хоть меня тут ожидали позор и наказание.

— Зачем вы взяли на себя убийство Дараселия? — спросил прокурор.

— Я решил, что в его смерти все равно обвинят меня. Не думал я, что следствие установит все с такой точностью. Я не искал снисхождения и готов принять любое наказание.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Истрадавшееся, пожелтевшее лицо Отара выражало острое волнение. Он не поднимал головы и не замечал, как зал наполнялся народом.

Отара судил районный народный суд.

В десять часов утра судья объявил заседание суда открытым.

Председатель прочел фамилии свидетелей.

Кроме Меден, все оказались налицо.

Судья предложил свидетелям оставить зал, прочел обвинительное заключение и обратился к подсудимому с вопросом:

— Считаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Считаю себя виновным, — ответил Отар.

— Расскажите суду суть дела. С какой целью задумано было убийство Тамаза? Кто убил Мелитона? Зачем собирались бежать в Турцию?

— Я думал, что меня на суде не будут допрашивать. Мое преступление тяжко, я заслужил тот приговор, который вынес мой отец там, в Турции, моему двоюродному брату Тамазу Девидзе. Уважаемые судьи, — продолжал он упавшим голосом, — я не отказываюсь от показаний, данных мною на предварительном следствии. Я ничего не могу добавить. — Отар опустил голову и замолчал.

— Скажите, мысль об убийстве Тамаза Девидзе и бегстве в Турцию родилась у вас после приезда в Грузию или там, на чужбине?

— У меня никогда не было этого в мыслях. Мне поручили убить Тамаза, но...

— Кто и когда вам поручил?

— Я показал на предварительном следствии, что мой отец и я приехали из Соединенных Штатов в Стамбул к богатому брату отца, моему дяде. Мы рассчитывали, что после смерти дяди все его богатство достанется нам. Но однажды отец мой перехватил телеграмму Тамаза Девидзе, и нам стало известно, что прямой наследник Зураба Девидзе, его сын Тамаз, жив. Через несколько дней пришло письмо. Мой отец скрыл от своего брата это известие, а меня послал в Грузию с известной вам целью...

— Таким образом, отец Тамаз до сих пор не знает, что его сын жив? — прервал Отара вопросом председатель.

— Не знает! Письма, которые Тамаз получает из Турции, пишет мой отец. Отец Тамаза ничего не подозревает.

— Понятно! Продолжайте!

В зале поднялся шум, председатель призвал к порядку публику. Отар продолжал рассказ:

— Затем, как вам известно, я приехал из Эстонии в Грузию, чтоб повидать Тамаза, родину... Я хотел взять Тамаза с собой в Стамбул. Был убежден в том, что, получив такое огромное наследство, Тамаз не обидит нас, не пустит по миру.

— Почему вы думали, что Тамаз поедет с вами? — спросил Отара судья.

— Тогда я не мог себе представить, что наследник такого колоссального имущества откажется поехать и вступить в наследство.

— Вы решили твердо вернуться в Турцию?

— Решение было твердо, пока я своими глазами не увидел эту страну и моего двоюродного брата Тамаза.

— А потом что вы подумали?

— Я не подумал, а убедился в том, что только здесь, среди этого народа, в этой стране можно свободно дышать и чувствовать себя человеком, и я решил остаться здесь, на родине.

— Почему вы доверили свою тайну именно Дараселия, а не кому-нибудь другому? — спросил председатель.

— Я не собирался откровенничать с Дараселия по поводу поручения моего отца, но он так ловко напоил меня водкой и влез в душу, что в тот момент мне показалось, что более близкого человека у меня нет. Я и рассказал ему то, что меня мучило. — Отар обвел взглядом зал, потом посмотрел на судью и опустил голову. — После этого Дараселия настаивал на том, что поручение отца приведет в исполнение он и вместе со мной поедет в Турцию... в противном случае угрожал, что выдаст меня и погубит.

В зале вновь зашумели. Председатель опять призвал публику к порядку.

— Теперь расскажите про портфель. Кто вам поручил похитить его? Что вы намерены были делать с диссертацией?

Отар некоторое время молчал, нервно теребя волосы, потом отпил глоток воды и начал:

— Этого мне никто не поручал. Когда я вошел в горевший дом, чтоб вынести оттуда плачущего ребенка, я вдруг вспомнил про портфель и у меня безотчетно возникло непреодолимое желание унести его.

— Что я слышу?

— Он в своем уме? — раздались в зале возгласы.

Председатель строго посмотрел на публику:

— Граждане! Прошу соблюдать порядок.

Потом, обратившись к Отару, сказал:

— Продолжайте!

— Я все сказал, — ответил Отар, с тоской посмотрев на свой стул; он хотел скорее сесть.

— Скажите нам, для чего вам был нужен научный труд Тамаза? Вы же не агроном по специальности?

— Нет, не агроном... я не агроном. Я сам не знаю, для чего он был мне нужен...

— Вы не знаете, отчего возник пожар?

— В тот момент, когда загорелся дом Антимоза, я лежал больной. У меня была температура, болела голова. Ночью я проснулся от страшного грохота. Это гремел гром, сверкала молния. Я встал, оделся. Решил пройти к морю, справиться о судьбе людей, вышедших в море. В это время я почувствовал запах гари и увидел одновременно пламя. Я убежден, что пожар возник от удара молнии.

Отар достал платок и вытер вспотевший лоб.

Судья повернулся к сидящему рядом заседателю, пошептался с ним о чем-то и потом обратился к Отару:

— Что принудило вас броситься в объятый пламенем дом и с опасностью для собственной жизни спасти ребенка? Это же не вяжется с личностью человека, который, зная, что его друг и близкий родственник находится в опасности, молчит, который своей родине предпочитает чужую страну.

Отар горько усмехнулся и махнул рукой.

— Вам не понять этого! Это понимаю я один, потому что столько выстрадано мною за это время. Я не хотел говорить о том, что пережил в ту ночь, когда горел дом Антимоза. Повторяю, именно в ту ночь я решил во всем сознаться! Вам известно, что Мелитон хотел утопить в море Тамаза тогда, когда он шел в бурю на помощь нашим рыбакам, и я помешал этому, расстроил его план и решил сознаться во всем.

Да, решил сознаться, но не посмел... Теперь я сам не знаю, чего боялся. Потом, когда я снял маску, когда я открыл перед правосудием все тайники моих мыслей и моего сердца, я отдохнул! И теперь я не знаю, какая сила удержала меня тогда, заставляя молчать. — Отар взъерошил волосы. — Вас удивляет, должно быть, когда я говорю, что лишь после лишения свободы я вдохнул свободно! Но это так. Меня это совсем не удивляет! Повторяю, что не хотел я обо всем этом говорить сегодня здесь. И на предварительном следствии я не говорил об этом, потому что теперь эта исповедь может быть понята как попытка воздействовать на правосудие, как смягчающее вину обстоятельство. Я не хочу этого! Если вы читали мою автобиографию, которая имеется в деле, то...

В дверях зала показалась Тереза.

Отар вздрогнул, он решил, что с Терезой вместе пришла и Медея. Дрожащей рукой он провел по волосам.

— Может быть, вы хотите отдохнуть? — спросил его председатель суда.

— Да! Я прошу дать мне небольшую передышку, — ответил Отар, бессильно опускаясь на стул.

Судья объявил десятиминутный перерыв.

Когда состав суда вновь вошел в зал заседания и все встали с места, Отар поднял голову. Он принял твердое решение.

Председатель суда обратился к Отару:

— Продолжайте ваш рассказ.

Отар помолчал немного, потом обвел взглядом зал и начал:

— Отец мне внушил, что причиной его краха является неправомерное и несправедливое изгнание его из родной страны. Я считал его мучеником за правое дело. Отец постоянно твердил мне: «меня и многих других преданных родине людей большевики без всякого основания выгнали из родной страны». Я верил этому больше потому, что это говорил мой отец, а его слова были для меня законом. «Хотел остаться на родине, чтоб продолжать борьбу с большевиками, но за тебя испугался, тебя поберег и из-за тебя попал в беду», — часто попрекал он меня.

Я подробно говорю в своих показаниях, какая судьба нас постигла во Франции, как мы перебрались в Соединенные Штаты, как жили и что делали в Нью-Йорке и как, наконец, попали в Стамбул к дяде и решили, что это наша последняя обитель, что это конец всем злоключениям и что мы нашли свое счастье.

Нельзя себе представить то отчаяние, в какое впал мой отец, получив телеграмму и письмо Тамаза. Первый раз в жизни я увидел слезы на его глазах. Он пророчил голодную смерть мне, моему сыну и самому себе в том случае, если до Зураба дойдет известие, что сын его жив. Он взял с меня слово, что я уничтожу Тамаза.

...После выступления Отара суд перешел к допросу свидетелей.

— Отар Константиновича Девидзе знаете? — спросил председатель суда Антимоза.

— Знаю, — ответил Антимоз.

— Какие взаимоотношения были между вами и обвиняемым?

— Хорошие... были... но теперь... я слышал такое... Мы об этих делах все наслышаны, но я не верил, и никто не верил. — Антимоз посмотрел в зал. — Пока из его уст не услышали всю эту невероятную историю. — Антимоз взглянул на Отара. — Нет, не верится прямо. История эта нам непонятна.

— Что вам еще известно по этому делу?

— Если все то, о чем рассказывал обвиняемый, верно, то его надо лечить, надо позаботиться о его здоровье.

— Вы свободны, — сказал Антимозу судья.

Вызвали следующего свидетеля, агронома Девидзе.

Вошел Тамаз.

Отар поднял голову и, тяжело вздохнув, посмотрел на Тамаза.

— Скажите суду, обвиняемый Отар Девидзе предлагал вам уехать вместе с ним в Турцию?

— Насколько я помню, он один раз завел такой разговор, старался убедить меня в том, что в Турции, получив огромное наследство своего отца, я буду жить в роскоши и буду счастлив. — Тамаз укоризненно взглянул на Отара.

— Что ответили вы?

Тамаз смутился, он почувствовал себя оскорбленным. Посмотрев в упор на председателя, он ответил:

— Очень просто ответил. Ответил, как ответил бы каждый из нас.

— Но почему об этом случае вы не рассказали своим товарищам? Не рассказали никому? Ведь надо было помочь заблудившемуся человеку, надо было наставить его на истинный путь.

— Теперь-то я понял свою ошибку, но уже поздно. Я понадеялся на свои силы, думал, что его доводы сумею разбить сам.

— Откуда стало известно обвиняемому, что заключает в себе ваш научный труд?

— Я сам говорил ему об этом.

— В деле имеются показания, свидетельствующие о том, что обвиняемый работал в колхозе плодотворно, активно. Подтверждаете вы это?

— То, что Отар работал в колхозе плодотворно и самоотверженно, подтвердит вся деревня. Именно поэтому он и заслужил общую любовь и уважение. Поэтому ему выделили участок и собирались построить этой осенью дом.

— Это все понятно. То, что Девидзе работал хорошо и заслужил признание народа, — это установленный факт, но тем не менее он все же совершил преступление. Чем вы объясняете его поведение, в чем причина, по вашему мнению?

— Я думаю, что, работая, Отар забывал свои кошмары. В труде он обретал покой, был нормальным человеком, но как только кончался трудовой день и наставляли часы отдыха, Отар менялся, становился нелюдимым, уединялся, предаваясь меланхолии. Прошу прощения... Выступление мое затянулось, но...

— Ничего, говорите! — сказал судья.

— Я думаю, что во время работы Отар совершенно забывал и то, откуда он к нам пришел, и то, зачем он к нам пришел, и становился тем, кем он был рожден по природе, — хорошим человеком!

После Тамаза вызвали председателя колхоза Андро Берая. В это время в зале показалась Тереза. Она потихоньку вызвала Тамаза в коридор и сообщила ему, что Медее очень плохо, что она послала к ней врача, а сама поспешила в клуб сообщить суду, что Медее не может явиться для дачи показаний.

Тамаз быстро написал записку на листочке своей карманной книжечки и попросил стоявшего в дверях мужчину передать ее председателю суда. Сам же в сопровождении Терезы поспешил к Медее.

Медее была мертвенно бледна. Глаза были красны от слез. Увидев Тамаза, она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Тамаз вызвал из комнаты врача.

— Что с ней? Чем она больна? — спросил он, когда они вышли в коридор.

— Реактивный невроз. Ничего, все пройдет. Это в связи с процессом Отара, хотя она не хочет в этом сознаться.

— А что надо делать?

— Ей нужен абсолютный покой. Лекарства я выписал из районной аптеки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вечером заседание суда продолжалось. Было около десяти часов, когда Тамаз протиснулся сквозь толпу людей, заполнивших до отказа зал, и сел в задних рядах рядом с Андро.

— Медее лучше. Она даже покушала...

— О процессе ничего не спросила?

— Ничего! Ни слова! Прокурор кончил свою речь?

— Защитник уже говорит, не видишь?

Перед Отаром стоял высокий, смуглый молодой человек и говорил; речь его звучала спокойно и убедительно:

«...Да, товарищи, представитель государственного обвинения представил нам прекрасный анализ социальной природы преступления.

Хотя государственный обвинитель обрисовал очень убедительно процесс психологического развития и причины, обуславливающие различные преступления, но мне бы хотелось еще раз остановить ваше внимание на этих вопросах. В связи с этим считаю нужным напомнить вам, в каких условиях рос человек, которого судит сегодня советский народ. Кто воспитывал Отара? Его отец Коста Девидзе? А что из себя представляет Коста Девидзе? Разве мог он внушить сыну любовь к своему народу, к своей стране? Никогда! Он мог внушить мальчику только ненависть к людям. Я не буду останавливаться на вопросе влияния отца, так как этот факт слишком очевиден для всех. Я хочу говорить о том, какова была среда, в которой жил и воспитывался Отар, и какое влияние могла оказать эта среда на его формирование. Один заокеанский статистик доказывал, что рост процента душевнобольных настолько велик в Америке, что в один прекрасный день она может стать страной душевнобольных. Я вспомнил об этом в тот момент, когда один из свидетелей тут высказал удивление по поводу намерения обвиняемого, — ему кажется невероятным, чтоб человек задумал убить другого человека только для того, чтоб овладеть его богатством! Если это правда, — говорил свидетель, — то надо лечить этого человека, надо позаботиться о его здоровье.

Да, граждане! Человек, возвращенный коммунистической моралью, ненавидит тот общественный строй, где людьми двигают мелкие, эгоистические интересы, где люди запродали свою душу желтому дьяволу и ради него, ради золота и богатства готовы весь мир вновь бросить в пасть чудовища, в пасть новой войны! Отец привез Отара во Францию, и там мальчик рос далеко не в атмосфере честного труда и честных человеческих взаимоотношений. Наоборот! Он сделался участником, правда, пассивным, но все же участником грязной аферы.

Ставший уже на путь морального разложения, мальчик меняет почву. Подкинутый какой-то поденщице, прачке, где-то на окраине, в глуши, наполовину голодный мальчик чувствует ужасное духовное одиночество.

Он видит, как таскается отец по улицам Парижа, как мытарствует в поисках куска хлеба. Вся окружающая его обстановка убеждает его в том, что в этой жизни выживает только тот, кто ничем не брезгает, кто не щадит ближнего. И неизвестно, выжили бы они, и отец и сын, если б на помощь не явилась вдова Лефевр. И в этом случае Отар видит, что в отношениях отца и вдовы все основано на лжи, на мнимой любви, и ложь он начинает считать одним из основных средств к существованию.

Проходит время. Вдова умирает от туберкулеза, и Коста окрылен, он считает себя хозяином положения. Но тут откуда ни возьмись является законный наследник, родной сын вдовы Люсьен Седиасс, и выгоняет на улицу отца и сына.

Затем молодого Отара постигает новое несчастье — его жена, дочь «духовного пастыря», подкидывает ему грудного младенца и бросает на произвол судьбы. Неимуший, голодный муж уже не интересуется ее, она выросла в среде, где любовь является только предметом купли-продажи. Затем эта семейка, как вам известно, уезжает в Америку, в Нью-Йорк. Коста предлагают место сторожа, и он охотно соглашается. А Отара отец устраивает в полулегальной бандитской ассоциации, где Отар ставит себе цель — разбогатеть во что бы то ни стало и поэтому не гнушается никакими средствами. Так постепенно и последовательно отравляется сознание молодого Девидзе.

Мы не знаем, испытывал ли Отар угрызения совести по поводу тех похищений, которые он совершал в компании других бандитов, но наверняка мы знаем, что излишне говорить о наличии совести у человека, целью жизни которого является погоня за долларами... — Защитник остановился, помолчал некоторое время, затем продолжал: — У нас воспитанный на устоях общественной собственности народ давно и в корне изменил отношение к частной собственности. В сознании советского человека утвердились понятия «наш колхоз», «наша фабрика», «наш промысел». Принцип коллективного труда превратил у нас чувство дружбы и товарищества в движущую силу жизни.

Считаю уместным вспомнить тут одного известнейшего американского гангстера — Капоне, который установил мировой рекорд убийств и хищений. Буржуазная пресса посвятила ему миллион пятьсот девяносто газетных столбцов. Журналы и газеты напечатали свыше пяти тысяч его портретов. Кроме того, они бесстыдно возвещали, что Капоне загреб семьсот миллионов долларов. Теперь готовится фильм, в котором буржуазной публике будет преподнесена в художественном оформлении «деятельность» этого легендарного бандита.

Когда я смотрю на обвиняемого, перед глазами невольно возникает образ его отца — Коста, который раньше служил силам реакции в наших краях.

Коста и его сын, проштрафившись в Америке, стремятся в Турцию, к брату и дяде Зурабу, у которого Коста поджег в годы реакции дом и затем охотился на него в лесах, чтобы убить. Глубокий старик и инвалид Зураб все прощает брату и предоставляет ему кров. Коста окрылен. Он рассчитывает, что Зураб скоро умрет и все его богатство останется ему и сыну Отару. Но тут повторяется парижская история: выясняется, что законный наследник Зураба, его сын, жив. У Коста рушится надежда. Но он находит выход, находит способ, которым можно обеспечить за собой богатство Зураба, — он предлагает сыну убийство.

Разве может вызвать удивление то обстоятельство, что Отар тотчас же по приезде не заявил громогласно, для чего прислал его сюда отец? Я твердо верю обвиняемому, когда он говорит о том, что пережил он в ту ночь, как метался, как искал Дараселия, чтобы помешать ему выполнить задуманное. — Защитник взглянул на Отара, потом на судей и продолжал: — На факте смерти Мелитона Дараселия я не стану задерживаться, так как следствием установлено, что Отар Девидзе не является убийцей. Я вообще обошел бы молчанием этот случай, но тут государственный обвинитель подчеркнул его и сказал, что вина Девидзе заключается в убийстве, вызванном необходимостью самозащиты, и требует соответствующей меры наказания, но я считаю, что суду хорошо известны обстоятельства смерти Мелитона Дараселия и то, что Отар Девидзе совершенно не причастен к его смерти, не виновен в ней. Доказывать доказанное не имеет смысла.

Я не требую безоговорочного оправдания обвиняемого Отара Девидзе. Я не хочу, чтобы Отар Девидзе, встав со скамьи подсудимых, почувствовал себя совершенно невиновным человеком. Но я хочу, чтобы ему была дана возможность показать народу свою очищенную человеческую сущность и доказать, что, если не сегодня, так завтра, он завоеует право встать в ряды советских людей!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРУГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как-то весной, воскресным утром я зашел в парикмахерскую побриться. Устроившись поудобнее в кресле перед зеркалом, я вдруг увидел в зеркале Левана.

— Леван?!

Мы обнялись.

...Расстались мы с ним в 1940 году. Левана вызвали тогда в Москву и направили на Украину начальником одного из отделов Наркомвнудела. В 1941 году началась война, многие города и села Украины очутились в руках фашистов, и я потерял друга из виду.

С самого начала войны я ничего о нем не слышал. Можно себе представить, какую радость вызвала у меня эта неожиданная встреча.

— Неужели наша встреча должна была зависеть от случая? — упрекнул я его и осторожно коснулся руки, висевшей на черной повязке.

— Я только этой ночью вернулся из Цхалтубо после лечения и теперь собирался направить свои стопы именно к тебе, — ответил он смеясь.

Я был счастлив встрече с другом.

...Обрадовалась Левану и моя жена, а маленький сынишка и вовсе не отходил от него. Не знаю, чем он больше любился — самим гостем или его орденами.

В столовой я нашел тещу, приехавшую из Гурии, она разливала шипучее аладастури¹ в бутылки.

— Вы приехали очень кстати, мать! Сегодня я не прочь повеселиться, — сказал я, поздоровавшись с ней.

— В веселье да в радости проживи свой век, сынок! — ответила она, вновь занявшись бурдюком.

¹ Аладастури — сорт вина.

Гости — свояки Арсен и Васо и приятель Давид — играли в нарды.

— Вы что слетелись спозаранок? Прямо возле дома на веточках сидели? — обратился я к ним, обрадовавшись такому обществу.

— Всему виной бурдюк твоей тещи, дорогой, он всполошил нас и согнал с веток, — ответил смеясь Давид.

Я познакомил Левана с приятелем, — свояков моих он знал, — они обнялись, и Леван подсел к нардам.

— Давненько не играл, — сказал он мечтательно, взяв в руку игральные кости.

— Ну нет, в нарды ты еще успеешь наиграться, — сказал я, отбирая нарды, — сейчас нас интересует совсем другое. Друзья! Мое предложение такое: пока хозяйка наша соберет на стол, пусть Леван расскажет, как он получил свои ордена.

— Хорошее предложение!

— Просим!

— Слушаем, Леван!

Леван задумался на минуту, затем закурил и уселся поудобнее в кресло у круглого столика.

Наступило молчание. Леван начал:

— Я работал на Украине в одном из районов начальником отделения Наркомвнудела, когда началась война.

Застигнутые неожиданным нападением, советские войска отступали.

Враг шел по пятам за нашими частями.

...В тот день, когда фашисты подходили к нашему городу, я вместе с секретарем райкома партии проводил эвакуацию населения.

Был полдень, мы передали последнее сообщение в Киев, когда неприятельские танки показались на подступах к городу.

Секретарь райкома, председатель исполкома и я взорвали радиоузел и покинули город.

Утром следующего дня я поднялся на Лысую горку. Здесь был назначен сбор будущих партизан.

Собралось двадцать четыре человека.

Все были хорошо вооружены и захватили запасы еды на три-четыре дня.

Явились все, кого мы ждали. Не было только секретаря райкома и председателя горисполкома. Мы ждали их на горке до наступления темноты. Ночью нам сообщили, что они погибли, нарвавшись на фашистов.

Всех потрясла гибель товарищей, и мы поклялись отомстить за их смерть.

...Наш партизанский отряд, который получил название

«За Родину», возглавил я. Мы расположились в труднодоступном лесу.

За короткое время наш отряд значительно пополнился и представлял серьезную угрозу для врага...

Леван пересел на стул, осторожно высвободил из шелковой повязки забинтованную руку, положил ее на стол и продолжил рассказ:

— Вас интересует история моих орденов, — это значит, что я должен рассказать вам про бои, в которых я участвовал в этой исключительно тяжелой войне. Я не прочь, конечно, но рассказать все невозможно, — просто времени не хватит. Должен вам сказать также, что я принимал непосредственное участие во всех боях, во всех действиях нашего отряда, который в течение трех лет неустанной борьбы совершил много поистине героических дел. Вот почему мне придется вкратце рассказать вам об этих делах, а остановиться подробнее я хочу лишь на одном случае, который представляет особый интерес.

Леван обвел всех нас взглядом, поднял брови, улыбнулся далекому воспоминанию и продолжал:

— Отряд наш был небольшой, но ущерб врагу наносил огромный. Своей стойкостью и отвагой он заслужил в народе большую любовь и популярность.

Мы нападали на врага молниеносно, и там, где он совершенно не ожидал. Не успевал враг опомниться и мобилизоваться для контрудара, как наш отряд исчезал как невидимка так же неожиданно, как появлялся, и вновь крушил фашистские гарнизоны. Фашисты не спали спокойно ни одной ночи — в любую минуту они ожидали удара, и это приводило их в ужас.

Немецкое командование даже привыкло к нашим нападениям, хотя немцы и несли большие потери. Они считали все это настолько в порядке вещей, что их уже не удивлял и героизм наших людей. Единственное, чему они не уставали поражаться, — это действиям одного всадника-одиночки, который отличался сверхъестественной храбростью.

Этот неизвестный человек один-одинешенек носился на вороном коне по лесам и из укрытий «угощал» врага ручными гранатами. У него был легкий ручной пулемет, с которым он обращался как с карабином.

Немцы считали его командиром нашего отряда, они так и писали в своих объявлениях, которые расклеивали на видных местах и в которых сулили большую награду тому, кто живым или мертвым возьмет этого «бородатого» партизана «в черной бурке».

На самом же деле отряду тоже был неизвестен этот один-

нокий всадник, он сам и его действия были для нас загадкой. Он появился в поле нашего зрения на второй или на третий день после того, как отряд начал действовать, и с той поры следовал за нами по пятам.

Когда отряд отдыхал или готовился к нападению, всадник тоже исчезал, но как только мы завязывали бой, он неизменно появлялся и оставлял поле боя только тогда, когда наша победа становилась несомненной.

На первых порах нас поражало его странное поведение, но потом мы привыкли к нему, и во время боя каждый раз ждали его, рассчитывали на его помощь. Партизаны прозвали всадника «Неизвестным другом».

Лезан снова закурил.

— «Неизвестный друг» появлялся иногда пешим, чаще же верхом на своем вороном; в развевающейся черной бурке он, как стрела, промчится, бывало, мимо нас.

Иногда мне удавалось увидеть длинную черную бороду этого человека.

Не проходило дня, чтобы партизаны в лагере не заходили разговора о нем. Всех интересовала судьба всадника, причина его загадочной отчужденности.

«Ведь этот человек действует заодно с нами, вместе с нами ежеминутно рискует жизнью и готов отдать ее за Родину, так почему же он сторонится нас? Почему не придет к нам, не откроет свою тайну, свое имя?»—говорили партизаны, но на эти вопросы некому было дать ответ.

Два года продолжался этот необычный боевой союз между отрядом и «Неизвестным другом». Он следовал за нами, воевал вместе с нами, совершал сказочные подвиги и... избегал нас.

Однажды из подпольного партийного центра мы получили сообщение о том, что к шести часам вечера с ближайшей железнодорожной станции отойдет вражеский товарный состав, груженный боевыми припасами. Нам предлагалось взорвать состав.

В назначенное время я с двадцатью бойцами залег в кустарнике, неподалеку от железнодорожного полотна, чтобы наблюдать за заминированным участком.

Долго ждать не пришлось. На пылавшем от заходящего солнца горизонте вскоре показался дымок паровоза.

Затаив дыхание ожидали мы приближения товарного состава, как вдруг воздух потряс оглушительный грохот взрыва. Земля закачалась под нами. Взрыв следовал за взрывом, и скоро весь поезд поглотил черный дым.

Партизаны поднялись.

На фоне расплывшегося дыма мелькнул силуэт мчавшегося

к лесу всадника; ветер беспощадно трепал полы его бурки и концы башлыка.

Быстро разминировав участок, мы устремились в лес.

Всем было ясно, что друг опередил нас в исполнении данного центром поручения.

Было далеко за полночь, когда мы вернулись в лагерь.

Бойцы принялись за ужин, а я вместе с моим помощником направился в палатку. Митрофан Егорович, чернявый, чисто выбритый и аккуратно одетый человек средних лет был по профессии педагог. Во время формирования отряда он, как бывший военный, был назначен моим помощником.

Несмотря на то, что жена его погибла в застенках гестапо, а дочь, студентка медицинского факультета, исчезла бесследно, хмурым его никогда никто не видел. Митрофан Егорович всегда являл собой пример самоотверженности и храбрости. В самые трудные минуты он находил нужные слова и веселой шуткой умел поднять дух бойцов.

В палатке нас ожидал Петр Васильевич.

Петр Васильевич был помощником командира по политической части. За доброту и отзывчивость его в отряде любили все. Высокий, белокурый двадцатилетний молодой человек был душой отряда. В бою он всегда оказывался на самом опасном месте.

Петр Васильевич поздравил меня с удачным выполнением задания и благополучным возвращением.

— Стало быть, вы слышали взрыв? — спросил я его.

— Слышали, товарищ командир, да еще какой! Такого грохота я давненько не слыхал! — ответил он.

— Взрыв, действительно, был сильный, но мы тут ни при чем, — сказал я, положив автомат на койку и садясь на пенек, чтобы снять сапоги.

— А кто же «при чем», если не вы? — вмешался Митрофан Егорович, улыбнувшись, словно спрашивая улыбкой: чего скромничаешь, ведь известно, что вы.

— В самом деле, не мы. «Неизвестный друг» опередил, — ответил я и, заметив на его лице неодобрение, поспешил добавить: — Ну и что же?! Дело сделано, задание выполнено, неприятельский состав с боеприпасами уничтожен, а разве не все равно, кто это сделал — мы или друг?

Петр молчал, он был согласен со мной, его не волновал вопрос о том, кто именно взорвал состав. Задание центра было вовремя и аккуратно выполнено, а это — главное! Но его, как всегда, терзало любопытство. Опустив голову и сдвинув брови, он молчал, напряженно раздумывая. Затем поднялся, медленно и тяжело вздохнул:

— Вопрос, конечно, не в том, кто взорвал, это все равно,

но до каких пор тайна этого человека должна оставаться неразгаданной?

— Посты проверили? — спросил я Петра, чтобы перевести разговор на другую тему. Петр Васильевич ответил, что собирается сейчас проверить. Я снова надел сапоги, взял автомат и собрался сопровождать товарищей — мне хотелось побыть с ними, пока неприятный осадок от нашей «неудачи» не рассеется совсем.

Мы вышли из лагеря и пошли густым лесом.

Было около двух часов ночи, когда мы подошли к последнему сторожевому посту.

Издали донесся цокот лошадиных копыт. Мы притаились и в темноте различили силуэт всадника, который мчался прямо на нас.

— Стой!

— Остановись! — послышались возгласы, и перед вздыбившимся конем как из-под земли выросла фигура партизана-постового. Второй постовой зашел сбоку и направил автомат на всадника.

— Руки вверх! — вновь скомандовал постовой, когда конь, выгнув шею, с горделивой осанкой остановился как вкопанный.

— Обет давал, браток, рук не поднимать, не могу отступить, — послышался в темноте звучный, сильный, приятного тембра голос. Тишину нарушал лишь тяжелый храп взмыленного коня да нетерпеливое постукивание его копыт об землю.

— Да это же «Неизвестный друг»! — воскликнул вдруг один из партизан.

— И в самом деле, это друг! — восторженно вскричал другой, опуская автомат.

— Пусть один из вас позовет командира, а другой присматривает за этой собакой, — сказал он, сбросив на землю какой-то длинный, тяжелый сверток.

У самых ног постового послышался человеческий стон.

— А это кто?

— Клятву заставил меня нарушить этот прохвост, но другого выхода не было. Убить его я мог, но, чтобы разоблачить подлое предательство, пришлось взять его живым.

— Вы не имеете права убивать меня, не имеете права оскорблять. Я — военное лицо, я — офицер великой германской армии, — послышался хриплый голос связанного фашиста.

Всадник захохотал и соскочил с коня.

— Мы не имеем права, не имеем? — Он нагнулся над валявшимся на земле узлом. — Так посмотри на меня, собака! А вы имели право на это? — Всадник достал карманный фонарь, осветил свое лицо и убрал свисавшие до бровей кудри,

открыв широкий лоб, на котором было выжжено клеймо в виде пятиконечной звезды.

Меня пробрала дрожь.

Он потушил фонарь и отошел к коню.

— Узнал я его, Леван Аркадьевич, узнал! — прошептал мне на ухо Митрофан Егорович.

— Да, это точно он! — проговорил тоже шепотом Петр Васильевич.

— Неужели он? — вырвалось у меня невольно, хотя я и не знал, о ком идет речь, не понимал, о ком они говорят, одно мне было ясно — личность «Неизвестного друга» была разгадана. Я верил в это, потому что настойчиво желал этого и потому что желание мое близко встретиться с таинственным незнакомцем осуществилось.

— Я просил вас вызвать командира, — обратился он к притихшим постовым. Когда один из них, опомнившись, собрался идти в лагерь, я выступил вперед и кашлянул.

Постовой остановился. Всадник, мгновенно вскочив в седло, крикнул:

— Товарищи, не подходите близко!

Мы остановились.

Он прикрыл лицо концом белого башлыка и заговорил:

— Немецкого фашиста доставил вам, командир! А в этой сумке записка предателя. — Он кинул мне маленькую кожаную сумку. — У обочины дороги, там, где лежит большой треугольный камень, где сегодня после взрыва ты пересек дорогу с бойцами, в прошлую пятницу я заметил в сумерках трех гитлеровских офицеров — они шарили под камнем. Тогда я их не тронул. Но с того дня я каждый вечер сам стал проверять, есть ли что-нибудь под камнем. И вот сегодня, возвращаясь после операции, я поспешил к камню и нашел под ним записку. У вас в отряде есть предатель. Он сообщает в записке фашистам, что на днях вы собираетесь напасть на Октябрьскую. Я остался в лесу дожидаться тех, кто придет за запиской. Пришли трое. Двоих я уложил на месте, а этого молодчика доставил вам, чтобы он назвал предателя, проникшего в отряд.

Сказав это, всадник прищепил коня, и я опомниться не успел, как он исчез в темноте.

Я молчал. Трудно было примириться с тем, что этот неизвестный человек только что был здесь, рядом, а мне не удалось спросить его, кто он и почему он так себя ведет.

Я развязал немца, и мы направились в лагерь. «У перехода под камнем кто-то вчера оставил записку фашистам. Шпиону удалось проникнуть в отряд», — вот над чем думал я дорогой.

Мои помощники, опустив головы, в молчаливом раздумье следовали за немцем.

Внезапно меня озарило как молнией: я вспомнил события прошедшего дня.

— Знаю, знаю кто предатель! — воскликнул я.

— Знаете? Кто же?

— Кузин! Это он, это точно он!

— Кузин? Неужели же Алеша предатель? — Митрофан Егорович вопросительно уставился на меня, замедлив шаг.

— Точно, и вот почему. Вчера, после операции, выйдя из лесу и подойдя к дороге, я, как обычно, первый пересек ее, чтобы осмотреться. Затем я командовал бойцам переходить дорогу по одному, цепочкой. И тут заметил, что Кузин перешел последним. Перейдя дорогу, он остановился у камня, нагнулся и крикнул нам, что хочет завязать шнурки на ботинках и сейчас нас догонит. Мы продолжали путь, но я почему-то оглянулся и заметил, что Кузин нагнулся, будто возится с ботинками, но в то же время глаз с нас не сводит. Приметил я и то, что, как только я обернулся, он тотчас же опустил глаза. Сам не знаю, почему, но все эти подробности я хорошо запомнил.

— Ничего не скажешь, факт!

— Получается, что вы видели все собственными глазами и уверены в его предательстве.

— Вчера, кроме него, никто не мог положить записку под камень

— И друг опознан! — воскликнул удовлетворенно Митрофан Егорович.

— Да, вот и я что-то вспоминаю, будто на языке вертится его имя, — ответил я, напряженно вызывая в памяти знакомые черты. Голос, взгляд — все мне напоминало в нем какого-то близко знакомого человека.

— Ну как же вы его не помните? — воскликнул удивленно Петр Васильевич.

— Помню, ну да, как будто помню... — И не успело всплыть из глубины памяти знакомое лицо, как Митрофан Егорович вскричал:

— Рудко, Леван Аркадьевич, это же Рудко, Александр!

— Рудко! — Это имя мгновенно как будто просветлило сознание.

— Какие бы подвиги он ни совершал, все равно останется предателем, — сказал Петр Васильевич.

— А я считаю, что Рудко искупил свою вину и мы не можем считать его врагом, — возразил ему Митрофан Егорович, поглядывая на меня.

— Нет, Митрофан, — заметил я, — не расстреляй фашисты

его зятя и не погибни его дочь от горя, он так и остался бы с немцами.

Александр Рудко, бывший офицер царской армии, работал в нашем районе начальником коннозавода. Было ему около сорока пяти лет. Высокий, с густой короткой бородой, очень подвижной, он производил впечатление неугомонного человека. У него никого не было, кроме единственной дочери, которая только-только вышла замуж, когда оккупанты заняли наш район. Вышла она за молодого врача, директора районной больницы — Калужного, который пользовался всеобщей любовью и уважением.

Александр Рудко встретил фашистов хлебом-солью. Вскоре он стал бургомистром.

Рассказывают, что он сослужил немцам немалую службу, выдавая им советских граждан.

Зять его, доктор Калужный, в котором он души не чаял, отказался работать на немцев. И вот однажды, когда Калужный с ценными донесениями пытался перейти линию фронта, гестаповцы схватили его и на другой же день повесили на площади. Дочь Рудко не перенесла трагической смерти любимого мужа и покончила с собой.

Александр Рудко похоронил дочь, а вернувшись с кладбища, убил коменданта города и начальника гестапо и скрылся.

Прошли месяцы, об изменнике ничего не было слышно.

Потом распространился слух о том, что Рудко схвачен немцами и тайно расстрелян. Некоторые утверждали, что он застрелился на могиле дочери. А в последнее время появился еще слух: Рудко скрывается в лесах и в одиночку охотится на немцев...

Было еще темно, когда мы вернулись в лагерь.

К пленному приставили надежный караул, а Кузина вызвали в мою палатку.

С предателем не пришлось долго разговаривать. Как только он увидел записку, написанную собственной рукой, тотчас повалился наземь, прося прощения.

На другой день весь отряд собрался судить предателя.

Из допроса выяснилось, что настоящая фамилия изменника не Кузин, а Самарин. Отец его, бывший крупный помещик в Харьковской области, полковник царской армии, после Октябрьской революции подпольно боролся против Советской власти.

Самарин-отец вернулся в Советский Союз, когда фашисты оккупировали эти районы, чтобы поглядеть с сыном, служившим бухгалтером в промысловой артели.

Отец, пообещав слабовольному сыну горы золота после

окончательного «покорения» России, предложил ему служить Гитлеру, чтобы заработать награду. И Алексей под фамилией матери пробрался к нам в отряд.

Самарин-Кузин всю вину сваливал на своего отца.

Партизаны приговорили его к повешению.

Весь отряд пожелал принять участие в казни предателя.

Пленного фашиста в тот же день отправили под конвоем в распоряжение командования нашей армии.

Случай с Самариным не оставлял сомнения в том, что гитлеровской разведке известно наше расположение. Поэтому я, не откладывая, отдал распоряжение о переходе отряда в другой район.

Мы переместились к северо-востоку, за шестьдесят километров от бывшего местонахождения.

...Это случилось в тот день, когда наши войска освободили город Херсон.

Успехи нашей армии вселяли в нас радость. Когда ветер дул с востока, в лагере отчетливо были слышны залпы орудий.

О нашем перемещении следовало немедленно известить центр, и я решил наладить связь с «нашим человеком» — лесником Давидом Сидоренко, проживающим в селе Березовке. «Дядько Давид» — так звали его все — передаст сообщение всем тем, в чьей помощи мы нуждались.

Я собрался было действовать, как в палатку смеясь вошли мои помощники. Митрофан Егорович держал в руках газету.

— Леван Аркадьевич! Послушай, что пишут гитлеровцы. — Он развернул газету и начал читать:

«Несколько дней тому назад партизаны схватили лейтенанта Линднера. Нам известно из достоверных источников, что партизаны избили военнопленного до потери сознания. Неизвестно, какая участь постигла дальше Линднера. Но приходится отметить, что это не первый случай разбойничьих действий партизан, поэтому командование оккупационных войск великой Германии вынуждено принять суровые и решительные меры в целях пресечения подобного бандитизма».

Митрофан сердито бросил на стол газету, помял пальцами чисто выбритые щеки и нервно дернул головой.

— Ну, это не ново для нас. Есть вопросы поважнее, — возразил я. — Сегодня же надо отправить человека к «дядьке Давиду» и сообщить о нашем местопребывании.

— Мы с Митрофаном Егоровичем тоже говорили об этом, — заметил Петр.

— Надо отправить такого человека, который не возбудит у врага подозрений и сумеет запомнить все досконально.

— Да, нужен толковый и осторожный парень.—Митрофан

Егорович устремил слегка прищуренный взгляд на открытую дверь и, улыбнувшись, добавил: — Я думаю, что Быков Юрий — подходящая кандидатура.

— Согласен, только предупреждайте его сейчас же. Юрий должен с рассветом собраться в путь.

Леван замолчал, встал, прошелся по комнате, налил воду в стакан, отпил и продолжал:

— Пятнадцатилетний Юрий Быков — здоровый, крепкий юноша, попал в партизанский отряд вместе с матерью Надеждой Игнатьевной.

Эта женщина пользовалась в отряде всеобщим уважением. В лагере было всего пять женщин, и они под руководством Надежды Игнатьевны прекрасно справлялись с «домашними делами». Благодаря их стараниям в лагере царила отменная чистота. Они стирали и чинили одежду и белье, варили обед, ухаживали за больными и ранеными, словом, делали все, что делает хорошая хозяйка в своем доме.

Муж Надежды Игнатьевны, отец Юрия, Георгий Быков, служил механиком на машинно-тракторной станции. В первый же день своего появления немцы схватили Георгия и отправили в село Знаменку. В ту ночь фашисты расстреляли сто сорок советских граждан.

— Должно быть, среди них был и мой Георгий, — говорила обычно Надежда Игнатьевна, отводя полные слез глаза от собеседника.

И правда, Георгия Быкова с той ночи никто не видел.

Если Надежда Игнатьевна была чудесным человеком, то и ее сын Юрий нисколько не уступал матери в хороших качествах. За очень короткое время парнишка прослыл мастером разведки. Он так освоил эту опасную профессию, что заслужил почетную кличку — «Невидимка».

В разведке Юрий не раз попадал в затруднительное положение, но, благодаря исключительной сообразительности и ловкости, всегда находил удачный выход из положения.

И в боях ему приходилось участвовать наравне со взрослыми, но маленький Юрий ни разу не дрогнул и держал себя как опытный солдат.

Митрофан, Петр и наш любимец Юрий вошли ко мне в палатку.

— Товарищ командир, явился в ваше распоряжение! — обратился ко мне Юрий, выжидающе улыбаясь. Глаза у него горели от восторга. Он был одет в залатанную одежду крестьянского мальчика. Палка и старенькая, матерчатая сумка дополняли его костюм.

— Хочешь сходить в Березовку? — спросил я, улыбнувшись и подмигнув ему. — Не боишься?

Юрий нахмурился. Слово «боншься» оскорбило его. Он опустил глаза и покраснел до ушей.

— В дорогу до Березовки ему кадо дать охрану, не то у него душа в пятки уйдет, — смеясь проговорил Митрофан. Засмеялся и Петр Васильевич. Юрий поднял голову, выпрямился, веселая улыбка прогнала тень с его красивого лица.

— Березовка — моя деревня. Мне там каждый камень знаком, каждое деревцо...

— Тем лучше. Придешь к «дядьке Давиду», у него будешь как у Христа за пазухой. Чем скорее найдешь лесника, тем лучше. Но помни главное условие — осторожность, осторожность и еще раз осторожность!

— Леван Аркадьевич! Не впервые ведь!

— Кому придет в голову, товарищ командир, что в этих лохмотьях скрывается разведчик! Посмотреть на него, так настоящий простак! Здорово мы его чарядили! — самодовольно говорил Митрофан Егорович, оглядывая Юрия.

Хотя мальчик и был хорошо замаскирован, — почти невозможно было заподозрить в нем разведчика, — но на всякий случай я решил осмотреть его с головы до ног. При таких операциях даже незначительная деталь может возбудить подозрение и стоить парню жизни. Тщательно осмотрев Юрия, я взялся за сумку и вывернул все содержимое ее на стол. Среди разного хлама я заметил маленькое ручное зеркальце, на обороте которого была вделана в раму фотокарточка мужчины.

— Мой отец! — застенчиво сказал Юрий.

— Отец? — невольно воскликнул я, внимательно всматриваясь в снимок.

Лицо, глядевшее со снимка, было мне знакомо, это был, несомненно, близко знакомый мне человек, но как я ни напрягал память, не мог вспомнить, когда и где я встречал этого человека.

— Эту фотокарточку нельзя брать с собой. Твой отец был в руках у фашистов, и, если случится, что тебя задержат, его может кто-нибудь опознать. Нет, это опасно! Снимок останется у меня, я его сохраню до твоего возвращения.

Юрий кивнул в знак согласия и затянул шнурок сумки.

Мы отправили в путь маленького разведчика, и я вновь стал рассматривать снимок. Долго ломал я голову и наконец вспомнил! Он был очень похож на Серго Харадзе.

Леван обратился ко мне:

— Ты помнишь дело о страшном убийстве в Долобаурском лесу в 1926 году? Серго Харадзе обвинялся тогда в этом убийстве. Помнишь его?

— Слышал об этом деле, но я тогда еще не работал в след-

ственном отделе уголовного розыска и помнить его не могу, — ответил я.

— Да, точно, ты стал работать там позже, — сказал Леван. — А этот случай всполошил тогда весь город.

Леван хотел продолжить рассказ о партизанском отряде, но «случай, всполошивший тогда город», заинтересовал всех...

— Сначала расскажи вкратце случай с убийством, а потом продолжишь рассказ об отряде, — предложил я Левану.

Леван усмехнулся:

— Вот так же было с Митрофаном и Петром, когда я сказал им, кого напоминает мне снимок, — они пристали ко мне и не успокоились, пока я не рассказал.

Леван начал рассказ о случае в Долобаурском лесу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Однажды, придя в свое отделение к девяти часам утра, я был срочно вызван к начальнику.

— В Навтлуге, — сказал он, — в Долобаурском лесу, сегодня найден изувеченный труп женщины. Прошу вас заняться этим делом.

Я вызвал проводника с собакой, предупредил врача, что заеду за ним, и захватил с собой фотографа.

Меня сопровождал начальник районной милиции. Дорогой он рассказал нам, что какая-то молочница, возвращаясь из города лесной тропинкой, обнаружила труп женщины без головы, рук и ног.

Машина остановилась перед общежитием строительного участка, где нас ожидала молочница.

Свернув с узкой пешеходной тропинки и углубившись в лес шагов на сто, мы остановились перед большой развесистой липой.

Под ней лежал обезглавленный труп женщины с огрубленными руками и ногами.

Мы немедленно принялись за осмотр местности. Недалеко от трупа, в засохшей траве, были найдены студенческое удостоверение и военный билет. Документы эти принадлежали некоему Сергею Федоровичу Харадзе.

Верхний уголок удостоверения был прорезан ножом, нижний измазан кровью. Головы и конечностей убитой не было. Не смогли мы найти и ее одежды.

— Как вы увидели труп, ведь он далеко от тропинки? — спросил я молочницу, окончив осмотр местности.

Молочница поняла, насколько серьезен был смысл моего

вопроса, но, совершенно не смутившись, простодушно ответила:

— Возвращаясь домой, я заметила в лесу грибы и свернула с тропинки.

— Можно посмотреть, где вы собирали грибы?

— Пожалуйста!

Я вернулся к месту происшествия и вновь осмотрел труп.

По заключению врача, убитая была двадцатилетняя беременная женщина.

Я предложил пустить собаку по следу.

Собака нашла след и взяла направление на запад.

Мы пересекли шоссе, дошли почти до самой Куры, здесь собака свернула на набережную и... потеряла след.

Это было в порядке вещей и не разочаровало нас: на многолюдной улице, где много пешеходов, следы преступника и не могли сохраниться. И все-таки нам стало известно, в каком направлении скрылся преступник.

Начальник районной милиции и фотограф остались у трупы в ожидании машины из прозектуры, а мы с врачом направились в уголовный розыск.

Врач считал, что мы чапали на верный след; удостоверение личности студента Харадзе и военный билет, по его мнению, достаточно явные улики. Я же, по правде говоря, очень сомневался в том, чтобы такое необычное и сложное преступление раскрылось так просто и легко.

Я думал так: предположим, что у Харадзе во время совершения преступления (то есть этой ночью) выпали из кармана документы, но как же он, вернувшись, не обнаружил пропажи и не кинулся обратно, чтобы подобрать их.

Возможно, что у Харадзе вытащил документы опытный преступник и, чтобы запутать следы, бросил их рядом со своей жертвой.

Харадзе — студент... Студент тоже мог, конечно, совершить тяжкое преступление — убить жену или возлюбленную на почве ревности. Но сама форма преступления — то, что труп был лишен опознавательных признаков, — говорила о заранее обдуманном решении, о преднамеренности убийства, и именно это обстоятельство заставляло меня сомневаться в вине студента.

Да, такое дикое, заранее обдуманное преступление мог совершить только закоренелый преступник. Для меня это было ясно.

Правда, иногда мысль о найденных на месте преступления документах Харадзе мелькала, как искра надежды, но чем больше я вникал в суть дела, тем больше убеждался в том,

что я и мои товарищи имеем дело с весьма сложным и не-
обычным преступлением.

Ну, а если это не Харадзе?

Ведь почти невозможно установить даже личность убитой,
так как на трупе нет никаких примет. Убит кто-то, и все...

С чего начать? Как действовать? Кого спросить и у кого
узнать те незначительные подробности об убитой, которые
в большинстве случаев дают нить в руки и направляют след-
ствие на верный путь. Преступника особенно трудно обнару-
жить в том случае, когда он действует один и не связан с
другим лицом. Если убийца был настолько предусмотрителен,
что отрубил своей жертве голову, руки, ноги, то трудно пред-
положить, чтобы у него был соучастник или чтобы он выдал
тайну кому-нибудь после совершения убийства. Такой злодей,
злодей-мститель, редко вовлекает в свои дела другое лицо.
Он убивает сознательно, чтобы утолить жажду оскорбленно-
го, больного самолюбия. А когда удовлетворено чувство ме-
сти, он становится еще более замкнутым, боясь возмездия.

...Вечером я и мой помощник отправились на квартиру Ха-
радзе. Меня сразу озадачило то обстоятельство, что убийца
живет так далеко от места совершения убийства. Преступле-
ние совершено в Долобаурском лесу, в районе Навтлуга, а
живет он в Дидубе!

Между этими районами города двенадцать километров.
Это говорило в пользу Харадзе.

Собака-следопыт повела нас в Ортачала, а след человека,
находящегося под подозрением, — в Дидубе.

И, несмотря на то, что в руках у нас были неопровержи-
мые улики, к версии «убийца Харадзе» я относился довольно
скептически.

Я постучал в дверь комнаты Харадзе. Дверь широко от-
крылась. Передо мной стоял высокий, широкоплечий, смуг-
лый молодой человек и с улыбкой смотрел на меня.

При предполагаемых обстоятельствах неожиданное появ-
ление двух незнакомых мужчин должно было смутить винов-
ного, и смущение это, как бы он ни был выдержан, хоть мимо-
летно отразилось бы на его лице, но молодой человек спокойно
и приветливо улыбался. Казалось, он скорее доволен был
нашим появлением.

Мы вошли в комнату.

— Пожалуйте, — пригласил он нас широким жестом, под-
вигая мне венский стул.

— Нам нужен Харадзе Сергей, — обратился я к нему.

— Это я, — сказал он, и стул, который он собирался было
предложить моему товарищу, так и остался у него в руках.

Я очень внимательно посмотрел ему в лицо, но за этим замешательством не увидел и тени страха.

Я предъявил ему ордер на обыск квартиры.

Он побледнел.

— За что? — пробормотал он, тяжело дыша и упираясь обеими руками в стол. Мое внимание привлекла повязка на указательном пальце.

— За что, я вам скажу позже, — ответил я и подал знак помощнику обыскать его.

Начался обыск.

Молодой человек в изнеможении опустился на тахту.

— Следственный отдел уголовного розыска?! У меня?! Чтобы арестовать? — бормотал он про себя, недоумевающе глядя на нас.

— Живете один?

— Я? Да... — Он вскочил как ужаленный. — Я не женат, родителей лишился пять лет назад... — Он неловко выдавил улыбку, замер на секунду в какой-то безысходности и внезапно затрясся, как в лихорадке.

В платяном шкафу я нашел черные женские туфли.

— Как попали эти туфли в вашу комнату? — спросил я, внимательно глядя на него, чтобы не упустить малейшей перемены в выражении его лица, но ничего похожего на замешательство уличенного в преступлении не смог уловить. Застенчиво улыбнувшись, он ответил:

— Сегодня купил, за очень дешевую цену.

— Еще что вы купили сегодня? — спросил я, очень довольный ответом «сегодня купил».

— Дамское пальто и летнее платье.

— Где эти вещи? Покажите пальто и платье.

— Отнес невесте, — ответил он все с той же застенчивой улыбкой. — А туфли оказались не впору. Кроме того, я забыл, что она не носит туфли на высоких каблуках.

— Пальто и платье тоже ношенные?

— Не знаю.

— У кого и где купили платье, пальто и туфли?

— Сегодня утром тут, на нашей улице, у поворота, какой-то незнакомец предложил мне их по дешевке, а я стипендию на днях получил, деньги были, взял и купил.

Его чрезмерная откровенность меня поразила.

Как может убийца сказать об одежде убитой им женщины, что «он отнес ее невесте»?

Я продолжал осмотр.

Совершенно откровенные ответы и объяснения Харадзе убеждали меня в его невинности, но как следственный документ они свидетельствовали об обратном.

На его коричневой рубашке я заметил засохшие пятна крови.

— Это что за пятна? — спросил я.

— У меня часто идет кровь из носу, — ответил он так быстро, точно ответ у него был приготовлен заранее.

— Вчера вы были в этой рубашке?

— Да, вчера я был именно в этой рубашке. — Он нервно вскочил и широко раскрытыми глазами уставился на меня, точно вся серьезность положения только сейчас дошла до его сознания. — Но я все-таки не понимаю, что случилось, в чем вы меня обвиняете?

— Не волнуйтесь, в свое время вам все объяснят, — ответил я успокаивающим тоном и указал на палец. — Что с вашим пальцем?

— С пальцем? — переспросил он, удивленно уставившись на свой перевязанный палец, точно видит его впервые, и упавшим голосом проговорил: — Тьфу, черт! Все одно к одному! Получается так, будто вы в самом деле имеете дело с преступником. Но уверяю вас, что палец я порезал сегодня о стекло в трамвае.

— Ладно, все понятно. Теперь, — и я впился в него глазами, — позвольте ваши документы.

— Какие документы?

— Ваши личные. Паспорт, военную книжку, студенческое удостоверение, словом, все.

Харадзе молча встал и снял с вешалки пиджак.

— Извольте, документы в кармане. — Он бросил пиджак на стол и снова сел.

Я достал из карманов пиджака разные бумажки и паспорт, но студенческого удостоверения и военной книжки там, разумеется, не было.

— Почему нет студенческого удостоверения и военной книжки?

— Эти документы вытащили у меня из кармана, когда я садился в трамвай, — ответил он с деланным спокойствием.

Обыск закончился.

Женские туфли и коричневую рубашку мы забрали с собой как вещественное доказательство и вместе с Харадзе отправились в отдел.

В тот же вечер мы получили санкцию прокурора, и Харадзе был арестован...

Как во время обыска, так и на допросе находящийся под подозрением Харадзе заявил, что какой-то незнакомец в то утро чуть ли не насильно всучил ему одежду, что пальто и туфли он отнес своей невесте, Вере Михайловне Поздняковой, проживающей на Плехановском проспекте. Засохшие

пятна на рубашке он объяснял кровотечением из носу, про документы сказал, что третьего дня их вытащили у него из кармана, а палец он порезал в тот день о разбитое стекло в трамвае. Таким образом, все улики он объяснил поразительно гладко. В следственной практике такой случай чрезвычайно редок.

Первое свое показание он подписал довольно равнодушно и обратился ко мне:

— Теперь вы, может быть, скажете, в чем меня обвиняют?

Я молча положил перед ним бланк с предварительным заключением следствия. Бледное лицо его внезапно залила краска. И нахмурив брови, он начал читать бланк, затем, с трудом подняв голову, посмотрел на меня и глухим, упавшим голосом спросил: /

— Убийство?! Я обвиняюсь в убийстве? Кого же я убил? Какая нелепость!

— Это уж вы должны мне рассказать сами — кто и как убит, — ответил я как бы между прочим, потянувшись за папирсой.

«Кто?» — вот что интересовало меня в первую очередь. Но Харадзе не должен был подозревать, что нами не установлена личность убитой. И хотя труп был изувечен, убийца, который видит, что собрано такое количество улик, должен предположить, что личность убитой установлена...

— Разумный человек, увидев такое количество улик, сознается во всем, если даже поначалу он твердо решил отрицать виновность, потому что упрямство может только повредить делу. Общеизвестно, что своевременное признание вины облегчает участь обвиняемого. Прямотушие, откровенность — одно из ценных качеств человека! — сказал ему я.

Харадзе производил впечатление вполне разумного человека, но все его старания оправдаться были бесплодными. Сласти его могло только одно: появление другого человека, улик против которого были бы еще более неопровержимыми.

Черное шерстяное платье и пальто, сданные следствию Поздняковой, увеличили количество улик.

Пальто было бы впору женщине среднего роста. Согласно акту, составленному после освидетельствования трупа, убитая была тоже среднего роста.

Женское платье было сшито, очевидно, с поясом, но Позднякова показала, что Серго принес платье без пояса.

Убитая пояса не носила, очевидно, потому, что была в положении.

По свидетельству Поздняковой, Серго был спокойным, положительным парнем, трудолюбивым, прилежным студентом. Единственным недостатком его она считала то, что он любил

выпить. «На этой почве между нами не раз возникали недо-разумения», — сказала она.

— Это потому, что я совершенно не выношу пьяных, а во-обще-то Серго назвать пьяницей нельзя, конечно, нельзя, — добавила Позднякова, поняв, что меня особенно заинтересо-вало это обстоятельство.

— Когда вы попросили Серго купить для вас носильные вещи?

— Никогда не просила. Я и сейчас не понимаю, зачем по-надобилось ему покупать мне одежду, да к тому же ношеную.

— Сколько он заплатил, не помните?

— Об этом я его не спрашивала. Он скоро ушел от меня, жаловался на головную боль.

— На головную боль? Он часто жаловался на головную боль?

— После выпивки почти всегда.

— Когда он принес вам платье и пальто?

— Около десяти часов утра.

После допроса Поздняковой я направил Серго в научно-технический отдел. Надо было установить, что было причиной пореза на пальце — стекло или нож... Что же касается пятен на рубашке, то надо было выяснить, принадлежала ли кровь на рубашке к той группе, что кровь убитой в лесу.

На другой день я наведалься в сельскохозяйственный ин-ститут. Беседовал с заведующим кафедрой, секретарем парт-бюро и группоргом. Все они хорошо отзывались о студенте Харадзе, только группорг заметил между прочим, что Харадзе непрочь выпить, но пьяный совершенно безвреден, на лекциях же его никогда не видели в нетрезвом виде.

Из института я поехал по районным отделениям милиции выяснить, не поступало ли в какой-либо район города заяв-ление о пропаже женщины.

К концу дня стало известно, что такого заявления не было.

Таким образом, личность убитой оставалась для нас не-выясненной, а это очень затрудняло ход следствия.

Вечером Харадзе вновь сидел в моем рабочем кабинете. Один день заключения уже наложил на него отпечаток. Он волновался, растерян, но довольно сердито поглядывал на меня.

Как и в первый раз, он показал, что Позднякова не раз просила его купить платье, что эти туфли, пальто и платье он купил у высокого, худого, очень неприятного на вид ря-бого мужчины.

— Зачем же вы купили невесте ношенные вещи?

— Я и сам теперь удивляюсь этому.

— Я не верю, что вы купили все это, не отдавая себе отчета. Невозможно, чтобы вы просто так выбросили столько денег, — постарался я вызвать его на возражения.

— Я же говорил, что покупал для невесты, но почему я соблазнился поношенным, я и сам не знаю. Да и не похоже все это было на ношеное... К тому же он отдавал так дешево и... не отставал от меня, будь он проклят! Так и пристал в одну душу: купи да купи. — Серго задумался, опустив голову, и глухим голосом проговорил: — Да, да, я два раза ухаживал от него, и оба раза он загораживал мне дорогу: «Деньги потом отдашь, говорил, я по-соседски тебе доверяю». Заворожил, дьявол, ну прямо заворожил и заставил купить.

— Он что, ваш сосед? Видели вы его еще когда-нибудь?

— Через сто лет встречу и то узнаю! Но в тот раз я видел его впервые, — ответил он, посмотрев мне в глаза таким чистым взглядом, точно говорил: «Загляни через эти глаза мне в душу, и ты увидишь, что я прав».

— Чем вы можете объяснить то обстоятельство, что Позднякова не подтвердила ваше показание? Она говорит, что не просила вас купить ей платье.

— Неужели? — переспросил он простодушно.

— Могу устроить вам очную ставку, если не верите.

— Да нет! Что вы! — вскричал Серго, почувствовав себя неловко. — Верю, как же... Значит, не просила... Я перепутал что-то, — сказал он так беспечно, будто совсем забыл о своем положении.

— Зачем вы ездили позавчера ночью в Навтлуг? — спросил я его так, словно абсолютно был уверен в том, что он на самом деле был в Навтлуге.

Ни один мускул не дрогнул в лице Харадзе, а я очень пристально смотрел на него, но не уловил ничего похожего на тень, которая хоть мимолетно должна была скользнуть по лицу виновного при таком вопросе.

«Или он закоренелый негодяй, — подумал я, — или же наивен и простодушен, как малое дитя».

Серго на мгновение задумался и спросил с улыбкой:

— Откуда вы знаете, что я был в Навтлуге?

— Должно быть, знаю, раз спрашиваю. Если б мы не знали всего, не арестовали бы вас.

— Какая связь между моим арестом и Навтлугом?

«Знает, наверняка знает, почему меня интересует его пребывание в Навтлуге, но прикидывается неведающим».

— Вы сами отлично знаете, какая связь между вашей виной и Навтлугом, — резко ответил я ему и нахмурившись спросил: — Отвечайте, у кого были?

— Позавчера в Навтлуге я был в семье моего близкого друга Сурена Карапетянца. — Ответ был дан совершенно невозмутимым тоном.

— Вера Позднякова знала, что вы там были?

— Нет, Вера ничего не знала, я скрыл от нее, так как был зван к ужину и там немного выпил...

— Ну и что ж что выпили?

— Вера не выносит спиртных напитков и неоднократно просила меня не пить. — Это он проговорил с застенчивой улыбкой.

— Кто-нибудь знал о том, что вы там были?

— Кроме хозяев, никто.

Если кроме хозяев никто не знал о том, что он в ту ночь был в Навтлуге, почему он сказал об этом, почему не скрыл, что ездил в район, где в ту ночь зверски была убита женщина.

«Если он убийца, да еще такой опытный и предусмотрительный, то что происходит с ним сегодня? Почему он не защищает себя? Почему говорит о таких вещах, которые легко мог бы скрыть!» — размышлял я, удивленный его откровенностью.

— В котором часу вы уехали оттуда?

— Около часа ночи.

— Один?

— Да, один. Взял извозчика и...

— Может быть, вам известен номер извозчика? Или вы поможете нам разыскать его?

— Нет, номер мне неизвестен и помочь разыскать его не смогу.

— Хорошо, но если из Навтлуга вы поехали на извознике, то где вы отпустили его? И как очутились в Долобаурском лесу? — спросил я, насторожившись.

— Никогда в жизни не бывал в Долобаурском лесу, — ответил он и посмотрел на меня, точно спрашивая: о чем это вы? При чем тут Долобаурский лес?

Хотя что-то во мне все время восставало против мысли о виновности Харадзе и даже многочисленные улики не убеждали меня, но путь к отступлению был закрыт; внутреннее ощущение — не факт, а факты говорили против него. И мне пришлось признать Серго Харадзе виновным.

Его пребывание в Навтлуге как раз в ту ночь, когда произошло убийство, только углубило подозрение.

— Ваши старания уклониться от ответственности бессмысленны! Должны же вы понять, что все говорит против вас. — Я встал. — Разумнее будет с вашей стороны сознаться во всем!

— Сознайтесь в чем? Объясните, кого я убил? И зачем, с какой целью? Может, я и правда виноват в чем-нибудь, скажите, объясните мне. — Серго тоже встал и смело взглянул мне в глаза. Теперь он стоял передо мной как равный. — Я тоже человек, и человек вполне разумный! Я понимаю, что попал в ужасное положение. Запутался в какой-то роковой петле, чувствую, что непросто выкарабкаться из этого положения, но я верю и в то, что правда будет найдена.

— Мы тоже ищем эту правду. Вы спрашиваете, в чем вас обвиняют. Я вам уже сказал — в убийстве. Что вам еще нужно знать?

— Кого я убил? — спросил он резко, и у него задрожала нижняя челюсть.

— Женщину, беззащитную женщину убили в лесу. Изрубили в куски, и у вас не хватило даже мужества предать земле труп этой несчастной. — Я тянул слова, чтобы перебить его вопросы, естественные и логичные вопросы, которых я старался избежать, так как ответить на них не мог — «Кого убил?», «Какую женщину?»

Харадзе в отчаянии глядел на меня:

— Женщину?! Изрубил, не предал земле... Что вы говорите?

— Да, и не удивляйтесь! Мы нашли в вашей комнате одежду этой женщины, рядом с ее изувеченным трупом валялись на земле ваши документы. Установлено, и вы сами не отрицаете, что были в ту ночь в Навтлуге, затем пятна крови на вашей рубашке... и еще сколько угодно фактов, уличающих вас.

Серго долго молчал, будто потерял дар речи, наконец, облизнув высохшие губы, с трудом проговорил:

— Да, вы правы, вы совершенно правы, все так совпадает, что я даже не вижу выхода, не вижу спасения. — Он крепко зажмурился, точно хотел хоть на мгновение вырваться из этого кошмара, вздохнуть свободно, потом открыл глаза и тоном примирившегося с положением человека обратился ко мне:

— Кого я убил? С какой целью? Словом, расскажите мне подробно суть дела.

— Следовательно я, а не вы! Я имею право спрашивать вас, вы же можете задавать вопросы лишь в том случае, если получите на то разрешение.

— У кого я должен получить его? — спросил он резко и горько усмехнулся.

— У меня. И вообще не советую вам говорить со мной в таком тоне.

— Это почему? Что же худшее может произойти со мной?

— Ничего, конечно. Я вам не угрожаю. Просто призываю вас к порядку. — Я сел. Но Серго все стоял. Воцарившееся молчание нарушил он:

— Значит, вы ничего не хотите мне объяснить?

— Вы знаете то, что вам полагается знать.

— Я вас спрашиваю, кого я убил?

— Вы сами отлично знаете.

— Не знаю.

— Убили человека и даже не поинтересовались, кто он?

— Я вам говорю, что никого не убивал, а если вы настаиваете на своем, то скажите мне, по крайней мере покажите, кого я убил, может быть, тогда я что-нибудь пойму.

— Больше того, что вы от меня слышали, говорить не буду. Я от вас жду объяснений, гражданин Харадзе! — Я повысил голос и постарался принять грозный вид.

Он прищурился, насмешливо покосился на меня и сказал:

— Пока не скажете, кого я убил, вернее, пока не покажете ту, которую я убил, — ни слова от меня не добьетесь. — Он медленно опустил на стул и тяжело вздохнул.

— Так вы отказываетесь давать показания? — спросил я его, понизив голос.

Он исподлобья взглянул на меня и твердо произнес:

— Да, я хочу посмотреть на мою жертву. — Последние два слова он произнес подчеркнуто, с иронией. — Я хочу посмотреть на женщину, которую я изрубил в лесу, не предав земле. — Он нервно вскочил. — Хочу, слышите, хочу, и если все это не сказки, не выдумка, то покажите мне ее! — Он хотел сказать еще что-то, но вдруг заметил свой перевязанный палец и болезненно усмехнулся: — Этот палец я порезал тогда, когда кромсал его, да?

— Не его, а ее, — поправил я.

— Ее? Ах да, платье, пальто, туфли ведь были женские... Но я же вам сказал, что пока... — Он опять сел, протянул руку к лежавшей на столе коробке «Казбека», взял папиросу.

— Пока что?

— Пока не покажете мне труп этой женщины и не расскажете мне все подробно, я говорить не буду.

— Извольте, — сказал я, взявшись за телефонную трубку.

Харадзе с неподдельным любопытством следил за мной. Я вызвал машину.

— Пошли, — обратился я к нему, снимая с вешалки шапку.

— Куда? — спросил он с таким выражением, как будто удивлялся моему поведению, будто не ожидал, что я исполню его желание.

— Туда, куда вы пожелали пойти. — Я потушил свет и вышел в коридор. Он молча последовал за мной.

Рядом с водителем сел уполномоченный, я посадил рядом с собой Харадзе, и мы поехали в первую городскую больницу.

Мне было неясно, зачем ему — виновному или невиновному — понадобилось видеть труп.

«Возможно, что Харадзе, потеряв самообладание, совершил это зверское преступление, убил любимого человека, но страх перед возмездием затуманил в его сознании страшное воспоминание. И вот сегодня — это вполне возможно — затуманенное сознание прояснилось, мелькнула мысль о покаянии, и ему захотелось исповедаться перед останками той, чья смерть, правда, с опозданием, но все-таки вызвала в нем угрызения совести?»

Но даже если все это не так, Харадзе, увидев им же изувеченный труп, непременно изменится в лице, дрогнет же в нем какой-нибудь мускул, и я смогу убедиться в том, что его исключительная выдержка есть результат преступной воли», — думал я дорогой.

...Мы вошли в прозектуру.

При виде трупов Харадзе растерялся, со страхом озираясь вокруг и наконец остановил взгляд на мне:

— Куда вы меня привели? К чему все это? — У него подгибались колени, казалось, что ему стоило громадного усилия удержаться на ногах. Весь бледный, с трясущимися руками, смотрел он на мертвецов и, наконец, увидев труп женщины с отрубленной головой и конечностями, как ужаленный отпрянул и запрокинул голову, точно кто-то замахнулся на него.

Только ужас, смешанный с изумлением, с невероятным изумлением, прочел я на его лице и ничего больше.

«Так притворяться невозможно», — подумал я.

— Что это такое? — спросил он, указывая на обезглавленный труп. — Вот там, в стороне, неужели это человеческое тело?

— Это именно она, не узнаете?

— Кто она? Ничего не понимаю, я сойду с ума!

— Это та самая женщина, которую вы в таком виде оставили в лесу!

— Я оставил?

— Да, вы, зарубили и оставили, — ответил я хладнокровно, подчеркивая каждое слово.

— Я! — Он круто повернулся, точно кто-то его толкнул, нижняя челюсть отвисла, брови высоко поднялись, широко раскрытые глаза налились кровью, и он, шатаясь, пошел на меня.

— Что вы говорите? Как я мог это совершить? Да еще с женщиной?

Он подошел ко мне вплотную. Уполномоченный взял его за руку.

У меня зашевелилось чувство жалости и сочувствия к этому отчаявшемуся человеку. Я отвел глаза, подал знак уполномоченному следовать за нами и вышел из прозектуры. Серго стоял у выхода неподвижно и, вытянув шею, не отрываясь смотрел на труп.

— Что же вы стоите? — крикнул я уполномоченному.

Харадзе вздрогнул и пошел за мной, тяжело ступая, точно пудовые гири висели у него на ногах.

— Бедняжка... если он был не виновен... — еле дыша от волнения, пробормотал мой приятель Давид.

— Виновен-то он был, но жалко все-таки человека, — заметил мой свой Василий.

— Вас взволновал простой рассказ об этом, друзья, а как-то было мне! В моих руках была судьба человека, в виновности которого я сам сомневался, — ответил им Леван и продолжал. — На другой день я вызвал супругов Карапетянц и одновременно поручил секретному отделу разыскать извозчика, который возил в ту ночь Харадзе.

Супруги подтвердили, что Харадзе был у них в гостях. «Мы ждали его к обеду, он пришел к девяти часам вечера, пробыл у нас около часа и ушел», — заявили они.

Показания супругов Карапетянц и Харадзе расходились. Харадзе показал, что был зван к ужину, а Карапетянцы ждали его к обеду. Харадзе говорил, что выпил у них, хозяева показывали, что он пришел к ним в нетрезвом виде.

Вечером в отделение привели извозчика. Он признал Харадзе и подтвердил, что отвез в ту ночь пьяного Харадзе из Навтлуга в Ваке.

Научно-технический отдел дал заключение: рана на пальце Харадзе скорее всего от холодного острого оружия, то есть ножа. Кровь на рубашке оказалась той же группы, что и кровь убитой женщины, хотя отмечалось, что кровь самого Харадзе принадлежит к этой же группе. Таким образом, анализ крови ничего не дал.

На очередном допросе я познакомил моего подследственного с показаниями свидетелей и заключениями научно-технического отдела и долго убеждал его, что отпираться безнадежно, что отвести обвинение невозможно, но он сидел молча, с потухшим взором, глядя куда-то вдаль. Я предложил ему папиросу. Харадзе встрепенулся и с такой поспешностью схватил ее, будто боялся, что отнимут.

Он закурил, жадно затянулся, и глаза у него потеплели — он чуть-чуть ожил.

— Ну так как же? Долго будете молчать?

— Нет... Какой смысл? Уже совершенно ясно, что мои слова не имеют никакой цены. Да и к чему слова, когда я проклят, видимо, самой судьбой. Об этом преступлении мне ничего неизвестно, кроме того, что при наличии таких улик отрицать виновность невозможно. Напишите, что убийца я, я подпишу. На этом кончим.

— Хорошо! Ну, а причина, цель убийства? В деле это нужно указать.

— Извольте. Скажите только мне, кто убит, и я постараюсь сочинить причину, — ответил он тоном примирившегося с бедой человека.

— Как так? Забыли, кого убили?

Харадзе выпрямился, нахмурил лоб, устало прикрыл глаза и глубоко вздохнул:

— Никого не убивал и ничего не знаю, ничего! Но скажите мне, кто она такая, назовите ее, и, чтобы избавиться от этого кошмара, я так построю показание, чтоб никто не усомнился. Это единственно возможное избавление и для меня, и для вас.

Он был похож на уносимого потоком человека, который долго боролся со смертью, выбился из сил и наконец махнул рукой, отдавшись во власть непреодолимой стихии.

Откровенно говоря, мое положение было не лучше. Передо мной был юридически вполне выявленный убийца, жестокий убийца-мститель, который не сегодня-завтра будет наказан со всей беспощадностью закона, и в то же время все мое существо восставало против наказания, восставало против мною же собранных улик.

Харадзе я отправил в тюрьму.

— Подумайте, время у вас еще есть, — крикнул я вслед уходящему, чувствуя, что думать должен не Харадзе, а я, я, который был между двух огней: с одной стороны — правосудие, закон, а с другой — человечность, право считать себя человеком, достойным человеком, налагали на меня обязанность раскрыть это сложное преступление и, если Харадзе не виновен, спасти его, отвести от него наказание.

Задержавшись в дверях, Серго обернулся на мое напутствие, и в его взгляде ясно можно было прочесть: «Я не виновен, теперь все в ваших руках, не губите невинного, избавьте его от позора». Высказав все это одним лишь долгим взглядом, он отвернулся и скрылся за дверью.

Долго сидел я молча за своим столом. На сердце, как камень, лежал его правдивый, умоляющий взгляд.

Нечего было и думать о том, что Харадзе мог сказать что-нибудь новое. Допрашивать его — значило терять время зря. Надо было искать другие пути. Но как?

Если оставить Харадзе в покое, по какому пути направить следствие?

«Предположим, — думал я, — что на месте преступления не были найдены документы Харадзе и об убитой, как оно и случилось, никто не заявил. Ведь я же должен был искать преступника! Чтобы я делал все эти дни, не будь у меня в руках Харадзе?»

Я обязан был в первую очередь установить личность убитой. Разумеется, я должен был начать с этого, если бы Харадзе не отвлек мое внимание.

Но как искать, с чего начать?

После долгого размышления я решил обследовать все дворы того района, жительницей которого могла быть убитая.

Надо было изучить все квартиры, всех жителей, чтобы узнать об исчезновении молодой женщины в положении.

Предстояла очень сложная работа, но никакие затруднения не могли заставить меня отступить — ведь наказанным мог оказаться невинный человек!

«Если эта женщина тбилисская жительница, то я найду след, пусть даже придется обшарить весь город. А если она приезжая? Тогда весь наш огромный труд пойдет прахом! — промелькнула у меня мысль. И все-таки я свой долг выполняю, и, даже если ничего не получится, совесть моя будет чиста», — решил я.

Женщину никто не искал. Заявлений никуда не поступало.

Я оповестил соответствующие органы республики с объяснением сути дела. Предупредил даже Баку и Ереван.

Обследование надо было начать с того района, где убитая могла бы проживать.

Но где?

Долобаурский лес — в восточной стороне города. Возможно, женщина была жительницей восточных районов.

А может быть, здесь жил убийца и женщина пришла к нему? Если это было свидание, то вряд ли она зашла бы к мужчине домой. Кроме того, ведь она была в положении. Так. Эта версия отпадала. Встреча эта не могла быть случайной, и убийство не могло быть совершено с целью грабежа: доказательством тому является отдаленность места преступления даже от лесной тропинки и исчезновение головы и конечностей трупа. Было совершенно ясно, что в Долобаурский лес женщину заманил человек, которому она вполне доверяла.

Может быть, ее убили в другом месте и затем уже приво-

докли труп в лес? Но осмотр места преступления показал, что убийство совершено там, где лежал труп.

Почему никто не заявляет об исчезновении женщины? Может быть, убийцей был муж этой женщины. Тогда он не заявит, чтобы не навлечь на себя подозрение.

Может, что оба — и убийца и убитая — были жителями совсем противоположного района города? Вряд ли. Не станет же тот, кто задумал убийство, вести свою жертву через весь город. Наоборот, он не захочет показываться с ней на улице и будет избегать встреч со знакомыми.

Одним словом, все соображения и, главным образом, след, взятый собакой, привели нас к решению начать розыски в южной части города, изучить левое побережье Куры.

Леван расстегнул воротник, отпил воду и продолжал:

— Я ознакомил с моим планом действий начальника. Он одобрил все, дал санкцию, и мы не медля взялись за дело.

... Сведения о выбывших из города женщинах поступали со всех сторон. Но на наши запросы мы получали одинаковые ответы: «Приехала, пребывает здесь», или: «Была и выехала».

Месяц работы подходил к концу. Левый берег Куры почти весь был изучен, но даже надежда на успех не появлялась. Чем больше проходило времени, тем больше я волновался. Вдруг всю эту огромную работу я затеял зря и личность убитой не удастся установить?

Какая участь постигнет тогда Харадзе, в чьей виновности я так сомневался?!

Да, я-то сомневаюсь, но... вдруг Харадзе правда убил эту женщину и не помнит об этом? Тогда и его упорное отрицание виновности, и его искренность, и его правдивые глаза — все объяснимо.

По показаниям свидетелей, да и самого Харадзе, он любил выпить, и именно это обстоятельство делало допустимой мысль, что преступление могло быть совершено в состоянии алкогольного трюса.

— Как это? Совершить такое чудовищное преступление и забыть об этом? Ничего себе! — прервал Левана Василий, подвигаясь ближе к столу.

— Да, — усмехнулся Леван, — бывает, представьте себе! У преступников мы встречаем такие психические отклонения, когда преступление совершается при помраченном сознании. Это аномалия, болезнь в скрытой форме. Психических заболеваний множество. И одно из них имеет прямое отношение к моему рассказу. Это алкогольная эпилепсия, болезнь, которая может привести вполне порядочного человека, толкнув его на преступление.

— Обычная эпилепсия это сведение мышц, то есть судо-

роги с выключением сознания. Во время припадка человек теряет сознание, на губах появляется пена, зрачки останавливаются и делаются нечувствительными к раздражающему объекту — не реагируют на поднесенную близко зажженную свечу. Это все специфические признаки припадка обычной эпилепсии, вызываемой в результате травматического повреждения коры головного мозга.

Но существует еще и алкогольная эпилепсия, которая вызывает транс с потемнением рассудка, бредом и другими типичными признаками обычной падучей с той только разницей, что в трансе алкогольной эпилепсии больной сохраняет способность к действию, хотя действия его и не управляемы сознанием. Припадки алкогольной эпилепсии возникают обычно на почве большого скопления в организме спиртных напитков.

Если у такого больного вследствие систематического пьянства припадки учащаются, то он делается очень опасным для общества. Во время припадков (таких больных называют алкогольными лунатиками) человек подвержен аффекту, его сознание затуманено, он часто раздражается и применяет силу против окружающих. Во время припадка совершенно выключаются память и сознание. Был случай, когда во время припадка алкогольный эпилептик уехал из одного города в другой и вернулся обратно, а когда припадок прошел, то ничего не помнил. Размышляя о преступлении, я вспомнил об этой форме болезни и решил освидетельствовать психическое состояние Харадзе.

Прокурор дал согласие, и заключенного поместили в психоневрологическую клинику.

...Дверь из другой комнаты открылась, и хозяйка пригласила гостей к накрытому столу. Но, извинившись перед хозяйкой, мы остались сидеть — все хотели дослушать рассказ, — и Леван продолжал:

— Обследование левобережной части города было безрезультатным. Началось обследование правого берега.

Из психоневрологической клиники каждый день поступали сведения о том, что наблюдения над заключенным Харадзе продолжаются, но никаких признаков болезни обнаружить не удается.

Что можно было еще сделать? Какие меры предпринять, если Харадзе окажется совсем здоровым и личность убитой не будет установлена?

Проходили дни, недели. Дело о таинственном убийстве камнем лежало у меня на сердце.

Не знаю даже, что бы я сделал, если бы вдруг не поступило сообщение, которое принесло мне надежду.

В очередном донесении было сказано, что в районе имени

26 комиссаров в Лунный тупик, в дом номер пять, недавно переселился из Ортачал некий Мамедов. Дня через три после переселения на новую квартиру вечером он вместе с женой, которая была в положении, ушел куда-то и вернулся один поздно ночью. Сам Мамедов неделю спустя ушел из дома и не возвращался по сей день.

Предчувствие, которое почти никогда меня не подводило, подсказало мне, что Мамедов — человек, которого я ищу.

В первую очередь я стал выяснять, куда Мамедов мог отправить жену.

Секретный отдел выяснил, что она могла уехать только к единственному родственнику их семьи — к своему брату.

Я немедленно связался с бакинскими коллегами и попросил навести справки о семье брата. Из Баку сообщили, что жена Мамедова в их город не приезжала.

Собранные о Мамедове сведения говорили, что это мужчина сорока пяти лет, без определенной профессии, общественно-полезным трудом не занимается. В регистрационном бюро в личной карточке Мамедова насчитывалось пять случаев воровства.

...Весь оперативный состав уголовного розыска был брошен на поиски Мамедова.

Пока его искали, я не мог успокоиться. Хотя я и верил, более того, я был убежден, что убийство совершил Мамедов, иногда сомнения начинали одолевать меня. Может быть, вы спросите, что было причиной моего нетерпения? Когда следователь по-настоящему любит свою профессию и горд сознанием, что служит делу защиты общественного порядка и человеческой жизни, то каждое удачно завершенное дело доставляет ему величайшую радость, радость победы. Для следователя раскрыть сложное, запутанное преступление, обнаружить виновного значит то же, что для охотника метко пущенной пулей уложить наповал тигра. Так вот, друзья, с одной стороны, меня волновало приближение дела к победному концу, с другой — и это было главным — то, что спасалась жизнь человека, в виновности которого я, по интуиции следователя, с самого начала сомневался.

Мне не хватило терпения дожидаться сообщения об обнаружении Мамедова, и я послал своего помощника с двумя оперативными работниками к нему на квартиру.

Мой помощник должен был сказать домоуправу, что уголовному розыску поручено разыскать пропавшего Мамедова и установить, жив ли он вообще. И якобы для этого комендант должен был разрешить в присутствии свидетелей открыть комнату Мамедова и осмотреть ее.

На самом же деле надо было тщательно обыскать комна-

ту, и я надеялся, что будут найдены вещи, уличающие Мамедова в убийстве жены.

Уже светало, когда оперативные работники вернулись в отделение. По выражению их лиц я сразу понял, что «рейд» был успешным.

И действительно, в комнате был найден халат, на передней фалде и левом рукаве которого была засохшая кровь. Следы крови, хоть и еле заметные, были и на маленьком плотничьем топорике. А самое главное — был найден пояс от женского платья, от такого же платья, какое Харадзе купил у незнакомца: тот же цвет и та же ткань. К тому же оказалось, что и внешне (по показаниям соседей и той единственной фотокарточке, которую мой помощник нашел в его комнате) Мамедов был очень похож на незнакомца, описанного Харадзе в показаниях.

Надо было учесть также переезд Мамедова из одного района города в другой — перемену квартиры. Это похоже было на подготовку убийства: в незнакомом месте соседи не заинтересуются исчезновением новой жилицы, как старые, давно знакомые соседи.

В тот же день я вызвал из Баку брата Мамедовой.

К девяти часам утра я собрался в клинику к Харадзе, но оттуда по телефону сообщили, что во время утренней прогулки заключенный Харадзе убежал и скрылся.

Бегство Харадзе не повлияло на мое отношение к делу или к самому Харадзе — в его положении со всяким это могло случиться.

Приехал брат убитой. Когда ему показали платье, пальто и туфли, он воскликнул:

— Это пальто и платье моей сестры, я привез их ей три месяца тому назад!

— Был ли у платья пояс? — спросил я и показал ему пояс, найденный в комнате Мамедова.

Он осмотрел пояс и сказал:

— Разве вы сами не видите, что пояс именно от этого платья? Вот и пятна йода — мой мальчик разлил йод в тот день, когда я купил это платье.

Таким образом, все говорило за то, что убийца Мамедов, если, конечно, мы не имеем вновь дела с необычайным совпадением в фактах.

К шести часам вечера, утомленный бессонной ночью и тяжелым рабочим днем, я собрался было домой, когда сотрудник секретного отдела сообщил мне о местопребывании Харадзе. Вместе с ним я немедленно поехал на улицу Дзержинского. Мы остановились перед двухэтажным домом. Нам нужна была первая квартира на втором этаже.

Я мчался по лестнице, как птица. В тот момент я не был следователем, я мчался, как человек, несущий радостную весть. Я видел перед собой лицо Харадзе и представлял себе, как я ему скажу: «Серго, прости меня...» Нет, не представлял, я уже сказал ему это, он молча кинулся мне на шею... расцеловал.

... В первой комнате сидела за шитьем пожилая женщина. Из-за приоткрытой двери другой комнаты я услышал голоса. «Он там», — мелькнула у меня мысль.

— Вам кого? — крикнула мне женщина, вскочив с места.

— Никого, — ответил я на ходу и быстро вошел в другую комнату.

Я лишь увидел Харадзе и ошоломленную Позднякову, как раздался возглас: «Не отвяжетесь?» И одновременно послышался выстрел из револьвера.

Серго с ловкостью серны прыгнул в открытое окно.

Я мог выстрелить, мог убить его, но рука моя не поднялась.

Я хотел крикнуть ему вдогонку: «Ты не виновен, не убегай!» и подался было к окну, но вдруг точно кто-то толкнул меня, в глазах потемнело, и я упал как подкошенный, почувствовав жжение под сердцем.

...Двадцать дней продержали меня в больнице.

Накануне того дня, когда я должен был выписаться из больницы, ко мне пришел мой помощник и сказал:

— Осужденного за воровство Мамедова мы обнаружали в горийской тюрьме.

Я поручил ему немедленно перевести Мамедова в Тбилиси и просил без меня его не допрашивать.

На другой день из больницы я поехал прямо в отделение, чтобы допросить заключенного, встречи с которым так давно жаждал.

Передо мной сидел профессионал-рецидивист. Его темное, рябое лицо, подпаленные ресницы, глубоко сидящие маленькие глаза цвета копоты, блуждающий мутный взор, узкий лоб, плоский, как доска, затылок, сросшиеся на переносице густые брови, остроконечный подбородок на длинном лице и покрытые ржавым налетом зубы за тонкими, узкими губами производили отталкивающее впечатление.

— Мамедов Али, это вы?

— Да, я, — ответил он вполголоса, прищурившись.

— По какому делу арестован? За что осужден?

— За воровство, — ответил он несколько громче, но таким тоном и с таким выражением лица, точно говорил: так спрашиваешь, будто сам не знаешь.

— Расскажите, кого, где и как обворовали?

Меня меньше всего интересовали его воровские дела, но я хотел некоторое время побеседовать с ним, хотел выяснить для себя, что это за человек, чем его легче взять — лаской или угрозой, как к нему лучше подойти — обходным путем или напрямик, выложив все улики.

— Чего рассказывать? Я все уже рассказал тем, кто вел мое дело. Рассказал, потому что все и без того было ясно и отпираться ни к чему, — проговорил он, будто разговаривая с самим собой, и достал из кармана кисет.

«Все было и так ясно и отпираться ни к чему», — эти слова в его ответе были особенно значительными для меня. Я решил, что долго возиться с ним не придется.

— Где вас арестовали? — спросил я, обдумывая, с чего начать разговор о деле.

— В Гори. Приехал на гастроли и вместо наживы очутился за решеткой. Ничего не поделаешь, профессия такая: когда идешь на дело, одеяльце для тюрьмы держи за пазухой.

— Вы по профессии вор?

— Так точно. И все мое несчастье в том, что у меня одна-единственная профессия — воровство. У других счастливицов есть и другие профессии.

— Я не понимаю сути вашей философии, — сказал я.

Он почтительно усмехнулся, обнажив ржавые зубы, и неподдельно взглянул на меня.

— Много существует профессий, удобных и годных для воровства. Но если ты просто вор и больше ничего, то быстро свернешь себе шею.

— Вашей жене нравится ваша профессия? Она вам сочувствует? — спросил я, словно упоминание жены к слову пришлось, и переставил чернильницу, наблюдая за Мамедовым.

Али принадлежал к тому сорту людей, которые довольно равнодушно относятся к жизни вообще и не утруждают себя мыслями о том, что может последовать за их действиями или даже за признанием вины. Это был редкий, но хорошо знакомый нам тип, которому похвала, теплое слово, изображение его проступка в ореоле геройства и мужества доставляли огромное удовольствие и делали его откровенным и податливым, как воск.

При упоминании жены он, как и следовало ожидать от такого типа, и бровью не повел.

— Жена? — переспросил он спокойно, подняв голову. — А вы откуда знаете, что ей не нравилась моя профессия?

— Знаю, как не знать?! Но разве у нее была лучшая профессия?

— Какая там профессия! Вы откуда знаете, что нравится

или не нравится моей жене? Вы же ее не знаете! — проговорил он одним духом. Мамедов вовсе не думал сейчас о том, что говорил. Он изо всех сил старался загладить ошибку, которую допустил вначале: вместо неосторожно сорвавшегося с уст «нравилась» он теперь подчеркнуто громко налегал на слово «нравится».

— Разве такая уж большая разница между вором и женщиной легкого поведения? — спросил я, вливаясь глазами в смешавшегося Мамедова.

— Легкого поведения? — он облизнул тонкие губы, левое плечо его передернулось.

— Да, легкого поведения. Когда о такой женщине заходит разговор, перед глазами встает мое прошлое. — Я встал и спокойно подошел к шкафу, открыл его и продолжал: — Вскоре после женитьбы молодая жена изменила мне, променяла на другого, опозорила, запятнала мою честь. — Я достал из шкафа туфли, пальто и платье и положил на стол. — И я ее заколол, изрубил на части.. — Я взглянул на Мамедова, который изумленно смотрел на вещи, лежащие на столе. Он протер глаза, обернул лицо и опять уставился на вещи. Я достал из шкафа пояс от платья, окровавленный халат, топорик и положил тут же. Вот тут-то Али прикусил губу, глубоко вздохнул и опустил голову, а я продолжал: — Я отсидел всего лишь год за это дело. По выходе из тюрьмы все знакомые и незнакомые встречали меня с почетом и уважением.

Тут Мамедов поднял голову, выпрямился и так посмотрел на меня (очевидно, примирился с судьбой), точно ничего не произошло. — Но это совершил я! Не всякий способен на такое мужество.

Али нахмурился.

— А вы думаете, я менее мужественный? — воскликнул он и привстал так, точно делал это через силу, не по необходимости.

— Если бы вы были настоящим мужчиной, то убили бы жену за измену, а не из-за...

— Откуда вы знаете, за что я убил мою жену, мою Нурию?

У меня отлегло от сердца, я вздохнул свободно.

— Если бы вы ее убили за измену, то не стали бы скрывать этот достойный поступок, — ответил я делано взволнованным тоном и отвернулся.

— Я и не думал скрывать. В камере я многим рассказал об этом, — парировал он и с каким-то идиотским самодовольством взглянул на меня.

..Было шесть часов вечера, когда Мамедов подписал последний лист показания.

Вот что он рассказал:

— Жена моя, Нурия Мамедова, — показал Али, — днем и ночью донимала меня, чтобы я бросил воровать. Но я не мог отказаться от ремесла, к которому привык с детства.

Однажды ночью я и мои товарищи обворовали чью-то квартиру и добычу спрятали у меня.

Еще до рассвета нас всех арестовали, и все наворованные вещи отобрали.

Нас судили, посадили в тюрьму, а Нурию не тронули.

Товарищи заподозрили мою жену и меня как мужа доносчицы и чуть не придушили в тюрьме.

Там они взяли с меня клятву, что по выходе из тюрьмы я убью Нурию. — При этих словах, правда, ни один мускул не дрогнул на его лице, но я увидел слезы на его глазах. Он, видимо, почувствовал себя неловко и не мигнул до тех пор, пока слезы не высохли.

— Отбыв наказание, я вышел на свободу, — продолжал он. — Прошло пять месяцев, но я и не думал убивать мою жену.

Я не выходил из дома, избегал товарищей, — вам ведь известно, что наши ребята за нарушение клятвы наказывают смертью.

Наконец те, кого я избегал, явились ко мне в дом и дали три дня срока: я должен был убить жену или себя. В противном случае они угрожали заколоть меня, как свинью.

Я испугался угрозы... Будто бы для того, чтобы отправить в Баку к брату, я повел Нурию на Навтлугскую станцию по короткой дороге... заманил ее в лес и убил.

Вопрос: Зачем вы отрубили у трупа голову и конечности?

Ответ: Чтобы нельзя было опознать убитую.

Вопрос: Куда вы дели отрезанные части?

Ответ: Закопал на расстоянии с полкилометра от места убийства.

Вопрос: Почему не закопали труп целиком?

Ответ: Я вернулся было за этим, но по дороге встретил человека в военной форме и убежал.

Вопрос: Куда вы дели одежду убитой?

Ответ: Продал некоему Харадзе в Ваке.

Вопрос: Какому Харадзе?

Ответ: Рядом с убитой я оставил документы именно этого Харадзе, чтобы запутать след. Потом я предложил ему же за бесенок одежду, и этот простофиля купил ее.

Вопрос: Почему продали вещи именно ему?

Ответ: Я рассчитал, что, найдя документы на месте убийства, произведут обыск у Харадзе, и когда у холостого

человека обнаружат женское платье, это усугубит подозрение.

Вопрос: Как очутились у вас документы Харадзе?

Ответ: Я их купил у знакомого карманщика.

Вопрос: С какой целью обменяли квартиру?

Ответ: Чтобы соседи ничего не заподозрили. В новом месте нас никто не знал, и я решил, что исчезновения Нурии никто не заметит.

...На другой день Мамедова повели в Долобаурский лес и заставили разыскать конечности убитой.

— Таково было нашумевшее в свое время в Тбилиси дело об убийстве в Долобаурском лесу.

Леван встал, потянулся, подошел к окну и уселся на подоконник.

— А Харадзе?

— Что случилось с Харадзе? — забросали Левана со всех сторон вопросами.

— Харадзе как сквозь землю провалился. С тех пор в Тбилиси никто о нем ничего не слышал. Мы даже объявили его розыски во всесоюзном масштабе, хотели, чтобы он вернулся в родной город, продолжал учебу, но ничего не вышло. Он не объявился. Должно быть, изменил фамилию и, кто знает, где он укрылся.

— А Позднякова? Его невеста?

— Позднякову я встретил года через два на улице. На руках она держала маленького сынишку. Оказывается, год прождала Харадзе, а потом вышла замуж за другого.

— Если бы до него дошла весть о разоблачении Мамедова и о вашем выздоровлении, он вернулся бы в город, — высказал я свое соображение. — Но как же Юрий? Ты не рассказал еще про мальчика?

— Куда делся Рудко? Что с ним стало? — слышалось со всех сторон; и все посмотрели на меня, как на хозяина и близкого друга Левана. Я молчал, посмеиваясь в душе, потому что знал, что Леван не остановится на полпути. Нас интересовали дела самого Левана, рассказ о которых он прервал из-за истории Харадзе.

— Ты рассказывал о своем отряде, не так ли? — спросил я Левана с улыбкой.

— Да, рассказывал. На чем я остановился?

— Юрия послали к «дядьке Давиду».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Точно! Юрия я послал в Березовку, чтобы наладить связь. В этой деревне был расположен штаб немецкой дивизии.

Проникнуть в эту деревню чужому было бы очень трудно. Юрий же был из этой деревни. Вот почему я остановил свой выбор на нем.

По нашему расчету, мальчик должен был вернуться на четвертый день, но вот уже пятый раз зашло солнце за горизонт, а его все не было.

Я тревожился. Юрий был аккуратный, дисциплинированный мальчик, очень смекалистый и ловкий. Его опоздание не предвещало ничего хорошего.

Отряд приуныл.

Надежда Игнатьевна, видя как напряженно, неотступно думаю я о мальчике, старалась не заговаривать о нем и только в немом отчаянии ходила за мной по пятам.

Прошел седьмой день, а Юрий все не появлялся.

...Медлить дольше было невозможно, и я решил послать в Березовку двух разведчиков, а на другой день самому последовать за ними с отрядом. Я рассчитывал залечь в лесу, недалеко от деревни и, если разведчики донесут, что Юрий в беде, глубокой ночью устроить налет на деревню, создать панику в немецком штабе и отбить нашего маленького разведчика.

Митрофан и Петр были согласны с моим планом.

Мы принялись за подготовку операции. Я отдавал последние распоряжения готовым в путь разведчикам, когда получил приказ нашего командования: к утру взорвать мост через Днестр, чтобы отрезать немцам путь к отступлению.

Мост, который особо охранялся немцами, был на расстоянии двадцати километров от нас.

Получить такое ответственное задание от командования армии очень почетно, и отряд с радостью встретил эту весть, но мысль о том, что мы должны оставить Юрия в беде еще на целый день, отравляла радость. Во всяком случае пришлось изменить план. Мы стали готовиться к операции.

Готовый к выступлению отряд ужинал, когда в палатку пулей влетел Митрофан.

— Юрий! — И Митрофан уступил дорогу «дядько Давиду», который нес на руках мальчика. За ним шли Надежда и Петр. Мне сразу бросилось в глаза опухшее, посиневшее лицо юного разведчика.

...Юрий лежал в постели. Мать, сидя на пенечке у изголовья, дрожащими губами целовала сына.

Долго молча сидели мы у постели. Радость лишила нас дара речи. Наконец я обратился к Давиду:

— Что стряслось с Юрием?

Давид был похож на человека, только что прошедшего сквозь геенну огненную.

Скручивая заскорузлыми пальцами из обрывка газетной бумаги цигарку, он с трудом повернулся ко мне и сказал:

— Сегодня Юрий уже может говорить. Пусть сам расскажет, как было.

Маленький разведчик улыбнулся нам, с трудом приподнявшись в постели.

— Сегодня мне лучше, говорить могу, — сказал Юрий. — На второй день около полуночи я пошел в Березовку. Через всю деревню прошел, живой души не встретил, лая собаки не слышал. Осторожно обойдя лавки, остановился около колхозного клуба и вдруг в конце площади заметил столб, на котором висел человек.

Послышались шаги, я прирос к стене.

Прошли солдаты.

Я осторожно подполз к столбу.

На виселице качалось тело девочки, босой, в тоненьком платьице.

На прибитой к столбу побеленной доске была надпись: «Надежда Ивановна Зинченко, повешена за содействие партизанам. За снятие трупа — расстрел».

— Это была Надя, мама, Надя Зинченко! — обратился Юрий к матери, и глаза его наполнились слезами. Надежда Игнатьевна горестно вздохнула. — Я хотел снять, похоронить бедняжку, — продолжал Юрий, — но с поручением нельзя было медлить, и я пошел дальше.

Не доходя до дома «дядько Давида», я вдруг услышал женское пение. «Все плачут, — подумал я, — а она поет?»

Остановился у ворот, прислушиваясь, и узнал двор бедняжки Нади. Дом был разрушен. Я постоял и пошел дальше.

Во дворе «дядько Давида», как было условлено, протяжно свистнул, три раза постучал в дверь и кашлянул. Дверь открылась, хозяин узнал меня и обнял.

Юрий остановился, посмотрел на Давида, а тот, словно по уговору, продолжал:

— Удивился я, по правде сказать, не ожидал этого малыша. Слава богу, говорит, что живы и здоровы; я же говорю: к чему, сынок, такая жизнь, сердце кровью обливается. «Собаки, говорит, боялся, да ничего, проскользнул, не учуяла». А мне смешно. Мальчонка-то не знает, что ни одной собаки на селе не осталось: одни с голоду подохли, других мы сами прикончили. Грешно держать таких — человечины отдавали, наших же, убитых врагом. Юрий все спрашивал: «Куда люди подевались, почему деревня пуста?»

Мрак объел землю, говорю, а то не бывало никогда, чтобы здоровые люди от солнца убегали.

— Кто же это поет, спрашивает, рядом? Да то был плач, а не пение. Это мать нашей Надюши пела, горемычная.

Как увидела дочку на виселице, тут же и рехнулась, несчастная, и с тех пор все поет — дочку, мол, замуж отдаю, жениха да сватов встречать надо с пением, говорит.

Две крупные слезы скатились у Надежды Игнатьевны по щекам. Давид продолжал:

— Юрию я объяснил подробно все, все уголки и уголочки вражеского расположения обрисовал ему и в ту же ночь отпустил.

Наутро мой человек сообщил, что Юрий наскочил на патрулирующих немцев, что он схвачен, что его пытали, но он даже себя не назвал. Я пришел в отчаяние.

На другой день перед комендатурой собрали всех стариков и детей. Я был тоже.

— Сейчас покажут нам Быкова Юрия, никто его не должен опознать, — шепнул я рядом стоящему старику.

Мое предупреждение с быстротой молнии облетело всех собравшихся. Нас заставили ждать долго. Наконец показался комендант — капитан Миллер. Ехидно улыбаясь, он крикнул: — Молчать! — хотя никто не думал шуметь, кругом и без того все молчали.

— Задержан мальчик Быков, — продолжал он. — Житель этой деревни. Как известно, он вместе с матерью своей примкнул к партизанам. — Миллер остановился, оглядел собравшихся и, точно почувствовав молчаливое сопротивление и готовность стать на защиту своего односельчанина, переменял интонацию: — Хочу спросить вас, какой это мальчик, и сто́ит он того, чтобы облегчить ему наказание.

Капитан грозно посмотрел на стоявшего рядом ефрейтора, приказав:

— Вывести его!

Вывели Юрия, бледного, с ввалившимися глазами.

— Родимый мой, сыночек мой! — прошептала Надежда Игнатьевна, крепче прижав Юрия к груди. Давид продолжал:

— Ну, что скажете? — обратился к нам Миллер.

Сердце у меня заныло, когда я увидел печать обреченности на лице мальчика. Я встал на цыпочки, хоть ростом бог меня не обидел, подался вперед, выдавил на лице улыбку и, поймав взгляд Юрия, подмигнул ему. Я увидел, что на его лице, как луч на прояснившемся небе, сверкнула искра надежды.

Толпа заволновалась.

— Никакой это не Быков!

— Да разве это Быков?

— Скажите ему, что этого мальчика мы не знаем.

— Он не наш, не из нашей деревни, — галдели со всех сторон так, чтобы слышал Миллер.

— Что скажете, спрашиваю я? — заорал Миллер, взбешенный неудачей.

В это время с улицы послышалось женское пение. Это была несчастная Марфа, Надюшкина мать. Странно разряженная, она зашла во двор, смеясь и пританцовывая, потом нахмурилась.

— Что же вы не идете? У нас свадьба, кушать подано, все остынет, ну, идем же. — Марфа подбежала к Миллеру. — Эй, дурень! Чего задерживаешь народ? Отпусти! Пойдем и ты, нажрись! — Она оглядела всех и задержала взгляд на Юрии. — И ты здесь, соколик? Ну, пошли, пошли, скорей! — женщина тронула Юрия за подбородок и улыбнулась ему.

Миллера озарила мысль. Он схватил женщину за руку, показал на Юрия и спросил:

— Кто такой этот юноша?

— Этот? — Помешанная расхохоталась — Это Юрий, сын Георгия Быкова, мой зятек, господин офицер, да зять, муж моей Надюши...

Этого Миллеру было достаточно.

Мы разошлись. А что произошло с Юрием в дальнейшем, пусть расскажет он сам. — Давид нервно зажал в кулак бороду и нахмурил лоб.

— Меня опять заперли в подвал, — начал Юрий. — Два дня никто не показывался, в подвале ничего не было, даже соломы, только кувшинчик с обломанным горлышком стоял с водой. На третий день утром слышу — дверь заскрипела. Кто-то вошел.

— Вставайте, юноша! — услышал я голос Миллера. На этот раз голос был не такой резкий, как всегда. Я встал. Передо мной с сигарой в зубах стоял Миллер.

— В чем дело, Быков? Чем озабочены? Плохо себя чувствуете?

— Я не Быков, я Сомов, Володя Сомов, родителей потерял и ищу их. Почему не верите, господин офицер? — ответил я и смело посмотрел ему в глаза.

— Это не имеет значения. Вы скажите, что вас беспокоит? Не хотите ли чего? — спросил он деланно заботливым тоном.

— Ничего меня не беспокоит, кроме голода, — ответил я.

— Голода? — удивился капитан.

— Ну да. Я три дня не ел.

— Три дня? — вскричал он. — Я накажу виновного! Как можно морить голодом мальчика? Кто посмел? — Капитан поспешно вышел.

«Что это может означать? — думал я. — Вчера этот зверь

пытал меня, а сегодня... За этим скрывается что-то, очевидно, мне готовят новое испытание».

Вскоре после разговора с капитаном солдат принес белый хлеб и миску с рыбными консервами. Все это он почтительно поставил передо мной.

После трехдневной голодовки я набросился на пищу и умял все до крошки. Наевшись досыта, я улегся и заснул.

Должно быть, недолго я спал спокойно. Внезапно я почувствовал какой-то ожог внутри, точно раскаленное железо коснулось моей груди. Я вскочил и увидел, что очутился вдруг на берегу реки, но река пересохла, и воды в ней не оказалось. Я пошел в лес и набрел на наш лагерь. У палатки мама стирала белье. «Мама, воды! Дай мне напиться!» — закричал я, но мамины руки высохли.

— Ох, горе мне, мальчик мой ненаглядный, жажда во сне так мучает человека, — простонала Надежда Игнатьевна, утирая слезы.

— Я вошел в палатку, — продолжал Юрий. — «Дядько Давид» держал в руках кувшин. Вода, журча, лилась оттуда. Я схватил кувшин, но он оказался пустым. Я умирал от жажды. Выбежав из палатки, я наткнулся на Миллера. Он указал на меня и истерически расхохотался. Я вздрогнул и проснулся.

Жажда мучила меня и наяву.

Уже стемнело. В подвале стоял непроглядный мрак. Я вскочил и стал искать кувшин с водой, но его не оказалось. Решив вызвать караульного, я стал стучать в дверь.

— В чем дело? — послышалось за дверью.

— Воды, задыхаюсь от жажды...

— Воду отравили партизаны. Капитан запретил пить воду, — был ответ, сопровождаемый смехом.

— Что значит запретил? Я хочу пить, у меня все горит внутри, — выдавил я с трудом и тут же свалился на землю. Дышать было невозможно. Воздуха не хватало.

— Молчать! — заревел караульный, ударив стволом автомата об дверь.

Что я мог сделать? Замолчал и растянулся на холодном земляном полу.

...Светало, когда я второй раз постучал в дверь. Ответ был тот же. Я подполз к стене и стал облизывать оголенные от штукатурки камни. Нашел кусочек кирпича, стал его сосать.

Внезапно дверь открылась, и двое солдат поставили на пол большой чан с краном. Подставили кувшин, и вода полилась. Я как замороженный смотрел, как лилась вода в кувшин, я терял сознание, язык был тяжелый, как бревно.

Дверь закрыли. Шум льющейся воды за дверью сводил меня с ума.

— Если расскажешь, к кому и с чем тебя послали партизаны, то получишь воду, а нет — так подохнешь в корчах. — услышал я за дверью голос Миллера.

...Было около двух часов ночи, когда я пришел в сознание. Я лежал в кабинете Миллера, во рту была мокрая вата.

— Поднять на ноги! — приказал капитан.

Меня посадили на стул. Я еле дышал, но ясно видел сидящего в кресле Миллера. Капитан налил в хрустальный стакан воду и, смакуя, выпил. Мокрая вата во рту вдруг превратилась в солому, я выплюнул ее и бросился к Миллеру.

— Воды... — кричал я, но солдаты схватили меня. «Щенок!» — услышал я резкий смешок Миллера.

Миллер встал, подошел ко мне, поднес к моему носу стакан и налил туда воду.

Брызги холодной воды заливали мне лицо.

Выносить эту пытку не было сил, я закрыл глаза.

— Скажи мне, где находятся партизаны, и я дам тебе пить, — прошептал мне в ухо капитан. От злости я почувствовал вдруг прилив сил, откинулся, навалился на двух солдат, которые стояли за мной, и со всей силой, какая нашлась у меня, ударил Миллера в пах так, что тот, согнувшись в три погибели, упал на пол.

Не помню, сколько человек и сколько времени били меня. Не знаю, сколько времени валялся я на полу без сознания. Когда я пришел в себя, Миллер сидел в своем кресле и сосал апельсин. Лицо и грудь у меня были залиты водой.

— Тащите его в подвал! Выдерните ногти, выколите глаза этому собачьему отродью!

Миллер сосал апельсин и рычал как пес, у которого отнимают кость.

Солдаты схватили меня за ноги и потащили во двор. Миллер тоже последовал за ними, видно, захотелось ему подышать свежим воздухом. И вдруг... в густом ночном мраке раздался выстрел и...

...Миллер свалился как подкошенный. Солдаты пустились наутек. За выстрелом последовал взрыв, и в комендатуре погас свет. Я прижался к земле, спрятав голову, но кто-то подскочил, схватил меня за руки, прижал к груди и побежал. Где-то рядом заржал конь; тот, у кого на руках я был, вскочил в седло, посадил и меня перед собой...

— Кто же это был?

— Не знаю, кто это был. Было очень темно, но если бы даже это случилось и днем, я был в таком состоянии, что все равно не узнал бы его. Всадник въехал во двор «дядько Давида», молча посадил меня перед избой и так же внезапно исчез, как и появился.

— На звук конского топота я выглянул во двор и ахнул — у порога лежал Юрий, весь в крови, — снова продолжал рассказ Давид, встал и, сняв с себя овчину, добавил: — Слава богу, все благополучно окончилось, но мысль об этом всаднике покоя мне не дает.

— Это «друг»? Кто же еще на такое мог решиться? — вскричал я, восхищенный геройским поступком неизвестного.

— Точно! «Друг», не иначе!

— Ну, конечно же «друг», — слышалось со всех сторон.

В назначенное время я повел отряд «на дело».

До рассвета оставался час, когда мы подошли к мосту, который должны были взорвать. Левый берег реки был лесистый. На этой стороне у немцев были расположены хорошо замаскированные зенитные орудия. За орудиями на горке — наблюдательный пункт и пулеметная точка.

Мы взяли в окружение зенитчиков, а Митрофана Егоровича с двадцатью бойцами я отправил взрывать мост. До рассвета наши ребята должны были успеть снять сторожевые посты и заложить мины. Как только мост будет взорван, я должен был атаковать зенитчиков, смять их, вывести из строя их орудия и скрыться в лесу. Таков был план действий.

Митрофан Егорович поручение выполнил в срок: снял посты и прислал мне сказать, что начал закладывать мины.

Рассвело. Когда на мосту появился поезд с немецкими войсковыми частями, ребята зажгли фитили и скрылись в лесу.

Поезд прошел через мост и остановился. Немцы подняли тревогу — они заметили укрывшихся в лесу партизан.

Вдруг адский грохот потряс воздух. Мост сначала встал на дыбы, а затем, как обезглавленное чудовище, рухнул в воду. За железнодорожной насыпью залегла, приготовившись к бою, кучка фашистов.

Прямо на нас пошла немецкая сотня, с востока открыли огонь зенитчики, с запада нам путь преграждала глубокая река. Я командовал отходить к лесу с боем.

Немцы остервенело наступали со всех сторон. Отходящий к югу отряд был встречен огнем замаскированного на горке пулемета.

Мы оказались в окружении.

— Сдавайся, русс! — кричали немцы.

Митрофан Егорович был ранен в руку.

— Надо снять их пулемет, и путь нам открыт! — крикнул я бойцам.

— Разрешите мне? — воскликнул Митрофан.

— Ты ранен, разрешить не могу, — ответил я и обратился было к одному из бойцов, но в это время выскочил вперед Петр Васильевич.

— Ложись! Куда ты! — крикнул я ему, и Петр лег, но лег навсегда. Пуля попала в сердце.

Судьба отряда была решена. Выхода не было.

Я решил начать атаку, рукопашный бой, но в это время на горке, в том месте, где была огневая точка, из гнезда пулемета вырвалось пламя, а затем последовал взрыв.

Вскоре на горке ветер развеял дым, и показался всадник в черной развевающейся бурке. Он мчался во всю прыть.

— Это он! — воскликнул Митрофан.

Всадник подъехал к нам, на минуту осадил коня и крикнул:

— К горке! Путь свободен!

«Неизвестный друг» повернул было коня, но внезапно со-

гнулся и, припав грудью к гриве коня, свесился с седла. Конь остановился, с тревогой озираясь на хозяина...

...Я остался на месте с десятью бойцами. Отряду скомандовал отходить к горке, забрав раненых.

— Позаботьтесь о «друге»! — крикнул я им вслед.

— Мы дрались с врагом до тех пор, пока отряд не отошел в лес.

...К десяти часам вечера вернулся я с ребятами в лагерь. Перед палаткой меня встретил Митрофан.

— Где «друг»? Жив? — спросил я, волнуясь.

— Жив. В вашей палатке лежит, — ответил он.

В освещенной палатке на койке рядом с Юрием лежал неизвестный. Между ними на пенечке сидела сияющая Надежда Игнатьевна. Она поднялась навстречу мне.

— Леван Аркадьевич! Ведь оказалось, что «Неизвестный друг» — это Георгий, мой муж. — Надежда Игнатьевна обняла меня, на глазах ее блеснули слезы радости.

Я подошел к «Неизвестному другу».

Раненый широко открытыми глазами смотрел на меня, улыбаясь.

От неожиданности у меня захватило дыхание: передо мной лежал не Рудко, а Серго Харадзе, тот самый Серго Харадзе, который восемнадцать лет назад угостил меня пулей.

— Не хотел встречаться с тобой, сторонился, но и бросить тебя в этой кровавой бойне не мог. И семью хотелось держать поближе.

— Серго, друг дорогой! — воскликнул я, опускаясь на колени у койки, и, откинув серебрившуюся прядь с его лба, припал губами к выжженной на нем звезде.

— Теперь можешь судить меня, как убийцу, — сто девяносто фашистов отправил на тот свет, — сказал он, широко улыбаясь и подмигивая лукаво.

— Почему «Серго»? — спросила удивленно Надежда.

Юрий приподнял голову.

— Ваш муж — Серго Харадзе, а не Георгий Быков, дорогая Надежда Игнатьевна! Он грузин, мой сородич!

— Серго Харадзе? Так это тот самый? — спросил изумленный Митрофан, вспомнив мой рассказ о происшествии в Долобаурском лесу.

— Он, он самый! Я не ошибся, когда посмотрел на фотокарточку отца Юрия и вспомнил Серго.

...Ветер донес в палатку залп орудий.

— Гроза надвигается? — спросил меня Серго.

— Это гроза наших орудий. Советские войска надвигаются, приближаются, радуйся, брат.

И погладил его по лбу, еще раз поцеловав его:

— Успокойся, волнение, разговоры повредят ране, а жизнь твоя еще нужна будет Родине, решающие бои впереди...

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было около двух часов ночи, когда меня разбудил телефонный звонок. Звонили из следственного отдела Уголовного розыска. Дежурный будничным монотонным голосом сообщал, что на Мухранской улице обнаружен труп молодой женщины.

— Как? Где? — переспросил я.

— Заколота ножом в своей комнате, — был ответ. — Ехать мне одному на место происшествия, или вы поедете тоже?

— Конечно, поеду. Заезжайте за мной. — Я положил трубку и стал одеваться.

Машина остановилась у двухэтажного каменного дома.

В довольно просторной комнате второго этажа на полу лежал труп молодой женщины в розовой ночной сорочке, а рядом с трупом — четыре черные длинные косы. У стены стояла никелированная кровать и на ней две подушки. Тут же на полу валялся широкий хлебный нож, запачканный кровью. В углу — окурки папиросы «Рекорд». Окурки были сдавлены и на кончике его виднелись следы зубов — один глубокий и два еле заметных.

По показаниям соседей, убитая не курила.

Окурки, эту единственную улику, я спрятал в свою табакерку. Кроме этого окурка и ножа, ничего интересного для следствия не было.

Закончив обследование, я принялся расспрашивать сосе-

дей. Я узнал, что убитая, Циру, была замужем. Ее муж — тридцатилетний красивый мужчина — Хута был известен соседям как честный, порядочный человек с несколько болезненным самолюбием.

Он родился и вырос в Абхазии.

Три года тому назад Хута женился на Циру. Супруги очень любили друг друга. Соседи никогда не слышали, чтобы они говорили раздраженно друг с другом, а тем более не было ссор или размолвок.

Циру была хорошая хозяйка.

Три дня тому назад муж получил телеграмму — его вызывали в Сухуми в связи с болезнью сестры, и он уехал.

Один из соседей рассказал, что около часа ночи слышал крик из комнаты Циру, но крик не повторился, и поэтому он не обратил на него внимание.

— Было около двух часов ночи, — рассказал другой, живущий на том же этаже, — когда зазвонил телефон и чей-то голос сообщил: «Циру лежит мертвая в своей комнате, позаботьтесь о ней».

«Это значит, что убийца — свой человек, он знает номер соседского телефона», — промелькнуло у меня в голове, и я спросил:

— Не показался вам знакомым голос говорившего по телефону?

— Я сам усиленно старался узнать голос, но не смог.

Было над чем призадуматься. Версия убийства с целью грабежа исключалась: все, чем владела эта семья, было на месте.

Может быть, муж из ревности убил жену?

Но соседи все в один голос показывали, что мир да любовь царили между мужем и женой, к тому же муж за два дня до этого происшествия уехал в Сухуми. Кроме того, соседи так глубоко были убеждены в добропорядочности и верности Циру, что не могли допустить даже мысли о вмешательстве третьего человека, способного расстроить это супружеское счастье.

К супругам редко приходили знакомые. Исключение составлял только друг детства Хута по имени Бондо. Он заходил почти ежедневно, заходил с женой или один. Заподозрить Бондо в убийстве соседи считали полным абсурдом, этот человек был Хута ближе родного брата.

Именно в той комнате, где теперь лежало бездыханное тело Циру, шесть лет тому назад поселились Хута и Бондо и всю пору студенчества провели вместе.

Расстались они лишь тогда, когда Бондо женился, но и разойдясь по разным квартирам, они остались близкими друзьями.

Все это рассказали мне соседи.

Я собрался идти в отдел — надо было повидать начальника, — а дежурному велел перевезти труп в прозектуру и печатать комнату.

Когда я спустился на первый этаж, дверь одной из комнат отворилась и на балкон вышел седой, сутулый старик.

— Извините меня, задержу вас на минуту. То, что я вам сообщу, может оказаться достойным вашего внимания, — сказал он робко, подошел и взял меня за руку. Я предложил ему папиросу.

— Спасибо, не курю. — Он огляделся по сторонам и, словно удостоверившись, что никто не слушает, сказал, понизив голос: — Этой ночью, часов около двенадцати, моя дочь вышла из дома, чтобы идти в Дом связи на ночное дежурство, и вдруг я слышу ее голос...

В это время кто-то открыл дверь угловой комнаты — старик замолчал и осторожно глянул в сторону открывшейся двери.

— Ну, услышал голос... Что она сказала, ваша дочь? — спросил я с нетерпением.

Дверь угловой комнаты закрылась, и старик продолжал:

— «Циру, это ты?» — спросила дочь, и Циру ответила: «Это я», потом я слышал шаги этой несчастной по лестнице, пока она не добралась до второго этажа.

— Только ее шаги? Она поднималась одна?

— Одна.

Я поблагодарил старика и отправился в отделение.

Близился рассвет, когда я подошел к Дому связи.

С большим трудом разыскал я на телеграфе дочь старика.

Когда я объяснил ей, кто я, и сообщил о происшествии в их доме, она побледнела, глаза ее наполнились слезами. Пришлось долго успокаивать ее. Наконец мы остались одни в комнате и я спросил:

— Мне хотелось выяснить: уходя ночью на работу, при каких обстоятельствах вы встретили Циру?

— Спустившись по лестнице, я заметила во дворе Циру, которая беседовала с кем-то, стоявшим по ту сторону забора. На мой вопрос: «Циру, это ты?» — она поспешно повернулась, ответила: «Да, я», и стала подниматься по лестнице к себе. Выйдя на улицу, я заметила слева от ворот под деревом

мужскую фигуру. Было очевидно, что стоящий под деревом мужчина ждет кого-то или ждет удобной минуты, чтобы проскользнуть к кому-то незамеченным.

— Вы можете описать его внешность?

— Нет, не могу. Я повернула вправо, а он, как я вам уже сказала, стоял слева от ворот.

— Не скажете, какого цвета одежда была на нем?

— В темноте все выглядело черным.

— Он курил?

— Не заметила.

Ответы были осторожные, словно девушка не договаривала чего-то. Я подумал, что ее волнение вызвано не только вестью о смерти Циру, — еще что-то беспокоило ее, но я тоже был осторожен — девушка не должна знать, что я прочел в ее глазах больше, чем она хотела сказать.

Я попрощался с ней, пожелав ей всего наилучшего.

На другой день часов около двенадцати Хута сидел у меня в кабинете. Он говорил, что сегодня утром вернулся из Сухуми и узнал о страшном происшествии.

Глаза его были красны от слез. Время от времени он вздыхал и кусал губы.

Его было жалко. Он нервно курил папиросу за папиросой. Я посмотрел ему в глаза и вдруг совершенно ясно почувствовал, что он что-то скрывает.

— Грабители погубили меня, погубили мою семью! — вдруг вскричал Хута, отводя от меня свой взгляд.

Грабители! Ну, а золотые часы Циру, которые остались лежать на тумбочке возле кровати? Почему их не взял вор? Предположим, что воры испугались какого-то шума, бросили все и пустились наутек, но что означают в таком случае срезанные косы? У воров нашлось время резать волосы и не нашлось времени воровать вещи?

Может быть, мы имеем дело с мстителем?

Но разве мог мститель явиться без оружия и стал бы он в доме своей жертвы искать нож?

Это невозможно.

А может быть, мы имеем дело с непреднамеренным убийством?

Кто же тогда убийца? Возможно, что женщину за измену убил муж или любовник, от которого она отвернулась?

Был ли у Циру любовник — вот что надо было установить в первую очередь.

— Я согласен с вами в том, что все это совершили воры,

но чем вы можете объяснить их странное поведение, зачем им понадобилось срезать волосы вашей жены? — спросил я.

Собеседник мой насторожился, но глаз не отвел, даже попробовал скрестить со мной взгляд. Но потом он угрожающе и гневно заговорил о том, что отныне цель жизни его будет заключаться в мщении. Потом он замолчал и встал.

— Позвольте мне отлучиться до завтра. Я должен позаботиться о моей бедняжке Циру. — Он постоял некоторое время с устремленным вдаль остановившимся взором и отвернулся лишь тогда, когда две крупные слезы поползли по его щекам. Вытерев слезы рукавом, он достал из коробки «Казбека» последнюю папиросу и закурил.

— Присядьте, пожалуйста. Я должен вас допросить и вообще нам с вами о многом надо поговорить, — обратился я к нему полуповелительным тоном. Он смутился и сел, опустив голову.

Я вызвал посыльного и попросил купить мне коробку папирос «Рекорд».

...Я окончил допрос. Хута подписал протокол и сидел молча, устремив взгляд в одну точку.

— Что вам еще нужно от меня? — спросил он резко, нервно раздавив в пепельнице потухший окуроч.

— Многое, — ответил я спокойно. — Вы, как пострадавшее лицо, должны быть заинтересованы в том, чтобы обнаружить виновного, вы должны меня торопить, подгонять, должны помогать, рассказывать мне о привычках Циру, о любой мелочи, освещающей ее жизнь, вместе со мной должны ломать голову над разрешением этой сложнейшей задачи, а вы куда-то торопитесь, убегаете... Откровенно говоря, я удивлен вашим поведением.

Теперь он словно уменьшился. Было заметно, как он боролся с собой, было очевидно, что ему хочется признаться в чем-то, но он почему-то предпочитает молчать.

Он вдруг выпрямился, схватил пустую коробку от папирос, в бешенстве смял ее, бросил на стол и, скривив рот в улыбку, взглянул на меня.

Теперь он хотел заглянуть мне в душу, теперь он хотел прочесть в моих глазах — проник я в его тайну или нет.

Я же старался нащупать ту точку, коснувшись которой можно было бы вызвать его на откровенность.

Я встал и начал ходить по комнате.

Мне бросилось в глаза, что ухо и часть шеи его побавровели. И вдруг я почувствовал всем существом своим, что передо мною сидит виновный, убийца!

Посыльный принес «Рекорд».

Я намеренно не открыл коробку. Я хотел раздражить Хута, хотел довести его до бешенства и тогда только предложить папиросу, именно «Рекорд», такую же, какую нашел в его комнате прошлой ночью. Я хотел увидеть, как в бешенстве он продавит мундштук папиросы зубами. Меня интересовал оттиск его зубов на папиросе для сравнения с окурком, спрятанным у меня в табакерке.

— Хотя я и не имею права говорить вам об этом, — я откинул занавеску на окне, посмотрел в коридор и сказал, понизив голос: — но так как не думаю, чтобы вы были соучастником этого страшного убийства, хочу говорить с вами вполне откровенно. — Он побледнел, я же не спеша продолжал: — Я не знаю, почему, но начальник утверждает, что убийца — вы.

— Я? — Он выдавил это с большим трудом и закрыл глаза.

— Да, вы. Он так описал мне всю сцену убийства, точно сам присутствовал при этом.

Хута вскочил как ужаленный и взвыл нечеловеческим голосом:

— Ему наговорили, убедили, подлецы! — Я открыл коробку «Рекорда», достал папиросу, а коробку положил обратно на стол. Хута, не спрашивая, схватил коробку, достал папиросу, трясущимися руками зажег спичку и глубоко затянулся.

— Ну, конечно, кто-то его навел на мысль, ведь не приснилось же все это начальнику, — проговорил я, сочувственно заглядывая ему в глаза.

— Знаю, знаю, кто это! Знаю и расправлюсь с этой гадиной, сам расправлюсь. Все утро искал сегодня эту змею и не нашел, но найду и тогда...

Злоба душила его. Я молча наблюдал, надеясь, что в порыве бешенства он проговорится и назовет имя того, кому он угрожал, но этого не случилось.

— А кто он такой? — спросил я осторожно, когда он в изнеможении затих, обхватив голову руками.

Он чуть вздрогнул, поднял голову, искоса взглянул на меня, потом широко открытыми глазами осмотрелся вокруг, как будто проснувшись ото сна, и проговорил совершенно спокойным тоном:

— Я подозреваю одну женщину, которая любила меня когда-то, но нет, это невозможно!

Для меня было ясно, что тот, кому были адресованы угрозы Хута, является если не прямым соучастником преступления.

ния, то во всяком случае лицом, которое может многое открыть следствию.

Я решил арестовать Хута.

Оставив его в комнате для ожидающих, я прошел в научно-технический отдел с двумя окурками папирос «Рекорд» и просил выяснить, принадлежат ли следы зубов на них одному и тому же человеку.

Я написал заключение об аресте Хута и получил санкцию от начальника, но наткнулся на решительное сопротивление прокурора.

— Мне нужна улика, документ, не подлежащий сомнению, — сказал он.

Я подробно объяснил ему суть дела, докладывал, что если Хута останется на свободе, то это помешает нормальному ведению следствия, но все было напрасно — переубедить прокурора я не смог.

Я посоветовал Хута, когда он немного успокоится, заглянуть ко мне.

Он поблагодарил меня и поспешно ушел.

Я немедленно связался с Сухумским отделением Уголовного розыска и попросил выяснить — приезжал ли в Сухуми на днях Хута и, если приезжал, то когда уехал.

Вскоре из Сухуми сообщили, что Хута вот уже шесть месяцев не приезжал в Сухуми, больше того, сестра его совершенно здорова и в городе ее нет: месяц тому назад она уехала отдыхать в Ессентуки.

Но ведь соседи видели телеграмму, которую получила Циру.

Несмотря на то, что болезнь сестры оказалась фикцией, я все-таки поручил уполномоченному выяснить, была ли отправлена из Сухуми телеграмма на имя Хута.

Мне надо было проверить, был ли у него сообщник в Сухуми или ему помогали на месте в Тбилиси.

Выяснилось, что телеграмма из Сухуми не посылалась. Кто же мог ему помочь? «Соседка, которая работает на телеграфе», — промелькнула у меня мысль.

Ее привезли ко мне прямо из оперного театра, где она была в этот вечер.

— Извините меня, но пришлось вас вызвать. Этого требует дело, — начал я спокойно.

Девушка молча опустила в кресло и робко оглянулась по сторонам. Я продолжал:

— Ответьте только на один вопрос, только на один, но подробно.

— Спросите, я все скажу откровенно, — ответила она разбитым голосом.

— Что вы послали вашему соседу Хута через почтальона три-четыре дня тому назад?

Девушка подняла голову и уставилась в потолок, посиневшие губы дрожали, она нервничала, торопилась, словно боялась опоздать с ответом:

— Сейчас, сейчас отвечу, дайте только вспомнить, вспомнить.

Было ясно, что она все отлично помнит, но взвешивает, хочет решить, что лучше — сказать или не говорить.

— Что тут вспоминать? — сказал я резко и встал. — Может быть, вы долго будете вспоминать, тогда я вас изолирую, можете вспоминать до завтрашнего дня. — И, сделав вид, что я не очень-то заинтересован этим вопросом, взялся за телефонную трубку.

— Нет, нет, что вы, я сейчас скажу, — вскричала она со слезами на глазах. Она глубоко вздохнула и, опустив голову, как провинившийся ребенок, пробормотала:

— Среди других телеграмм я подсунула почтальону фиктивную на имя Хута.

— Для чего ему нужна была эта телеграмма, вы не знали?

— Он говорил, что хочет ехать в Сухуми... что Циру его не отпускает, но теперь...

— Что теперь?

— Теперь-то я знаю, для чего она нужна была ему... — Она закрыла лицо и разрыдалась.

Мы с помощником кое-как успокоили ее, взяли письменное показание и отвезли ее обратно в оперный театр.

В девять часов вечера из научно-технического отдела я получил фотоснимки двух папиросных окурков с заключением, в котором говорилось, что следы зубов на обоих окурках принадлежат одному лицу.

В моих руках было уже достаточное количество улик, отличающих убийцу. Я счел совершенно необходимым арестовать Хута в ту же ночь. На этот раз прокурор без возражений дал санкцию, я вызвал помощника, объяснил ему суть дела и поручил арестовать Хута.

Когда помощник ушел, зазвонил телефон — дежурный по отделению сообщил: «Пятнадцать минут тому назад около

серных бань убит выстрелом из револьвера какой-то мужчиной».

Я вместе с дежурным и оперуполномоченным направился к месту нового происшествия. В районе серных бань, перед грязелечебницей, лежал навзничь труп молодого человека. Из крохотной раны на виске сочилась кровь. Тут же валялся маленький чемоданчик, в котором оказалась сменная пара белья. Из осмотра документов выяснилось, что убитый — тот самый Бондо, которого соседи считали закадычным другом Хута.

Стоящий на посту милиционер рассказал мне следующее:

— Услыхав выстрел, я подбежал к упавшему и, оглянувшись вокруг, заметил бегущего к горе человека. Я погнался за ним, он два раза выстрелил в меня и скрылся.

С дежурным я оставил оперуполномоченного, а сам поехал на квартиру Хута.

Мой помощник и сержант дежурили под деревом перед знакомым домом.

— Вы еще здесь?

— Он с утра не возвращался домой, — ответил мне помощник.

— И не вернется, — сказал я и подал им знак сесть в машину.

Хута надо было немедленно арестовать.

Тысяча мыслей и предположений носилось в моей голове. Если он убил Бондо на почве ревности, то зачем понадобилось инсценировать сухумскую поездку? Когда отъезд мужа развязал Циру руки, она свободно могла встретиться с любовником (если она изменяла мужу), и муж, тайно наблюдавший за ними, мог застать их врасплох. Но если этот любовник — Бондо и если Хута решил убить его, то почему не убил его сразу, а отложил месть до другого дня? Совершенно ясно одно: без основания у него не могло возникнуть подозрение об измене Бондо, да и с Циру он не расправился бы так жестоко.

Бондо был ближайшим другом Хута. Они вместе приехали в Тбилиси, вместе прожили в одной комнате шесть лет. Нельзя же без оснований подозревать такого друга! Совершить подобное преступление может только человек, дошедший до иступления, до невменяемого состояния, до безумия, и только в том случае, если сам убедился в измене.

Если убийство Циру было совершено в порыве аффекта, если Хута дошел в своем безумии до того, что срезал волосы

своей жертве, то как он мог отпустить живым того, кого застал с женой? Возможно, тому удалось ускользнуть?

Но, в таком случае, почему соседи не слышали возни, шума, сопряженного с борьбой, бегством?

Может быть, Бондо убедил Хута в измене любимой жены, может быть, наговорил на нее и довел друга до убийства жены? И потом, прозрев и убедившись в невинности жены, Хута отомстил тому, кто так бессовестно оклеветал Циру?

Может быть, проснулись в душе Циру любовь и привязанность к первому мужу?

Нет, этого не могло произойти.

Было установлено, что с первым мужем, который похитил ее насильно, Циру прожила всего два месяца и потом сбежала от него. Насильник-муж, грек по происхождению, несколько лет тому назад был осужден, арестован и сослан в Среднюю Азию. После отбытия наказания он остался в Ташкенте, работал там и по неизвестной причине застрелился. Таким образом, версия насчет первого мужа отпадала.

На третий день после происшествия родители Циру похоронили останки своей дочери. Ночью того же дня кто-то вошел в комнату Хута, облил керосином вещи и поджег. Соседи еще спали, когда пожарная команда прибыла тушить огонь.

Было очевидно, что, во избежание общего пожара, кто-то вызвал пожарную команду, и этот «кто-то» был сам Хута.

Мы приняли самые решительные меры для поимки Хуга. В тех местах, где можно было предположить его появление, были расставлены люди...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ночью меня разбудил звонок. Было два часа. Я накинул халат и открыл дверь. Передо мной стоял незнакомый мне мужчина средних лет. Он смущенно поздоровался и неестественно улыбнулся.

— Извините меня за неурочное вторжение, но другого выхода не было, — сказал он, входя в комнату.

Я предложил ему кресло и невольно сжал правой рукой в кармане халата револьвер.

Он огляделся вокруг и, убедившись в том, что в комнате, кроме нас, никого нет, сказал:

— Меня прислал к вам Хута.

Незнакомец достал из кармана конверт и протянул мне:

— Это от него.

Я вскрыл конверт и прочел вложенную в него записку:

«Гражданин следователь. Хочу вас уверить, что я теперь совершенно безопасный человек: жизнь моя лишена всякого смысла. Ни перед кем, кроме собственной совести, я не несу ответственности, но я хочу, чтобы вы знали все. Прошу вас прийти и выслушать меня. Надеюсь, что последуете за подавателем сего письма. Он устроит нашу встречу. Если захотите меня увидеть, придите один. Хута».

Я посмотрел на посланца Хута.

Он сидел неподвижно, с опущенной головой.

— Сейчас оденусь, и пойдем, — сказал я незнакомцу и направился в другую комнату.

— Машина ждет нас внизу, поторопитесь! — ответил он.

Встреча с преступником в присутствии близкого ему человека не обещала ничего хорошего, но терять возможность такого важного для следствия свидания я не мог. Наскоро одевшись и положив револьвер в карман, я разбудил жену. Видеть меня одетым в такое неурочное время было обычным явлением, и она этому не удивилась. Озабоченно нахмурила брови она, только когда я попросил ее, в случае, если не вернусь до утра, сообщить начальнику, что я пошел на свидание с Хута.

Вместе с незнакомцем я молча вышел на улицу и уселся в машину.

Проехали Ортачалские сады.

Незнакомец остановил машину за чертой города, и мы пешком стали подниматься в гору по тропинке, ведущей к развалинам старого монастыря. Долго шли мы молча, наконец мой спутник нарушил молчание:

— Я поражаюсь.

— Чему?

— При таких обстоятельствах легко можно попасть в беду. Вы один...

— Когда я брался за эту работу, я знал, на что иду. Вновь наступило молчание.

— Давно вы знакомы с Хута? — спросил я.

— Два года мы работаем вместе.

— Как вы попали к нему сегодня ночью?

— Две недели тому назад я взял отпуск и поехал отдыхать к себе в деревню. Он позавчера пришел ко мне туда...

— Куда?

— В деревню, в мой дом.

— В какую деревню?

— Кумиси.

— И что он вам сказал?

— Да как сказать? Попросил никому не говорить, что он у меня, попросил также не спрашивать его ни о чем. Вчера он не выходил из дома, ничего не ел, целый день лежал в запертой комнате, жалуясь на головную боль.

— Значит, он вам ничего не сказал?

— Когда посылал к вам, сказал, что убил Циру, поджег свою комнату и стрелял в Бондо. Вас почему-то он ждет с нетерпением.

— Теперь мы идем к вам в Кумиси?

— Нет, он ждет нас у Шавнабадской церкви. — Мой спутник остановился и указал рукой вдаль: — Вот и церковь видна!

Вдали в тусклом сиянии луны на фоне неба одиноко и гордо возвышалась громада Шавнабадской церкви. Вскоре от ее огромной тени отделилась фигура человека и направилась нам навстречу.

— Это Хута, но не волнуйтесь, опасаться нечего, — сказал незнакомец.

— Обо мне не беспокойтесь, дружище. — Я пошел вперед.

Хута молча пожал мою руку, потом повернулся и, опустив голову, тяжело ступая, направился обратно. Я последовал за ним. Когда мы подошли к церкви, Хута спросил моего спутника:

— А другое передал?

— Передал его супруге, — ответил тот и с горечью добавил. — Бондо умер. В Сухуми его везут, там хоронить будут беднягу.

— Умер! — воскликнул Хута. — Жаль, что природа не создала наказания более жестокого, чем смерти! — Хута вдруг как-то странно взглянул на луну, взглянул так, будто впервые ее видит, подскочил внезапно к моему спутнику, заглянул ему в глаза и выпалил:

— Вот и хорошо, что это поручение тоже выполнил, спасибо тебе большое, Леон. Теперь ты свободен, прощай! — Он схватил руку Леона и с силой встряхнул. Леон робко возразил:

— Я останусь с вами, потом вместе домой пойдем, Хута.

— Не задерживай нас, теперь ты не нужен. Если понадобится, мы придем к тебе, — сказал Хута и отвернулся.

Леон стоял на месте, не двигаясь.

Я присел на камень. Хута подошел ко мне, стал над головой, постоял так с минуту и вдруг выкрикнул задышающим-ся голосом:

— Леон, мешаешь!

— Ухожу, дорогой, ухожу, — пробормотал опешивший Леон и ворча стал удаляться.

Хута молчал, глядя вслед удалявшемуся Леону, потом опустился на камень рядом со мной.

— Итак, вы пришли ко мне, да? — спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Как видите, — ответил я.

— Это очень хорошо, что вы пришли повидаться со мной, да... — Он был так растерян и смущен, что не находил слов, не знал, что сказать, с чего начать. Я пришел ему на помощь.

— Как только прочел ваше письмо, я тотчас же поехал к вам, чтобы...

— Чтобы меня арестовать, да?

— Вы писали, что откроетесь, поэтому я проделал такой путь.

— Простите, простите меня! — воскликнул он, схватив мою руку. — Я не властен над собой. Я сам не знаю, как это происходит. Хочу подчинить себе рассудок, но боже мой!.. Хочу быть спокойным и не могу. Хочу дышать свободно — задыхаюсь!

Он опять вскочил и так остановился, точно вот-вот задохнется и упадет.

Я поспешил на помощь. Две крупные слезы упали мне на руку.

— Ну, как не стыдно, брат! Ты же мужчина! Крепись! Что произошло, то прошло, того не вернешь. Теперь надо думать об искуплении вины.

Он снова опустил голову.

— Ты достаточно умен, — продолжал я. — Стыдно, чтоб уму-разуму тебя учил другой. Сам видишь, до какой дошел беды. Но у всего есть конец, и твоя душевная буря должна утихнуть. — Я отошел на несколько шагов и, ободренный его молчанием, продолжал: — Надо прийти в себя, надо взять себя в руки и подчинить свои разбушевавшиеся чувства разуму, теперь надо подумать о том, как искупить свою вину. Вооружись мужеством — смело отдай себя в руки правосудия, покайся во всем и сам потребуй себе наказание со всей строгостью закона, и тогда...

Хута заткнул уши пальцами и крикнул:

— Замолчите! Замолчите! И знайте, что я ни на минуту не допущу мысли о том, что предстану перед судом и самостоятельно расскажу о своем падении.

Я предпочел отмолчаться.

Хута подошел ко мне вплотную и, заглянув в глаза, спросил:

— Вы понимаете меня или нет? Вы можете отнестись ко мне как человек, а не как должностное лицо?

— Конечно как человек, но...

— Даете мне слово, что поможете мне избавиться от беды?

— Даю слово сделать для вас все, что в моих силах и в моих возможностях.

— Я как раз хочу просить о том, что в ваших силах и что даже входит в ваши обязанности.

Я дал слово.

— Верю вашему слову и заранее вас благодарю. — Он достал из кармана папиросу и опустил на большой камень, знаком приглашая меня сесть рядом. Я сел. Он долго молчал, глядя в темную даль, потом вдруг начал рассказывать:

— С этой несчастной я познакомился в театре имени Руставели, мы вместе покупали билеты в кассе. Первое, что привлекло мое внимание, это были косы, прекрасные черные косы, четыре косы до колен. — Он вздохнул, горько усмехнулся, затем жадно затянулся папиросой. — Взгляд! Глаза! Зачем только они обладают даром видеть? А уж если так, то пусть видят сердце человеческого насквозь, чтобы можно было отличить доброе от злого. — Он потушил о камень горящую папиросу. — Места в театре нам достались рядом, и весь вечер мы разговаривали.

Три месяца мы встречались каждый вечер. Я полюбил эту женщину страстно, самозабвенно.

Циру тоже любила меня, любила, кажется, больше жизни, но почему-то не соглашалась стать моей женой, говоря, что она недостойна меня. А я ни разу даже не спросил ее о причине ее странного упорства, не спросил потому, что чувствовал что-то недоброе.

Хута вытер платком покрытый холодной испариной лоб и продолжал:

— Без ведома Циру я подготовил все нужные бумаги и в один прекрасный день привел ее в Загс.

— Хута, я же сказала, что недостойна тебя, — воскликнула она, пытаясь убежать, но я удержал ее за руку.

— Не надо говорить об этом, будешь моей! — Я понимал,

я знал, о чем она хотела говорить со мной, но не мог слушать невыносимых для меня слов...

— Первый брак? — спросил ее регистратор.

— Первый, — поспешно ответил я за нее, но не потому, что постеснялся постороннего, нет, я думал о себе.

Хута умолк, помолчал, потом встал, сделал несколько шагов и вдруг продолжил:

— Мы расписались и пошли домой, пошли в нашу комнату, в которой были и вы, где вы застали мою Циру мертвой... — Он медленно, тяжелыми шагами вернулся и сел прямо передо мной. — Дома нас ждали Бондо, его жена и соседи. Этот вечер, полный счастливого волнения, незабываемый вечер, мы провели радостно. До утра просидел с нами мой друг, мой самый близкий, верный, давнишний друг, мой Бондо...

На мгновение глаза Хута засветились, засияли, очевидно, картина далекого счастливого прошлого промелькнула в его сознании, но глаза тотчас потухли.

— Мы с Бондо — соседи по Сухуми. Вместе росли, как родные братья. В беде ли, в веселье мы были неразлучны. Я не мог себе представить, что на свете еще кто-нибудь может быть таким добрым, таким надежным, таким верным, как Бондо. Школу мы окончили вместе и в Тбилиси поехали учиться тоже вместе. Да и родные наши хотели, чтобы мы жили вместе. Они считали нас неразлучными друзьями, так оно и было. Один раз, помню, жизнью рисковал для него. Я принял удар ножа, предназначенный Бондо, закрыв его собой. Глубокая рана на левой стороне груди была почти смертельной — я спасся чудом. И почему только я не умер тогда! Осталась бы хоть слава, сказали бы, что голову сложил за друга. Три месяца пролежал в больнице, Бондо не отходил от меня.

Мы вместе окончили экономический факультет университета и начали работать.

Бондо связал свою судьбу с чудесным человеком, доброй, отзывчивой девушкой и, женившись, переселился к ней. Но наша дружба от этого ничуть не пострадала. Я знаю, что виновен перед людьми и перед законом, перед Циру и перед Бондо, перед их родными, близкими, друзьями. Я отдаю себе отчет во всем, и вы ничего нового не скажете мне. Но если виновен я, то разве я один? А они? Они виновны тоже. — Он засмеялся долгим, неприятным смехом.

— Если я не заметил, — сказал он помолчав, — то ведь их родные, друзья, знакомые заметили мою слепоту, они-то

видели, что я змею пригрел на груди. Ну хорошо, я ослеп, но неужели ослепли все настолько, что не видели их подлого поведения?

Все люди должны заботиться о чистоте и неприкосновенности семьи. Какого наказания достойна жена, если она, прикидываясь любящей и верной подругой, издевается над тобой? Кого, по-вашему, должен суровой карать закон — вора, который тащит из вашего кармана грязные бумажки и из вашего шкафа тряпки, или вора, который крадет у вас любимое и дорогое?

— Но ведь не всякая виновность подлежит наказанию по кодексу. К таким людям нельзя применять силу. Вы их расписываете прямо врагами народа..

— Да, врагами народа! Они враги мира, спокойствия, счастья! — Хута умолк, устремив взгляд на выплывшую из-за облаков луну, и вдруг совершенно успокоился. Внезапно закрыл глаза, нахмурился и вскочил с места. — На одну секунду забудьте о кодексах, забудьте свое служебное положение и, как человек, просто как человек, ответьте мне на вопрос: когда такой друг, близость которого согревает душу, подползет украдкой и выколлет тебе глаза, чего достоин он?

В ожидании ответа Хута настойчиво глядел мне в глаза.

— Понимаю вас отлично, чувствую, как тяжело все это, но не согласен, что они должны жизнью отвечать за свои поступки!

— Именно жизнью! Только жизнью! Тысячу раз прав Гейне, когда говорит: «Мы должны прощать своих врагов, но только после того, как они будут казнены». — Он нервно провел по лицу ладонью и вновь уселся рядом со мной.

— На другой день после того как мы поженились, я попросил Циру рассказать о своем прошлом, рассказать, кто был ее первой любовью.

Хута достал коробку папирос «Казбек», долго смотрел на заснеженные горные хребты и мчавшегося по тропинке всадника, изображенные на этикетке, потом достал папиросу, закурил и задумался. Я долго ждал, но он был поглощен своими мыслями и, казалось, забыл о моем существовании. Наконец я не выдержал:

— Ну и что же? Что вы узнали от Циру?

— Ах, да, от Циру... — Он вздрогнул и продолжал рассказ: — Окончив среднюю школу, она устроилась учительницей в одной из сельских школ, в тихой кахетинской деревне.

Судьба столкнула ее с неким Попандопуло, греком по происхождению, человеком неопределенной профессии. Он просил Циру стать его женой и, несмотря на категорический ее отказ, ходил за ней как тень и грозился убить. Этот человек стал проклятьем ее жизни. Циру бежала от него, переехала в другой район.

Но это не спасло ее. Однажды ночью Попандопуло в сопровождении вооруженных молодчиков ворвался к ней, увез насильно и спрягал в какой-то глухой деревушке. Два месяца провела там Циру, а потом, притворившись, что примирилась с судьбой, улучила удобную минуту и сбежала в Тбилиси, к сестре. К тому времени Попандопуло арестовали. Кроме насилия над Циру, за ним оказались и другие грехи, он был осужден и сослан в Среднюю Азию.

С болью в сердце слушал я печальный рассказ Циру, стараясь не показать ей, какой адский огонь пылает в моей груди. Я утешал ее. Я сам, так нуждавшийся в помощи и утешении, утешал ее!

«Ну и что же? — говорил я, прижимая ее к сердцу. — Все может случиться с человеком. Почему ты считала, что эта история может помешать твоему замужеству?»

— Я каждый месяц получала из Средней Азии угрожающие письма, — ответила ободренная моей лаской Циру и показала несколько писем. — Вот почему я не хотела выходить замуж, не хотела подвергать опасности еще одного человека.

Циру отвела от меня полные слез глаза:

— Я же знаю, какой он зверь, ни перед чем не остановится, когда вернется.

Ее исповедь, ее глубокое горе, страх перед будущим вызвали во мне новую волну чувства, к моей любви прибавилась жалость, светлая, чистая жалость к нуждающемуся в защите слабому существу.

О, как я был бы счастлив, если б Циру никогда не знала другого мужчины, никого, кроме меня! Если бы можно было вырезать из ее мозга те клетки, которые хранили память о близости с насильником!

Мысль о Попандопуло сосала мой мозг. Я старался забыть о его существовании, но проходило время, и меня все сильнее угнетала мысль о том, что он вернется и хотя бы даже издали будет смотреть на мою жену глазами собственника, думать о близости с ней.

Хута с силой подчеркнул слова «мою жену», вскочил с места и гневно продолжал:

— Эти мучительные мысли всё время одолевали меня. Из всех сил боролся я с ними, и, как знать, может быть, время залечило бы рану, если бы однажды я не получил письма от

Попандопуло. Он писал, что он скоро вернется и, если до его возвращения я не расстанусь с Циру, то, вернувшись, он нас обоих уложит в одну могилу. Слышите? Он уложит меня и Циру в одну могилу! — Хута горько усмехнулся и добавил: — После этого письма у меня окончательно созрело решение: я и тот насильник не можем одновременно существовать на земле!

Письмо от Циру я скрыл и был так же ласков и нежен с ней, как и раньше. Но она чувствовала мою тайную тоску и сама часто впадала в глубокое раздумье. Для нас обоих было ясно, что между нами и счастьем лежит прошлое Циру и что оно же угрожает нашему будущему.

«На насилие нужно ответить насилием», — думал я, потеряв покой, и иступленно искал путей и средств для того, чтобы снять со своих плеч тяжелое бремя.

Я перестал смотреть на солнце, на луну. «Там, в Средней Азии, то же солнце, та же луна, и он смотрит на них», — думал я.

На нашей улице, на одной двери, была дощечка с надписью: «Доктор Попандопуло». Я обходил этот дом, переходил на другую сторону, чтобы не видеть надписи, и наконец, не выдержав, сорвал дощечку и выбросил в Куру.

Через некоторое время я получил второе письмо от грека: он напоминал мне о приближении дня возмездия.

Чаша моего терпения переполнилась.

Я не стал долго раздумывать, решение мое поехать в Среднюю Азию и убить Попандопуло созрело и было окончательным.

Хута встал, отошел от меня, обернулся и вдруг спокойно сказал:

— Я знаю, что вас интересует. Я сам хочу, чтобы вы обо всем знали, но говорить больше не могу. Я не могу смотреть вам в глаза и рассказывать о своем падении. — Он сдвинул брови и резко оборвал сам себя. — Если хотите знать подробности, обратитесь к супруге Бондо, она вам даст прочесть письмо, которое я ей отослал вчера через Леона. Да... Там все ясно и подробно изложено. — Хута помолчал и шепотом прибавил:

— Прочтите без меня и судите, если хотите. Думайте обо мне, что хотите, мне это уже безразлично.

Туча поползла по небу. С запада подул ветерок, восток побелел. Рассветало.

— А теперь напомню вам о данном мне обещании. — Хута вызывающе подошел ко мне.

— Что в моих силах, я сделаю.

— Я надеюсь, но сначала хочу поговорить о ваших обязанностях.

— Именно?

— Насколько мне известно, вы обязаны отдать меня в руки правосудия. Вы рассчитываете на это и потому пришли сюда.

— Конечно, это так и должно произойти, — ответил я твердо.

— А если я не подчинюсь, то вы должны прибегнуть к силе?

— Ну?

— Дело в том, что ни по доброй воле, ни силой вы меня не возьмете. Сидеть в тюрьме, замуровать себя в четырех стенах... Нет, никогда! — Он возвысил голос. — Пулям я охотнее подставляю лоб, чем взорам издевающихся людей. Этому не бывать! — Хута подошел ко мне вплотную. — А тому, кто постарается силой взять меня, я отвечу вот этим, уважаемый. — Он отступил, и в его руке сверкнул наган.

Я молчал.

— Что вы сможете еще сделать? — продолжал он, стоя неподвижно с полузакрытыми глазами. — Вы, представители власти, на каком языке можете вы говорить с убийцей, с человеком, которому опостылел весь мир, все люди, опротивела собственная жизнь? — Он перевел дыхание. — Я сам скажу: вы должны убить меня, вы должны выстрелить в меня, и не завтра, не послезавтра, а сегодня, сейчас! Я устал. Я больше не могу. Хочу отдохнуть... — На лбу у него выступил холодный пот, голос сорвался.

— Нет, Хута, — сказал я, — ты плохо понял нас. Мы оберегаем жизнь, а не отнимаем ее.

— Мне это безразлично, только имейте в виду, что я не отвечаю за себя. Вы говорите, что оберегаете жизнь людей, а я вас предупреждаю: если вы меня оставите в живых, то я буду убивать любое двуногое существо, которое попадется мне на пути, никого не пощажу, буду убивать до тех пор, пока вся деревня не встанет на дыбы и не прикончит меня где-нибудь в овраге, как бешеную собаку. — Посиневшие губы его дрожали. — Самоубийство? Нет! Это смешотворно! Я тут же могу покончить с собой, шутя, мимоходом, мне это ничего не стоит, но разве это мера для меня? Я хочу с благодарностью взглянуть на того человека, который поднимет на меня руку, чтобы отомстить за поруганную честь и испоганенную жизнь мою, за Циру, за Бондо, за тех, без кого жизнь для меня оказалась невозможной.

Я быстро взвесил всю серьезность положения. Я стоял

лицом к лицу с безумцем. Возможность морального воздействия совершенно исключалась.

— Я вижу, что разговаривать с вами не имеет смысла, — сказал я, приготовившись уходить, — но только знайте! Я вам желаю добра. Советую вам все-таки одуматься и подчинить разуму свои чувства. Когда захотите, можете обратиться ко мне, и я во всем вам помогу. А теперь прощайте! — Я повернулся и стал медленно удаляться.

— Вот как ты сдержал свое слово? Я-то думал, что имею дело с мужчиной! А ты трус! — услышал я за спиной голос Хута.

Я обернулся. В руках у Хута сверкнул револьвер. Мы были шагах в пятидесяти друг от друга. Я вздрогнул.

Я достал из кармана пистолет и отвел предохранитель.

— И теперь не убьешь? — крикнул он мне.

Рука его дрогнула, и два выстрела грянули один за другим.

На тыльной части левой руки я почувствовал теплую струю.

Я ответил выстрелом.

Хута упал как подкошенный. Я подошел к своей невольной жертве.

С распростертыми, как крылья, руками, с полусогнутой правой ногой он производил такое впечатление, будто неожиданно упал во время танца «Картули». Из-под нависших на лоб прядей стекала струйка крови.

Хута был мертв.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Моя рана, к счастью, оказалась легкой — пуля, попавшая в кисть левой руки, прошла между костями.

«Если хотите знать подробности, обратитесь к супруге Бондо, она вам даст прочесть письмо, которое я ей отослал вчера через Леона. Там все ясно и подробно изложено». Эти слова были причиной того, что, вернувшись в город, я поехал на квартиру Бондо. Супруги его не оказалось дома. Накануне она уехала в Сухуми, где должны были состояться похороны.

Я выехал в Сухуми.

Меня встретил уполномоченный Сухумского уголовного розыска.

Мы поехали в город. Я устроился в «Рице», уполномоченный пошел уточнить адрес родителей Бондо.

К девяти часам вечера он уже сидел у меня с нужными справками, а после ужина мы поехали по адресу. Наша ма-

шина, выехав за черту города, остановилась перед особняком, утопающим в зелени.

Войдя в ворота, мы услышали заунывное причитание женщин.

Под магнолией у маленького столика нас встретил мужчина, которому мы отдали шапки и, войдя в комнату, согласно обычаю, преклонили колени перед покойником. Тусклое мерцание восковых свечей колебало воздух, напоенный тяжелым запахом увядших цветов. Женщины в трауре с распущенными волосами причитали по очереди. Потом замолчали все, только одна высокая женщина продолжала биться седой головой о доски гроба и причитать охрипшим голосом. Это была мать Бондо.

— Позовите ко мне Павле! — слышалось с балкона. Из комнаты на цыпочках вышел рослый молодой человек. Мы последовали за ним. На балконе в углу у перил сидел старик. На старике была коричневая чоха, за плечами белый башлык. Он нервно вертел хлыст с рукояткой из слоновой кости.

— Что прикажете, уважаемый Алмасхан? — спросил почтительно молодой человек.

— Кто это? — спросил старик, не повернув даже головы в его сторону.

Он упорно глядел на цветок магнолии, который белой чашей распустился на ветви, ворвавшейся под крышу балкона.

— Это я, Яко...

— Ах, Яко, мой Яко! — Старик только теперь взглянул на подошедшего и упавшим голосом сказал: — Поддай мне коня, сынок, я должен ехать.

— Ехать ночью? Это невозможно, почтенный! — вежливо возразил молодой человек. — Переночевать вам придется здесь и, если уж будете настаивать, тогда с рассветом мы вас отправим в путь...

— Яко, я целый век прожил на этом свете, а ты меня умудрину учишь? — Старик горько усмехнулся, потом вдруг грозно крикнул: — Я приказываю поддать мне коня! Мне трудно дышать, я чувствую приближение смерти и не хочу умирать под этой грешной кровлей. — Он встал, оперся на перила и продолжал: — Если бы у вас сохранилось хоть немного гордости и чувства собственного достоинства, разве могли бы вы оплакивать человека, опозорившего свой род, свою семью? Коня, говорю, Яко!

Старик выпрямился и надменно взглянул на понурившегося Яко.

— Меня пожалей, хоть меня, горем убитую мать! — слышался возглас, и на балконе мелькнула тень старой жен-

щины. Она с плачем упала к ногам старика. — Мать умоляет тебя, батона Алмасхан, не поноси захлебнувшегося в крови сына моего.

Старик опустил голову. Нам стало неловко, и мы вошли в комнату.

Некоторое время мы выждали в молчании, потом вызвали жену Бондо, сообщили ей о цели прихода и попросили дать нам прочесть письмо.

Она проводила нас в маленькую комнатку, попросила подождать там, а сама вышла, прикрыв за собой дверь.

Ждать пришлось недолго. Вскоре дверь открылась и в комнату вошел Алмасхан в сопровождении Яко и жены Бондо.

Старик выглядел бодро. Взгляд у него был ясный, шаг твердый. Высокий, чуть сутулившийся, в ореоле белоснежных волос, он был величественным. Взглянув на нас, как на добрых старых знакомых, он сел на тахту и, откинувшись на подушки, обратился к нам:

— Мне сказали, что вы представители власти. — Он устремил на меня взгляд голубых глубоко сидящих глаз.

— Так точно! — ответил я.

Жена Бондо положила на стол толстый конверт, принесла нам два стула, а сама отошла в сторону.

Яко сел рядом со стариком. Мы уселись за стол. В комнату вошла мать Бондо. Она тихо причитала и часто исподлобья бросала взгляд на старика — видимо, боялась его.

— Говорят, что вы привезли весть о смерти Хута, это правда? — спросил Алмасхан.

— Да, Хута умер, — ответил я, отводя взор от сурового лица.

— Эх, мой дорогой Хута, погубил тебя этот подлый нечестивец! — воскликнул старик. — До чего довелось мне дожить! Мой потомок, мой отпрыск потерял стыд и совесть, опозорил род! За что мне бог послал такое наказание? Чем я разгневал всевышнего? — Старик приподнялся с подушек, оперся руками о стол и уставился в одну точку, как бы глядя в свое прошлое. Казалось, он искал там кого-то, чтобы спросить совета.

— Батона Алмасхан... — послышался голос матери Бондо.

— Ступай, поплачь у гроба своего грешного сына, я должен поговорить с этими молодыми людьми.

Женщина послушно встала и безмолвно вышла из комнаты. Старик встал, нервно сбросил с плеч башлык, глубоко перевел дыхание и снова сел.

— Опозоривший нашу фамилию, нашу семью Бондо — мой праправнук, — начал старик тихим голосом. — Мне сто

десять лет. Много горя видел я на своем веку, много бурь пронеслось над моей седой головой, но всегда я был горд и счастлив тем, что в нашем роду не было случая измены, двуличия, подлости. Но теперь вы видите, как этот ублюдок, — он указал рукой в сторону комнаты, где лежал покойник, — запятнал нашу честь!

Старик фалдой вытер навернувшуюся на глаза слезу и, положив левую руку на стол, поглядел на пальцы.

На руке не хватало указательного пальца.

Старик долго глядел на свою руку и вдруг выпрямился.

— Этот палец... — начал он, подняв голову, и вдруг заметил конверт на столе. — Это что за бумага? — спросил он жену Бондо.

— Это письмо, которое прислал Хута, — ответила она.

— А! Я тоже хотел знать, что пишет этот несчастный, но вы скрыли от меня письмо, — сказал старик с упреком.

Женщина виновато опустила голову.

— Ничего, дочка, ничего, — ласково обратился он к ней. — Теперь мне прочтут письмо и без вашей помощи. А ты ступай, присмотри за матерью.

Она покорно вышла.

— Было время, когда я читал вполне бегло, — обратился он ко мне с деланной улыбкой, — но теперь я быстро устаю. Придется тебе, сынок, потрудиться для меня — прочесть мне вслух это письмо.

Я только этого и ждал. Из-за этого письма я забыл о своем ранении, полетел в Сухуми. И если я молчал до сих пор, то только из уважения к горю, которое царило в этом доме.

Я подсел ближе к столу. Ночную тишину нарушало лишь монотонное причитание матери Бондо. Часы пробили двенадцать, когда я открыл конверт и начал читать.

«Это письмо адресую вам и всем близким Бондо, но надеюсь, что и мои с Циру доброжелатели узнают его содержание, узнают, чему были принесены в жертву три жизни, наши жизни. Три жизни, говорю я, потому что, когда вы получите это письмо, меня уже не будет в живых. Зная, вы осудите меня, убийцу, никто не прольет слез надо мной, проклятия пошлете мне вслед, может быть, захотите отомстить, но будет поздно. Я сам отомщу убийце Циру и Бондо, потому что больше всех вас любил их я.

Вы будете правы, когда станете порицать меня, будете правы потому, что вы, наполовину слепые, увидите и ощутите только физическое уничтожение Циру и Бондо, а унижение мое, мою затравленную и оскорбленную душу вы увидеть не сможете, потому что для всех других это невидимо и неощутимо.

Я знаю, что совершил ужасное преступление, вы-то знаете, как я любил жизнь! Мать помнит, должно быть, случай, когда я просил у родителей прощения за то, что стал менее внимательным к ним, и как она ответила мне: «Это в порядке вещей, сынок, испокон веков так заведено. К жене и детям, к своей семье надо быть более внимательным, надо смотреть в будущее, а не в прошедшее!»

О моей дружбе с Бондо вам не приходится рассказывать. Будучи единственным сыном у своих родителей, я с самого начала признал Бондо братом, и мне день трудно было прожить без него.

Бондо отвечал мне тем же, и вы, дорогие родители наши, были рады этому братству. Вы даже одевали нас одинаково, отдали в одну школу. «Из одной утробы свиньи тоже рождаются, но не этим определяется настоящее, подлинное братство», — говорила, помню, мать моего друга. И я часто забывал, что я и Бондо — дети разных родителей. Не раз мне доводилось видеть, как родные братья ссорились и затем мирились, но между нами никогда не было даже размолвки.

Родные братья не оберегают так своей дружбы, так как дружба их основана не на чувстве любви — природа сама связала их узами родства».

— Ты прав, ты тысячу раз прав, Хута — пробормотал старик, большим красным платком утирая слезы.

Я перевел дыхание и продолжал:

«Мы с Бондо вместе окончили институт в Тбилиси... Бондо женился.

Я и радовался тому, что мой друг стал семейным человеком, и беспокоился. «Неизвестно, — думал я, — каким человеком окажется его жена, поймет ли она всю глубину нашей дружбы, поддержит ли ее, или, быть может, Бондо всего себя отдаст ей, новой подруге, и для меня в его сердце не останется места».

Но все мои опасения и страхи оказались напрасными. Эта честная, благородная женщина не только не помешала нам, а стала мне настоящей сестрой, более чуткой, более любящей и внимательной, чем даже мой друг и брат.

Она окружила меня заботой: через каждые два дня аккуратно навещала меня, убирала мою комнату, стирала белье, чистила одежду и, кто может пересказать, сколько еще услуг оказывала мне.

Я ценил ее заботу.

Два года жил я один в комнате, но благодаря Бондо и его жене одиноким себя не чувствовал.

Однажды в театре имени Руставели я познакомился с Циру.

Я, как вам известно, ничего не умел делать наполовину: учился на «отлично», хорошо танцевал, еще лучше пел, был первоклассным наездником, в борьбе и скачках был всегда победителем. И друг у меня был один, с другими я дружить избегал, чтоб не делить ни с кем чувство, принадлежащее одному. И Циру я полюбил тоже всем сердцем.

Я решил жениться на ней и думал, что счастливей меня нет человека на свете.

Я стал мужем Циру и тогда узнал все подробности ее прошлого.

Оказывается, некий Тедоре Попандопуло похитил ее и силой — побоями, и угрозой смерти — заставил жить с ним в продолжение двух месяцев. Но она, уловив момент, сбежала от насильника и скрылась в Тбилиси.

Попандопуло к тому времени осудили за какое-то преступление и выслали в Среднюю Азию. Казалось, что этим и должны были окончиться мучения этой ни в чем не повинной женщины, но Тедоре и не думал оставлять ее в покое. «Все равно, живая или мертвая, но ты моя», — писал он ей из Средней Азии.

О том, что Циру вышла замуж, ему стало известно очень скоро.

Он прислал мне «поздравительное» письмо, бесстыдно излагая в нем все подробности своего сожительства с Циру; угрожал мне смертью в том случае, если до его возвращения я не расстанусь с женой и не уберусь подальше от него.

Жизнь стала для меня адом. Я стал избегать товарищей, не мог глядеть в глаза знакомым. Мне казалось, что всем известно о том, какой огонь клокочет у меня в груди. Я избегал показываться на улице с любимой.

Циру замечала перемену во мне и страдала. Прошел год.

Первым заметил мое угнетенное состояние Бондо и, как брат и друг, спросил о причине. Мне тяжело было сознаваться во всем, но я ничего не утаил от него, во всем ему признался и обратился за советом.

— Ты должен убить его, в противном случае ты рискуешь жизнью и своей и Циру, — сказал Бондо.

— Убить человека? Стать убийцей?

Бондо стал убеждать меня, что смерть Попандопуло является единственным залогом нашего счастья — моего и Циру.

Я не знал, что предпринять. Одно лишь я понимал отлично — убийство человека недопустимое злодеяние. Я искал выход из создавшегося положения.

Вскоре получил новое письмо от Тедоре.

«Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как я отбыл наказание. Остался на работе, чтобы собрать немного денег. Че-

рез три месяца я буду в Тбилиси, и, если не хочешь, чтоб я заколол тебя, как свинью, отпусти Циру, благослови ее в дорогу и отправь ко мне», — писал он.

...Я принял решение. Надо было покончить с Попандопуло. Взяв месячный отпуск, я отправился в Ташкент.

Приехав в Ташкент, я сразу же отыскал его, мы познакомились.

Грек работал в маленьком винном погребе, там он был и завом и продавцом.

Мы подружились и встречались почти каждый вечер.

Однажды вечером, за ужином, когда вино развязало Попандопуло язык, он рассказал о своем прошлом. Рассказал, разумеется, и о Циру. Циру передала свою историю правдиво, она его в самом деле не любила и сделалась жертвой насилия.

Два месяца он жил с Циру.

Тедоре думал прожить с ней по крайней мере год. За год он думал утолить свою страсть, а потом мог отпустить Циру на все четыре стороны.

Но Циру неожиданно сбежала. У него в Тбилиси хорошие друзья, они систематически сообщали ему все новости.

О том, что Циру вышла замуж, он узнал уже пять дней спустя...

— Ничего, — сказал он, — вот скоро вернусь в Тбилиси.

— А муж? — спросил я.

— А что муж? Станет артачиться — уберу. Циру третий раз не выйдет замуж. Я же, как первый муж, с сочувствием протяну ей руку, а у женского ума ножки коротки, это всякий знает, — прольет крокодиловы слезы и утешится. Если же женщина самовольно согласится и ответит сочувствием, то мужа в расчет можно не принимать. Есть он, нет его — это не имеет значения. Опытная жена такую пылкую любовь разиграет, что рога у мужа сами собой вырастут.

Как я добрался до гостиницы, не помню.

Я чувствовал себя как в печке.

Было за полночь, когда я вышел из здания гостиницы и стал бродить по пустынным улицам сонного города. Как быть, как убить человека, который хочет вырвать у меня из рук и без того неверное счастье, того, кто сам решил убить меня.

Кого просить о помощи? Что делать?

Не кричать же криком среди бела дня, что этот человек хочет отнять у меня жену!

Нет, Хута не может так поступить. Надо убить его, но так, чтобы благополучно выбраться из этого города. Хоть немного прожить с Циру спокойно, без тревоги и без гнета угрозы, а там будь что будет, жалеть не буду.

Так думал я, и мысль об убийстве стала сверлить мне мозг днем и ночью. Ни о чем другом я не мог думать.

Убить человека, подкравшись, воровски?

Если бы Циру не заполнила все мои помыслы, если бы я нашел в себе силы жить без нее, лишиться ее, — то я убил бы этого Тедоре открыто и с радостью отдал бы себя в руки правосудия. Я любил Циру сильнее жизни, и это заставило меня совершить то, на что я не был способен. Да, убить Тедоре!

Он был грязным негодяем, он исковеркал жизнь Циру, угрожал мне, продолжал быть таким же порочным насильником. Таких надо убивать! Но как?

Обуреваемый этими мыслями, я всю ночь прошагал по улицам города.

Уже занималась заря, когда я пришел к твердому решению и выработал план действий. Способ был найден мною верный: совершенно исключалась возможность заподозрить кого-нибудь в его смерти.

Я вернулся в гостиницу и лег, чтобы немного забыться.

...Вечером того же дня я и Тедоре поужинали вместе. Он был очень оживлен, много острил, рассказывал небылицы, говорил о прошлом, о будущем и после ужина проводил меня до гостиницы. Я его пригласил к себе в номер.

— Вот уже больше недели, как мы знакомы, подружились даже, а я еще ни разу не спросил тебя, зачем приехал в Ташкент, может быть, ты в затруднении, может, нужна помощь? — сказал Попандопуло, когда я открыл окна и впустил в комнату легкий осенний ветерок.

Вопрос был задан кстати.

О моем «затруднении» я должен был начать разговор сам, но опасался, как бы грек не заподозрил чего-либо.

— Эх, брат, вряд ли ты сможешь помочь моей беде, не то я сам давно рассказал бы тебе обо всем, — ответил я, растегнул ворот рубашки и сделал вид, что не желаю и говорить о своем «безнадежном» положении.

— Ну, ну? — Тедоре сел у письменного стола и с подозрением взглянул на меня. — Я все понял, Хута, все! Тебе поможет только амнистия. Но ты не унывай, она скоро будет. От меня-то зачем тайлся? Не доверяешь?

— Ты ошибаешься, я не беглый преступник, нет, с властями у меня все в порядке.

— Так что же тогда? В такую даль забрался, гуляешь без дела и все-то тебе трын-трава. Удивляюсь я тебе!

— А ты любопытный.

— Не любопытный я, но если я все тебе рассказал...

— В этом отношении я перед тобой в долгу, в этом ты

прав. — Я сел напротив него в кресло и продолжал: — Раз тебя моя история очень интересует, изволь, расскажу. Я скажу всю правду, но ты не смейся надо мной.

— Да что ты! — удивился Тедоре.

— Я сбежал от женщины, которую любил с детства.

— Сбежал?

— Да, сбежал!

— Почему?

— Я ее любил больше жизни, она тоже любила меня, но когда настало время связать нашу судьбу законно и навсегда, как раз тогда произошла размолвка между нами, и мы расстались.

— Ну, а потом?

— Потом случилось то, что я на другой же день тайком уехал из Тбилиси...

— Куда?

— Куда глаза глядят, сам не знал, куда. Не раз я думал покончить с собой, но какая-то искорка надежды до сих пор тлеет в душе, и это меня удерживает каждый раз. Может быть, я слишком поспешил, думал я про себя, может быть, Кето так же страдает от разлуки, как я. Вот в этих мыслях проходят дни, и вот почему я задержался в этом городе. Теперь хочу еще раз попытаться счастье, хочу окончательно выяснить: любит она меня или нет, а потом...

Тедоре встал, подошел к окну и, облокотившись о подоконник, расхохотался:

— Хотел покончить с собой? Сбежал, потому что фифочка тебе отставку дала? — Он хохотал все громче. — Я-то думал, что ты мужчина, а ты, оказывается, тряпка, беспомощный младенец! Разве можно так церемониться с женщиной? Что у тебя, приятелей не было? Не мог одной девкой овладеть? Да, два-три дня как следует помучил бы, потерзал, а потом вышвырнул, и делу конец. Утоленная любовь не мучает уже человека, она проходит бесследно.

— Я не признаю насилия, — ответил я, и перед глазами встал образ Циру, замученной этим ничтожеством.

— Ну и глупо, брат, глупо... — Он прошелся по комнате, потом обратился опять ко мне. — И как же хочешь ты убедиться, что она тебя не хочет, каким способом?

— Хочу попросить написать ей, что я лежу в больнице раненый, что я стрелялся, но случайно спасся, что это я совершил ради нее, из-за любви.

— Потом?

— Потом, если она не любит, то не сочтет нужным ответить на письмо, а если по-прежнему любит, то прилетит сюда на крыльях.

Тедоре задумался, опять подсел к письменному столу.

— Неплохая выдумка. И если женщина эта стоящая, то так и следует поступить.

— Да, следует. Но я все не решался обратиться к тебе с просьбой написать письмо.

Тедоре опять беззаботно расхохотался, повернулся к столу:

— Глупости! Дай бумагу!

Я достал из ящика конверт и бумагу, положил на стол и стал искать заблаговременно спрятанную мною ручку.

— Что ты ищешь? — спросил он.

— Ручку, — ответил я, продолжая поиски.

— У меня своя есть. — Он достал авторучку, красивым почерком написал письмо и подписал его своим именем.

Я положил письмо в конверт и остановился, словно вспоминая о чем-то. Потом протянул Тедоре чистую бумагу и сказал:

— А главное забыл!

— Что еще?

— Содержание письма, которое я якобы оставил, собираясь пустить себе пулю в лоб.

— Зачем же содержание? Это ты напиши своей рукой, я положу его в свое письмо и отправлю.

— Нет, в таких случаях написанное препровождают в следственные органы и будут неприятности, потому что я-то ведь не стрелялся на самом деле. Нет, ты лучше перескажи содержание моего письма. Возьми ручку, — я повернулся к нему спиной и стал диктовать.

«Кроме того, хочу вам сообщить содержание письма Хута, которое он написал перед тем, как пустил пулю себе в грудь».

Тедоре кончил писать под диктовку и выжидающе смотрел на меня, я подошел и стал за его спиной:

— Пиши, вот его содержание.

— Вот его содержание, — повторил он, выводя буквы.

— Проведи черту и начни с новой строчки, — сказал я. Он провел под написанным жирную черту.

«В моей смерти прошу никого не винить. Я не мог примириться со своей судьбой и с миром ушел из жизни».

Как только Тедоре поставил точку, я взял листок и положил его в конверт.

На другой день вечером грек ждал меня у себя в подвальчике.

Оттуда мы должны были отправиться к его знакомым.

Целый день я бесцельно бродил по городу.

Было около девяти часов вечера, когда я спустился к нему в погребок.

Он проводил меня в маленькую заднюю комнатку и усадил за стол, уставленный снедью.

— Все готово, даже корзины, — указал он на две большие корзины в углу, — уложим все и пойдем. — Он лихо подбросил в воздух бутылочку с ликером. — А весело будет сегодня, вот посмотришь, как чудесно проведем время. А когда мы будем в Тбилиси, уж я знаю... — Он лукаво подмигнул мне и хихикнул.

Как острый кинжал, вонзились мне в сердце эти его слова и, чтобы не дать ему произнести имя Циру, чтобы не потерять решимость и силу, чтобы отрезать себе путь к отступлению, я прокричал ему в лицо:

— Ты не будешь в Тбилиси, нет!

В кармане я крепко сжимал револьвер.

Он выронил бутылку и изумленно посмотрел на меня. Я подошел к нему вплотную.

— Ты только на беззащитных женщин молодец, на них ты пробуешь свою силу.

— А тебе-то что?

— Я муж Циру, муж, которому ты собирался наставить рога и потом отправить на тот свет. Ты хотел в Тбилиси разыскать меня, но я сам разыскал тебя и явился, чтоб потребовать от тебя ответ за твои подлые деяния.

Он опомнился, с кошачьей ловкостью и быстротой достал револьвер и нацелился, но я ему не дал спустить курок.левой рукой я схватил его руку с револьвером, а правой выстрелил ему прямо в висок. Его бездыханное тело повалилось на стол.

Я поднял с пола свою пулю, выстрелил из его револьвера и пулю эту бросил на пол у ножки стола, вдоль которой свисала правая рука убитого. Достал листок, исписанный рукой грека, оторвал ту половину, на которой было написано: «Прошу в моей смерти никого не винить...», положил на стол и вышел из погреба.

Я думал, что со смертью Попандопуло я обрету душевный покой. Думал, что по возвращении в Тбилиси начнется беззаботная, счастливая жизнь, что исчезнут тоска и иссушающее душу молчание, и дом мой наполнится весельем, что я скину с плеч мешок, набитый иглами, и разогну спину, что, озаренные ослепляющим блеском Циру, заулыбаются стены моей комнаты. Но, увы, я ошибся.

Если до сих пор я считал Попандопуло виновным передо мной, если до сих пор я считал себя защитником друга, если до сих пор мысль о злодеянии Тедоре не давала мне покоя,

возбуждая во мне ответное справедливое чувство возмущения и мщения, то после смерти Попандопуло уснувшая, как младенец, совесть моя воспряла ото сна, и образ грека все время стоял передо мной.

Мысль о том, что я убийца, не давала мне покоя.

С каждым днем становилось все тяжелее нести одному это непосильное бремя, и я решил открыться Циру, рассказать, что произошло в Ташкенте.

Для своего успокоения я рассказал своей супруге все до мельчайших подробностей.

Хотя Циру с того дня удвоила внимание, любовь и ласку ко мне, но не требовалось особой проницательности, чтобы почувствовать, что мой поступок оборвал в ее душе какую-то струну, и любовь ее заволоклась еле ощутимой тенью страха и отчуждения.

Если до сих пор Циру капризничала, спорила со мной или дулась, то с этих пор она стала смотреть мне в глаза, ловила малейшее мое желание и вообще старалась всячески угодить.

Если я опаздывал, до позднего вечера не возвращался домой, она не ела, не спала, ожидая меня. Она клялась, что без меня и минуты не будет жить. И я верил и был готов считать себя счастливым.

Но все это — и счастье и ее любовь — оказались призраком.

Чем больше проходило времени, тем яснее мне становилось, что Циру что-то угнетает и что только страх передо мной делает ее покорной и заботливой. И в близости нашей не было прежнего пыла.

— Неужели измена? Но как? Почему? — думал я. — Ведь ее со мной соединила любовь. Что же случилось? Может быть, это огромное чувство, овладевшее мной, сделало меня болезненно подозрительным? Хотя бы так! Да избавит меня всевышний от беды!

Перемену, происшедшую с Циру, я объяснял сперва тем (мне так хотелось), что совершенное мною в Ташкенте убийство отдалило ее от меня, но, думал я, она понимает, что я это совершил ради ее же благополучия и у нее пройдет душевное смущение.

Этими соображениями я успокаивал себя в продолжение нескольких месяцев, а Циру за это время продолжала все искуснее играть роль любящей жены.

В конце концов я все-таки решил проверить ее.

Рядом с нами, в смежной комнате, жила одна пожилая женщина, которая работала на шелкоткацкой фабрике. Она ходила в ночную смену попеременно через неделю. Наши комнаты разделяла тонкая фанерная стена. В отсутствие сосед-

ки я решил воспользоваться этой комнатой для своего ночного наблюдения.

Вскоре я достал ключ, открывающий двери этой комнаты, попросил одну знакомую составить и прислать мне подложную телеграмму о болезни моей сестры в Сухуми и «собрался в путь».

На вокзале жена сама купила мне билет. Бондо с супругой провожали меня.

С первой же станции я вернулся обратно в город и поздней ночью прокрался в комнату соседки.

Две ночи сторожил я в этой комнате, но к моей жене никто не приходил, и она никуда не выходила.

Надежда расцветала в моей душе.

На третий день я до рассвета вышел со своего двора и на расстоянии стал наблюдать за домом. Около семи часов вечера на улице показалась Циру. Я последовал за ней, наблюдая издали.

Она дошла до дома Бондо.

Улицы почти опустели, когда Циру и Бондо вышли из дома Бондо и направились к нашему дому. Я опередил их и спрятался в комнате соседки.

Циру открыла дверь своей комнаты и вошла туда, напевая свою любимую песню.

— Она одна, одна! Ее проводил до дома мой приятель, мой брат Бондо! Да и к кому еще она могла пойти? — шептал я как помешанный, и лицо мое горело от стыда. Будто какая-то невидимая сила вдруг толкнула меня:

«Иди скорее, иди к ней, извинись! Проси прощения. Как ты мог так беспощадно оскорбить ее в своих помыслах? Как ты мог допустить эту тайную, воровскую слежку? Тебе не ясно еще, как глупо ты себя ведешь? Сейчас же иди к ней, проси прощения, объясни, что всему причиной твоя чрезмерная любовь».

Я подчинился этому голосу и направился было уже к дверям, как вдруг расслышал, что в комнату Циру кто-то вошел без стука и предупреждения.

Мне послышался мужской голос, но слов я не разобрал. Разговор шел вполголоса.

Циру закрыла дверь на задвижку.

В комнате воцарилась тишина.

У меня подкосились ноги. Закружилась голова, зашумело в ушах. Я весь взмок и обессиленный упал на пол и закрыл глаза. Все во мне перемешалось, и неукротимая жажда мести безотчетно толкнула меня на преступление.

Кое-как я подчинил себе расслабленные мышцы, встал, шатаясь, вышел из комнаты соседки и, как глыба, сорвав-

шаяся с утеса, навалился на дверь своей комнаты. Задвижка соскочила, дверь широко открылась.

Я заглянул в комнату, и о ужас!

В руке я держал револьвер.

Я почувствовал всем существом своим, что эти минуты для них так же, как и для меня, были страшнее смерти.

У меня вновь подкосились ноги, закружилась голова. Револьвер выпал из рук. Я хотел повернуться и уйти, но ноги как будто приросли к полу, я не мог двинуться.

«Не сон ли это?» — мелькнуло в голове, и я укусил себя в руку, но, увы...

— Бондо! Циру! — воскликнул я и, точно вихрем подхваченный, ворвался в комнату. В глазах потемнело, я закачался и чуть было не упал, но в этот момент почувствовал на плече что-то тяжелое, что-то обвилось вокруг шеи и удержало меня на ногах. Я скорее ощутил, чем увидел Циру.

Пелена спала с глаз, взгляд мой упал на нож, я схватил его и что было сил вонзил в змею, которая обвилась вокруг моей шеи.

Опомнился я от женского вскрика.

Я вытащил нож из тела Циру и бросил его на пол.

Наши глаза — мои и Циру — встретились в последний раз.

Полный сожаления и укора взгляд ее и сейчас стоит у меня перед глазами и, должно быть, не даст мне покоя и в могилах.

Да, этот взгляд унес с собой мое мужество, я прочел в нем приговор — этот последний взгляд уходящей из жизни Циру оповещал о конце и моей жизни.

Я взял револьвер и повернулся к Бондо.

Он съежился весь, стал вдруг совсем маленьким, с кулачок.

Передо мной было олицетворение жалкой трусости и подлости. В ожидании выстрела он зажмурился, челюсть его беспомощно отвисла.

Нет, конечно! Такое ничтожество, такой жалкий трус не мог полюбить Циру той чистой, святой любовью, какой я любил жену Бондо.

Я отвел взгляд от Бондо и посмотрел на мертвую Циру. Голова ее лежала на двух косах, глаза были прикрыты, бескровные губы искривила горькая усмешка. Другие две косы, извиваясь, лежали на груди, как бы прикрывая ее от чужих глаз.

Уложенные на затылке, эти косы делали и без того красивое лицо живой Циру божественным.

Стан 'се, украшенный спущенными вниз четырьмя толстыми косами, становился гибче и желаннее.

Вот и теперь эти косы как бы оживляли ее бездыханное тело.

И я, слабый духом человек, приревновал даже к этой мертвой красоте, не выдержал и приказал Бондо, наставив револьвер на его грудь:

— Возьми нож!

Он заерзал, извиваясь, как раздавленный червь, но нож взял.

— Подойди и отрежь косы. Отрежь косы, которыми она так гордилась!

Бондо неподвижно стоял с ножом в руках. Он был страшно бледен.

— Ну, живо! — скомандовал я, сделав шаг вперед. Он поспешно опустил на пол...»

— Остановись, сын мой, мне плохо, — еле слышно проговорил Алмасхан и попросил воды.

Отпив глоток, он смочил себе лоб, прилег на подушки и безжизненным голосом сказал:

— Продолжай!

«Бондо отрезал косы, бросил нож и умоляющими глазами уставился на меня.

Этот взгляд просил оставить ему жизнь, которая не могла иметь отныне никакой цены для него, жизнь, от которой он должен был бежать, если б у него оставалась хоть капля совести, жизнь, которая для него должна была отныне превратиться в сплошную муку.

В ту страшную ночь я думал, что если я убью сейчас Бондо, то это будет избавлением для него, избавлением от страшных мук. В такой момент для настоящего человека смерть — избавление. И я не считал его достойным такой смерти.

«Пусть хоть день один будет жить,—подумал я.—Может быть, он поймет весь ужас своего поступка, может быть, в нем проснется совесть, честь, и они замучают его».

Я выбежал из комнаты.

На дворе дул прохладный ветерок.

Я убежал подальше от моего дома, от моей улицы, остановился где-то под деревом, чтобы перевести дух.

Я понял, что совершил непоправимое.

...Я зашел куда-то и по автомату позвонил соседу, чтобы позаботились о Циру.

Не отдавая себе отчета ни в чем, почти бездумно, машинально бродил я по улицам и наконец остановился обессиленный в каком-то глухом и темном переулке.

Мысль, что Бондо еще жив, не давала мне покоя.

«Достаточно для него одного дня, думал я, ведь сколько он должен выстрадать за этот день! Теперь пусть отдохнет, я сам спасу, освобожу от страданий моего ближайшего друга».

Я спешил с его убийством и осуществил его...»

Старик молча встал, выпрямился, оперся о стол одной рукой, другую положил мне на плечо и, как бы вынося приговор, произнес:

— Таков бывает конец бесчестного человека! Еще много он там пишет, этот несчастный?

— Нет, всего несколько строк осталось, — сказал я и продолжал чтение: «Я не могу больше писать, слезы душат меня. Завтра меня не будет, я буду мертв. Другого выхода нет! Я должен расстаться с жизнью. Я еще раз, в последний раз, вошел в свою комнату и поджег кровать...»

Судите меня, как хотите, знаю, что многие осудят, многие даже оплюют, но что ж! Я и в жизни был оплеван «моей женой и моим братом». Прощайте. Хута».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В семь часов утра я и Алмасхан сидели на веранде гостиницы «Рица».

Старик не захотел почтить своим присутствием похороны недостойного потомка и предпочел провести этот день у меня.

Теплый мягкий ветерок играл прядями его белых, как снег, волос. После долгого молчания, пригладив бороду левой рукой, на которой было только четыре пальца, он повернулся в кресле и детски-наивно улыбнулся мне.

Воспользовавшись переменной в его настроении, я предложил ему прилечь и отдохнуть.

— Если я вам надоел, то могу лечь спать, — сказал он.

— Ну, что вы! Что может быть приятнее беседы с вами, — возразил я и собирался продолжать, но старик вдруг насутился, встал с места, достал из кармана трубку, набил ее, закурил и, не обращая на меня внимания, вошел в комнату. Я последовал за ним.

Старик открыл оба окна и еще раз окинул взором морскую синеву, выпрямился во весь рост и положил мне руку на плечо, не глядя на меня.

— Я закуриваю трубку лишь тогда, когда бываю доволен чем-нибудь, — сказал он. — За эти несколько минут молчания я задумался над одним событием, которое на фоне моей жизни выделяется, как ярко-красный мак на шелковистой зелени травы.

Память о нем давала мне возможность всю жизнь свою пройти с высоко поднятой головой. Эту историю я рассказывал своим детям и своим внукам, и она так же вооружала их чувством гордости.

Старик вышел на веранду, расстегнул пуговицы у ворота, уселся в кресло, молча указал мне на другое кресло и сказал: — Садись и слушай.

Я сел в кресло и стал смотреть на его оживившееся лицо.

— Вы, молодые люди, родились под счастливой звездой— вы не знаете, что такое бесправие. Кое-кто из нынешних молодых людей, избалованных свободой, возможно, думает, что у нас тогда, в старые времена, не хватало ума, воли, желания, стремления к свободе. Поверь, сын мой, мы были такими же людьми, как вы, у нас были те же требования к жизни. Мы ждали человеческих прав и боролись за это...

Алмасхан замолчал, устроился поудобнее в кресле и продолжал:

— Я хочу рассказать тебе одну историю из моей жизни. Она относится к тем временам, когда наш правитель ввел в свои владения войска русского царя.

В те времена, так же как и во всех других уголках Грузии, абхазский крестьянин в одной руке должен был держать мотыгу, а в другой — ружье. Ему надо было защитить себя и от чужеземных насильников и от своих господ, которые похищали своих единоплеменников и продавали их на чужбину.

Народ верил, что русские защитят его от внешних врагов и от произвола господ.

Дворянство, со своей стороны, тоже с восторгом встретило русских. Оно рассчитывало, что внутри страны все останется нетронутым — вера, обычаи, управление, порядки, что освобожденные от необходимости воевать с внешними врагами крестьяне будут спокойно работать на помещика. Дворянин думал, что он по-прежнему сможет драть три шкуры с крестьянина, а этот последний из страха перед русским царем и пикнуть не посмеет.

Но случилось то, чего вельможи никак не ожидали.

Русские чиновники не поддержали дворян в вопросе купли-продажи крестьян.

Между нашими князьями и русскими должностными лицами возникли нелады, которые постепенно переросли в открытую вражду и ненависть.

Дворянство обратилось к владельческому князю Михаилу Шервашидзе, который был последней их надеждой. Князь должен был ходатайствовать перед царем об отмене нежелательных для них законов. Известный под именем Гамуд-бека князь Михаил отказал дворянам в ходатайстве перед импе-

ратором и в то же время дал им понять, что сам всецело поддерживает новые законы.

Князя и дворяне ополчились теперь уже на Михаила Шервашидзе, устроили заговор против него и, пользуясь фальшивыми документами, убедили Петербург в том, что правитель Абхазии находится в тайном союзе с Турцией.

Убежденный в измене Гамуд-бека, русский император издал указ о высылке его из Абхазии, но как раз к этому времени князь Михаил заболел. Говорили, что после императорского указа он принял медленно действующий яд.

Вскоре больного князя вывезли в Россию.

Покончив с Михаилом, князя принялись за русских чиновников.

Теперь в Петербург, к царю, и в Тбилиси, к наместнику царя, летели доносы на «беззакония» русских. В доносах этих писали, что положение грозит народным восстанием в том случае, если не будут отозваны из Абхазии русские чиновники. В то же самое время князя уверяли народ, что князь Михаил желал добра народу и русские за это невзлюбили его, оклеветали и убрали с дороги.

— Оставили страну без правителя! — кричали они.

Они осуждали выкуп, уверяя народ в том, что они сами собирались освободить своих крестьян без всякого выкупа. Распространяли слух о том, что как только крестьяне откупятся от помещиков, русские тотчас же выселят их с берегов Черного моря на север.

К этому времени подоспела весть о смерти князя Михаила. Обнаглевшие князя совсем распоясались.

— Похитили у нас правителя, убили! — кричали они, теперь уже во всеуслышание на всех перекрестках, и подстрекали народ взяться за оружие.

Страна вновь забурилась. Дворяне начали опять своевольничать.

Алмасхан глубоко вздохнул, попросил воды, смочил платок, вытер лоб и продолжал:

— Мне было тогда двадцать два года, я был лучший наездник и храбрец.

Был у меня побратим один, звали его Тараш. Я был холост, а Тараш только женился к тому времени, когда мы с ним приняли участие в народном движении.

Жена его Цабу славилась своей красотой в наших краях. Славилась она и как добрая, честная, благородная женщина.

Тараш любил свою жену без памяти, с трудом расставался с ней, но когда это нужно было для общего дела, он уезжал на месяцы. Брат Цабу Небтер был из мелкопоместных дворян. Шныряя по деревням, Небтер распускал невероятные

слухи, уверял крестьян, что скоро их выселят, сгонят с родных мест. Он говорил крестьянам: «На наш клич соберитесь все, выходите с оружием в руках и помогите нам защитить ваше правое дело!»

Тараш очень страдал из-за этого, но ничего не мог поделать с шурином. В своей деревне Небтер бывал редко, а когда приезжал, никому не показывался и к себе никого не допускал. В доме своей сестры он не был с тех пор, как началась смута.

Сама Цабу была недовольна поведением брата, но это был единственный брат, она его любила и никому не позволяла в своем присутствии осуждать его.

Я и Тараш объезжали деревни, убеждали крестьян не поддерживать дворянство.

Необычное движение в народе заметили и царские власти, но было уже поздно. В Бзыбском округе, в одном из населенных пунктов крестьяне уже собирались с оружием в руках.

А гонцы царя в это время летели во все концы страны и сообщали всем, что во дворце князя-правителя, в Лухуни, назначен сбор, что все должны туда явиться, что там ждут присланные царем правители Абхазии—наследник Георгий и брат Гамуд-бека Александр.

Народ со всех концов двинулся к Лухунскому дворцу.

Алмасхан встал, выпрямил спину, протер лицо, набил вновь трубку, закурил и уселся обратно в кресло.

—И в один прекрасный летний день, в полдень, перед дворцом собралась тьма народу. Некоторая часть, обманутая сладкими речами, держалась стороны дворян, но большинство отлично разбиралось в их хитроумных кознях.

Главари наши готовились выступить всенародно, чтобы разоблачить темные дела князей и заверить новых правителей в своей верности.

Когда князья и их прихвостни пронюхали, что большинство против них, они засуетились, растерялись, но затем успокоились — очевидно, придумали какой-то очередной план.

Наконец на балконе дворца показались военачальник Абхазии полковник Коньяр, брат покойного владетельного князя Александр и наследник князя Георгий.

Полковник Коньяр выступил вперед и мирно обратился к собравшимся.

Рядом с Коньяром стоял один абхазец князь и переводил народу его слова, но оказалось, что мирные слова полковника абхазец переводил неверно, чтобы раздражить людей.

...Толпа глухо заволновалась.

Кто-то громко выругался по адресу Коньяра, полковник запнулся, нахмурился. В это время послышался выкрик:

— Бей негодяя! Кто не трус, тот последует за мной! — Это крикнул Небтер, брат Цабу, и с этими словами кинулся ко дворцу.

— Люди, не натворите глупостей! — слышались предостерегающие голоса.

Но раздался выстрел, и военный из охраны Коньяра упал замертво.

Полковник и все, кто находился на балконе, кинулись в комнаты. Услышав выстрел, Небтер попробовал было спуститься с балкона, но выстрелы продолжались, он испугался и вместе с Коньяром поспешил в комнаты дворца.

Несколько человек поднялись на балкон и старались взломать дверь, которая была заперта изнутри.

Я, Тараш и несколько наших товарищей тоже поднялись на балкон, чтобы оказать помощь Коньяру и наследнику Георгию, но бунтовщики уже разнесли дверь и ворвались в комнаты.

Мы пошли за ними следом.

Посреди зала стояли с поднятыми руками Александр Шервашидзе и князь Георгий.

Их вывели на балкон. В толпе слышались возгласы:

— Да здравствует наш законный правитель наследник Георгий!

— Георгий должен стать нашим правителем!

Я и мои товарищи стали обыскивать комнаты дворца, чтоб найти русских и спасти их.

Не успел товарищ, который шел впереди нас, открыть дверь одной из комнат, как раздался выстрел, и он упал как подкошенный.

Я перешагнул через рухнувшего у порога товарища и заметил Небтера, который убегал через другую дверь.

Я поспешил на помощь к умирающему товарищу, а Тараш кинулся вдогонку за Небтером. Догнал он его в тот момент, когда тот открыл дверь выходящей во двор задней комнаты. Тараш прицелился в него и спустил курок, но случилось то, чего никак нельзя было ожидать. Этот негодяй Небтер с быстротой молнии отскочил и спрятался за дверью, а на его месте как из-под земли вырос полковник Коньяр, и пуля Тараша попала в него.

Полковник с трудом добрался до камина, упал, не издав ни звука, и навеки закрыл глаза.

...Мятеж вскоре был подавлен, и власти стали разыскивать убийцу Коньяра и главарей мятежа.

Никто, кроме Небтера, не знал, кто убил полковника, но он пока что сам скрывался от властей, как один из мятежников.

Деревня, в которой жил Тараш, а также шурин его Небтер, была расположена в десяти километрах от моего дома.

Однажды я получил от Тараша записку, он просил, чтобы с наступлением темноты я пришел к нему.

В назначенное время я сидел у него.

Мой побратим был в скверном расположении духа.

Когда Цабу вышла из комнаты, Тараш сказал мне:

— Небтер послал сказать властям в Сухуми: если вы меня помилите, то я вам назову убийцу Коньяра.

— И что ему ответили власти? — спросил я.

— Человек, посланный им, еще не возвращался, — был ответ.

Итак, жизнь Тараша висела на волоске.

Ведь никто не стал бы слушать его объяснений. Никто бы не поверил в то, что он был против мятежников, и что убил Коньяра совершенно случайно.

Долго совещались мы с Тарашем.

Тараш решил убить Небтера.

— Ты останешься ночевать у меня, ляжешь в передней комнате. В полночь я встану, выйду из своей комнаты в ночном белье и, чтобы Цабу не почувствовала моего отсутствия и ее подозрения не пали завтра на меня, ты ляжешь с ней в кровать на мое место. Я же оденусь в твоё платье и пойду покончу с этим негодяем.

Решение Тараша было твердо.

Я лег в передней комнате.

Тараш в полночь вышел из дома, а я осторожно вошел в его комнату и лег рядом с Цабу.

У меня кружилась голова. Я, не познавший еще женской близости, терял самообладание и близок был к страшному преступлению, но лицо Тараша стояло передо мной.

Я лег ничком, уткнул лицо в подушку.

Женщина во сне безотчетно придвинулась ко мне.

Я вытянул руку как самозащиту, чтобы создать преграду между собой и ею.

Наткнувшись на мой палец грудью, она вздрогнула и отвернулась к стенке.

Уже светало, когда Тараш вернулся.

Услышав, что открылась дверь, я встал.

— Куда? — спросила Цабу.

— На минуту, — ответил я шепотом и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Тараш уже разделся и сидел на моей кровати в нижнем белье.

— Все в порядке, — прошептал он и вошел в свою комнату.

Рассвело.

Тараш якобы разбудил меня.

Пока он седлал моего коня, Цабу угостила меня завтраком.

Я распрощался с хозяйкой, пожелал ей здоровья и двинулся в путь. Тараш проводил меня до дороги.

При прощании Тараш обнял меня, расцеловал и повернулся, чтобы уйти.

Я почувствовал вдруг тяжесть пальца на своей левой руке, пальца, который, хоть невольно, но все-таки коснулся груди жены моего ближайшего друга. «Этот палец покоя мне не даст, измучает меня», — подумал я и подозвал Тараша.

— В чем дело?—спросил он.

— Ты уходишь, ни о чем не спросив меня, — я ведь лежал с твоей женой.

— Что ты говоришь? Постыдись! Ты же мой побратим!

— Ну так что же! А, может быть, я сошел с ума, потерял власть над собой.

— Что ты говоришь, Алмасхан?—Тараш побледнел и ухватился за гриву моего коня.

— Когда я лег рядом с Цабу, она, полусонная, подвинулась ко мне — видно, ей захотелось твоей ласки. Я прикоснулся к ней вот этим пальцем, чтоб оттолкнуть ее, но, чтобы этот палец не измучил меня в жизни и страшной тяжестью не повис на моей руке..

Я положил палец на древко седла и отрубил его у основания кинжалом.

Алмасхан встал, выпрямился во весь рост, сощурил свои голубые, как небо, глаза и сказал:

— А вот теперь неплохо было бы и поспать немножко, а? — И он вошел в комнату..

СОДЕРЖАНИЕ

История одной женщины	3
Второе рождение	91
Неизвестный друг	211
Четыре жизни	257

ОРДЭ СОЛОМОНОВИЧ ДГЕБУАДЗЕ

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

Редактор П. Асланиди
Художник И. Гурро
Технический редактор А. Басинов
Корректор Л. Шахназарова

Подписано к печати 19 апреля 1962 года. Формат бумаги 60×30¹/₂.
Печ. листов 18,75. Учетно-издательских 19,34 листа.

Заказ № 1026 Тираж 40 000 УЭ 04908

Цена 73 коп.

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока».
Тбилиси, пр. Руставели, № 42

Отпечатано в Комбинате печати Главполиграфиздата Министерства
культуры Груз. ССР. Тбилиси, ул. Марджанишвили № 5.

ორდე სოლომონის ძე დგებუაძე

ოთხი სიცოცხლე

(რეზულ ენაზე)